

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

ВОПРОСЫ ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Электронный сборник материалов
XX Республиканской студенческой научно-практической конференции

Брест, 25 апреля 2025 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2025

ISBN 978-985-22-0929-8

Об издании – [1](#), [2](#)

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2025

1 – сведения об издании

УДК 81-13:316.77(082)
ББК 81.2+76.0+60.524.224я431

Редакционная коллегия:

кандидат педагогических наук, доцент **Л. Я. Дмитрачкова**
кандидат филологических наук, доцент **Е. Г. Сальникова** (отв. ред.)
кандидат филологических наук, доцент **Н. А. Тарасевич**

Рецензенты:

заведующий кафедрой теории и практики английского языка
УО «Белорусский государственный университет иностранных языков»
кандидат филологических наук, доцент **Т. И. Свистун**

декан факультета иностранных языков
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»
кандидат педагогических наук, доцент **Е. Д. Осипов**

Вопросы германской филологии и методики обучения иностранным языкам : электрон. сб. материалов XX Респ. студен. науч.-практ. конф., Брест, 25 апр. 2025 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. Я. Дмитрачкова, Е. Г. Сальникова (отв. ред.), Н. А. Тарасевич. – Брест : БрГУ, 2025. – 352 с. – URL: <http://rep.brsu.by:80/handle/123456789/>
ISBN 978-985-22-0929-8.

Рассматриваются проблемы развития языка с позиций когнитологии, лингвопрагматики, культурологии, социолингвистики, а также инновационной методики обучения иностранным языкам

Адресуется научным сотрудникам, преподавателям учреждений высшего образования, аспирантам, студентам.

Разработано в формате pdf.

**УДК УДК 81-13:316.77(082)
ББК 81.2+76.0+60.524.224я431**

Текстовое научное электронное издание

Системные требования: тип браузера и версия любые;
скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая;
дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2025

В НАЧАЛО

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office Word;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор Е. Г. Марченкова, корректор Е. Г. Марченкова, компьютерный набор и верстка О. В. Харик;
- дата размещения на сайте: 25.11.2025;
- объем издания: 3,27 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.by.

[В НАЧАЛО](#)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<u>Егиазарян А. Г.</u>	Способы классификации биномиальных образований ...	11
<u>Козич Е. С.</u>	Решение лингвистических задач как способ обучения студентов лексической стороне иноязычной речи посредством словообразования	14
<u>Шаш В. В.</u>	Лексико-фразеологические стилистические средства выразительности в англоязычных рекламных текстах	17

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

<u>Абрамова А. А.</u>	Продуктивные модели словообразования в английском языке	21
<u>Азарнина А. К.</u>	Англоязычные антропонимы как отражение молодежной культуры	24
<u>Волосюк А. А.</u>	Роль устойчивых выражений в создании многоуровневого дискурса.....	25
<u>Евменчук А. И.</u>	Способы репрезентации категории определенности/ неопределенности в современном английском языке	28
<u>Кармаш Я. Ю.</u>	Орфографические упрощения американского варианта английского языка	30
<u>Краснюк М. В.</u>	Моўны пурым у дачыненні амерыканізмаў у Велікабрытаніі і ЗША	33
<u>Ленко А. М.</u>	Семантические трансформации в прозвищах исторических фигур английской лингвокультуры.....	36
<u>Литовник А. В.</u>	Метод фоносемантического картирования в интерпретации поэтического текста (на примере сонета П. Б. Шелли “OZYMANDIAS”)	39
<u>Манастырная А. Р.</u>	Эмоционально-оценочная лексика в англоязычном кулинарном дискурсе.....	43
<u>Нестерук А. А.</u>	Гендер и его отражение в языке.....	47
<u>Павловей Г. Е.</u>	Семантика и функции предлогов в современном английском языке	49
<u>Перепелицына А. А.</u>	К вопросу о семантических особенностях современного британского сленга.....	51
<u>Петлёва А. Ю.</u>	Англоязычные неологизмы: специфика и трудности перевода на русский язык (на материале социальной сети Instagram)	54
<u>Петручик Я. Г.</u>	Разговорный стиль американского варианта английского языка: лексико-фонетические тенденции (на материале видеоблогов)	57

Подайко С. Ю. Влияние социальной принадлежности на британский произносительный стандарт.....	59
Полянская А. А. Роль заимствований в английском языке	62
Савинкова А. К. Англоязычные аббревиатуры в эпоху цифровизации....	65
Садченко М. М. Способы выражения грамматического отрицания в романе Эмили Бронте «Грозовой перевал»	67
Сазонова Е. С. Структурные особенности и характеристика лексико-семантического поля	71
Сидоренко О. С. Лингвокультурологические особенности англоязычных чоконимов.....	74
Углиница Д. Д. Сравнительный анализ средств выражения деонтической модальности в английском и русском языках на примере художественной литературы	77
Шурко К. В. Сфера употребления и функции эвфемизмов	80
Ясюк Д. Д. Прагматические функции эллиптических предложений в современном английском языке	83

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

Абоимова Ю. С. Исконная и заимствованная компьютерная лексика в современном немецком языке.....	86
Бинкевич Ю. Н. Функциональный потенциал перечислительных конструкций в авторском тексте С. Цвейга.....	90
Богуш А. В. Немецкоязычная фразеологическая картина мира.....	93
Боднарчук Р. М. Формально-структурные особенности лексики семантического поля «Слова года» в современном немецком языке.....	96
Гордейчук Н. Ю. Гендерная революция в языке: как английский и немецкий адаптируются к новым реалиям	98
Гузаревич К. А. Фразеологизмы с компонентом-инсектонимом (на материале немецкого языка)	101
Конопацкая А. В. Грамматические средства реализации категории предположения в современном художественном дискурсе	104
Пономаренко С. В. Семная структура значений лексических единиц наземного транспорта в современном немецком языке.....	108
Пушкарук А. В. Лексико-семантические особенности сложных слов с компонентом „Gold“ в немецком языке.....	111
Резюк Е. Р. Языковое и фразеологическое выражение концепта «тоска»	114
Симонович А. В. Грамматические средства реализации категории отрицания в авторском тексте Г. Белля	116
Туробова А. О. Колоронимы в современном английском языке	119

Хвостова Д. А. Морфологические средства отрицания в немецком языке	122
Ярошук Г. С. Абсолютная синонимия в тексте «Шахматной новеллы» Стефана Цвейга	124
 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАДИСКУРСА	
Богданович А. Д. От мемов до речевых революций: цифровой сленг нового поколения	128
Карманова А. В. Средства синтаксической выразительности в англоязычных рекламных текстах	131
Кобак М. А. Грамматическая характеристика неологизмов (на материале англоязычных рекламных текстов)	133
Комисарчук И. С. Вариативность классификационных моделей заголовков текстов немецкоязычных средств массовой информации	136
Ксёнда В. П. Прецедентные феномены в англоязычных рекламных текстах	139
Миневич А. В. Функции прецедентных имен собственных в англоязычном рекламном тексте	142
Панков И. П. Политическая речь Дональда Трампа в контексте новых медиа	146
Стасенко М. Ю. Классификация стилистических приемов в заголовках англоязычных газет	148
Штык А. В. Структурные особенности заголовков в англоязычной прессе	151
Янушевская К. О. Функциональные особенности англоязычных газетных заголовков	153
 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	
Бисултанов А. А. Особенности перевода заглавий немецкоязычных художественных произведений на русский язык	156
Бурачук Д. М. Особенности перевода фразеологизмов с английского на русский язык	158
Веремейчик К. С. Категория модальности и способы ее выражения в современном английском и русском языках	160
Горальчук Н. С., Гришкевич К. Ю. Отражение семейных отношений в немецких и белорусских пословицах и поговорках	163
Горщарик А. В. Лингвистические аспекты перевода стилистических средств описания чувств персонажей романа Э. М. Ремарка «Жизнь взаймы»	166

Гуль М. В., Войтович М. А. Лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом hand / в английском и китайском языках	169
Гуль М. В., Хомич А. Ф. Лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом leg / в английском и китайском языках	173
Дордюк А. А. Англицизмы в современном немецком языке	177
Дорогокупец А. А. Прием перестановки при переводе романа Г. Гессе «Демиан» на русский язык	180
Заносова Э. С. Сопоставительный анализ концепта «die Ordnung/порядок» в немецком и русском языках	182
Зубрицкая В. А. Семантическое освоение заимствований: новые компоненты значения	185
Ильючик Д. А. Культурно-специфичные метафоры эмоций в английском и русском языках	190
Коляда А. А. Лингвокультурные особенности фразеологизмов с компонентом «деньги» в русском и английском языках	192
Крагель О. Н. Заимствования в лексико-семантическом поле «Одежда» в немецком и английском языках	195
Лаврукович А. А. Концепт продуктов питания в англоязычной культуре	198
Масалова А. О. Роль англицизмов в развитии современного русского языка	201
Мозговая В. С. Проблемы перевода русских реалий на английский язык	204
Филеня Я. В. Невербальная коммуникация в современном англоязычном тексте (на материале романа Джеймса Брэдли “Clade”) ...	207
Чикун А. Д. Лингвотоксины как языковая категория в контексте межкультурной коммуникации	210
Юч Д. А. Языковая картина мира как объект изучения когнитивной лингвистики	214

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Афанасьева А. Р. Эмоциональная глубина женских образов в романах У. М. Теккерея и Ш. Бронте	217
Бабчук О. А. Роль образа смерти в создании трагической атмосферы романа «Книжный вор» М. Зусака	220
Белоусова Э. А. Переосмысление легенды о Тристане и Изольде в драме Л. Шнееганса «Тристан»	223
Бойко Е. О. Лексико-стилистические средства описания персонажей в романе Джоанн Харрис «Шоколад»	227

Григорян Т. В. Лингвостилистические особенности поэзии для детей...	230
Зиновенко А. Д. Роман З. Ленца «Урок немецкого»: структурно-содержательная специфика	233
Котляренко Н. В. Жанровое своеобразие детективной пьесы А. Кристи «Мышеловка»	236
Кулик С. В. Пространственные образы в повести К. С. Льюиса «Племянник чародея»	240
Ливадина Е. А. Роль философских концептов в развитии сюжета романа Г. Д. Робертса «Шантарам»	244
Рыжковская Ю. А. Женские образы в романах Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна»	246
Сашко А. Е. Жанровые особенности романа Н. Геймана «Никогде»	249
Сохоневич Ю. С. Жанровые особенности городского фэнтези на примере романа Н. Геймана «Никогде»	251
Студеничник А. И. Стилистические средства как способ создания авторского фантастического мира (на материале романа Сьюзен Коллинз «Баллада о змеях и певчих птицах»)	254
Суханицкий Н. А. Реалии в художественном тексте: приемы передачи (на материале прозы В. Каминера)	257
Сыщевич А. И. Тенденции сентиментализма в романе Л. М. Олкотт «Маленькие женщины».....	261
Трибунько Н. Р. Лексико-стилистические средства описания обстановки в романе Джоанн Харрис «Шоколад»	264
Чабан А. Н. Эволюция художественного метода Д. Сеттерфилд на примере романов «Тринадцатая сказка» и «Пока течет река»	267
Чирик К. С. Поэтика немецкого эмигрантского романа	270
Шпак Е. Ю. Использование аллюзии в романе Т. Пратчетта «Цвет волшебства».....	273

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Андреева Е. С. Гуманистическая парадигма: единые ценности инновационной образовательной среды, интегративные цели языкового образования в контексте развивающей педагогики и диалога культур	277
Багнюк Е. Д. Основные возможности и ограничения применения информационно-коммуникационных технологий в развитии навыков креативного письма.....	282
Болтромеюк А. В. Роль визуализации и мультимедиа в формировании лексических навыков в изучении иностранных языков.....	285
Борисевич Д. Ю. Лексическая компетенция как компонент дидактической культуры преподавателя английского языка	287

<u>Грицук Д. О.</u> Овладение интонационными паттернами английской речи посредством аутентичных музыкальных произведений (на примере песни “My Youth Generation” Palaye Royale).....	290
<u>Дабысова А. Т.</u> Сравнительный анализ традиционных и blended методов обучения английскому языку	294
<u>Денисюк У. Н.</u> Особенности организации процесса обучения английскому языку при применении технологии BYOD (Bring Your Own Device)	297
<u>Евдокимова М. В.</u> Мультиликационные фильмы как средство изучения английского языка: ключевые критерии выбора	298
<u>Ермоленко Я. М.</u> Сценическая интерпретация как средство обучения зарубежной литературе.....	302
<u>Игнатчук Д. А.</u> Формирование коммуникативной компетенции с использованием учебной дискуссии	305
<u>Карпова А. В.</u> Пословицы и поговорки как фактор развития языковой компетентности старшеклассников на уроках иностранного языка	308
<u>Кафтанюк К. А.</u> Языковой портфель как инструмент мотивации и систематизации в изучении иностранных языков	312
<u>Кафтанюк М. К.</u> Специфика использования проектной методики на уроках иностранного языка	315
<u>Качановская А. С.</u> Аутентичные видеоматериалы как средство формирования коммуникативной компетенции обучающихся старших классов на уроках английского языка: критерии отбора ресурсов	317
<u>Костючик А. В.</u> Приложение “TikTok” как инструмент создания образовательной среды в процессе изучения иностранного языка	319
<u>Кривец А. В.</u> Дидактический потенциал платформы WORDWALL в преподавании иностранных языков	321
<u>Кукета Т. А.</u> Реализация творческого подхода в обучении иностранным языкам в школе.....	324
<u>Левчук И. А.</u> Аутентичные тексты жанра «комикс» в обучении английскому языку: социокультурный аспект	326
<u>Манастырная А. Р.</u> Об использовании короткометражного фильма в обучении иностранному языку	330
<u>Селезнев И. С.</u> Искусственный интеллект как средство формирования лексических и грамматических навыков у обучающихся старших классов (на примере онлайн-платформ)	332
<u>Славченко Ю. А.</u> Использование ролевой игры на уроках английского языка для совершенствования умений диалогической речи	336
<u>Тишина А. Ю.</u> Игровые технологии в процессе обучения взрослых английскому языку	339

<u>Томсова Д. И.</u> Аутентичные видеоматериалы как инструмент изучения английского сленга.....	341
<u>Хайбулина В. А.</u> Методические рекомендации по формированию иноязычной лексической компетенции посредством цифровых инструментов.....	344
<u>Чижик Е. С.</u> Использование регионального материала для развития познавательного интереса учащихся на уроках иностранного языка с помощью аудиовизуальных средств обучения	348

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. Г. ЕГИАЗАРЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

СПОСОБЫ КЛАССИФИКАЦИИ БИНОМИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Разработка типологии биномиальных образований представляет собой одну из ключевых задач современной лингвистики, решение которой позволяет систематизировать накопленные знания и определить перспективные направления дальнейших исследований. В условиях развития когнитивной парадигмы в языкознании особую актуальность приобретает многоаспектный подход к классификации биномиалов, учитывающий не только их структурные особенности, но и когнитивные механизмы их формирования.

С. Бенор и Р. Леви, суммируя предыдущие исследования, выделяют основные направления классификации биномиалов [1]:

- **семантический аспект**, при изучении которого внимание лингвистов сосредоточивается на анализе семантической связи компонентов биномиальных образований и делаются попытки их семантической классификации;
- **фонетический аспект** рассматривается с точки зрения использования в биномиальных образованиях эвфонических средств;
- **ритмический аспект**, когда выявляются основные тенденции построения и зависимость в порядке следования компонентов биномиального сочетания от их ритмической организации, устанавливаются связи между понятийным содержанием биномиалов и средствами его выражения при помощи ритмического рисунка;
- **синтаксический аспект**, при рассмотрении которого в центре внимания исследователей находятся средства сочинительной связи, а также определение наиболее частотных частей речи, образующих данные конструкции;
- **стилистический аспект**, при котором биномиальные образования изучаются с точки зрения психологического и экстралингвистического факторов;
- **функциональный аспект**, когда анализируются коммуникативные функции, которые выполняют биномиалы в реальной коммуникации.

Рассмотрим каждый из данных аспектов подробнее.

Наибольшее количество работ лингвистов посвящено выделению **типов семантической связи** элементов биномиальных образований.

Согласно Я. Малкиелю, биномиалы могут быть представлены следующими моделями [2, р. 126–129]:

1) относительные (неточные) синонимы (near-synonyms), придающие высказыванию стилистическую окраску и выразительность, например: *death and destruction, law and order, null and void, soft and easy*;

2) взаимодополняющие (комплементарные) элементы (mutually complementary), которые вместе формируют общее более сложное понятие, например: *food and drink, mind and body, Mom and Dad, salaries and wages*;

3) элементы, имеющие противоположное а) синтаксическое или б) лексическое значение (opposites), например: (а) *to be or not to be*; (б) *dead or alive, love and hate, war and peace*;

4) подчинение одного элемента другому (subdivision), например: *genus and species, dollars and cents, months and years, (every) nickel and dime*;

5) второй элемент является следствием первого (consequence), при этом часто эти элементы выражены глаголами или их формами (отглагольные существительные, причастия), например: *divide and rule, to shoot and kill, spit and polish, the rise and fall*.

Г. Зауэр и Б. Шван также выделяют отношения синонимии, антонимии и комплементарности в биномиальных образованиях [3], причем к последнему типу они относят все парные образования, не имеющие однозначных признаков синонимии или антонимии, что влечет за собой множество формул образования биномиальных пар по принципу взаимодополнения, например: а) общее – конкретное (*acts and triumphs, years and days, evil and ungracious*); б) конкретное – общее (*treasure and riches, shot and slew*); в) позитивное – позитивное (*faith and understanding, clear and pure, soft and gentle*); г) негативное – негативное (*doubts and regrets, malice and envy*); е) причинно-следственная связь (*darkness and dread, victories and triumphs*) и др.

В связи с тем, что для английского языка, как и для всех германских языков, типично стремление к звучанию и повторам, необходимо отметить **эвфонические выразительные средства**, присущие биномиальным образованиям: аллитерация (звукание согласных): *safe and sound* – жив и здоров, *rant and rave* – рвать и метать; ассонанс (звукание гласных): *part and parcel* – неотъемлемая часть, *wine and dine* – угождать; рифма: *hustle and bustle* – гам, толкотня, суэта, *helter skelter* – небрежность, кавардак.

Исследования современных лингвистов показывают, что биномиальные образования характеризуются определенной **ритмической организацией**. Лингвисты изучают сочетаемостные ограничения биномиалов, т. е. причины, по которым слова в парных сочетаниях употребляются

в определенном порядке. Например, короткое слово идет перед длинным. Данная особенность не только способствует лучшему запоминанию биномиальных пар, но и отражает общие закономерности организации языковых единиц.

Структурный подход к классификации биномиалов, разработанный в трудах Я. Малкиеля, основывается на анализе морфологических характеристик компонентов и способов их соединения. Как в английском, так и в русском языках выделяют следующие типы биномиалов по частеречной принадлежности: субстантивные (*text and graphics, rights and freedoms, плоть и кровь, время и место*); адъективные (*social and cultural, inner and outer, живой и мертвый, внешний и внутренний*); глагольные (*give and take, see and do, пить и есть, падать и подниматься*) и адвербиальные (*slowly and carefully, in and out, туда и обратно, медленно и быстро*) биномиалы.

Весьма продуктивным является способ образования биномиалов из служебных слов (предлогов и союзов), которые в англоязычном языковом сознании наполнены конкретным лексическим содержанием. При этом русские аналоги состоят из компонентов, представленных самостоятельными частями речи (существительные, прилагательные, наречия, причастия), которые помогают понять семантику того или иного английского биномиала. Например: *up and down, down and out, back and forth, out and about, to and fro, on and off, in and out, all in all*.

Что касается синтаксической функции биномиальных образований, то, по определению М. Густафсон, «“тиpичный” биномиал – это пара существительных, выступающих в роли обстоятельства в рематической части предложения» [4, р. 39].

Сочинительные сочетания чаще всего соединены союзом *and* или *or*, которые используются для перечисления или объединения идей. Например: *peace and quiet* (тишина и спокойствие); *win or lose* (победа или поражение); *slowly but surely* (медленно, но верно). Элементы биномиалы могут быть также соединены предлогом: *back to front* (шиворот-навыворот, задом наперед), встречаются образования и без союзов – *helter skelter* (небрежность, суматоха).

Биномиалы можно классифицировать по количеству составляющих их слов на двусложные биномиалы – *ups and downs* (взлеты и падения), *more or less* (более-менее, приблизительно) и многосложные биномиалы, состоящие из трех или более слов. Например: *no fuss, no muss* (ни забот, ни хлопот), *take it or leave it* (как вам угодно).

Также можно отметить **стилистический** и **функциональный** аспекты исследований биномиалов в реальной коммуникации, их употребление в текстах определенных регистров. Чаще всего биномиалы встречаются

в устной речи, способствуя выразительности (*hustle and bustle*); в художественной литературе как стилистический и риторический прием (*the falcon and the hunt, a fashion and a toy in blood*); в юридических (*true and lawful*) и теологических (*heaven and hell*) текстах, помогая добиться точности и ясности изложения.

Анализ существующих подходов к классификации биномиальных образований демонстрирует многообразие критериев их типологизации и сложность систематизации данных языковых единиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Benor, S. The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials / S. Benor, R. Levy // Language. – 2006. – Vol. 82, № 2. – P. 233–278. – URL: <https://www.mit.edu/~rplevy/papers/benor-levy-2006.pdf> (date of access: 11.05.2025).
2. Malkiel, Y. Studies in irreversible binomials / Y. Malkiel // Lingua. – 1959. – № 8. – P. 113–160. – URL: <https://languagelog.ldc.upenn.edu/myl/Malkiel1959.pdf> (date of access: 13.03.2025).
3. Sauer, H. Heaven and Earth, Good and Bad, Answered and Said: a Survey of English Binomials and Multinomials / H. Sauer, B. Schwan // Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis. – 2017. – Vol. 134, № 1. – P. 83–96. – URL: <https://scispace.com/pdf/heaven-and-earth-good-and-bad-answered-and-said-a-survey-of-4gs9v53zt8.pdf> (date of access: 11.05.2025).
4. Gustafsson, M. Binomial expressions in Present-Day English: A syntactic and semantic study / M. Gustafsson. – Turku : Turun Yliopisto, 1975. – 173 p.

К содержанию

Е. С. КОЗИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Л. Зозуля

РЕШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ КАК СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В современной методике преподавания иностранных языков происходит трансформация традиционных подходов к организации образовательного процесса. В центре этого переосмыслиения находится переход от механического выполнения упражнений и стандартных заданий к использованию лингвистических задач как основного инструмента обучения. Данный переход обусловлен необходимостью формирования у обучающихся не только языковых знаний, но и способности применять эти знания в реальных коммуникативных ситуациях, что соответствует требованиям современного образовательного стандарта в области иноязычного образования.

Согласно современным научным исследованиям можно выделить две точки зрения на определение понятия лингвистической задачи. Согласно первой (более широкой) точке зрения, под лингвистической задачей понимают любое упражнение или задание, построенное на работе с языковым материалом (Л. Базилевич, И. Вульфиус, В. Н. Клюева, Б. Нейман и др.). Согласно второй точке зрения, с понятием лингвистической задачи связывают проблемную ситуацию, разрешаемую обучаемым самостоятельно определенными способами [1, с. 160]. Мы же, в свою очередь, придерживаемся второго мнения, как наиболее целесообразного.

Важным теоретическим базисом в использовании лингвистических задач является концепция зоны ближайшего развития Л. С. Выготского [2, с. 33]. Так упражнения, которые часто ориентированы на уже достигнутый уровень владения языком заменяются лингвистическими задачами, которые создают условия для выхода за пределы текущих возможностей обучающегося, стимулируя его к самостоятельному поиску решений и формированию собственных гипотез, а также развивая способность к анализу, синтезу информации и принятию решений.

С практической точки зрения, в контексте теории деятельности А. Н. Леонтьева, любой интеллектуальный акт в самой общей форме есть деятельность по решению задач, который можно разделить на три фазы: 1) ориентировка в условиях задачи и выработка плана действий; 2) фаза исполнения намеченного плана и 3) сличение получившегося результата с намеченной целью [3, с. 33]. Но в данном случае важно подчеркнуть, что лингвистическая задача обычно сохраняет все основные характеристики задачи как дидактической единицы: предмет, условие, требование задач, но в то же время может иметь вариативные решения, допускать членение на подзадачи и требовать выполнения последовательных действий. Однако в отличие от математических задач, где алгоритмы решения часто формализованы, лингвистические задачи предполагают более сложную мыслительную деятельность, включающую анализ, сопоставление и преобразование языковых явлений. Особого внимания заслуживает процесс решения лингвистических задач, который представляет собой последовательность когнитивных операций (от 2 до 7 действий) и может включать различные виды аналитической деятельности: лингвистическое рассуждение, сравнительный анализ, поиск закономерностей, моделирование языковых структур и применение алгоритмических процедур. Такая сложная структура мыслительного процесса при работе с лингвистическими задачами объясняется необходимостью одновременного учета как формальных (грамматических, лексических), так и содержательных (семантических, прагматических) аспектов языка [1, с. 160].

В трудах О. П. Сафоновой подчеркивается, что диапазон методического применения лингвистических поисковых задач в современных условиях преподавания иностранного языка может быть более ограничен по сравнению с поисково-игровыми, коммуникативно-поисковыми или познавательно-поисковыми культуроведческими задачами. Однако в образовательном процессе доминирующее положение должны занимать те иноязычные задачи, которые направлены на отработку речевых навыков и совершенствование коммуникативно-речевых и социокультурных умений, при условии, что они построены с учетом особенностей познавательной деятельности и речевого опыта общения на иностранном языке, а также с учетом требований программы к уровню сформированности иноязычных знаний, навыков и умений на соответствующем этапе обучения [4, с. 18]. Основные проблемы связаны с необходимостью тщательной подготовки таких заданий, требующих от педагога глубокого понимания не только языковых аспектов, но и психолого-педагогических основ организации проблемного обучения. Кроме того, переход к новой методике может встречать сопротивление как со стороны педагогов, привыкших к традиционным формам работы, так и со стороны обучающихся, не всегда готовых к самостоятельной поисковой деятельности.

Ряд лингвистов (А. А. Зализняк, А. Н. Журинский, Е. В. Муравенко, В. М. Алпатов и др.) выделяют особый жанр задач – самодостаточная лингвистическая задача. Самодостаточность задач проявляется в том, что вся информация, необходимая для решения, содержится в самом условии задачи, и решающий задачу только ее упорядочивает, а не применяет специальные лингвистические методы. Этому типу задач можно противопоставить лингвистические задачи, традиционно используемые в преподавании языка, как правило, для проверки усвоенного материала. Такие лингвистические задачи, требующие демонстрации усвоенных лингвистических знаний и их применения в новых языковых ситуациях, лингвисты называют несамодостаточными [1, с. 160].

Пример лингвистической задачи при обучении студентов лексической стороне иноязычной речи посредством словообразования: задача «Один корень – много слов».

FOKUS IN. Деривация – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других за счет аффиксации (добавления префиксов и/или суффиксов).

От глагола *fahren* (ехать) за ограниченный промежуток времени (например, 2 мин.) образуйте максимальное количество однокоренных слов: существительное (*die Fahrt*), прилагательное (*fahrbar*), приставочный глагол (*abfahren*), далее нарисуйте общую схему словообразования (на основании всех написанных слов в группе) и составьте историю «Мое путешествие» с новыми словами.

Преимущества лингвистических задач делают их перспективным направлением в методике преподавания иностранных языков, т. к. их использование позволяет преодолеть разрыв между формальным изучением языка и его практическим применением, создает условия для развития критического мышления обучающихся, а также способствует формированию устойчивой мотивации к изучению иностранного языка. В этом смысле лингвистическая задача представляет собой не просто новый методический прием, а важный элемент субъект-субъектной модели современного языкового образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселева, Н. А. Лингвистические задачи и их классификация / Н. А. Киселева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 37 (80). – С. 159–162 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-zadachi> (дата обращения: 17.04.2025).
2. Выготский, Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – М. : Эксмо, 2005. – 512 с. – (Библиотека всемирной психологии).
3. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
4. Сафонова, В. В. Проблемные задания на уроках английского языка в школе : учеб. пособие / В. В. Сафонова. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Еврошкола, 2001. – 271 с.

[К содержанию](#)

В. В. ШАШ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Современные средства массовой информации (далее – СМИ) выступают главным отражением актуальных языковых тенденций, развитие которых обусловлено комплексом экстралингвистических и внутриязыковых факторов. Особенно заметна эволюция языковых средств, отвечающих за основной структурный принцип медиадискурса, – баланс между экспрессией и стандартизацией. Наиболее наглядно эти изменения прослеживаются в рекламных слоганах и заголовках. В условиях жесткой конкуренции за внимание аудитории создатели медиатекстов сталкиваются с двойной целью: с одной стороны, им необходимо повышать информативность рекламных материалов, с другой – усиливать их языковую креативность. Именно лексико-фразеологические стилистические

средства выразительности позволяют авторам рекламных сообщений создавать рекламные слоганы, которые одновременно соответствуют требованиям информативности и адаптируются к динамике языка, воздействуя на аудиторию на уровне эмоций и ассоциаций.

Лексические средства выразительности – это выбор и использование слов с целью усиления эмоциональной, экспрессивной или стилистической окраски текста [1, с. 97]. Среди ряда лексико-фразеологических стилистических средств выразительности были выбраны те, которые обладают наибольшей частотностью в англоязычной рекламе. Таковыми являются полисемантические слова, омонимы и фразеологизмы.

Эффективность рекламных заголовков и слоганов, а также их языковая выразительность во многом зависят от грамотного применения многозначных слов. Полисемантические слова – это единицы языка, имеющие несколько связанных между собой значений, которые восходят к общему смысловому центру и сформировались в процессе исторического развития языка [2, с. 74]. Использование полисемии в рекламных текстах представляет собой один из наиболее эффективных приемов языкового манипулирования и креативной языковой игры, позволяющий создавать многоплановые сообщения с повышенным воздействием на сознание потребителя. Языковая игра является особым видом речевой деятельности, базирующаяся на сознательном отклонении от языковых норм с целью формирования нестандартных лингвистических конструкций, которые обладают повышенной экспрессивностью и производят специфический эстетико-стилистический эффект на адресата. Приведем пример использования данного стилистического приема в рекламе шоколадного батончика KitKat: *Have a break, have a KitKat*. Языковая игра в данном слогане основана на полисемии слова *break*: основное значение – ‘перерыв’, а контекстное значение – ‘разломить’. Данный случай использования многозначности создает эффект двойного побуждения: к отдохну и к потреблению продукта, где действие с продуктом символизирует перерыв. Рекламный слоган фитнес-браслета Pulse: *Stay in the Pulse of life*. В данном случае реципиент может интерпретировать слово *pulse* как регулярное биение сердца, которое можно отследить с помощью браслета, а так же как ритм, побуждающий к активному образу жизни. Реклама шоколада BreakPoint: *Hit your BreakPoint!* Полисемия данного слогана основана на выражении *break point*, которое может означать как переломный момент в жизни, так и точку разлома шоколада. Рекламный слоган обуви Geox: *pair for a pair*. Игра слов достигается за счет полисемии слова *pair*: соединяя в одной фразе два мира – предметный, представляя пару обуви как продукт, и человеческий, создавая акцент на паре влюбленных, которые являются целевой аудиторией. Рекламная

полисемия предполагает способность одного сообщения порождать множественные трактовки в зависимости от контекста восприятия и индивидуального опыта аудитории. В эпоху усложнившихся коммуникативных стратегий каждое рекламное обращение требует глубокого понимания многозначности, его смысловые слои раскрываются постепенно при аналитическом прочтении.

Фразеологизмы играют ключевую роль в создании функционального своеобразия рекламного текста. Под фразеологизмами понимаются устойчивые сочетания слов, обладающие целостным значением, которое не вытекает непосредственно из суммы значений их компонентов. С точки зрения лингвистического анализа, фразеологические обороты англоязычной рекламы могут быть систематизированы по критерию семантической целостности, предложенному В. В. Виноградовым [3, с. 74]. В рамках данной классификации выделяются три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения – устойчивые словосочетания, значение которых не выводится из суммы значений составляющих их компонентов. Эти лингвистические единицы характеризуются абсолютной семантической неделимостью и часто обладают культурно-специфическими коннотациями. В англоязычной рекламной практике подобные идиоматические выражения выполняют важную коммуникативную функцию, выступая в качестве эффективного инструмента эмоционального воздействия и средства создания запоминающихся слоганов. Рассмотрим примеры использования фразеологических сращений в слоганах международных рекламных кампаний. Реклама компании по производству техники TechGadget: *get the Ball Rolling!* Использованная идиома ассоциируется с энергией, стартом и прогрессом, что идеально подходит для рекламы технологичного продукта. Реклама бренда спортивной одежды FitWear: *Burn the Midnight Oil in Comfort.* Используя общеизвестное выражение, создатели рекламы демонстрируют главное преимущество продукции – возможность продуктивно работать допоздна, не жертвуя при этом удобством. Такой прием позволяет в сжатой форме отразить ключевые характеристики бренда: комфорт, практичность и соответствие динамичному ритму жизни потребителей.

Еще одним способом для создания яркого рекламного сообщения является использование фразеологических единств – устойчивых словосочетаний, где значение целого выводится из образного переосмысления компонентов, сохраняя при этом прозрачную внутреннюю форму. Для правильной интерпретации подобных единиц требуется понимать их составные части в переносном смысле. При этом все элементы единств остаются понятными для современного языкового сознания. Приведем

пример слогана авиакомпании SkyTravel: *Leave the World Behind!* Данная фраза превращает покупку билета в акт освобождения, апеллируя к естественному человеческому желанию побега от повседневности. Реклама образовательной платформы SummitEd: *Attain Success at Your Own Pace.* Слоган имеет прямой мотивирующий посыл, привлекая как амбициозных учеников, так и тех, кто предпочитает постепенный прогресс.

Фразеологическими выражениями следует называть такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только не являются семантическими членами, но и состоят целиком из слов со свободными значениями. К ним относятся пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения писателей, поэтов, ставшие общеизвестными. Рассмотрим пример использования пословицы в рекламе пивного напитка Guinness: *All good things come to he who waits.* Рекламное агентство предложило сделать достоинством то, что не нравилось потребителю – сидеть и ждать 119,5 сек., когда отстоится пена в стакане. Тем самым создатели рекламы донесли мысль, что время ожидания является незначительной платой за лучший напиток в мире. Реклама компании по разработке программного обеспечения Aplus Topper: *Every dark cloud has a silver lining.* Адаптация пословицы в данном слогане содержит глубокий смысл в контексте ИТ-услуг. Фраза означает, что в любой сложной ситуации есть скрытая возможность или положительная сторона, а данная компания способна помочь клиентам найти инновационное решение технических трудностей.

Таким образом, использование лексико-фразеологических стилистических средств выразительности вызывает интеллектуальное напряжение, стимулируя внимание и активируя ассоциативные связи. Эффективная реклама требует точного подбора языковых инструментов – соответствующих лексических единиц и стилистических техник. Будучи частью когнитивного опыта языкового сообщества, эти элементы обладают значительным ассоциативным полем, придавая тексту эмоциональную насыщенность и экспрессивность, что существенно повышает вовлеченность аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыжкова-Гришина, Л. В. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи : словарь / Л. В. Рыжкова-Гришина, Е. Н. Гришина. – М. : ФЛИНТА, 2015. – 337 с.
2. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 296 с.
3. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография : избр. тр. / В. В. Виноградов ; отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров ; АН СССР, отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1977. – 318 с.

[К содержанию](#)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

А. А. АБРАМОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Е. Саиди

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Словарный состав языка представляет собой динамичную систему, которая постоянно подвержена различного рода изменениям. Эти изменения обусловлены влиянием различных исторических, социальных, культурных и политических факторов. Словарный состав постоянно пополняется новыми лексическими единицами, которые отражают новые понятия, социальные тенденции, культурные и иные изменения в жизни людей. Возникновение новых слов происходит постоянно, как ответ на различные экономические, политические, культурные изменения в обществе.

Различные социальные изменения также оказывают влияние на развитие словарного состава языка. Так, с ростом осведомленности о проблемах гендерного равенства появились такие новые термины, как «гендерная идентичность» и «инклюзивный язык». Также отмечается влияние информационно-компьютерных технологий и повсеместной компьютеризации на эволюцию словарного состава языка, что привело к возникновению таких лексических единиц, как «мем», «вирусный контент» и «хэштег». При этом процесс пополнения словарного состава языка происходит не только посредством создания новой лексики, но и через языковые заимствования, а также посредством изменений значения уже существующих слов. Пополнение лексики наиболее активно и продуктивно проходит в двух основных направлениях: образование совершенно новых слов и заимствование слов из других языков.

Особое место в пополнении лексикона английского языка занимают заимствования. Об этом говорят статистические данные: в современном английском языке содержится приблизительно 70 % заимствованной лексики и около 30 % – исконной.

Далее в своей работе более детально рассмотрим некоторые наиболее продуктивные способы словообразования, к которым относятся аффиксация, конверсия, словосложение, сокращение.

Аффиксация – процесс образования новых слов путем добавления аффиксов к корням слов, основными функциями которого является создание

новых слов, изменение грамматических категорий (изменение части речи слова) и добавление дополнительных оттенков значений уже существующей лексике. Основными способами аффиксации принято считать префиксацию и суффиксацию.

Примером префиксации является добавление префикса *in-* к слову *happy*, результатом данного процесса является слово *unhappy*, которое имеет противоположное значение. При добавлении префикса *re-* к глаголу *do* образуется слово *redo* в значении *переделывать*.

Добавление суффикса к корню слова способно не просто изменять значение слова, но и может поменять его грамматическую категорию. Например: при добавлении суффикса *-er* к слову *teach* образуется слово *teacher*, а добавление суффикса *-ly* к прилагательному *quick* образует другую часть речи – наречие *quickly*.

Еще одним продуктивным способом словообразования является *конверсия*. Процесс перехода из одной части речи в другую без изменения формы слова можно проиллюстрировать на следующих примерах: *I'll computer the data*. Или *I prefer sweet to sour*.

Словосложение в английском языке – это процесс образования новых слов с помощью объединения двух или более корней или основ. Новое слово может иметь значение, которое является суммой значений исходных слов, или может приобрести совершенно иное значение, отличное от значений своих составных частей.

Словосложение можно разделить на несколько условных типов:

- словосложение существительного с существительным (*toothbrush*, *football*);
- словосложение существительного с прилагательным (*blueberry*, *high-speed*);
- словосложение, в результате которого образуются составные глаголы (*to babysit*, *to brainstorm*).

Написание составных слов может быть слитным (*notebook*), раздельным (*post office*), с дефисом (*mother-in-law*).

Не менее важное место в словообразовании занимает образование глаголов путем присоединения послеглагольных словообразовательных элементов: *to come – to come in*, *to make – to make up*.

Сокращение – это способ словообразования, при котором слово или словосочетание сокращается до более короткой формы. Сокращения могут быть образованы различными способами, например: путем отбрасывания части слова или словосочетания, путем слияния начальных букв или слогов слов или путем использования аббревиатур. Сокращения широко используются в английском языке как в письменной, так и в устной речи. Они позволяют экономить время и место, а также могут использоваться

для придания тексту или речи более неформального или разговорного стиля (*Professor* → *Prof.*, *doctor* → *doc.*, *NATO* (*North Atlantic Treaty Organization*), *OOH* (*United Nations Organization*)).

Заемствованная лексика находится в зоне пристального внимания со стороны переводчиков, лингвистов, филологов, критиков, общественных деятелей. Чтобы определить правильность употребления того или иного заимствованного слова, необходимо знать, к какому виду заимствования оно принадлежит.

Лингвисты предлагают множество классификаций данного вида обогащения и развития языка, среди которых доминируют прямые заимствования и термины. Большое количество прямых заимствований не воспринимается как иностранное слово, данный факт устанавливается только в процессе этимологического исследования. Укоренение и ассимиляция данного пласта лексики в английском языке насколько велики, что иноязычное происхождение данных слов вызывает сомнение у многих носителей языка.

В английском языке терминология охватывает специализированные слова и выражения, используемые в различных областях знания и деятельности. Эти термины помогают точно передавать идеи и концепции в таких сферах, как наука, техника, медицина, право, искусство и мн. др. Все термины можно условно разделить на научные (*photosynthesis* – фотосинтез); технические (*algorithm* – алгоритм); медицинские (*hypertension* – гипертония); юридические термины (*plaintiff* – истец).

Гибриды в английском языке – это слова или выражения, которые образованы путем сочетания элементов из разных языков или различных частей речи. Они могут возникать в результате заимствования, смешивания языков или комбинирования корней и аффиксов.

Таким образом, можно заключить, что лексическая система современного английского языка представляет собой многослойную структуру, формирующуюся под воздействием различных внутриязыковых и внешних факторов. Ключевую роль в ее развитии играет словообразование, являющееся основным механизмом создания новых лексических единиц. Вместе с тем, ни один язык не развивается исключительно за счет внутренних ресурсов. Существенным источником пополнения английской лексики остается заимствование, позволяющее обозначать новые реалии и при необходимости заменять уже существующие наименования более актуальными или нейтральными эквивалентами. Данные заимствования проходят этап ассимиляции в английском языке и входят в активный словарь его пользователей, при этом закрепляясь в лексикографических источниках.

[К содержанию](#)

А. К. АЗАРНИНА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Н. Стрижевич

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ АНТРОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Антропоним – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной.

В последние десятилетия наблюдается значительное влияние англоязычной культуры на молодежную среду. Примером этому служат англоязычные антропонимы – имена, фамилии и прозвища, происходящие из английского языка, которые становятся все более популярными среди молодежи во многих странах мира. Этот феномен можно наблюдать в различных сферах жизни, включая медиа, литературу, моду и социальные сети.

Можно выделить следующие причины популярности англоязычных антропонимов:

1. Глобализация: с развитием технологий и Интернета молодежь все чаще взаимодействует с англоязычным контентом – фильмами, музыкой, играми и социальными сетями. Это приводит к заимствованию имен и прозвищ, которые становятся частью повседневной речи.

2. Культура знаменитостей: популярные личности, такие как актеры, музыканты и блогеры, часто имеют англоязычные имена. Молодежь стремится подражать своим кумирам, выбирая похожие имена для своих детей или даже для себя, что способствует распространению англоязычных антропонимов.

3. Социальные сети: платформы, такие как *Instagram*, *TikTok* и *YouTube*, способствуют распространению англоязычных антропонимов. Молодые люди часто используют такие имена в своих никнеймах и аккаунтах, что делает их более модными и актуальными.

4. Идентичность и самовыражение: Молодежь активно ищет способы самовыражения, и выбор англоязычных имен может служить символом принадлежности к определенной субкультуре или группе. Это также может отражать стремление к интернационализации и открытости к новым идеям.

С увеличением популярности англоязычных имен может происходить утрата традиционных имен и культурных особенностей, что приводит к обесцениванию местных языков и культур. Кроме того, молодежь может испытывать давление или даже унижение со стороны сверстников, выбирая имена, которые не соответствуют современным трендам и культуре.

Англоязычные антропонимы проявляются в различных формах:

- Личные имена: такие имена, как *Jake* 'Джейк', *Emma* 'Эмма', *Liam* 'Лиам' и *Olivia* 'Оливия', становятся популярными среди молодежи и могут использоваться как в официальных документах, так и в повседневном общении.
- Прозвища: в молодежной среде часто используются англоязычные прозвища, такие как *Sam* 'Сэм', *Chris* 'Крис' или *Tom* 'Том', которые могут быть как сокращениями от полных имен, так и самостоятельными именами.
- Никнеймы в Интернете: в социальных сетях и онлайн-играх молодежь часто выбирает англоязычные никнеймы, такие как *Shadow* 'Тень', *GamerGirl* 'Девушка-геймер' или *CoolDude* 'Крутой парень', которые подчеркивают индивидуальность и интересы пользователя.

Распространение англоязычных антропонимов оказывает заметное влияние на нынешнюю молодежь. В современном мире, где глобализация и культурные обмены становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, англоязычные антропонимы приобретают особое значение. Они помогают молодежи выделиться и выразить свою индивидуальность, упростить общение с людьми других культур, завести новые знакомства по схожим интересам или взглядам. К тому же из-за влияния англоязычных антропонимов популяризуются фильмы, музыка, книги и сериалы, которые приносят в нашу жизнь культурное разнообразие. Важно понимать, что все постоянно развивается, и заимствование имен из других языков – это естественный процесс, который обогащает лексический запас языка и культурное многообразие нашей жизни.

[К содержанию](#)

А. А. ВОЛОСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

**РОЛЬ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СОЗДАНИИ
МНОГОУРОВНЕВОГО ДИСКУРСА**

Устойчивые выражения, такие как идиомы, фразеологизмы и крылатые обороты, являются неотъемлемой частью языка. Они служат «языковыми конденсатами» опыта, культуры и эмоциональности, наполняя дискурс множеством оттенков смысла. В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты использования устойчивых выражений, их когнитивная и прагматическая функции, а также роль в создании

многоуровневого дискурса, где на одном уровне представлены буквальные значения, а на другом – коннотации, культурные аллюзии и эмоциональные оценки.

Язык всегда был зеркалом культурных и когнитивных особенностей общества. Одним из самых выразительных средств передачи глубинного смысла являются устойчивые выражения. Эти языковые конструкции, обладая исторической и культурной нагрузкой, позволяют создавать дискурс, в котором информация передается на нескольких уровнях одновременно. Введение устойчивых выражений в речь не только экономит языковые средства, но и добавляет возможность многослойной интерпретации: от буквального значения до эмоционально-оценочного и культурного подтекста.

Фразеологические единицы позволяют передать сложное содержание с минимальными затратами лексических ресурсов. Использование устойчивых выражений создает возможность для вызывающего размышления подтекста. Например, фраза «семь пятниц на неделе» сразу же переносит слушателя в мир ассоциаций, связанных с непостоянством, без необходимости подробных объяснений.

Приведем несколько примеров использования фразеологических единиц в медийном дискурсе.

Time is money. Это выражение подчеркивает, что время имеет экономическую ценность и потери времени сказываются на финансовых показателях. Часто используется в бизнес-отчетах, аналитических обзорах и репортажах о корпоративных стратегиях.

The bottom line. Дословно – «конечный результат», фраза акцентирует внимание на итоговых числах или сути проблемы. В медийном дискурсе ее применяют для выделения главного вывода из сложных аналитических материалов.

Game changer. Это выражение описывает явление или инновацию, способную кардинально изменить ход событий на рынке или в политической сфере. Средства массовой информации (далее – СМИ) используют его, чтобы подчеркнуть значимость неожиданного поворота в трендах или бизнес-моделях.

In the loop. Данное выражение используется для обозначения информированности: быть «в курсе событий» или включенным в информационный поток, что особенно актуально при описании корпоративных коммуникаций и деловых переговоров.

В различных жанрах коммуникации устойчивые выражения выполняют эмоционально-оценочную и риторическую функцию. В политической жизни, рекламных сообщениях и художественных текстах они помогают формировать нужное эмоциональное состояние аудитории, вызывая определенные

ассоциации и образы. Таким образом, в рамках многоуровневого дискурса устойчивые выражения представляют собой средство интенсификации эмоционального воздействия и подчеркивания авторской позиции.

Многоуровневый дискурс предполагает не только передачу информации, но и создание пространства для культурных ссылок. Устойчивые выражения, часто заряженные аллюзиями на литературные, исторические или мифологические сюжеты, позволяют авторам и ораторам неявно обращаться к общей культурной памяти аудитории. Это способствует формированию глубокого эстетического и интеллектуального взаимодействия между участниками коммуникации.

С развитием цифровых технологий и глобализацией межкультурных коммуникаций устойчивые выражения приобретают новую актуальность. Интернет-коммуникация, социальные сети и современные средства массовой информации способствуют распространению устоявшихся идиоматических конструкций, но одновременно открывают новые возможности для их интерпретации и трансформации. Исследование роли устойчивых выражений в таких условиях поможет лучше понять механизмы языковых изменений и развитие дискурса в эпоху глобальной коммуникации.

Устойчивые выражения играют ключевую роль в создании многоуровневого дискурса, в котором каждое высказывание насыщено как буквальным, так и переносным смыслом. Они служат связующим звеном между языком, культурой и когнитивным опытом человека, позволяя экономически и экспрессивно передавать сложные концепты. Развитие различных жанров коммуникации и дигитализация информационного пространства ставят перед исследователями новые вызовы, связанные с анализом и адаптацией устойчивых выражений в условиях изменяющегося мира.

Таким образом, глубокое понимание механизмов функционирования устойчивых выражений становится не только лингвистической, но и культурологической, социологической и философской задачей, отражающей многогранность человеческого опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М. : НВИ Тезариус, 1997. – 158 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Москов. университета. Серия 10, Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.
3. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова – Л. : Изд. ЛГУ, 1963. – 341 с.
4. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Флинта, 1997. – 423 с.

[К содержанию](#)

А. И. ЕВМЕНЧУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

**СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В английском языке существует важная грамматическая категория – категория определенности/неопределенности. Она помогает понять, говорим ли мы о конкретном, известном собеседникам предмете (определенность) или о каком-то новом, еще не известном или любом предмете из группы (неопределенность) [3]. Это важно для правильного понимания того, к какому объекту относится именная группа.

В английском языке категория определенности/неопределенности имеет морфологическое оформление в виде артикля (артикли): *the*, *a/an* и т. н. нулевой артикль (\emptyset), т. е. его отсутствие. Дж. Хокинс утверждает, что выбор артикля часто зависит от того, предполагает ли говорящий, что сл�ушатель уже знает об этом предмете [1]. Однако система сложнее, чем кажется: на выбор влияют и другие слова, структура предложения и общая ситуация общения [2].

Когда мы используем именную группу, она может указывать на конкретный объект (иметь референцию). Если этот объект известен слушателю или уникален в данной ситуации, это определенная референция. Если объект вводится впервые или имеется в виду любой объект такого типа, это неопределенная референция [3]. Артикли – основной способ показать это различие. Определенный артикль *the* показывает, что предмет уникален или известен собеседнику. Это может объясняться следующими причинами:

- о нем уже шла речь: *a book... the book*;
- он уточняется дальше: *the man I met yesterday*;
- он очевиден из самой ситуации: *open the window – в комнате*;
- он единственный в своем роде: *the Moon*;
- речь идет о классе предметов через одного представителя: *the lion is a predator*.

Неопределенный артикль *a/an* используется с исчисляемыми существительными в единственном числе и показывает, что предмет неизвестен слушателю или является одним из многих. Он употребляется для того, чтобы:

- ввести новый предмет: *I saw a cat*;
- отнести предмет к классу: *It's a useful device*;
- использовать существительное как часть сказуемого: *She is a teacher*.
- Нулевой артикль (\emptyset) также важен. Он употребляется:

- с неисчисляемыми существительными: *I need Ø advice*;
- и с множественным числом: *Ø Books are useful*, когда речь идет о чем-то в общем или неопределенном количестве;
- с большинством имен собственных: *Ø London, Ø Peter*;
- с абстрактными понятиями в общем смысле: *Ø Love is blind*;
- в устойчивых выражениях: *at Ø home, by Ø car*.

Кроме артиклей на статус именной группы влияют и другие языковые средства [2]. Указательные и притяжательные местоимения с одной стороны и неопределенные местоимения с другой стороны, также являются выражением категории определенности/неопределенности, поскольку семантика данных местоимений имеет либо обобщающий, либо индивидуализирующий характер соответственно.

Указательные местоимения (*this, that, these, those*) всегда делают именную группу определенной, указывая на конкретный предмет рядом или уже упомянутый: *This experiment failed. Those results are interesting*.

Притяжательные местоимения (*my, your, his, her, its, our, their*) и существительные в притяжательном падеже (*John's*) также делают именную группу определенной, указывая на принадлежность: *My report is ready. Newton's laws*.

Слова, указывающие на количество (квантификаторы), такие как *some, any, no, every, each, many, few, all*, по-разному связаны с определенностью [4]. *Some* и *any* часто используются с неопределенными именными группами: *Give me some water. Do you have any questions? No* указывает на отсутствие и/или неопределенность: *There is no solution. Every* и *each* обычно относятся к членам уже определенной группы. *Many, few, several* чаще вводят неопределенные группы: *Many students passed*.

Часто новые, неопределенные объекты появляются в конце предложения, а уже известные, определенные – в начале. Конструкция *There is/are* обычно вводит что-то новое: *There is a problem*.

В использовании средств детерминации есть свои трудности [4]:

1. Обобщение (генерическая референция). Сказать о классе предметов в целом можно по-разному: *The computer changed the world* (через типичный пример), *A dog is a friend* (любой представитель), *Ø Birds can fly* (класс как множество). Выбор зависит от смысла.

2. Абстрактные и собственные имена. Абстрактные понятия в общем смысле идут без артикла: *Ø Hope dies last*, но с артиклем *the* при уточнении: *the hope he gave us*. Имена собственные обычно без артикла: *Ø Spain*, но есть исключения: *the USA, the Thames*; и случаи, когда имя используется как нарицательное: *He thinks he is an Einstein*.

3. Устойчивые выражения. Во многих фразах артикли используются по традиции, и это нужно просто запомнить: *catch a cold, in the end, on Ø foot*.

Феномен выражения категории определенности/неопределенности в современном английском языке, таким образом, является результатом сложного взаимодействия разноуровневых языковых механизмов. Центральная роль артиклевой системы неоспорима, однако полное понимание закономерностей выбора требует учета синергетического эффекта от взаимодействия артиклей с другими классами слов-определителей, синтаксическими конструкциями (включая позиционные характеристики элементов) и контекстуальными факторами, как лингвистическими, так и экстралингвистическими.

Таким образом, грамматические ограничения (например, связанные с категорией числа и исчисляемости существительных), оценка говорящим степени известности объекта референции для слушающего и общая коммуникативная интенция являются ключевыми детерминантами выбора конкретной стратегии выражения категории определенности/неопределенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hawkins, J. A. Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction / J. A. Hawkins. –London : Croom Helm, 1978. – 316 p.
2. Huddleston, R. The Cambridge Grammar of the English Language / R. Huddleston, G. K. Pullum. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 1842 p.
3. Lyons, C. Definiteness / C. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. – 380 p.
4. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : New York : Longman, 1985. – 1779 p.

[К содержанию](#)

Я. Ю. КАРМАШ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Ю. А. Тищенко

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ УПРОЩЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Английский язык является одним из наиболее распространенных языков на современном этапе развития общества. Существует пять его основных вариантов: британский, американский, новозеландский, канадский и австралийский. Наиболее распространеными из них считаются первые два, имеющие свои различия и сходства, связанные с историей развития государств и уникальной культурой каждого из них.

Формирование американского варианта английского языка берет свое начало в XVII в. – период колонизации Великобританией части Северной

Америки. В тот период различия были не столь явными, т. к. британский вариант английского языка был привезен на территорию США и развивался в соответствии с тенденциями и стандартами, существующими на Британских островах, не выделяясь в отдельный самостоятельный диалект [1, с. 384].

Основные изменения, в том числе и орфографические упрощения американского английского, начали прослеживаться в XVIII в. Именно в этот период, в 1776 г. США обрели независимость и, в стремлении к национальной идентичности, были предприняты не только политические реформы, но и произошли изменения в сфере культуры, а язык, в свою очередь, выступает в качестве ее важной части.

Изменения в сфере орфографии американского английского начали активно внедряться благодаря усилиям лингвистов и реформаторов языка. Одним из наиболее выдающихся сторонников подобного рода изменений был Ноа Уэбстер, который сыграл ключевую роль в популяризации орфографических упрощений. Стремясь сделать язык более доступным для американцев, отделяя его от британских стандартов и создавая собственную идентичность, в 1783 г. автором была создана работа “American Spelling Book”, в которой он предложил более логичную и простую систему написания. По мнению Уэбстера, британская система правописания была излишне сложной и не соответствовала произношению, что порождало большое количество ошибок во время написания, а ее упрощение способствовало бы более грамотному и эффективному обучению. Подход ученого заключался в том, чтобы удалить буквы, не влияющие на произношение, изменить написание слов для лучшего отображения их звучания и стандартизовать языковые правила для удобства обучения орфографии [1, с. 392–393].

Основными направлениями упрощений являются:

- 1) удаление непроизносимых букв, сохранившихся в британском произношении, что делает написание более практическим (*colour – color, favour – favor, honour – honor, cheque – check, encyclopaedia – encyclopedia*);
- 2) замена букв для соответствия написания произношению (*theatre – theater, centre – center, metre – meter, pyjamas – pajamas, grey – gray*) [2];
- 3) сокращение удвоенных согласных при условии, что данное изменение никак не влияет на произношение (*traveller – traveler, woollen – woolen, cancelled – canceled, jewellery – jewelry, skillful – skilful*);
- 4) замена британского суффикса *-ise* на американский *-ize*, что делает написание более универсальным (*apologise – apologize, emphasise – emphasize, recognise – recognize, standardise – standardize, criticise – criticize*);

5) изменение британского окончания *-ogue* на *-og*, что делает слова короче и понятнее для написания (*catalogue* – *catalog*, *dialogue* – *dialog*, *analogue* – *analog*, *epilogue* – *epilog*, *monologue* – *monolog*) [3, с. 143];

6) заимствованные слова (*aesthetic* – *esthetic*, *manoeuvre* – *maneuver*, *bureau* – *buro*, *rucksack* – *backpack*, *tyre* – *tire*) [1, с. 395];

7) неформальная или разговорная речь (*through* – *thru*, *though* – *tho*, *night* – *nite*, *right* – *rite*, *because* – *cuz*);

8) «неправильные» глагольные формы прошедшего времени заменяются «правильными», поддающимися установленным правилам образования указанного времени (*learnt* – *learned*, *dreamt* – *dreamed*, *burnt* – *burned*, *smelt* – *smelled*);

9) формы причастий (*forgotten* – *forgot*, *lit* – *lighted*) [3, с. 89];

10) замена архаичных и формальных слов на более общеупотребительные и современные варианты (*furthermore* – *moreover/besides*, *hence* – *therefore/so*, *thus* – *so/like*, *draught* – *draft*, *storey* – *story*);

11) короткие слова и фразы, заменяющие более длинные британские эквиваленты (*petrol* – *gas*, *autumn* – *fall*, *to ring someone up* – *to call someone*) [4].

Все вышеперечисленные упрощения американского английского отражают путь эволюции языка в географическом и культурном аспектах и оказывают значительное влияние на развитие английского языка в мировом масштабе. Они служат примером становления и адаптации языка к потребностям современного мира, делая его более доступным и понятным для изучающих его в качестве иностранного. На сегодняшний день американский английский является доминирующим вариантом языка благодаря популярности американской культуры, кино, музыки и технологий, что играет важную роль в его популяризации на современном этапе развития цивилизации.

Делая вывод, стоит отметить, что орфографические упрощения – это результат стремления к созданию уникальной национальной идентичности, сохранившей баланс между традициями региона и инновациями, несмотря на возникшие на почве этого споры лингвистов об идентификации американского английского в отдельный самостоятельный язык, а не популярный диалект.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hogg, R. A History of the English Language / R. Hogg, D. Denison. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 510 p.
2. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/> (date of access: 10.03.2025).
3. Швейцер, А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М. : Высш. шк., 1971. – 200 с.
4. Urban Dictionary : [online slang dictionary] – URL: <https://www.urbandictionary.com> (date of access: 15.03.2025).

[К содержанию](#)

М. В. КРАСНЮК

Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы
Навуковы кіраўнік – А. Д. Дудзько

МОЎНЫ ПУРЫЗМ У ДАЧЫНЕННІ АМЕРЫКАНІЗМАЎ У ВЕЛІКАБРЫТАНІІ ЗША

Моўны пурызм у сучаснасці разумецца лінгвістамі па-рознаму. У асноўным кажуць аб непрыняцці замежных элементаў у мове (пурызм у вузкім сэнсе) і аб непрыняцці ўсяго, што лічыцца нежаданым у мове, напрыклад, прастамоўя ў пэўных абставінах, скажэння літаратурнай нормы і г. д. (пурызм у шырокім сэнсе). У сваёй працы мы будзем разглядаць пурызм як у шырокім, так і вузкім сэнсе.

Па сваёй сутнасці моўны пурызм тычыцца менавіта таго, як носьбіты мовы ўспрымаюць яго. Увага надаецца іх пачуццям да пэўных моўных адзінак замест надання важнасці менавіта функцыянальнасці апошніх. Для апісання сваіх назіранняў пурысты часта карыстаюцца дастаткова метафарычнай, эмацыйнай мовай. Яны прадстаўляюць мову жывым арганізмам, які здольны да развіцця, жыцця і смерці. Гэты арганізм таксама можа быць прыгожым, пачварным, уразлівым, а змены ў ім – зняважлівымі, вар'яцкімі, накіраванымі на ўратаванне.

Андрэас Гардт вылучае чатыры асноўныя напрамкі вядзення пурыстычных дыскурсаў: структура мовы, ідэалогія, педагогіка і металінгвістычныя фактары [1, с. 610].

Пурыстамі, у сваю чаргу, часта з'яўляюцца асобныя пісьменнікі, журналісты, дзеячы культуры і наогул людзі любых іншых прафесій і сфер (сёння яны часта не маюць лінгвістычнай адукацыі). Таксама пурыстскімі могуць быць асобныя рухі, гурткі, як і моўныя рэформы, і законы, прынятыя ў межах правядзення моўнай палітыкі.

Пурызм носіць папулярныя харектар, таму матэрыялам правядзення свайго аналізу мы абрали разнастайныя інтэрнэт-крыніцы: часопісы (The Telegraph, The Guardian) і відэа эсэ, размешчаныя на пляцоўцы YouTube, паколькі кантэнт і абмеркаванні, прадстаўленыя там, носяць такі ж папулярны харектар. Мы спрабавалі вылучыць асноўныя настрой брытанцаў і амерыканцаў у дачыненні да “забруджання” англійскай мовы (у прыватнасці, насаджэння амерыканізмаў) і вылучыць магчымы пурыстскі настрой у грамадстве.

Асноўным штуршком для правядзення дадзенага даследавання стала праца Л. С. Жукавай «Исследование языкового пуритана как этнопсихологического явления (на примере современной Великобритании)», у якой аналізуецца ступень моўнага пуритана ў тагачаснай Велікабрытаніі разам

з яго прычынамі і характарам [2]. Дадзены аналіз быў праведзены ў 2007 г., за гэты час атрымалі сваё развіццё тыя фактары, якія спрыялі пурыйскаму настрою на момант напісання артыкула (амерыканізацыя культуры і развіццё карпаратыўнай культуры амерыканскай мадэлі). Аднак, за гэты час узнік і новы фактар: развіццё штучнага інтэлекту і бізнесу, пабудаванага на развіцці і выкарыстанні прадуктаў, тэхнолагій і кантэнту, звязанага з ім. Таксама сваю ролю ў паскарэнні глабалізацыі і распаўсюджанні папулярнай культуры (большая частка якой фарміруеца менавіта ў Амерыцы) мае імклівае развіццё сацыяльных сетак.

Думкі пурыйскага зместу выказаў англійскі гісторык, журналіст і палітычны каментатар Сайман Хэффэр у сваім артыкуле для *The Telegraph* “Americanisms are poisoning our language” [3]. Артыкул мае яркую эмацыйную афарбоўку і часам падаеца варожым у дачыненні да амерыканскай культуры. Нягледзячы на суб’ектыўныя характары разважання С. Хэффэра, з яго працы мы можам вылучыць асноўныя прычыны незадаволенасці амерыканскім уплывам на брытанскі варыянт англійскай мовы:

- распаўсюджванне “corporate speech” (таксама “corporate jargon”). Хэффер апісвае “карпаратыўную гаворку” як неабходную для ўваходжання ў бізнес-асяроддзе і засцеражэння ад небяспекі набыцця статусу “аутсайдэра” у ім;
- моўныя клішэ. Журналіст прыводзіць у прыклад *stepping out to the plate, to think outside the box*, характарызуе падобныя клішэ як паказальнікі адсутнасці фантазіі ў амерыканцаў;
- спрошчанне складу моўных адзінак. Гэтая праблема мае найбольш поўнае апісанне ў артыкуле С. Хэффэра [3]. На яго думку, яна адлюстроўваеца ў наступным: знікненне прыназоўнікаў у дзеяслоўных выразах, якія ў брытанскім варыянце маюць прыназоўнік (*to protest against the building – to protest building*); устойлівай амерыканскай мадэлі ўтварэння дзеясловаў з назоўнікаў (*farewell – to farewell*); агульнае скажэнне літаратурнай нормы (*comedic* замест *comic* альбо *comical*; *filmic* замест *cinematic*).

Гэтыя прычыны з’яўляюцца амаль універсальнымі, як бачна з аналізу Л. С. Жукавай [2]. Аналіз рэзультатаў праведзенага ёй асацыятыўнага эксперименту, паказвае, што брытанцы характарызуюць амерыканскую англійскую мову прыметнікамі ‘*annoying*’, ‘*brush*’, ‘*corrupted*’, ‘*lazy*’.

Аднак, незадаволенасць амерыканізмамі выказваюць не толькі брытанцы, але і самі амерыканцы. Гэта адбываеца ў асноўным таму, што яны часта звязаныя з бізнесам, а значыць і з капіталізмам, расчараванне ў якім ахапіла ў сучасным свеце не адну дзяржаву. Гэта бачна перш за ўсё ў ідэях, якія падымаюцца ў разнастайных відэа-эсэ, створаных у асноўным младымі людзьмі, прадстаўнікамі пакалення Z. Відэаэсэ з’яўляеца адносна новым фарматам падачы інфармацыі. Парадаксальным з’яўляеца тое, што

ў час кліпавага мыслення маладыя людзі не менш імкнуцца атрымліваць веды праз доўгафарматны кантэнт. Аднак, цалкам зразумела, што большы давер выклікаюць менавіта аднагодкі, большасць з якіх не мае належнай адукацыі ў сферы, у якой прасвятляюць сваіх гледачоў. Нягледзячы на гэта, мы не можам адмаўляцца ад важнасці такога кантэнту сярод маладых людзей усяго свету.

Большая частка відэаэсэ ці выходзіць з крытыкі капіталізму і яго непасрэднага ўплыву (Mina Lee, амерыканка, “why is soical media not fun anymore” [4], Jordan Theresea, брытанка, “the aftermath of tiktok fashion (the shein effect)” [5]), ці крыху закранае яго (oliSUNvia, жыхарка Канады, “when mother is not ‘mothering’: the devaluation of motherhood” [6]). У tym ліку, творцы закранаюць змены ў мове і нават выкарыстоўваюць прыклады такіх зменаў у назвах сваіх твораў: *shein effect, mother is mothering*, каб адразу даць зразумець свайму патэнцыяльнаму гледачу, аб чым пойдзе гаворка ў відэа. Папулярнасць такой практыкі перадае яе эффектыўнасць. Гэта паясняеца тым, што і сам глядач – удзельнік таго ж дыскурсу, што і творца.

Як адзначылі ў сваёй працы “Linguistic Purism” Н. Лангэр і А. Нэсс, пурыйскія аргументы і матывы застаюцца ў сваёй аснове нязменнымі. Змяняюцца толькі непасрэдныя падзеі-прычыны і мова, якую намагаюцца “абараніць” [1, с. 610]. У сучасным свеце асноўнай прычынай супрацьстання амерыканізмам у Велікабрытаніі і ЗША з’яўляецца расчараванне ў капіталістычнай мадэлі грамадства. Разам са змаганнем з непасрэдна нежаданымі сацыяльнымі з’явамі прыходзіць барацьба з мовай, што адначасова адлюстроўвае пэўныя ідэі і дапамагае ім распаўсюджвацца.

У той жа час нельга казаць аб выключным дамінаванні амераканізмаў над запазычаннямі з іншых моваў.

У артыкуле для The Guardian “The other British Invasion: how UK lingo conquered the US” Б. Ягада прыводзіць прыклады пранікнення брытанізмаў у амерыканскі варыянт англійскай мовы [7]. Часта яны пранікалі туды праз брытанскіх журналістаў, якія пераехалі ў Амерыку і працягвалі сваю дзейнасць. Аўтар адзначае, што ён, амерыканец, пачаў заўважаць пранікненне брытанізмаў ва ўласную гаворку праз некаторы час пражывання ў Лондане. У сваім артыкуле журналіст таксама прыводзіць слова лінгвіста П. Бэйкера і журналіста Р. Л. Грына наконт уплыву аднаго варыянта англійскай мовы на іншы. Абодва сыходзяцца ў сваіх меркаваннях на tym, што, нягледзячы на ўзаемны абмен некаторымі моўнымі адзінкамі, абодва нацыянальных варыянты працягваюць захоўваць свае асаблівасці і незалежнасць, і кожны з іх не знаходзіцца пад пагрозай іншага [7].

І ўсё ж, насельніцтва Велікабрытаніі і Амерыкі застаецца заклапочаным пытаннем імклівага распаўсюджвання амерыканізмаў, паколькі яны з’яўляюцца носьбітамі пэўных ідэй, якія грамадства дзвюх краін ўсё

больш і больш упэўнена ліцаць як шкодныя. Акрамя гэтага нельга забывацца на памкненні брытанцаў зберагчы свою гаворку ад “забруджвання” і захаваць уласную нацыянальную ідэнтычнасць ва ўмовах глабалізацыі і амерыканізацыі свету.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Langer, N. Linguistic Purism / N. Langer, A. Nesse // The Blackwell Handbook of Historical Sociolinguistics. – Blackwell, 2012. – Р. 607.
2. Жукова, Л. С. Исследование языкового пуризма как этнопсихологического явления (на примере современной Великобритании) / Л. С. Жукова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – Т. 6 № 1. – С. 63–70.
3. Heffer, S. Americanisms are poisoning our language / S. Heffer. // The Telegraph, 2024. – URL: <https://archive.is/ICxNp#selection-3223.53-3223.193> (Date of access: 14.04.2025).
4. Why is social media not fun anymore? // YouTube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=mwIYwsONFes&ab_channel=MinaLe (date of access: 14.04.2025).
5. The aftermath of tiktok fashion (the shein effect) // YouTube. – URL: <https://youtu.be/iI4qUrt9R60?si=CUQnRnLkF6IjeK-B> (date of access: 14.04.2025).
6. When mother is not “mothering”: the devaluation of motherhood // YouTube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=DbcuRvCDMf4&ab_channel=oliSUNvia (date of access: 14.04.2025).
7. Yagoda, B. The other British invasion: how UK lingo conquered the US / B. Yagoda // The Guardian, 2024. – URL: <https://www.theguardian.com/science/2024/sep/26/other-british-invasion-how-uk-language-conquered-the-us> (date of access: 14.04.2025).

К содержанию

А. М. ЛЕНКО

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель – М. Е. Маслова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРОЗВИЩАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФИГУР АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В данной статье мы остановимся на особенностях возникновения и эволюции прозвищ выдающихся личностей в истории Великобритании.

Прозвища занимают особенное место в языке и культуре различных народов, зачастую являясь ключевым атрибутом идентичности исторических деятелей. Наличие прозвища свидетельствует о том, что его носитель не остался незамеченным, а представляет собой активного участника определенного коллектива, в котором он получил данную номинацию [1, с. 109].

В рамках английской лингвокультуры производные имена выполняют множество функций, выходящих за пределы простой характеристики ин-

дивидуальности, подчеркивая как достоинства, так и недостатки личности, а также выступая главным инструментом формирования общественного мнения. Обладая амбивалентностью, такие наименования создают многослойные образы, которые влияют на восприятие значимых исторических событий и культурных феноменов. В условиях современного информационного пространства прозвища становятся своеобразными маркерами, способствующими быстрой идентификации личности и подчеркивающими ее актуальность и значимость.

Производные наименования представляют собой динамичные элементы языковой системы, которые не имеют статичного характера. В отличие от собственных имен, эти наименования обладают коннотативным характером и находятся в тесной взаимосвязи с различными социокультурными изменениями, акцентируя их значимость в контексте языковой эволюции. Значение и эмоциональная окраска прозвищ подвержены постоянным трансформациям, обусловленным общественным мнением, исторической интерпретацией и влиянием времени.

Среди ключевых факторов, способствующих этим изменениям, можно выделить изменчивость восприятия личностей в зависимости от различных внешних условий. С течением времени отношение общества к тем или иным деятелям может меняться, что отражается и на их производных именах. Более того, язык и его семантическая структура находятся в непрерывной трансформации, что в свою очередь, влияет на значимость и употребление прозвищ. Следовательно, производные наименования могут подвергаться как трансформациям, так и полному исчезновению в связи с изменениями в культурной среде или языковых практиках, показывая их подвижный и контекстнозависимый характер.

Материалом для нашего исследования послужили 111 производных имен. В данный список вошли 54 монаршие особы и 57 премьер-министров. На основе полученного материала мы выделили две основные группы прозвищ.

Первая группа включает производные имена, которые первоначально имели одно значение, но со временем, под воздействием определенных обстоятельств или изменений в обществе, приобрели новое. Данное явление можно рассмотреть на примере знаменитого прозвища, которое было дано Маргарет Тэтчер, первой женщине на посту премьер-министра Соединенного Королевства – *Iron Lady*. Прозвище *Iron Lady* впервые появилось еще до премьерства Маргарет Тэтчер. В январе 1976 г. Маргарет Тэтчер произнесла резкую неодобрительную речь, вызвавшую протест советского правительства. В ответ советская газета «Красная звезда» опубликовала статью с заголовком «Железная дама угрожает», отсылая к статье Daily Mirror, в которой Маргарет Тэтчер называли Железной девой. Журналист

Роберт Эванс, перефразировав заголовок статьи для британской аудитории, назвав М. Тэтчер «Железной леди». Эта фраза быстро распространилась в британской прессе и закрепилась за политиком навсегда. Неделю спустя Маргарет Тэтчер публично одобрила свое новое прозвище. Выступая в Лондоне, она заявила: «Сегодня вечером я стою перед вами в вечернем платье, мое лицо подкрашено, а волосы аккуратно уложены. Я – Железная леди западного мира. Да, я – Железная леди». Изначально это прозвище отражало ее твердость, непреклонность и решительность. Со временем, после того как Маргарет Тэтчер стала премьер-министром, наименование стало обозначать не только ее личные качества, но и ее политический курс в целом, отражая целый ряд политических и экономических взглядов. Таким образом, данное производное наименование стало амбивалентным, приобретая новые значения и коннотации, отражая изменения в политическом контексте, общественном мнении и восприятии личности.

Вторая группа характеризуется появлением совершенно новых наименований, относящихся к одной и той же исторической фигуре. Например, английский король Иоанн Безземельный, правивший королевством в XII в., имел два противоположных прозвища *Lackland* и *Soft-Sword*. Прозвище *Lackland* возникло из-за того, что, будучи младшим сыном короля, Иоанн не имел права на значительные земельные владения, и его наименование стало буквальным отражением его имущественного статуса в период юности, вплоть до восшествия на престол. После смерти его старшего брата, Ричарда Львиное Сердце, Иоанн унаследовал престол и земли, что сделало прозвище *Lackland* устаревшим и несоответствующим действительности. Однако с новым положением пришли и новые сложности. Вскоре после того как он взошел на престол, Иоанн получил новое прозвище – *Soft-Sword*. Это имя появилось в связи с его политическими и военными неудачами, особенно на фоне его стремления признать французского короля Филиппа II феодальным сеньором над своими французскими владениями без какого-либо сопротивления. Таким образом, два противоречивых прозвища отражают не только личные качества короля, но и изменчивость исторической реальности.

В результате исследования мы пришли к выводу, что прозвища исторических деятелей не являются статичными, что раскрывает их сложность и многогранность лексической природы языка. Первоначальные значения наименований могут изменяться под влиянием различных факторов, приобретая новые коннотации и оттенки. Этот динамичный процесс демонстрирует не только изменчивость общественного восприятия исторических личностей, но и более широкие социальные трансформации, происходящие в обществе.

Таким образом, полученная связь между наименованиями и культурными особенностями подтверждает, что номинации исторических деятелей не являются статичными, а подвергаются постоянным изменениям в зависимости от культурных и социальных реалий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковальчук, С. С. Характерные особенности фразеологических прозвищ общественно-политических деятелей в английском и немецком языках / С. С. Ковальчук // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 5. – С. 108–116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakternye-osobennosti-frazeologicheskikh-prozvisch-obschestvenno-politicheskikh-deyateley-v-angliyskom-i-nemetskem-yazykah/viewer> (дата обращения: 14.03.2025).

[К содержанию](#)

А. В. ЛИТОВНИК

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель – Ж. Б. Манкевич

МЕТОД ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО КАРТИРОВАНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СОНЕТА П. Б. ШЕЛЛИ «OZYMANDIAS»)

С древнейших времен поэзия выполняла не только коммуникативную, но и эстетико-экспрессивную функцию, воздействуя на эмоционально-чувственную сферу реципиента через синтез смысловых и формальных элементов. Современные исследования подтверждают неразрывную связь акустической и семантической составляющих стихотворного произведения. Как отмечал Л. П. Якубинский, поэзия представляет собой «речевую конструкцию, где звучание становится самоценным элементом смыслопорождения» [1, с. 194].

Актуальность изучения фоносемантики поэтического текста обоснована особым интересом к данной малоисследованной области. Показательными считаются работы С. В. Воронина, основоположника фоносемантики и автора теории фонотипов [2]; Л. П. Прокофьевой – автора концепции звукоцветовой ассоциативности [3]; С. С. Шляховой – создателя лингвофоносферной модели, интегрирующей акустические, семиотические и когнитивные аспекты поэзии [4].

Фоносемантический анализ стихотворения-сонета П. Б. Шелли «Ozymandias» [5] представляет собой значительный интерес для понимания того, как звуковая организация поэтического текста способствует пе-

редаче его содержания и усилению художественного воздействия. В данном исследовании будет проведен комплексный анализ фонетических особенностей стихотворения, выявлены ключевые слова с точки зрения звуковой структуры, проанализировано их смысловое значение и ассоциативный потенциал.

Исследование звукового строя сонета выявляет доминирование *сибилянтов*, в частности, согласного [s], образующего обширную аллитерационную сеть. Данный звук присутствует в ключевых лексемах текста: *said, stone, desert, sand, sunk, shattered, sculptor, survive, stamped, things, Ozymandias, boundless, sands, stretch*. Акцент на сибилянты создает акустический эффект шелеста песка, движения времени, что семантически соотносится с основной темой стихотворения – бренностью власти перед лицом вечности.

Вторым значимым элементом звуковой организации выступает аллитерация на сонорный [l], прослеживаемая в словах *traveller, land, trunkless, legs, wrinkled, lip, lifeless, colossal, lone, level*. Сонорность данного согласного придает стиху мелодичность и плавность, которая контрастирует с описываемым распадом и запустением, создавая дополнительный уровень художественного напряжения.

Существенную роль в фонетической организации сонета играет аллитерация на велярный согласный [k], который выявляется в словах *antique, trunkless, wrinkled, cold, command, colossal, wreck*. Этот звук, обладающий твердостью и резкостью артикуляции, фонетически подкрепляет образ каменной статуи, усиливая материальность описываемого объекта.

Ассонансная структура сонета также характеризуется высокой степенью организованности. Выделяется ассонанс с гласным [æ] в словах *traveler, antique, land, sand, stand, shattered*. Этот открытый фронтальный гласный придает звучанию широту и протяженность, что коррелирует с мотивом бескрайней пустыни, содержащимся в произведении.

Примечателен ассонанс на гласный звук [i], представленный в словах *which, wrinkled, things, is, King of Kings, pedestal*. Данный гласный, обладающий высокой тональностью, создает эффект напряженности, эмоциональной приподнятости, что особенно явственно проявляется в строке *My name is Ozymandias, King of Kings*.

Особую роль в звуковом строем сонета играют ритмические повторы. Конструкции с повторением союза *and* расширяют поле текста, уподобляя его пустыне: *vast and trunkless, the hand that mocked them, and the heart that fed, look ... and despair, boundless and bare, lone and level*. Такое использование союза связывает все части произведения, создавая непрерывную фонетическую ткань.

Фонетически выделяется и повторение указательного местоимения *that* в смежных строках: *Tell that its sculptor well those passions read* и *The hand*

that mocked them, and the heart that fed, образующее параллельную конструкцию, которая акцентирует внимание на противопоставлении создателя и его творения.

Наиболее значимым с точки зрения смысловой нагрузки является редупликация лексемы *King* в выражении *King of Kings*. Данный повтор не только создает ритмический акцент, но и фонетически подчеркивает претензию на абсолютное величие.

В тексте стихотворения также можно выделить отдельные ключевые слова со следующей семантикой:

Traveller – путешественник: 1) человек, совершающий путешествие в дальние земли; 2) фигура, передающая информацию из далеких мест; 3) символический передатчик между разными эпохами и культурами.

Stone – камень: 1) твердый материал, используемый для строительства монументов; 2) символ долговечности и стремления к бессмертию; 3) материал, который, несмотря на прочность, подвержен эрозии времени.

Desert/Sand – пустыня/песок: 1) безжизненное пространство, лишенное растительности; 2) метафора забвения и течения времени; 3) символ вечности природы в противовес временности человеческих творений.

Visage – лицо: 1) лицо, особенно с точки зрения его выражения; 2) внешний облик, отражающий внутренние качества.

Cold command – холодный приказ: 1) безэмоциональное обращение в повелительном наклонении; 2) тираны и авторитарное правления.

King of Kings – Царь Царей: 1) эпитет, указывающий на абсолютную власть; 2) историческая аллюзия на фараона Рамзеса II; 3) символ человеческого высокомерия и гордыни.

Colossal wreck – колоссальная руина: 1) процесс разрушения и распада; 2) контраст между бывшим величием и нынешним состоянием; 3) символ неизбежности упадка всех человеческих достижений.

Также, на основе анализа и проведенного затем опроса среди студентов лингвистических специальностей можно выстроить следующий ассоциативный ряд:

Traveller – путешественник: дороги, странствия, приключения, открытия, культурный обмен, связь времен, посланник.

Stone – камень: прочность, твердость, памятники, стойкость, холода, долговечность, противостояние времени.

Desert/sand – пустыня/песок: безжизненность, жара, забвение, течение времени, стирание следов, бескрайность, одиночество.

Visage – лицо, выражение, характер, портрет, отражение души, маска, идентичность, власть.

Cold command – презрение, высокомерие, власть, тираны, жестокость, подавление.

King of Kings – власть, империя, фараон, величие, гордыня, самообожествление, амбиции, тщеславие.

Colossal wreck – разрушение, время, упадок, потеря славы, руины, забвение, конец эпохи, тщетность.

Фоносемантические доминанты стихотворения “Ozymandias” полностью соответствуют его центральной теме – тщетности человеческого высокомерия и временности власти перед лицом неумолимого времени. Звуковая организация стихотворения усиливает эту тему несколькими способами:

1. Использование контрастных звуковых кластеров. Резкие, твердые звуки слов, связанных с властью и гордостью, противопоставлены протяжным, плавным звукам слов, описывающих пустыню и забвение.

2. Звуковая эволюция. Стихотворение начинается с сильных, четких звуков, описывающих статую и ее надпись, но завершается более мягкими, растянутыми звуками, описывающими пустыню.

3. Ритмическая структура сонета. Нерегулярная схема рифмовки (АВАВАСДСЕДЕФЕФ), отклоняющаяся от традиционных схем, фоносемантически подчеркивает тему разрушения и фрагментации.

4. Звукоподражание. Шипящие звуки фонетически имитируют шорох песка, подчеркивая безжалостное действие времени и природы на человеческие творения.

5. Фонетические цезуры. Паузы в строках *Stand in the desert. ...Near them, on the sand* и *Nothing beside remains. Round the decay* создают ощущение пустоты и изоляции, которое усиливает тему тщетности человеческих амбиций.

Таким образом, фоносемантический анализ стихотворения П. Б. Шелли «Ozymandias» показывает глубокую связь между звуковой организацией текста и его смысловым содержанием. Аллитерации, ассонансы и другие фонетические приемы служат важнейшим средством выражения его основной идеи – противопоставление временности человеческого могущества и вечности природы. Звуковые доминанты способствуют созданию данных контрастных семантических полей. Их взаимодействие на фонетическом уровне усиливает философское послание Шелли о тщетности человеческой гордыни перед лицом времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский. – URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/jacub/jacub1a.htm> (дата обращения: 02.03.2025).
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин ; предисл. О. И. Бродович. – Изд. 2-е, стер. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
3. Прокофьева, Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Прокофьева Лариса Петровна ; Саратов. гос. мед. ун-т. – Саратов, 2009. – 443 л.

4. Шляхова, С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику : учеб. пособие / С. С. Шляхова ; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь : ПГПУ, 2003. – 217 с.
5. Shelley, P. B. Ozymandias / P. B. Shelley. – URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/46565/ozymandias> (date of access: 02.03.2025).

[К содержанию](#)

А. Р. МАНАСТЫРНАЯ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КУЛИНАРНОМ ДИСКУРСЕ**

В современной лингвистике особое влияние уделяется изучению языковой специфики различных типов дискурса. Существует множество трактовок понятия дискурса. В контексте настоящего исследования мы берем за основу дефиницию Н. Д. Арутюновой, которая определяет его как «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизм их сознания; это речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136].

Исследователи выделяют разные классификации дискурса. Одним из таких разновидностей является кулинарный, который А. В. Олянич охарактеризовал как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [2, с. 168]. Как и любой другой вид дискурса, кулинарный дискурс имеет свою определенную структуру и свои характерные особенности. К таким отличительным чертам можно отнести специфическую кулинарную терминологию и эмоционально-оценочную лексику.

В области лингвистических исследований можно выделить ряд особенностей кулинарной терминологии. Это включает изучение значений терминов и их информационной значимости в контексте таких понятий, как *глюттонический дискурс, гастрономический дискурс, кулинарная картина мира и глюттоническая коммуникация*. Все вышеперечисленные термины взаимосвязаны и довольно часто выступают в роли синонимов, но, тем не менее, каждый из них имеет свои характерные особенности.

Термин *глюттонический дискурс* используется для обозначения всех видов коммуникации, связанной с едой и питанием [3, с. 71]. Он охватывает как аспекты, связанные непосредственно с приготовлением блюд, так и вербальные и невербальные элементы, которые присутствуют в рецептах, кулинарных блогах, телепрограммах и других медийных источниках.

Более широким понятием является *гастрономический дискурс*, который расширяет круг изучения культурных, социальных и этических аспектов связанных с питанием [3, с. 71]. Он анализирует, как в языке отражается значение пищи в обществе и как именно культурные практики формируют идентичность и традиции народов мира.

Кулинарной картиной мира считается концептуальная модель, которая отражает, как различные культуры воспринимают и интерпретируют кулинарные процессы [3, с. 71]. Это связано с наличием для каждой культуры своих уникальных традиционных терминов и выражений.

Глюттоническая коммуникация – это форма взаимодействия, связанная с приготовлением, обсуждением рецептов, вкусов и кулинарных текстов [3, с. 71]. Сегодня ключевую роль в этом играют разнообразные цифровые платформы, служащие как пространство для обмена рецептами, кулинарными советами и личными впечатлениями от еды.

В целом, все эти термины помогают глубже и детальнее описывать аспекты кулинарного дискурса, подробнее изучить способы передачи информации через кулинарные рецепты, и проследить, как социум воспринимает эту информацию.

В текстах кулинарных рецептов можно отметить разнообразие гастрономической терминологии, которая может быть рассмотрена в следующих категориях: кулинарные техники, ингредиенты, стили приготовления, оборудование и кулинарный контекст.

Лексика, характеризующая кулинарные техники доминирует в кулинарном дискурсе. Для каждого рецепта того или иного блюда характерно наличие определенной техники, которая определяет гастрономические характеристики. К примеру, *grill* ‘готовить на гриле’ используется для обозначений термической обработки, *chop* ‘нарезать’ – для механической обработки. В тексте рецепта это может быть представлено следующим образом: *Grill the chicken until fully cooked*.

Категория ингредиентов более широко и явно представлена в рецептах. Такая лексика характерна для кулинарного дискурса и может быть поделена на две группы: базовые или наиболее используемые (*butter* ‘масло’, *salt* ‘соль’) и региональные продукты, которые менее представлены в кулинарных текстах (*kimchi* ‘кимчи’, *nori* ‘нори’).

К стилям приготовления относится лексика, тесно связанная со здоровьем и здоровым образом жизни. Ярким примером служит то, что в названиях многих рецептов присутствуют такие слова, как *dairy-free* ‘без молочных продуктов’, *low-fat* ‘с пониженным содержанием жира’.

Класс оборудования представлен терминами, относящимися к кухонному инвентарю, которые характеризуют выбор способа приготовления. Сюда от-

носится лексика класса посуды, например *bowl* ‘миска’; специальные инструменты *spatula* ‘лопатка’; кухонное оборудование *steamer* ‘пароварка’.

Кулинарный контекст включает в себя лексику, связанную с культурными традициями разных стран. Яркими примерами служат необычные названия блюд разных национальностей. Например, *sushi* ‘суши’ – традиционное японское блюдо, а *paella* ‘паэлья’ – испанское блюдо из риса.

Эмоционально-оценочная лексика в кулинарном дискурсе выполняет ключевую роль, способствуя созданию определенной эмоциональной атмосферы, вовлечению читателей рецептов и усилию выразительности текста. Также, она делает описание любого блюда более привлекательным, что стимулирует интерес к тому или иному блюду и желание его попробовать приготовить.

В кулинарных рецептах и блогах часто можно встретить такие примеры эмоционально-оценочной лексики, как *healthy* ‘здоровый’, *delicious* ‘вкусный’, *popular* ‘популярный’. Такие языковые средства придают описаниям особую яркость, выразительность и уникальность [4].

В текстах кулинарных рецептов можно отметить преимущественное использование имен прилагательных. Они используются для описания своеобразных характеристик блюда и его ингредиентов, выполняют роль своеобразных индикаторов для восприятия блюда, его состава, текстуры и вкусовых качеств. Яркими примерами являются: *easy* ‘простой’, *super* ‘превосходный’. Они добавляют эмоциональный оттенок и оказывают влияние на читателей, побуждая их приготовить и оценить блюдо самим.

Обычно подобные выразительные элементы сосредоточены в начале рецепта и мнении автора, где отражается отношение шеф-повара к конкретному блюду. Такая лексика лаконично и эмоционально представляет информацию и привлекает внимание читателей [5].

Для кулинарных рецептов характерно наличие позитивной эмоционально-оценочной лексики для более чувственного описания и привлечения интереса читателей. Такие слова как *delicious* ‘вкусный’, *lip-smacking* ‘пальчики оближешь’ создают привлекательный образ блюда, подчеркивают достоинства рецепта и устанавливают связь между читателями и авторами текста рецепта.

Кроме того, в качестве эмоционально-оценочной лексики в кулинарных рецептах выступают чувственные описания, эмоциональная связь и призывы к действию. Чувственные описания, как *crispy* ‘хрустящий’ или *sweet* ‘сладкий’ помогают читателю визуализировать блюдо и характеризуют текстуру и вкус блюда. Фразы типа *perfect for dates* ‘идеально для свиданий’ описывают эмоциональную связь, создают ощущение радости и представляют процесс готовки как элемент социального взаимодействия. Некоторые фразы, как *Fry and serve!* также часто встречаются в кулинарных рецептах и побуж-

дают к действию. Такие вопросы, как *who said salads are boring?* стимулируют активные действия читателей. Также в конце рецепта авторы могут добавить советы или рекомендации о подаче блюда или возможных заменах ингредиентов. Например, *serve it hot* ‘подавайте горячим’, *you can add more cheese* ‘вы можете добавить больше сыра’ привлекают внимание читателей.

Подводя итог, отмечаем, что изучение специфики кулинарной терминологии и эмоционально-оценочной лексики в англоязычных рецептах является важным инструментом понимания культурных традиций и социальных изменений. Систематизация терминов позволяет выделить такие категории, как техники и стили приготовления, ингредиенты, стили приготовления, кулинарное оборудование и кулинарный контекст, которые создают основу для формирования точных и информативных рецептов. Исследования показывают, что кулинарные термины отражают уникальные культурные традиции разных народов, становясь связующим звеном в межкультурной коммуникации. Эмоционально-оценочная лексика создает глубокую связь между процессом приготовления и наслаждением от конечного результата, превращая кулинарные рецепты в источник уникального опыта. Такие слова, как *creamy* ‘кремовый’, *delicious* ‘вкусный’, усиливают привлекательность рецептов и вызывают положительные эмоции у читателей. Таким образом, кулинарный язык служит средством передачи культурных ценностей и источником вдохновения для кулинарного творчества, превращая рецепты не просто в инструкции, но и играя важную роль в формировании культурной идентичности социальной жизни общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс. Речь / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2002. – С. 136–137.
2. Олянич, А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) / А. В. Олянич // Массовая культура на рубеже ХХ–XXI веков: человек и его дискурс. – М., 2003. – С. 167–201.
3. Флянтикова, Е. В. Исследование терминологии тематической группы «еда и напитки» на основе анализа дефиниций / Е. В. Флянтикова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкоznания и педагогики. – 2021. – № 1. – С. 67–83.
4. Акбаева, Ф. Б. Лингвистические особенности англоязычного массмедиийного текста о здоровом питании (на материале кулинарных рецептов) / Ф. Б. Акбаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 2 (29). – С. 86–90.
5. Акбаева, Ф. Б. Англоязычный массмедиийный текст о здоровом питании и его основные характеристики (на материале кулинарных рецептов) / Ф. Б. Акбаева // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2023. – № 3. – С. 116–126.

[К содержанию](#)

А. А. НЕСТЕРУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Н. Стрижевич

ГЕНДЕР И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Гендер – это социальный и культурный конструкт, который определяет роли, поведение и ожидания, связанные с мужчинами и женщинами. В последние десятилетия наблюдается рост интереса к вопросам гендеря в разных областях, включая лингвистику. Язык не только отражает, но и формирует гендерные отношения в обществе. В данной статье попытаемся рассмотреть способы, которыми английский язык отражает гендерные различия, а также влияние языка на восприятие гендеря.

Гендерные стереотипы в языке могут проявляться в различных формах, включая словоупотребление, фразы и выражения. Язык является мощным инструментом, который может укреплять или подрывать гендерные стереотипы. Например, в английском языке существуют слова и выражения, которые ассоциируются с определенными гендерными ролями. Слова, такие как *nurse* ‘медсестра’ и *engineer* ‘инженер’, часто воспринимаются как «женские» и «мужские» соответственно. В деловой среде в английском языке долгое время использовался термин *chairman* ‘председатель’, предполагающий мужской род, хотя теперь все чаще встречается нейтральное *chairperson*. Эти ассоциации могут ограничивать выбор профессий и способствовать гендерной сегрегации на рынке труда.

Приведем примеры слов и выражений с гендерной привязкой: *Fireman* и *Policeman* традиционно используются для обозначения мужчин, хотя существуют нейтральные термины, такие как *Firefighter* и *Police officer*; *Women belong in the kitchen* – выражение, которое подразумевает, что роль женщины ограничивается домашними обязанностями; *Man up* – фраза, которая подразумевает, что мужчины должны проявлять жесткость и не показывать эмоции. Стоит также отметить выражение вроде *bossy* ‘властная’, которое чаще применяется к женщинам, тогда как мужчины с подобными чертами характера могут быть названы *assertive* ‘уверенный в себе’, что несет более позитивную коннотацию. Аналогично, слово *hysterical* ‘истеричная’ часто используется в отношении женщин, тогда как *passionate* ‘страстный’ – в отношении мужчин. Фраза типа *Real men don't cry* ‘Настоящие мужчины не плачут’ закрепляет токсичные представления о мужественности, ограничивая мужчин в выражении эмоций. Аналогично, *A lady should always be polite* ‘Леди всегда должна быть вежливой’ поддерживает традиционные ожидания относительно женского поведения. Что касается профессий, то стоит отметить, что в этой среде постепенно исчезает при-

вязка к полу. Например, вместо *stewardess* ‘стюардесса’ сейчас чаще используют *flight attendant* ‘бортпроводник’, а вместо *actor/actress* – просто *actor*. Не так давно в объявлениях о вакансиях часто использовались фразы вроде *We are looking for a strong businessman* ‘Мы ищем сильного бизнесмена’, но теперь нейтральные формулировки вроде *We are looking for a strong business professional* ‘Мы ищем сильного специалиста в бизнесе’ становятся нормой. Все больше компаний отказываются от традиционно гендерных формулировок в рабочих объявлениях. Вместо *salesman* ‘продавец’ теперь используют *sales associate*, а вместо *waitress/waiter – server*.

Необходимо отдельно рассмотреть гендерные местоимения. В английском языке местоимения *he* и *she* используются для обозначения мужского и женского пола соответственно. Однако в последние годы наблюдается рост использования нейтральных местоимений, таких как *they* в единственном числе, что отражает изменения в восприятии гендера. Это использование помогает создать более инклюзивную языковую среду, учитывающую людей, которые не идентифицируют себя строго как мужчины или женщины.

Исследования гендерных различий в языке показывают, что мужчины и женщины могут использовать язык по-разному. Например, женщины чаще используют более эмоционально окрашенные слова и выражения, в то время как мужчины могут предпочитать более прямолинейный и лаконичный стиль общения. Эти различия могут быть связаны с социальными ожиданиями

и ролями, которые общество накладывает на разные гендерные группы.

Немаловажную роль играет гендер в социальных сетях. Социальные сети стали важной платформой для выражения гендерной идентичности и борьбы с гендерными стереотипами. Пользователи используют язык, чтобы заявить о своей идентичности, делиться опытом и создавать сообщества. Например, хэштеги, такие как #MeToo и #GenderEquality, стали инструментами для продвижения гендерных вопросов и привлечения внимания к проблемам, с которыми сталкиваются люди разных полов.

Гендер и язык находятся в сложном взаимодействии, которое отражает и формирует социальные нормы и ожидания. Изучение гендерных аспектов языка позволяет лучше понять, как общество воспринимает гендерные роли и как язык может быть использован для их изменения. Важно продолжать исследовать эту тему, чтобы создать более инклюзивное и равноправное общество.

[К содержанию](#)

Г. Е. ПАВЛОВЕЙ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Предлоги в современном английском языке занимают центральное место в грамматической системе, обеспечивая связь между словами и выражая широкий спектр отношений: пространственных, временных, причинных, инструментальных и др. Их семантика сложна и многогранна, а функции выходят за рамки простого соединения слов, включая участие в составе фразовых глаголов и устойчивых выражений.

Современный английский язык демонстрирует динамическое развитие предлогов, адаптирующихся к новым контекстам и стилям общения. В данной статье рассматриваются семантические особенности предлогов, их классификация, ключевые функции и современные тенденции использования, основанные на исследованиях ведущих лингвистов.

Предлоги, такие как *in*, *on*, *at*, *to*, *for* обладают базовыми значениями, которые часто уходят корнями в пространственные или временные концепции. Например, предлог *in* изначально указывает на нахождение внутри пространства (*The cat is in the box* – ‘Кот в коробке’), но его значение расширяется до обозначения времени (*in the morning* – ‘утром’), состояния (*in love* – ‘влюблен’) или даже абстрактных отношений (*in trouble* – ‘в беде’). Р. Лангакер объясняет эту многозначность через когнитивные процессы, утверждая, что «значения предлогов эволюционируют от конкретных к абстрактным благодаря ассоциативному мышлению» [1, с. 154].

Предлог *on*, в свою очередь, обозначает контакт с поверхностью (*The book is on the table* – ‘Книга на столе’), но также используется для указания времени (*on Monday* – ‘в понедельник’) или зависимости (*depend on* – ‘ зависеть от’). Дж. Лакофф связывает такие переходы с когнитивными метафорами, где «физические отношения проецируются на абстрактные категории» [2, с. 275]. Например, выражение *on time* (‘вовремя’) метафорически отражает идею времени как поверхности, по которой движется действие.

Предлоги в английском языке выполняют ряд ключевых функций:

1. Синтаксическая функция. Предлоги связывают слова, образуя предложные группы (*prepositional phrases*), которые могут выступать в роли обстоятельства, дополнения или определения. Например, в предложении *She lives in London* («Она живет в Лондоне») предлог *in* формирует обстоятельство места, а в *The key to the door is lost* («Ключ от двери потерян») –

определение. Р. Квирк отмечает, что такие группы играют важную роль в структурировании предложения [3].

2. Семантическая функция. Предлоги уточняют отношения между объектами, действиями или понятиями. Например, в предложении *He left after the meeting* ('Он ушел после собрания') предлог *after* выражает временную последовательность, а в *She did it for him* ('Она сделала это для него') предлог *for* указывает на цель или (получателя). Эта функция особенно важна для передачи точного смысла в сложных предложениях.

3. Фразеологическая функция. Предлоги часто входят в состав устойчивых выражений и фразовых глаголов, где их значение становится идиоматическим. Например, в *give up* ('сдаваться') предлог *up* не имеет прямого пространственного смысла, а усиливает идею завершения. Дж. Синклер подчеркивает, что такие комбинации составляют значительную часть лексики современного английского языка [4].

В современной лингвистике предлоги классифицируются по их семантическим и грамматическим характеристикам. Можно выделить следующие основные группы:

1. Пространственные предлоги (*in, on, under, behind, above*), описывающие расположение объектов. Например, *The dog is under the bed* ('Собака под кроватью').

2. Временные предлоги (*at, before, during, since*), указывающие на время действия: *We met during the conference* ('Мы встретились во время конференции').

3. Причинные и целевые предлоги (*because of, for, due to*), выражающие причину или цель. Например, *He stayed home because of the rain* ('Он остался дома из-за дождя').

4. Инструментальные предлоги (*with, by*), указывающие на средство или способ действия. Например: *She cut the paper with scissors* ('Она разрезала бумагу ножницами').

Однако границы между категориями условны. Например, предлог *by* может быть как инструментальным (*by car* – 'на машине'), так и временным (*by tomorrow* – 'к завтрашнему дню'). Эта многофункциональность делает предлоги английского языка одной из самых сложных для изучения категорий.

В современном английском языке наблюдаются изменения в позиции предлогов в предложении, особенно в неформальной речи. Например, традиционная конструкция *to whom* уступает место более простой *who... to* (*Who did you give it to?* вместо *To whom did you give it?*). Б. Аткинс и М. Льюис отмечают, что такие сдвиги связаны с упрощением грамматических норм под влиянием разговорного языка [5]. Тем не менее, в таких вопросительных предложениях проявляется общая закономерность, в силу которой предлог, перемещенный в конец предложения, сохраняет смысловую нагрузку.

вую связь с существительным или местоимением, находящимся в начале или середине предложения. Существуют и случаи, когда предлог вовсе отсутствует в структуре предложения, в частности, в публицистическом стиле высказывания, где, например, характерно отсутствие предлога перед днями недели, что, по сути, является ошибкой.

Нельзя не отметить и тенденцию роста числа фразовых глаголов (*log in, check out, sign up*), что особенно заметно в цифровую эпоху. Например, *log in* ('войти в систему') или *check out* ('проверить') стали неотъемлемой частью интернет-коммуникации. Это отражает способность предлогов адаптироваться к новым реалиям и расширять свои семантические рамки.

Таким образом, предлоги в современном английском языке – это многофункциональный инструмент, который не только обеспечивает грамматическую связь в предложении, но и обогащает его семантику. Их значения формируются под влиянием контекста, когнитивных процессов и исторических изменений. Предлоги – это не просто служебные слова, а живая система, отражающая эволюцию мышления и коммуникации. В условиях глобализации и цифровизации их роль продолжает расти, подчеркивая их значимость в языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar : Theoretical Prerequisites : Vol. 1 // R. W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1987. – 154 p.
2. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind / G. Lakoff. – Chicago : London : Univ. of Chicago Press, 1987. – 614 p.
3. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman, 1985. – 1779 p.
4. Sinclair, J. Corpus, Concordance, Collocation / J. Sinclair. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. – 179 p.
5. Lewis, M. English Prepositions Explained / M. Lewis, B. Atkins. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2010. – 45 p.

[К содержанию](#)

А. А. ПЕРЕПЕЛИЦЫНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО СЛЕНГА

Слэнг – один из самых подвижных и экспрессивных пластов лексики, отражающий социальные, культурные и даже психологические особенности носителей языка. Британский слэнг, в частности, отличается богатством

форм, ироничностью и тесной связью с историческими и современными субкультурами (например, кокни, молодежный сленг, интернет-жаргон).

В лингвистике к настоящему моменту уже накоплен огромный материал о семантических особенностях британского сленга, его классификации и использовании. Сленг английского языка рассматривается в трудах М. Маковского, Т. Беляевой, Н. Виноградовой, И. Гальперина, П. Горшкова, Е. Раймонда, Г. Спирса, Т. Торна, С. Флекснера, В. Хомякова и др. Тем не менее, в научной литературе нет единства взглядов ни в понимании, ни в оценке сленга. Одни авторы объединяют под термином «сленг» слова жаргона, грубую лексику, профессионализмы, диалектизмы и общеупотребительные экспрессивные разговорные слова. Другие считают, что пометка «сленг» относится только к той части словарного состава, которая противопоставлена литературному вокабуляру, но при этом не содержит диалектизмов, профессионализмов и слов жаргонного характера.

В современном английском языке сленг является активной составляющей живой разговорной речи, содержит значительную часть его словарного состава, поскольку ярко отражает многообразие интересов общества, оценку отдельных явлений носителей языка, относящихся к различным социальным и профессиональным группам.

В современной лингвистической науке выделяют два основных вида сленга: специальный и общий. К *специальному* сленгу относятся профессионализмы и групповой жаргон. К этой категории относят лексические единицы, используемые в узких социальных или же профессиональных группах. Например, медицинский сленг (*DOA* = *Dead On Arrival* ‘пациент, которого доставили уже мертвым’), военный (*Squaddie* ‘ рядовой солдат’), криминальный (*Nick* ‘тюрьма’ (от *Old Nick* – сленговое название дьявола), деловой сленг и пр. Характерными чертами специального сленга являются ограниченная сфера употребления; он также часто включает в себя аббревиатуры и заимствования.

Под *общим* сленгом понимаются слова и выражения, распространенные в повседневной неформальной речи. Особенностями общего сленга являются широкая употребимость, сильная эмоциональная окраска. Общий сленг часто связан с молодежной культурой и медиа. Таким образом, общий сленг будет скорее понятен человеку, в то время как специальный сленг имеет более узкую специализацию, и будет употребляться хоть и широким кругом людей, но связанных общим направлением деятельности, что позволяет им создавать «собственный язык» [1].

Можно привести следующие примеры британского общего сленга:

1. Слова и фразы, употребляющиеся для описания состояния человека:

Pissed off = angry or annoyed about something or someone («в дурном настроении», «не в духе», «раздраженный, рассерженный, сильно недоволь-

ный»); *barmy* = crazy, losing mind («спятивший, не в своем уме», «идиотский»); *fagged* = extremely tired or exhausted («усталый, измотанный»).

2. Слова, употребляющиеся для описания вечеринки, общения:

Yakking = talking incessantly («треп, болтовня»); *chum* = friend («дружище»); *knees up* = a very informal gathering for any type of celebration with singing, dancing, and drinking («веселая вечеринка, попойка»).

3. Слова, употребляющиеся для обозначения приемов пищи:

Nosh = to snack on («перекусить; наскоро поесть, перехватить кусочек»); *cuppa* = cup of tea («чашка чаю»).

В последние десятилетия наблюдается активное создание новых слов и выражений. Например, слова *selfie* ('сэлфи') или *ghosting* ('игнорирование человека после общения') уже стали частью повседневного языка благодаря влиянию социальных сетей. Многие сленговые выражения основаны на *метонимических* или *метафорических* переносах. Например, слово *bail* ('бросить кого-то') происходит от выражения *bail out*, что означает 'освободить из заключения'. Это доказывает способность сленга адаптироваться к новым контекстам.

Другой семантической особенностью британского сленга является *игра слов*. Сленг часто использует каламбуры и другие формы игры слов для придания высказыванию юмористического оттенка или подчеркивания определенных значений. Например, фраза *I'm feeling blue* может означать не только грустное состояние, но и быть использована в сфере моды (синий цвет).

Сленг также может служить средством *кодирования информации* для избранной группы. Например, молодежный сленг может включать термины, которые понятны только подросткам или молодым людям, что создает барьер для понимания старшим поколением.

Говоря о семантике сленга, необходимо отметить, что важную роль в понимании конкретного значения того или иного сленгового выражения играет контекст. Первостепенная роль контекста для выяснения значения конкретного слова в речи заключается именно в том, что контекст скорее не показывает, а как бы предопределяет значение, которое в нем реализуется. Например, выражение *to turn the lights out* буквально означает 'выключить огни, погасить весь свет'. Однако употребление этого выражения в контексте делового общения означает 'закрытие бизнеса'.

В семантике британского сленга часто присутствует дополнительная ироничная, гиперболизированная или эвфемистическая нагрузка. Например, слово *bloody* – эвфемизм для усиления эмоций: *That's bloody brilliant!*

Культурными истоками современного британского сленга в лингвистике считают: кокни-рифмованный сленг, влияние иммигрантских сообществ, поп-культуру и социальные сети [2]. Рифмованный сленг кокни, в частно-

сти, – это форма британского сленга, в которой пара слов используется для замены похожего по звучанию слова. Например: *Apples and pears* = *stairs*.

Сленговая лексика характеризуется неустойчивостью: она постоянно пополняется новыми словами, которые постепенно становятся общеупотребительными и либо выходят за пределы сленга, становясь коллоквиализмами, либо исчезают вообще.

Таким образом, современный британский сленг представляет собой не просто набор неформальных слов, а «зеркало социокультурных процессов» [3]. Сленговые лексемы отличаются более открытым характером по сравнению с жаргоном, выражают эмоционально-оценочное отношение коммуникантов к окружающей действительности, свидетельствуют о ценностных ориентирах и других внутренних характеристиках личности говорящего. Все это обуславливает необходимость исследования сленговой лексики в семантическом и прагматическом аспектах, что и составляет перспективу ее изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захарченко, Т. Е. Английский и американский сленг / Т. Е. Захарченко. – М. : АСТ ВКТ : Астрель, 2009. – 478 с.
2. Медникова, Э. М. Значение слова и методы его описания : на материале современного английского языка / Э. М. Медникова. – 2-е изд. – М. : URSS, 2009. – 201 с.
3. Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 104 с.

[К содержанию](#)

А. Ю. ПЕТЛЁВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Захарова

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ: СПЕЦИФИКА И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM)

Современное лингвистическое пространство переживает интенсивные трансформации, обусловленные глобализацией, цифровизацией и повсеместным распространением интернет-коммуникаций. На этом фоне английский язык играет роль основного генератора лексических новообразований, многие из которых быстро распространяются в других языках, включая русский. Такие слова – неологизмы – представляют собой слова или выражения, недавно появившиеся в языке и отражающие новые реалии, понятия или явления. Термин «неологизм» происходит от греч. *νέος* ‘новый’ + *λόγος* ‘слово’. В лингвистике неологизмы рассматриваются

как индикаторы динамики языка, его способности адаптироваться к изменениям в обществе, науке и культуре. Особенно ярко этот процесс проявляется в социальных сетях, таких как Instagram, где формируется специфическая языковая среда, отражающая реалии цифровой культуры.

Неологизмы, возникающие в контексте сети Instagram, отличаются высокой прагматической нагрузкой и частым отсутствием прямых аналогов в русском языке. Такие слова, как *reels*, *stories*, *hashtag*, *influencer* или *challenge*, быстро входят в активный обиход, но при этом вызывают определенные трудности при адаптации к русскоязычной языковой системе. Эти трудности связаны не только с различиями в фонетике и морфологии, но и с более глубокими культурными и семиотическими различиями между языками.

Проблематика перевода англоязычных неологизмов выходит за рамки простого сопоставления лексических значений. Переводчику необходимо учитывать социокультурный контекст, коммуникативную ситуацию и ожидания целевой аудитории. Например, слово *selfie* первоначально переводилось как ‘самострел’, однако этот вариант не прижился из-за негативных ассоциаций и уступил место заимствованному ‘селфи’, более нейтральному и благозвучному. Подобные случаи демонстрируют важность социолингвистического аспекта при выборе стратегии перевода.

Типология используемых стратегий перевода варьируется от транслитерации до калькирования и создания функциональных аналогов. Транслитерация чаще всего применяется для слов, прочно ассоциированных с брендом или интерфейсом социальной сети, как, например, в случае с *stories* или *reels*. Однако такая стратегия может ограничивать понимание терминов среди менее информированной аудитории. Калькирование же, напротив, способствует большей доступности, но иногда лишает слово его стилистической окраски. К примеру, дословный перевод *live stream* как ‘прямая трансляция’ вполне уместен в официальном контексте, но теряет часть актуальности и лексической динамики, присущей исходному термину.

Сложности перевода усиливаются тем, что многие неологизмы в сети Instagram представляют собой элементы молодежного сленга или неформального общения. Такие слова, как *vibe*, *aesthetic* или *cringe*, несут в себе не только лексическое значение, но и экспрессивную, эмоциональную нагрузку. Передать эту многослойность средствами русского языка затруднительно, особенно если целью перевода является сохранение оригинального эффекта. В подобных случаях переводчик вынужден прибегать к адаптации или контекстуальному толкованию, ориентируясь на культурные коды русскоязычной аудитории.

Дополнительным фактором, влияющим на специфику перевода, является темп обновления лексикона в цифровом пространстве. Новые слова

быстро появляются и столь же стремительно устаревают. В этой связи актуальность перевода может быть временной, что требует от переводчика гибкости и постоянного мониторинга языковых тенденций. Не менее важно учитывать формат коммуникации: краткие подписи к фото, комментарии и хэштеги накладывают ограничения на длину и форму лексических единиц, что делает невозможным использование громоздких или многословных переводов.

Опираясь на материалы из русскоязычного и англоязычного сегментов сети Instagram, можно выделить несколько тенденций в адаптации англоязычных неологизмов. Во-первых, закрепление англицизмов в форме, близкой к оригиналу (*блогер*, *лайкать*, *инфлюенсер*) становится нормой в повседневной речи. Во-вторых, происходит стилистическое смешение, когда ироничные или модные слова, вроде *кринж* или *хайп*, используются за пределами интернет-контекста. В-третьих, формируется особая лексика визуальной культуры, где слово служит дополнением к изображению, а не самостоятельной единицей. Это обстоятельство делает перевод особенно чувствительным к визуальному окружению.

Таким образом, специфика перевода англоязычных неологизмов в контексте сети Instagram заключается в необходимости учитывать не только формальные аспекты языка, но и широкий культурный контекст, в котором функционируют эти слова. Переводчик оказывается в роли медиатора между языковыми и культурными системами, задача которого – не просто передать значение, но сохранить эффект, создаваемый новым словом в исходной среде. Разработка гибких стратегий перевода, адаптированных к цифровому дискурсу, представляется актуальной задачей современной переводческой практики и требует дальнейшего теоретического осмысления и эмпирического анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганин, В. В. Об одном типе авторских неологизмов и их переводе на русский язык / В. В. Ганин // Сборник научных трудов МГПИИЯ. – Вып. 127. – 1978. – С. 106–121.
2. Зражевская, Т. А. Трудности перевода с английского языка на русский на материале газетных статей / Т. А. Зражевская, Л. М. Беляева. – М. : Междунар. отношения, 1972. – 122 с.
3. Мустафина, А. С. Особенности перевода неологизмов из социальной сферы с английского языка на русский (на материале онлайн-версий зарубежных и российских журналов) : магистер. дис. / А. С. Мустафина. – Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2024. – 134 с.

[К содержанию](#)

Я. Г. ПЕТРУЧИК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Захарова

РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОБЛОГОВ)

Знание иностранных языков является неотъемлемой частью жизни каждого человека, и английский язык занимает здесь ведущую позицию, играя роль универсального средства коммуникации. В частности, американский английский доминирует благодаря влиянию американской массовой культуры, включая кино, музыку, телевидение и современные технологии. Понимание его особенностей важно для лингвистов, переводчиков, преподавателей и всех, кто взаимодействует с ним в повседневной жизни.

В современном мире видеоблоги существенно влияют на изучение иностранных языков, позволяя слышать носителей языка, улучшать навыки восприятия на слух и понимания акцентов. Кроме этого, они охватывают широкий спектр тем, что позволяет изучать различную лексику в интересующих областях. Видеоблоги часто используют разговорный язык, что помогает научиться говорить более естественно и свободно. Платформа YouTube – ключевой источник цифрового контента. Ежедневно на платформе просматривается более млрд. видео, что подтверждает ее статус универсального пространства для языковой практики.

Для анализа американской разговорной речи был выбран видеоблог под названием *Emma Chamberlain* на YouTube. *Emma Chamberlain* – одна из самых влиятельных ютуберов своего поколения, которая выделяется среди других блогеров благодаря своей уникальной манере общения, сочетающей аутентичность, креативность и способность удерживать внимание аудитории даже при нерегулярных публикациях (в среднем 0.6 видео в месяц). Ее канал насчитывает 12,1 млн. подписчиков и несколько млн. просмотров на видео. Более того, она занимает 19-е место в категории «Видеоразвлечения» в США и активно работает не только на YouTube, но и в Instagram и подкастах. Именно поэтому ее видеоблог – отличный материал для изучения разговорной речи.

На основе анализа речи *Emma Chamberlain* в ее видеоблоге я выделила несколько ключевых тенденций, которые формируют разговорный стиль американского английского языка:

1. Фонетические характеристики: ротичность, использование ‘flap t’ и акцент на звуках [æ] и [ɔ] создают яркий и выразительный стиль, харак-

терный только для американского английского. Например, в словах *morning* ['mɔ:rnɪŋ], *park* [pa:rk], *New York* [jɔ:rk] звук [r] произносится четко, что делает речь более выразительной. Также, в словах *butter*, *water*, *better* [t] произносится как ‘flap t’, что делает речь более плавной. Кроме этого, достаточно частым признаком американской разговорной речи является ярко выраженное «акание», где звук [ə] звучит как [a:] или [ʌ]. В речи Эммы эта особенность является довольно заметной, например, в словах *hot* [ha:t], *wash* [wa:ʃ], *want* [wa:nt], *what* [wʌt]. В британском английском все эти слова произносятся со звуком [ɒ], что также является отличием британского варианта английского языка от американского.

2. Использование сокращений и редукций: это характерная черта американского английского. Они упрощают коммуникацию и придают ей непринужденный характер. Например, во фразах *I'm gonna get it*, и *I'm just probably not gonna do it, going to* сокращается до *gonna*. Это типичная характеристика неформальной речи, которая помогает упростить предложения и создать легкость и непринужденность диалогов.

3. Обилие идиом, сленга и фразовых глаголов: эти элементы не только обогащают лексику, но и позволяют выразить сложные идеи или чувства коротко и лаконично. Например, идиомы как *To throw to the wind* – ‘отказаться, отбросить или игнорировать что-то, обычно с целью пойти на риск’; *Hush hush* – ‘в состоянии секретности или минимальной огласки’; *To make a long story short* – ‘короче говоря, проще говоря, одним словом’ добавляют живой и красочный характер речи. Сленг *This is so cringe* – выражение, обозначающее, что нечто вызывает чувство неловкости или стыда; *That's sick* – ‘что-то очень хорошее, классное или впечатляющее’; *Drunky wonky* – может использоваться в неформальной обстановке для юмористического описания состояния опьянения или странного поведения под действием алкоголя; *Park rat* – разговорный термин, используемый для описания человека, который проводит значительное количество времени в парке, обычно занимаясь различными видами деятельности и общаясь с другими людьми; *Vibe* – ‘настроение, атмосфера’ создает атмосферу близости и дружелюбия, а также упрощает и ускоряет общение, делая его более живым и интересным. Фразовые глаголы, такие как *Narrow down* ‘сужать выбор, уменьшить количество вариантов’; *Run out of* используется в значении ‘закончиться’ (чего-то больше нет); *Get lost* ‘заблудиться’; *Circle back* ‘вернуться к теме’; *Hang out* ‘тусоваться, общаться, проводить время вместе’; *Bring up* ‘поднять тему’; *Come across* ‘встретиться, наткнуться’ добавляют гибкости в общении и экономят слова, позволяя говорить быстрее.

4. Заемствования из других языков: играют значительную роль в формировании современного американского английского. Они свидетельствуют о культурном влиянии и открытости языка к новым идеям и

концепциям. Например, слова *Croissant* ‘круассан’ (слово пришло из французского языка и переводится как «полумесяц»); *Chic* – также произошло от французского слова и описывает что-то, что выглядит элегантно и стильно; *Pretzel* ‘крендель’ (слово происходит от немецкого слова *Brezel*, которое имеет корни в латинском языке) демонстрируют разнообразие языка и его культурные связи.

5. Частое использование слов-паразитов и заполнителей: придает речи естественность. Эти слова помогают заполнить паузы и поддерживают динамику разговора, создавая ощущение живого общения. Например, слова *Like* ‘типа’; *Literally* ‘буквально’; *You know* ‘знаешь, знаете’ и *Kind of* ‘как бы’ часто используются для заполнения пауз или смягчения высказываний, делая их менее прямыми и более дружелюбными.

Таким образом, главной тенденцией американской разговорной речи является сокращение, проявляющееся в редукции звуков, использовании сокращенных форм слов, а также активном применении идиом и фразовых глаголов, что способствует упрощению и ускорению общения. Все эти изменения подчеркивают динамичность и адаптацию языка к более современным условиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 30.03.2025).
2. Oxford Learner’s Dictionaries. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access: 30.03.2025).
3. Urban Dictionary: [online slang dictionary]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/> (date of access: 30.03.2025).

[К содержанию](#)

С. Ю. ПОДАЙКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НА БРИТАНСКИЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ

Произношение является важной частью языка, и оно служит не только средством коммуникации, но и индикатором социальной принадлежности. В Великобритании произносительный стандарт формируется под влиянием различных социальных факторов, таких как класс, регион, пол и возраст. Эти аспекты играют ключевую роль в изменении акцентов и диалектов, а также восприятие их носителями. В этой статье будет проана-

лизировано, как социальная принадлежность влияет на британский произносительный стандарт, опираясь на различные исследования и теории.

Социальный класс является одним из наиболее значительных факторов, влияющих на произносительный стандарт в Великобритании. Акцент “Received Pronunciation” (далее – RP), который часто ассоциируется с высшими классами, воспринимается как стандартный и престижный. Напротив, акценты рабочего класса, такие как Cockney или Scouse, могут восприниматься как менее формальные и даже негативно. Считается, что для речи представителей высшего сословия характерна четкая артикуляция, а речь рабочего класса, напротив, воспринимается как менее внятная. Исследования английского языка, проведенные П. Традгилом и Р. Макаулэем, показали, что каждая социальная группа использует пропорционально больше престижных форм, чем группа, стоящая на ступеньку ниже в социальной иерархии.

В настоящее время зафиксирована классовая дифференциация и внутри самого RP. Дж. Уэллз объясняет неоднородность внутри произносительного стандарта с точки зрения социальных изменений, происходящих в современном английском обществе: рост общественного самосознания представителей среднего и низшего сословий, усиление роли рабочего класса, интеграционные процессы привели к тому, что прежний стандарт произношения, исторически связанный с высшими слоями общества, начинает осознаваться как архаизм, на смену которому должна прийти более демократичная произносительная норма. Нестандартные языковые формы все чаще слышны в обществе и в формальных ситуациях общения, где раньше преобладал только RP, например, Estuary English (далее – EE) описывается как результат акцентной конвергенции, при которой говорящие на RP, принадлежащие к среднему классу, приспосабливаются к местному акценту представителей низшего класса, и наоборот.

Различные регионы Великобритании имеют свои уникальные акценты, которые могут указывать на происхождение говорящего. Например, акцент в Шотландии отличается от акцента в Уэльсе и от акцента в Англии. Шотландский акцент часто включает в себя более жесткое произношение гласных и использование ротационного [r]. В то время как уэльский акцент может иметь мелодичность и интонацию, отличающуюся от остальных регионов. Произносительные различия могут влиять на восприятие человека в обществе. Например, человек с сильным акцентом может восприниматься как менее образованный или менее профессиональный по сравнению с теми, кто говорит на RP. Это явление известно, как «стигматизация акцента», когда определенные акценты ассоциируются с негативными стереотипами.

Возраст также является важным фактором в формировании произносительного стандарта. Молодые носители языка среднего и высшего классов

придерживаются менее стандартных и более демократичных произносительных форм, что выражается, например, в потере гласными их количественных характеристик. В современном произносительном варианте уже не встречается дифтонгическое звучание в таких словах, как *poor* [puə], *hair* [heə] и *mature* [mə'tʃuə]. Молодые носители произносят их как [pɔ:], [hɛ:] и [mə'tʃu:]. Старшее поколение может сохранять более традиционные акценты, такие как Received Pronunciation, тогда как молодое поколение может быть более открыто к смешению акцентов и диалектов. Например, люди старшего возраста в Лондоне могут говорить с акцентом Cockney, который включает специфические фонетические изменения, такие как замена [θ] на [f] (например, “*faas ‘nd*” вместо “*thousand*”) или на [v] (например, “*bover*” вместо “*bother*”). Проведенные перцептивное и акустическое исследования вокальной составляющей речи образованных англичан (18–39 лет) также подтверждают, что RP претерпел изменения, в том числе и под влиянием ЕЕ. В речи английской молодежи закрепились следующие элементы данного типа произношения, а именно – экстремальное продвижение вперед монофтонгов [u] и [u:], сужение монофтонга /ʊ/; расширение ядра дифтонга /eɪ/, продвижение вперед ядра дифтонга /au/.

Современные технологии и медиа играют важную роль в изменении произносительного стандарта. Социальные сети, телевидение и кино способствуют распространению различных акцентов и диалектов.

Платформы, такие как YouTube, Instagram и TikTok, позволяют пользователям делиться контентом, который может включать различные акценты и произношения. Многие популярные блогеры используют свой акцент или произношение, что может повлиять на их аудиторию. Молодежь может начать имитировать произношение своих кумиров, что приводит к изменению произносительных норм.

Музыка также оказывает значительное влияние на произносительный стандарт. Популярные исполнители могут использовать акценты и произношение, которые становятся модными. Артисты, такие как Adele или Ed Sheeran, могут использовать определенные акценты, которые становятся популярными среди слушателей. Это может привести к тому, что молодые люди начнут применять элементы этих акцентов в своей речи.

С ростом глобализации и доступа к международным медиа британский английский начинает заимствовать элементы других языков и акцентов. В результате миграции и культурного обмена в Великобритании можно встретить множество акцентов, которые смешиваются с традиционными британскими говорами. Это приводит к созданию новых гибридных акцентов.

На основании изложенного можно уверенно утверждать, что представители всех социальных слоев Великобритании в той или иной мере влияют на направление развития британского произносительного стандарта.

В этом процессе особое внимание следует уделить молодому поколению, а также самой многочисленной группе в английском обществе – среднему классу, который преимущественно использует демократичный произносительный вариант британского английского.

[К содержанию](#)

А. А. ПОЛЯНСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Е. Саиди

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Источники заимствований в английском языке представляют собой многогранное поле для исследования, отражающее исторические, культурные и социальные взаимодействия, которые формировали английский язык на протяжении веков. Основные источники пополнения лексики обусловлены историческими факторами, оказавшими влияние на эволюцию английского языка.

Английский язык на протяжении своей истории оказывался под влиянием всех стран и народов, с которыми происходили его тесные контакты. Рассмотрим основные исторические периоды развития языка и определим те языки, которые стали донорами заимствованной лексики.

Древнеанглийский период. Первоначальные заимствования произошли от англов, саксов и ютов, которые принесли свои языковые элементы в V–VI вв. Затем начинается значительное влияние латинского языка в результате римского завоевания Британии (43–410 гг. н. э.). Латинские заимствования чаще всего касаются таких тематических блоков, как религия, наука и образование, право.

Викинги, пришедшие из современных Норвегии, Дании и Швеции, оказали влияние на английский язык в VII–VIII вв., добавив множество слов и изменив грамматический строй языка.

Среднеанглийский период. После нормандского завоевания в 1066 г. французский язык стал языком аристократии и образования, что привело к значительному заимствованию лексики в области права, политики, образования, искусства и кулинарии.

Новоанглийский период. В эпоху колониализма и культурного обмена английский язык начал заимствовать слова из испанского языка, особенно в области кулинарии и музыкального искусства. Итальянский язык также повлиял на английский в области музыкального искусства и архитектуры.

Нидерландский язык оказал влияние на английский в области торговли и мореплавания, особенно в XVII–XVIII вв.

В XIX–XX вв. английский язык заимствовал слова из русского, отражая культурные и исторические события России.

Влияние арабского языка проявляется в научной, математической и культурной лексике. В последние годы английский язык активно заимствует лексику из японского, корейского, китайского языков, что, в первую очередь, отражено в таких тематических пластиках, как наука и техника, кинопроизводство, кулинария и культура.

Английский язык продолжает заимствовать слова из множества других языков благодаря глобализации и культурному обмену, включая японский, хинди, корейский и мн. др. языки.

Эти народы и страны сыграли ключевую роль в формировании богатства и многообразия английского языка, делая его одним из самых адаптивных и универсальных языков в мире.

Что касается латинских заимствований, то в английском языке есть три хронологических слоя латинских заимствований. Первая группа латинских заимствований вошла в английский язык благодаря торговым отношениям на континенте, например: *pepper, wine, pear*. Вторая группа латинских заимствований пришла в английский в период распространения христианства: *mass, devil, school, priest*. Третья группа – это заимствования эпохи Ренессанса или книжные заимствования: *animal, formula*. В эпоху Возрождения появляются слова из областей медицины, литературы, теологии, терминологии и мн. др.

Лингвисты соглашаются с тем, что значительное количество латинских слов попало в английский язык в нормандский период (XI–XIII вв.). Однако эти слова, по большей части, уже претерпели в той или иной степени фонетические, грамматические и семантические изменения в нормандском диалекте французского языка, который заимствовал эти слова из латыни.

Что касается скандинавских слов, то они вошли в английский в основном в результате устного общения. Несколько слов скандинавского происхождения можно найти в письменных источниках древнеанглийской культуры. Письменные источники появились в конце XII в. В них были отражены формы диалектов, появились свидетельства ранних устных заимствований из скандинавских языков. Английский и скандинавский принадлежали к одной германской группе. Это позволило тем, кто умел говорить, по крайней мере, понимать друг друга. Данный факт говорит о взаимном влиянии языков. В первую очередь заимствовались существительные, прилагательные, глаголы. Позже население стало заимствовать общеупотребительные слова, такие как *drag, husband, snare, fellow, skirt, leg, guess, skin, calf, cast, ill, low, wrong*.

Во время новейшего периода истории скандинавские заимствования встречаются очень редко.

Французские заимствования наиболее многочисленны в английской лексике. Особенно отчетливо французские заимствования наблюдаются в сферах государственного управления, военного дела, в организации церковных служб и в городской жизни.

Более половины английских слов имеют французское происхождение после нормандского завоевания (1066 г.). Все названия животных изначально являются английскими лексемами, а мясо этих животных является французским заимствованием, например: *cow-beef, pig-pork, deer-venison, sheep-mutton*.

Французские заимствования в английском языке употребляются, как правило, для достижения большей официальности, например: *commence* вместо *begin, to be content* вместо *to be glad*.

В разные исторические эпохи в английский язык было заимствовано разное количество французских слов. Наибольшее количество галлизмов появилось в период с XII по XV в. и охватывает различные области жизни. Таким образом, влияние французского языка на английский в этот период было обширным и затрагивало многие сферы жизни, что сделало английский язык лексически более богатым и разнообразным.

В английском существует большое количество заимствований из группы романских языков (испанский, итальянский, португальский). Заимствования из данных языков связаны с развитием международных отношений упомянутых языков и Британией.

В современном мире английский язык продолжает заимствовать слова из множества других языков, включая арабский, китайский, японский и мн. др. Это происходит благодаря глобализации, миграции и культурному обмену, когда новые идеи, технологии и культурные практики становятся частью повседневной жизни.

Таким образом, источники заимствований в английском языке представляют собой сложный и динамичный процесс, который не только обогащает язык, но и отражает исторические изменения, культурные взаимодействия и социальные трансформации. Исследование этих заимствований позволяет глубже понять, как английский язык развивался и адаптировался к меняющимся условиям, становясь одним из самых многообразных и универсальных языков в мире.

[К содержанию](#)

А. К. САВИНКОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В последние десятилетия английский язык претерпел значительные изменения, особенно в области использования аббревиатур. Эти трансформации во многом обусловлены развитием технологий и цифровой коммуникации. Аббревиатуры становятся неотъемлемой частью повседневного общения, влияя на формирование языка и его восприятие.

Аббревиатуры – слова, образованные сокращением слова или словосочетания и читаемые по алфавитному названию начальных букв или по начальным звукам слов, входящих в сами аббревиатуры, т. е. представляют собой сокращенные формы слов или фраз, которые используются для упрощения коммуникации. Ю. В. Горшунов отмечает: «Аббревиация, создающая множество самых разнообразных сокращений от сленговых и разговорных, обиходно-бытовых усечений, бытующих в разговорной среде, до специальных терминов, используемых в узкопрофессиональных сферах, объединяет в себе стремление к стандарту и экспрессии» [1].

Актуальность изучения аббревиатур, их порождения и распространения в современной лингвистике обусловлена динамичностью языка. Аббревиатуры отражают быстрые изменения в языке, особенно в контексте технологического прогресса. В эпоху цифровизации и информационного перенасыщения они становятся необходимым инструментом компрессии информации, позволяющим передавать сложные понятия и явления в краткой и удобной форме. Изучение аббревиатур важно для понимания современной коммуникации, особенно в ИТ-сфере, экономике, медицине, образовании и др., где они активно используются для обозначения специфических терминов и понятий. Помимо практической пользы, аббревиатуры представляют собой интересный лингвистический феномен, требующий анализа их влияния на язык в целом. Исследование процессов аббревиации позволяет лучше понять механизмы языковой экономии, словообразования и адаптации языка к новым условиям. Когнитивные аспекты аббревиации, включая механизмы языковой экономии, подробно изучаются в работах В. А. Беляевой [2].

Актуальность изучения и преподавания аббревиатур в контексте английского языка как иностранного несомненно высока. Включение аббревиатур в учебный процесс обеспечивает аутентичность языкового материала, приближая изучаемый язык к его реальному использованию.

Это, в свою очередь, повышает мотивацию учащихся и готовит их к реальным ситуациям общения. Знание распространенных аббревиатур позволяет более эффективно общаться в различных контекстах, особенно в профессиональной и академической сферах, повышая эффективность коммуникации. В эпоху цифровых коммуникаций, когда аббревиатуры широко используются в текстовых сообщениях, социальных сетях и электронной почте, их изучение помогает учащимся адаптироваться к современным формам общения.

Важно отметить, что знание аббревиатур может оказаться полезным при сдаче международных экзаменов по английскому языку, таких как TOEFL, IELTS, Cambridge exams. Кроме того, включение аббревиатур в учебный процесс требует от преподавателей постоянного обновления своих знаний, способствуя их профессиональному росту и позволяя им и учащимся следить за изменениями в языке и оставаться в курсе современных языковых тенденций, адаптируясь к быстро меняющемуся языку.

Социальные и культурные факторы играют ключевую роль в распространении аббревиатур. Например, в эпоху быстрого развития интернета и мобильной связи потребность в оперативном обмене информацией способствовала созданию новых сокращений. Слова и фразы, которые раньше были длинными и сложными, теперь часто заменяются короткими формами.

Аббревиатуры можно классифицировать на несколько типов: акронимы (например, *NASA – National Aeronautics and Space Administration*), инициализмы (например, *FBI – Federal Bureau of Investigation*) и сокращения (например, *info* от *information*).

Использование аббревиатур значительно возросло в последние годы. Наиболее распространенными стали акронимы, связанные с технологиями и интернет-культурой. В 1990 г. в английском языке популярными аббревиатурами были такие термины, как *CD (compact disc)* и *ATM (automated teller machine)*, отражающие технологические достижения того времени. В 2000-х гг. в обиход вошли аббревиатуры, связанные с сетью Интернет и мобильной связью, такие как *Wi-Fi (wireless fidelity)* и *SMS (short message service)*.

В связи с развитием генеративного искусственного интеллекта и больших языковых моделей появился ряд новых англоязычных аббревиатур: *GAI – Generative Artificial Intelligence*, *LLM – Large Language Model*, *AGI – Artificial General Intelligence*, *ML – Machine Learning*, *DL – Deep Learning*, *RL – Reinforcement Learning*, *TTS – Text-to-Speech*, *STT – Speech-to-Text*, *NLP – Natural Language Processing*.

Опираясь на данные, полученные из корпуса iWeb: The Intelligent Web-based Corpus [3], можно констатировать значительный рост упоминаний вышеупомянутых аббревиатур. Например, общее количество упоминаний

LLM в корпусе составляет 16 500. В 2023 г. было зафиксировано 3 650 упоминаний, в то время как в 2024 г. это число возросло до 6 000, что свидетельствует о существенном увеличении интереса к этой теме. На текущий момент зафиксировано 3 200 упоминаний, так что можно предположить, что общее число упоминаний за год точно превысит показатели 2024 г. Данные результаты подтверждают тенденцию к росту популярности и распространению цифровых технологий, в частности больших языковых моделей, что отражается в частоте упоминания аббревиатур в текстовых корпусах.

Несмотря на широкое распространение, использование таких аббревиатур, как *GAI*, *LLM*, *AGI*, *ML*, *DL*, *RL*, *TTS*, *STT*, *NLP*, ограничено сферами, связанными с искусственным интеллектом, машинным обучением и научными исследованиями в данной сфере. Их применение в других областях может потребовать дополнительных пояснений. Например, Т. Браун отмечает, *LLMs have revolutionized NLP, enabling significant progress in various tasks such as text generation, machine translation, and question answering* [4].

В заключение можно сказать, что исследование аббревиатур в современном английском языке демонстрирует влияние цифровой эпохи на язык и коммуникацию. Понимание динамики языка в контексте современных коммуникационных практик является важным аспектом лингвистических исследований и может помочь лучше понять процессы, происходящие в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшунов, Ю. В. Прагматика аббревиатуры / Ю. В. Горшунов. – М. : Прометей, 1999. – 219 с.
2. Беляева, В. А. Когнитивный подход к изучению аббревиации / В. А. Беляева // Фундаментальные исследования. Педагогические науки. – 2007. – № 9. – С. 95–97.
3. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (date of access: 23.04.2025).
4. Language Models are Few-Shot Learners / T. B. Brown, B. Mann, N. Rigder [et al.]. – URL: <https://proceedings.neurips.cc/paper/2020/file/1457c0d6bfcb4967418bfb8ac142f64a-Paper.pdf> (date of access: 23.04.2025).

[К содержанию](#)

М. М. САДЧЕНКО

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель – Ж. Б. Манкевич

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОТРИЦАНИЯ В РОМАНЕ ЭМИЛИ БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»

Категория отрицания представляет собой универсальный концепт, выходящий за рамки исключительно лингвистической науки и охватывающий также философию, логику и диалектику. Данный факт подтверждается включением отрицания в так называемый «универсальный грамматический набор» [1, с. 142], что подчеркивает невозможность построения полноценной языковой системы без механизмов выражения отрицательных значений.

В собственно лингвистической парадигме проблематика категории отрицания получила широкое освещение в трудах ряда ученых, среди которых М. Закиев, Н. Г. Озерова, А. И. Бахарев, Е. И. Шендельс и мн. др. Неослабевающий интерес к данной теме обусловлен фундаментальной ролью различных форм отрицания в структуре коммуникативного процесса и дискурсивных практик. Согласно определению О. С. Ахмановой, отрицание в системе языковедческих наук трактуется как «выражение при помощи лексических, морфологических, синтаксических и других средств того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует» [2, с. 302]. Тем самым, отрицание предстает как важнейший когнитивно-коммуникативный механизм, регулирующий отношения между пропозициональным содержанием высказывания и его верификацией в реальном мире.

Особый интерес представляет точка зрения А. М. Пешковского, относящего категорию отрицания к классу «субъективно-объективных» категорий. Ученый аргументирует это тем, что отрицание выражает не просто объективное отношение между явлениями (представлениями), а прежде всего отношение говорящего субъекта (адресанта) к этим отношениям, формируя тем самым прагматически обусловленную перспективу высказывания [3, с. 387]. Таким образом, отрицание оказывается зоной пересечения объективной семантики (референтной ситуации) и субъективной модусной рамки (интенции говорящего, иллокутивные силы).

Обращаясь к непосредственно категории отрицания английского языка, отметим, что грамматические аспекты его выражения отражены в работе Б. Е. Зернова. Согласно его исследованию, грамматический способ реализации отрицательных значений в системе английского языка предполагает использование аффиксальных морфем и словообразовательных элементов с собственно отрицательной семантикой, среди которых выде-

ляются: *de-, dis-, ab-, in-, ir-, il-, non-, mis-, un-, -less*, а также отрицательные операторы *never-, no-, not-, -not* [4, с. 154].

В свете актуальности вопроса изучения отрицания и расширения демонстрационного материала для описания грамматических форм его выражения, мы полагаем, что рассмотрение выражения исследуемой категории особенно продуктивно в контексте художественного текста. В качестве лингвистического материала для анализа избран классический роман Эмили Бронте “*Wuthering Heights*” [5], представляющий собой уникальную семиотическую систему с богатой палитрой эмотивно-модальных смыслов, где механизмы отрицания играют ключевую роль в формировании драматического конфликта, характеристике персонажей и развертывании авторской нарративной стратегии.

На основе изученного материала, отобранного методом сплошной выборки и составившего 2682 примера использования различных грамматических форм отрицания, нами была разработана следующая классификация, позволяющая наглядно отразить вариации реализации категории в тексте романа «*Wuthering Heights*».

1. Отрицание с использованием ***not*** – 917 примеров. Чаще всего *not* употребляется в глагольных конструкциях, и при этом является наиболее частой формой грамматического отрицания. Она присоединяется к *вспомогательным* (*do, have, be*) или *модальным глаголам* (*can, will, shall*), создавая формальное отрицание действия или состояния. В романе эта конструкция служит для:

- выражения прямого отказа или запрета: *I do not believe that I could..., I'll not say what he shall be done to – but, you'll see!;*
- отрицания фактов или мнений: *She's not accustomed to be spoiled – not kept for a pet;*
- усиления эмоционального контекста в диалогах: *I should not care if you did, Mr. Heathcliff.*

Структурными вариантами выступают *not* с инверсией для эмфазы: *Not anxious to come in contact with their fangs, I sat still...*, а также сокращение ***n't***: *I couldn't help exclaiming*, встречающееся 534 раза.

2. Отрицание с детерминативом ***no***, которое выполняет роль отрицательного артикля, отрицающего существительное или именную группу. В тексте оно:

- указывает на полное отсутствие объекта: *He had no money; There is no escape;*
- создает категоричные утверждения: *I'm no coward. Save yourself: I'm not afraid!;*
- участвует в идиоматических выражениях: *by no means.*

Стилистически оно может быть выражено через повторы для усиления эмоциональной компоненты: *No, no, Isabella, you sha'n't run off.*

Комбинация с другими отрицательными словами: *No talking!* (императив с элизией глагола).

3. Отрицательные местоимения и наречия, к которым относятся *none, nobody, nothing, nowhere, never* выполняют в тексте следующие функции:

- указывают на отсутствие объекта/лица: *No Catherine could I discover upstairs, and none below;*
- отрицают действие во временном контексте: *You never told me before that I talked too little...;*
- подчеркивают невозможность: *I could discover them nowhere.*

Мы также выделяем некоторые семантические нюансы. Так, *never* используется только для выражения постоянного отрицания: *I never relent in exacting my due from any one*; местоимение *nothing* встречается только в абстрактных контекстах: *There is nothing in the world the matter.*

На материале лингвистической выборки выявлены пропорции, представленные на рисунке.

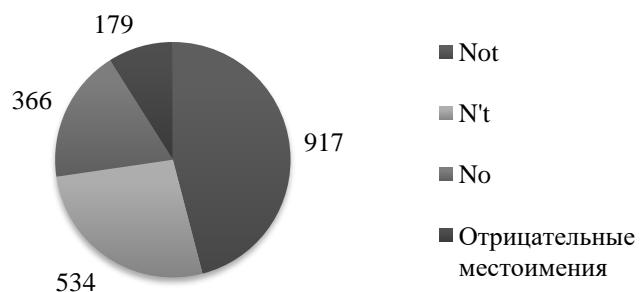

Рисунок – Соотношение грамматических форм отрицания *not, no* и производных

Таким образом, можно сделать вывод, что отрицание с использованием *not*, и его сокращенной формы *n't* является наиболее частотным из всех рассмотренных выше примеров, что указывает на ее роль основного маркера отрицания в английском языке.

Также можно выделить случаи использования аффиксов для выражения отрицания. Сюда вошли следующие категории:

1. Префиксы:

Un-: отрицает качество или состояние: *unhappy* ‘несчастный’, *unobtrusive* ‘ненавязчивый’: *He... looking uncommonly grim and stern;*

Dis-: указывает на обратное действие или отсутствие признака: *disagreeable* ‘неприятный’, *disappear* ‘исчезать’: *So it was dark when we dismounted in the paved yard of the farmhouse*;

In-/Im-/Il-: отрицают возможность или соответствие: *impossible* ‘невозможный’, *irregular* ‘неправильный’: *Spoke audibly in irrepressible sighing and weeping*;

Mis-: выражает отсутствие чего-либо, потерю признака: *misbehaviour* ‘дурное поведение’, *misfortune* ‘неудача’.

2. Суффикс *-less*: обозначает отсутствие качества: *colorless* ‘бесцветный’, *useless* ‘бесполезный’: *Catherine’s face was colorless and wan*.

Аффиксы не только меняют значение слов, но и усиливают эмоциональную нагрузку. Например, в отрывке *it only goes to convince me that you are ignorant of the duties you undertake in marrying; or else that you are a wicked, unprincipled girl* использование отрицания с префиксом *in* усиливает экспрессию обвинения. Аффикс подчеркивает полное отсутствие у объекта речи внутренних нравственных ориентиров, а употребление *unprincipled* вместо синонимичных конструкций (например, *without principles*) акцентирует категоричность оценки.

Грамматическое отрицание в «Wuthering Heights» демонстрирует структурное разнообразие, отражающее эмоциональную интенсивность и стилистическую сложность романа. Доминирование частицы *not* подтверждает ее ключевую роль в организации отрицательных конструкций, в то время как аффиксы (*in-*, *dis-*) обогащают семантику текста. Количество подчеркивают, что Э. Бронте активно использует все доступные средства отрицания для создания психологической глубины персонажей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М. : РГГУ, 2011. – 672 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Языки славянской культуры, 2020. – 511 с.
4. Зернов, Б. Е. Отрицание / Б. Е. Зернов // Теоретическая грамматика английского языка. – Л., 1983. – С. 154.
5. Brontë, E. Wuthering Heights / E. Brontë. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/768/768-h/768-h.htm> (date of access: 12.12.2024).

[К содержанию](#)

Е. С. САЗОНОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

В современной лингвистике изучение лексико-семантических полей (далее – ЛСП) становится крайне важным, т. к. помогает структурировать и упорядочить лексику, выявляя семантические связи между словами. Лексико-семантическое поле – это иерархически организованная система лексических единиц, объединенных общим смыслом и отображающих определенную сферу языка.

В нынешней компаративистике, наряду с развитием когнитивных и лингвокультурологических подходов, продолжают применяться традиционные методы описания языковой системы, к которым относится изучение состава и значения лексики в рамках лексико-семантического поля.

Восприятие лексики как многогранного, цельного и комплексного системного компонента позволяет классифицировать лексемы по взаимосвязанным подсистемам. С помощью выявления отношений между лексемами реализуется упорядочивание слов в конкретные группы. Изучение методов установления этих связей между языковыми единицами послужило основой для разработки теории лексико-семантического поля.

В современной лингвистике наблюдается широкий спектр исследовательских методов и теоретических взглядов, связанных с анализом лексико-семантического поля. Ключевой принцип этих теорий – представление о том, что слова в языке тесно связаны по смыслу. Эта взаимосвязь проявляется в наличии определенных структурных компонентов, которые формируют единую систему из лексем, имеющую ясную иерархическую организацию.

В лингвистике лексико-семантическое поле определяется как совокупность лексических единиц, объединенных в группу по схожим обобщающим признакам.

К основным характеристикам этого понятия относятся:

- лексико-семантическое поле характеризуется определенной внутренней структурой;
- в рамках одного поля могут существовать антонимы и синонимы;
- слова в лексико-семантическом поле охватывают различные уровни значения – от узкоспециализированных до широких и общих;
- лексические единицы обладают не только прямым значением, но и дополнительными смысловыми оттенками, доступными только носителям языка;

- между словами одного лексико-семантического поля устанавливаются четкие семантические связи;
- термины, входящие в поле, имеют специфические контекстуальные связи, определяющие их употребление в конкретных фразах, ситуациях и выражениях;
- лексико-семантическое поле не существует изолированно, его элементы активно участвуют в формировании других полей;
- ЛСП можно рассматривать как самостоятельную подсистему языка, способную взаимодействовать с другими полями и, таким образом, формировать общую языковую структуру.

В лингвистике существует множество мнений о взаимосвязях между лексическими единицами в рамках поля. Однако большинство лингвистов согласны с тем, что внутри поля имеются как синтагматические, так и парадигматические отношения.

Синтагматические отношения создают горизонтальные связи между лексемами в пределах изучаемого лексико-семантического поля. Этот тип отношений определяется линейной последовательностью словосочетаний, которые связаны между собой благодаря интонационно-смысловому единству в определенной ситуации или контексте.

Парадигматические связи формируют вертикальные отношения в лексико-семантическом поле. В рамках этих отношений лексемы объединяются на основе их уникальных и общих семантических характеристик.

Ключевым элементом лексико-семантического поля является ядро, которое обладает высокой концентрацией свойств, способствующих его формированию.

Вокруг одной главной лексемы (гиперонима) формируется центральное ядро. Гипероним может представлять собой простую с точки зрения семантики лексему, обладающую широкой совместимостью с другими словами в данном поле и обобщенным значением. Околоядерная или предъядерная зона включает лексические единицы, которые находятся близко к ядру лексико-семантического поля. Основная характеристика лексем в этой зоне – наличие абстрактного значения и высокая сочетаемость с другими элементами поля.

В лексико-семантическом поле, помимо околоядерной зоны и ядра, выделяются две периферийные зоны: ближняя и дальняя. Периферийные зоны содержат значения, объединенные общим признаком. Ближняя периферия включает лексемы с низкой частотностью, которые характеризуются независимостью от контекста и стилистической нейтральностью. В свою очередь, дальняя периферия охватывает лексемы с еще более низкой частотой употребления, которые могут быть стилистически ограниченными и многозначными.

Стоит отметить, что лексемы в рамках одного поля, обладающие общими семантическими характеристиками, могут взаимодействовать с элементами других лексико-семантических полей, создавая пересечения. Однако их роли в реальной и семантической деривации могут различаться.

Лексико-семантическое поле представляет собой структуру, состоящую из ядра, ядерной зоны, а также дальней и ближней периферии. Внутри одного лексико-семантического поля все лексемы связаны системными семантическими отношениями с гиперонимом, причем наибольшая степень связи наблюдается у лексем, находящихся в околовядерной зоне, за которыми следуют слова дальней и ближней периферий. Лексемы конкретного лексико-семантического поля не ограничиваются одной областью; они могут также входить в состав других полей, занимая в них различные позиции.

[К содержанию](#)

О. С. СИДОРЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. Г. Сальникова, доцент

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЧОКОНИМОВ**

Как известно, любые наименования, и в частности прагматонимы (наименования товаров), отражают взгляд на мир, предпочтения определенного народа. Это касается даже таких незначительных товаров, как, например, шоколадные конфеты. В данной статье на материале 33 названий шоколадных изделий брендов *KitKat*, *Mars Incorporated*, *Reese's*, *Cadbury*, *Hershey's*, *Nestle*, *Milky Way* [1] мы рассмотрим лингвокультурологические особенности английских чоконимов.

Семантически отобранные наименования шоколадных изделий можно разделить на 4 смысловые группы (рисунок):

- 1) чоконимы, содержащие в себе информацию о вкусе продукта (*Nutrageous*, *Milklicious*) (31 %);
- 2) чоконимы, содержащие имена собственные (*Mr. Big*, *Mr. Goodbar*) (16 %);
- 3) чоконимы, отражающие культурные реалии (*5th Avenue*, *Ghost Toast*) (22 %);
- 4) чоконимы, не подпадающие ни под одну из вышеуказанных категорий) (31 %).

Рисунок – Семантические группы чоконимов

Остановимся на некоторых чоконимах более детально. Так, в батончике *Perky Nana* компании *Cadbury* слово *Nana* является сокращением от слова *banana*, обозначая, что конфета имеет бананово-шоколадный вкус. Слово *perky* означает ‘веселый’ или ‘живой’, что привлекает внимание детей.

Название батончика *Cookies'n'crème Flat white* компании *Hershey's* не только сообщает нам о его вкусе, но и осуществляет отсылку к известному кофейному напитку на основе двойного эспрессо с добавлением молока *Flat white*, созданному в 1980-х гг. баристой Дереком Таусенном. Шоколадный батончик *Pecan* компании *Mars Incorporated* прямо указывает на его вкус (пекан – это древесный орех, относящийся к семейству ореховых).

В некоторых случаях название прямо указывает на вкус продукта. Примерами таких являются *Caramello*, *Milklicious*, *Biscoff*, *Nutrageous*. В переводе с итальянского языка *Caramello* означает ‘карамель’ и указывает на содержание в батончике карамели. В названии подчеркивается мягкая структура карамели, чтобы вызвать у потребителей ассоциацию с чем-то приятным. Название *Milklicious* является сочетанием двух слов: *milk + delicious*, что дает покупателю информацию не только о вкусе, но и о текстуре батончика. В названии батончика *Biscoff* можно выделить усечение слова *biscuit*, что указывает на наличие в составе печенья. В случае батончика *Nutrageous* имеет место языковая игра, сочетание слов *nut + outrageous*. Такое сочетание создает образ богатого орехами продукта.

Название плитки шоколада *Top Deck* компании *Cadbury* обусловлено ее концепцией: плитка состоит из двух слоев шоколада. Верхний слой состоит из белого шоколада, а нижний слой – из молочного. Это и производит вкусовой и визуальный контраст, отражаемый в названии.

В наименовании батончика *Mr. Big* компании *Cadbury* упор делается на размер продукта: длина батончика составляет 20 см, что делает его самым большим батончиком, производимым компанией *Cadbury*.

Среди наименований встречаются случай употребления ономатопеи. Так, название батончика *Choo* компании *Nestle* представляет собой звуко-подражательное название, имитирующее гудок поезда. Подобное название ориентировано на детскую аудиторию.

Батончик *Iced Latte* от компании *Cadbury* отсылает ко вкусу охлажденного кофейного напитка, созданного в Италии в 1950-х гг. и завоевавшего популярность во всем мире.

Обратимся к культурным явлениям, которые нашли отражение в названиях шоколадных конфет.

Так, наименования *Ghost Toast*, *Werewolf Tracks* бренда *Kit Kat* и *Skeletons* компаний *Reese's* являются прямой отсылкой к известному празднику Хэллоуин. Конфеты *Santas* компании *Reese's* названы в честь Санта Клауса – главного символа Рождества в США.

Название плитки шоколада *Harry Potter* компании *Hershey's* является отсылкой к известному персонажу из романов в жанре фэнтези, написанных британской писательницей и сценаристкой Джоан Роулинг. Наименование батончика *5th Avenue* бренда *Hershey's* является аллюзией на Пятую авеню – самую известную и престижную улицу Нью-Йорка, а также одну из самых дорогих и респектабельных улиц мира.

Батончики под названием *Level up* компании *Oh Henry!* были созданы для привлечения молодого поколения и удовлетворения потребностей геймеров поколения Z в перекусах. В геймерской среде глагол *to level up* означает повышение уровня, т. е. переход игрока на новый уровень.

Некоторые наименования имеют отсылку к историческим событиям. Батончик *Payday* был впервые представлен в 1932 г. во время Великой депрессии компанией *Hollywood Candy Company* и получил свое название, потому что впервые был произведен в день выдачи зарплаты в этой компании. *Payday* продавался во время Великой депрессии как замена приему пищи из-за плотного арахисового слоя.

Компания *Mars Incorporated*, создатель батончика *Butterscotch Scoop*, своим продуктом стремилась не только привлечь давних поклонников, но и приобрести новых. Вкус этого батончика должен был воссоздать аромат ирисок, которые многие помнят с детства. В Америке ириски

имели популярность, особенно в период Великой депрессии, т. к. были недорогими, и каждый имел к ним доступ.

Среди названий можно также найти интересные примеры употребления сленговых выражений. Так, название *Whatchamacallit* компании *Hershey's* является разговорным выражением, которое часто используют в неформальной речи для обозначения чего-то или кого-то, чье имя забыто. С годами это выражение прочно вошло в обиход, появилось в литературе и социальных сетях.

В наименованиях продукции можно также встретить имена известных исторических личностей. Таким является название батончика *Milo* компании *Nestle*. Название произошло от имени знаменитого древнегреческого атлета Мило из Кротона, славившегося легендарной силой.

В наименованиях чоконимов также можно встретить влияние других культур. Так, продукт *Churro* бренда *KitKat* является отсылкой к известному испанскому блюду чуррос. Чуррос – это традиционное блюдо, подаваемое на завтрак в Испании, – палочки из заварного теста, обжаренные в большом количестве масла. *Churro* был создан как уникальный продукт, сочетающий в себе элементы привычного вкуса батончика *KitKat* и традиционного испанского десерта.

Среди названий также можно встретить упоминание спорта. Батончик *Fast Break* компании *Hershey's* может иметь отсылку к спортивной тематике. В баскетболе термин *Fast Break* означает прорыв к кольцу, что подчеркивает заряд энергии, который дает этот перекус.

Таким образом, на примере шоколадных изделий брендов *KitKat*, *Reese's*, *Cadbury*, *Hershey's*, *Nestle* и др. мы рассмотрели семантические и национально-культурные особенности англоязычных чоконимов, которые не всегда понятны представителям других лингвокультур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. American Chocolate // AmericanCandyCo. – URL: <https://americancandyco.co.uk/> (date of access: 26.08.2024).

[К содержанию](#)

Д. Д. УГЛЯНИЦА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
ДЕОНТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

В последние годы исследование языковых средств, выражающих деонтическую модальность, приобрело особую значимость в лингвистике. Деонтическая модальность, являясь ключевым элементом языковой системы, помогает передавать такие понятия, как обязанность, необходимость, разрешение и запрет. В английском и русском языках эти аспекты модальности находят отражение в разных языковых конструкциях и особенностях. Сравнительный анализ способов выражения деонтической модальности в данных языках, особенно через призму художественной литературы, позволяет выявить различия в подходах к передаче обязательств, разрешений и социальных норм. Исследование таких конструкций помогает лучше понять связь языка с культурными и этическими установками общества, раскрывая их уникальность и взаимосвязь.

В рамках данного исследования был проведен сравнительный анализ способов выражения деонтической модальности в английском и русском языках на примере произведений: «*The Martian*» Э. Вейера, «*The Girl on the Train*» П. Хокинс, «*Normal*» С. Руни, а также «*Преступление и наказание*» Ф. Достоевского и «*Недоросль*» Д. Фонвизина.

Для выражения деонтической модальности как в английском, так и в русском языках используются различные языковые средства, а именно: лексические, грамматические и перифрастические.

В английском языке наиболее характерными грамматическими маркерами деонтической модальности выступают модальные глаголы, такие как *must*, *have to*, *should*, *ought to*, *may*, *might*, *can*, *could*, которые выражают широкий спектр оттенков – от строгого обязательства до мягкой рекомендации или разрешения: *He must find a way to grow food and survive on Mars* (Weir). *They should consider all possible options for the rescue mission* (Rooney). *She can piece together the events of that fateful night* (Hawkins).

В то же время активно используются грамматические конструкции с глаголами, близкими по значению к модальным, для выражения долженствования. Например, в предложениях *I can't make you do anything* и *And you don't want him to find out?* (Hawkins) глаголы *to make* и *to want* указы-

вают на то, что действие должно быть выполнено под давлением, т. е. обязывают человека его выполнить.

Конструкции с формами повелительного наклонения также часто используются для проявления деонтической модальности, предлагая более прямолинейное выражение совета или разрешения: *Get yourself another drink. Talk to me!* (Weir).

Утвердительные предложения с побудительным значением могут также содержать глагол в будущем времени или грамматическую конструкцию *to be going to* для выражения деонтической модальности: *I'm going to need to find a way to grow more food* (Rooney). *If you do that, you'll regret it* (Weir). Кроме того, модальная конструкция *had better* активно используется для выражения настоятельного совета: *She had better not be lying to me* (Hawkins).

К лексическим средствам выражения деонтической модальности в английском языке относятся различные фразы и конструкции, например, *be allowed to* и *be supposed to*, помогающие передать значения разрешения, ожидания и необходимости: *She was never allowed to forget her mistakes...* (Hawkins). *I'm supposed to be on a spaceship headed for Earth* (Weir).

Кроме того, важную роль играют безличные выражения. Например, фразы *it is necessary*, *it is important* и др. указывают на необходимость или важность выполнения какого-либо действия: *It is necessary to maintain hope, even when all seems lost* (Hawkins). *It is important to stay positive and focused on survival* (Weir).

В русской художественной литературе деонтическая модальность служит важным инструментом для выражения обязательств, норм и предписаний, регулирующих поведение человека в обществе. Чаще всего она выражается при помощи глаголов *должен*, *обязан* и др.: *Я обязан был заранее знать...* (Ф. Достоевский). *Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными* (Д. Фонвизин).

Также деонтическая модальность может быть выражена через категорию наклонения. Например, в изъявительном наклонении автор описывает факты и реальные обязательства: *Он должен и будет просить у вас извинения* (Ф. Достоевский), а сослагательное наклонение используется для описания гипотетических ситуаций, которые могли бы изменить ход событий: *Если бы теперь встретился с ним господин Лужин, он, кажется, убил бы его!* (Ф. Достоевский), подчеркивая внутренние сомнения и страхи персонажей.

Мы также можем говорить об активном использовании глаголов *допускать* и *стоить*, которые выражают возможность и условия исполнения действий: *Вы допускаете возможность нарушения данного мне обещания* (Ф. Достоевский). *Стоит только сохранить над ними всю волю и весь рассудок* (Д. Фонвизин).

Среди наиболее распространенных выражений с деонтической модальностью в романе «Преступление и наказание», можно отметить *иметь право*, а в пьесе «Недоросль» нами выявлен запрет в виде фразы *не позволю*: *Какое право вы имеете так говорить с ней!* (Ф. Достоевский). *А я матушкин сынок и смеяться себе в глаза и мучить себя я не позволю* (Д. Фонвизин).

Глаголы *мочь* и *удастся* также относятся к средствам выражения деонтической модальности: *Я могу объяснить* (Ф. Достоевский). *Если удастся, сыграем свадьбу* (Д. Фонвизин). Они подчеркивают степень возможности и успешности. Краткое прилагательное *способен* также играет важную роль в контексте деонтической модальности, указывая на возможности персонажей: *Ведь способны на большее, но благостины нет* (Д. Фонвизин).

Повелительное наклонение в таких фразах как *Вон!* и *Идите!*, а также использование частиц в деонтонических высказываниях, таких как *ли*, *же*, используются для усиления утверждения о необходимости выполнения действия: *Нужно ли вести солдат скорее?* (Д. Фонвизин).

Среди перифратических средств, найденных нами в процессе анализа, можно выделить инфинитивную конструкцию *следует помнить*: *Следует, дядюшка, человеку все помнить не одного себя, следует рассуждать, чем один обязан другому* (Д. Фонвизин); лексемы *обязан*, *рекомендуется*: *Я обязана вам сообщить, какая разница казаться счастливым и быть действительно* (Д. Фонвизин); сложные конструкции *необходимо заслужить*, *будет бесполезно*, а также глаголы *требовать*, *советовать* и *разрешать*: *Хочу вам посоветовать, зная Родю лучшее всех* (Ф. Достоевский).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деонтическая модальность в английском и русском языках выражается различными лексическими и грамматическими средствами, включая модальные глаголы, сложные фразы, наклонение и грамматические конструкции. В русском языке также активно используются вводные слова и частицы, которые усиливают утверждения о необходимости и значимости действий. Обе языковые системы также используют перифрастические средства для выражения деонтической модальности, что подтверждает их схожесть в подходах, несмотря на различия в структуре и лексике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Weir, A. The Martian / A. Weir. – California : Crown Publishing Group, 2014. – 369 p.
2. Hawkins, P. The Girl on the Train / P. Hawkins. – Doubleday : Riverhead Books, 2015. – 395 p.
3. Rooney, S. Normal People / S. Rooney. – L. : Faber & Faber, 2018. – 266 p.
4. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М. : АСТ, 2024. – 672 с.
5. Фонвизин, Д. И. Недоросль / Д. И. Фонвизин – М. : АСТ, 2018. – 288 с.

[К содержанию](#)

К. В. ШУРКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ФУНКЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ

Вопрос о функциях эвфемизмов является одним из наиболее актуальных, т. к. функция связана с намерением говорящего при конструировании, выборе и употреблении в речи эвфемизма, с его коммуникативной задачей, а значит, очень важна для понимания сути и типа эвфемизма.

Важно отметить, что понимание и толкование функций эвфемизмов варьируется в зависимости от научного подхода и контекста трактовки самого понятия. Так, например, Д. Н. Шмелев определяет эвфемизмы «как слова или выражения, которые служат для замены нежелательных, грубых или резких обозначений» [1, с. 61]. В данном контексте основная функция эвфемизмов заключается в смягчении речи. Смягчение или использование нейтральной лексики позволяет предотвратить множество конфликтов и поддерживать вежливый тон общения.

В отличие от Шмелева, Л. П. Крысин выделяет три основные функции эвфемизмов:

- функцию смягчения неприятных выражений;
- функцию маскировки действительности;
- функцию сокрытия информации [2, с. 31].

При этом он отмечает, что функция смягчения неприятных выражений является основной функцией всех эвфемизмов, т. к. позволяет говорящему избежать дискомфорта в общении и создать у собеседника более положительное впечатление о себе.

Функция маскировки действительности применяется, по его мнению, для снижения негативной реакции или общественного осуждения. Чаще всего данная функция эвфемизмов направлена на маскировку неприятных аспектов действительности в политическом или экономическом дискурсе.

Сокрытие действительности – это третья функция, связанная с использованием эвфемизмов для передачи информации таким образом, чтобы она была понятна только определенному кругу людей. Это особенно актуально в личных и интимных отношениях, где эвфемизмы помогают избежать прямого упоминания чувствительных тем. В таких случаях говорящий использует слова и выражения, которые имеют особое значение, не всегда совпадающее с их словарным значением.

В. П. Москвин, анализируя функциональные типы эвфемизмов, выделяет шесть основных функций:

1. Замена пугающих объектов: вместо слова *died* часто используется *passed away*. Это смягчает горький смысл и делает разговор более деликатным.

2. Обозначение неприятных тем: вместо *bankruptcy* можно использовать *financial difficulties*. Это позволяет обсуждать тему финансовых проблем без прямого упоминания банкротства.

3. Соблюдение этикета: вместо *fat* многие предпочитают использовать *overweight* или *full-figured*, чтобы избежать обидных высказываний.

4. Маскировка подлинной сущности: в политическом контексте слова *collateral damage* часто используются для обозначения гражданских жертв во время военных действий, что смягчает реальность насилия.

5. Сокрытие информации: в бизнесе вместо *layoffs* часто говорят *rightsizing*.

6. Создание эмоционального фона: выражение *the golden years* может относиться к старости, подчеркивая положительные аспекты этого периода жизни [1, с. 62].

Различные подходы к систематизации функций эвфемизмов подтверждают, что эвфемизмы являются сложными языковыми единицами с высоким потенциалом в современном дискурсе. Как отмечает М. Рябова, современная лингвистика все чаще рассматривает эвфемизмы с точки зрения функционально-коммуникативного подхода, что позволяет расширить границы их применения и выявить новые аспекты их использования [3].

Обобщая различные точки зрения, можно выделить общую тенденцию: главная цель использования эвфемизмов заключается в достижении и поддержании коммуникативного комфорта. Это подчеркивает важность эвфемизмов как инструмента для сглаживания острых углов в общении и создания более гармоничной атмосферы в социальных взаимодействиях. Большое разнообразие подходов к систематизации сфер употребления эвфемизмов и их функций свидетельствует о том, что они остаются актуальными и продуктивными в современном языке, отражая культурные и социальные нормы общества.

В научной литературе описание эвфемизмов осуществляется согласно их принадлежности к определенной сфере употребления. Это связано с тем, что оценка говорящим того или иного предмета речи с точки зрения приличия или неприличия, грубости или вежливости обычно бывает ориентирована на определенные сферы деятельности людей.

Первая группа включает медицинские термины. Например, термин *hospice* используется вместо *terminal home*, а *mental home* или *mental hospital* заменяет *asylum*. Эти эвфемизмы помогают избежать прямого упоминания болезненных тем и делают их обсуждение менее тревожным.

Следующая группа касается расовой и национальной принадлежности. В США, например, слово *nigger*, происходящее от испан. *negro* ‘черный’, стало крайне оскорбительным из-за своей исторической нагрузки. В современном языке индейцев называют *native Americans*, а африканцев и азиатов – *Non-whites*. Такие изменения способствуют формированию толерантного общества и повышению уважения к культурному многообразию.

Эвфемизмы также используются для уменьшения страха перед табуированными темами, такими как смерть. Вместо слова *to die* часто используют *to pass away* или *to go west*. Эти замены делают разговор о смерти менее угнетающим.

Когда речь идет о возрасте, слово *old* часто заменяется на более мягкие синонимы, такие как *mature*, *senior* или *advanced in years*. Такие эвфемизмы помогают избежать негативных ассоциаций, связанных с возрастом.

Особенности внешности также являются важной темой для эвфемизмов. Избыточный вес часто описывают с помощью таких выражений, как *woman of classic proportions* или *Renoir woman*, которые подчеркивают, что полнота может быть символом красоты, особенно в историческом контексте.

Религиозные эвфемизмы тоже широко используются в языке. Например, традиционное пожелание *Merry Christmas* иногда заменяют на *Happy Holidays*, чтобы сделать его более нейтральным с учетом многообразия религиозных убеждений.

Когда речь идет о социальном и финансовом положении, вместо слов *the poor* и *poverty* часто используются более нейтральные выражения, такие как *the needy*, *penniless* или *low-income family*. Такие формулировки помогают создать более уважительный тон в обсуждении материального положения.

В современных условиях эвфемизмы все чаще применяются в контексте социально значимых тем, включая дипломатию и политику. Они помогают смягчить острые углы в обсуждении сложных вопросов и способствуют более конструктивному общению между людьми и институтами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
2. . Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. – 1994. – № 1–2. – С. 28–49.
3. Ryabova, M. Euphemisms and media framing / M. Ryabova // European Scientific Journal, – 2019. – Vol. 9, № 32. – P. 33–44. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/328023881.pdf> (date of access: 23.03.2025).

Д. Д. ЯСЮК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Эллипсис (от гр. *elleipsis* ‘опущение, недостаток’) – «речевое явление, заключающееся в коммуникативно значимом опущении структурных элементов предложения» [3, с. 132]. Эллиптические конструкции занимают особое место в лингвистике благодаря своей высокой прагматической нагрузке. Хотя эллипсис активно изучается как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, до сих пор отсутствует единый подход, как к его природе, так и к его функциям, особенно в прагматическом аспекте.

Вопросы, связанные с эллиптическими предложениями, являются предметом многочисленных дискуссий в научном сообществе. Так, по мнению Р. Кверка, «эллипсис является фундаментальным аспектом языковой экономии, способствуя краткости и эффективности коммуникации» [1, с. 379]. Г. Стокоу относит к эллипсису такие конструкции, в которых недостает одного или нескольких слов, необходимых для полноты выражения (например: *You and I can lift this, I don't know what to do*) [2].

Эллипсис позволяет достичь речевой экономии, усиливает экспрессию и делает высказывание динамичным, особенно в устной спонтанной речи. Как отмечает А. М. Пешковский, «точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее бессловесной подпочвы» [4, с. 59]. Современный интерес к эллипсису связан не только с его синтаксической природой, но прежде всего с его ролью в передаче имплицитной информации, экспрессии и установлении речевого контакта.

Рассмотрим подробнее основные прагматические функции эллиптических предложений. Неотъемлемым элементом прагматической ценности эллипсиса становится его участие в передаче имплицитного смысла. В ситуации, когда элементы опускаются, смысловая нагрузка перемещается на интонацию, контекст или пресуппозиции собеседников. Это создает эффект недосказанности, который активирует когнитивную деятельность слушающего. Иллюстрацией может служить реплика *And yet...* в ответ на *He said he'd be here by eight*, где эллипсис усиливает ироничность.

Также важным направлением анализа становится использование эллипсиса как инструмента межличностного общения. Его наличие или отсутствие может сигнализировать об уровне близости, доверии, принадлежности к определенной социальной группе. В молодежной речи и интернет-коммуникации эллипсис выступает не только как средство эко-

номии времени, но и как маркер принадлежности к культурному коду. Примером может служить вопрос *Coming with us?*, в котором опущены вспомогательный глагол и подлежащее: *Are you coming with us?* Эллипсис здесь сигнализирует о близких отношениях между собеседниками, что типично для разговорного стиля.

Не менее значимым элементом является функция эллипсиса в структурировании диалогической речи. В рамках диалогического взаимодействия эллиптические конструкции формируют синтаксическую связь между репликами, поддерживая темп и стиль общения. Диалогическая природа эллипсиса подчеркивает его pragматическую ценность как средства выражения коммуникативных интенций.

Опущение отдельных частей предложения является нормой диалогической речи, поскольку сама ситуация общения не требует упоминания опущенного. Полные предложения в устном типе речи могут иногда рассматриваться как своего рода нарушение нормы. Они могут быть использованы в особых целях, например, для выражения в диалогической речи раздражения, подчеркнуто-официального тона, вежливого, но настойчивого приказания, скрытой угрозы и пр.

В качестве примеров эллиптических оборотов, закрепленных в языке как типичные нормы непосредственного живого повседневного общения, можно привести следующие выражения: *See you tomorrow. Had a good time? Do say that!*

В таких предложениях отсутствуют различные члены предложения. Отсутствие членов предложения в вышеприведенных примерах вызвано различными причинами. Так, например, в первых двух примерах отсутствие подлежащего и части сказуемого обусловлено ситуацией, в которой происходит общение и которая позволяет такого рода построение. В третьем примере отсутствие подлежащего вызвано некоторой небрежностью, характерной вообще для устного живого общения. Последний пример вызван возбужденным состоянием говорящего, о чем свидетельствует восклицательный знак, графически подсказывающий соответствующее интонационное оформление эмоционального высказывания. Эллиптические предложения могут встречаться и вне диалога. Но проблема заключается в том, что без контекста понять смысл эллиптических конструкций бывает сложно, иногда при отсутствии данного и вовсе невозможно.

Кроме того, эллипсис может выступать как способ уклонения от прямого ответа, вежливого отказа или выражения неопределенности. Такой эффект активно используется в политических дебатах, рекламе и дипломатии. Например, *I tried...* в ответ на *Did you talk to her?* Опущенные части предложения *I tried to talk to her, but..* оставляют интерпретацию на усмотрение адресата, что позволяет сохранить лицо и гибкость в коммуникации.

Особое место занимает использование эллипсиса в медиадискурсе и цифровой культуре. В социальных сетях, чатах и мессенджерах эллипсис усиливает эффект реалистичности, приближая письменную речь к разговорной. Он активно используется для выражения эмоций, сарказма и даже визуальной ритмики. Подтверждим это на примере реплики *Been better* в ответ на *You okay*. Эллипсис делает реплику более живой, эмоциональной и типичной для реальной устной речи и сохраняет смысл при минимуме языковых средств.

Таким образом, эллипсис в современном английском языке выполняет целый спектр прагматических функций – от речевой экономии до выражения эмоций и регуляции взаимодействия между участниками коммуникации. Понимание природы эллипсиса, его прагматических функций важно не только для лингвистов, но и для повышения межкультурной и коммуникативной компетенции изучающих английский язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman, 1985. – 1770 p.
2. Stokoe, H. P. The Understanding of Syntax / H. P. Stokoe. – London : Longman., 1987. – 274 p.
3. Валгина, Н. С. Современный русский язык. Синтаксис : учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.
4. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский / 8-е изд., доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 544 с.

[К содержанию](#)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

Ю. С. АБОИМОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ИСКОННАЯ И ЗАИМСТВОВАННАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Современный немецкий язык развивался в течение долгого времени, начиная еще с того периода существования языка, когда он представлял собой только отдельные слоги и слова. Наряду с немецким формировались и другие языки. Многие народы проживали недалеко друг от друга. Периодически они пересекались для обмена продуктами или же для торговли. Несмотря на древнее развитие словарного состава немецкого языка, в каждом отдельном периоде времени в него попадали слова из других языков. Таким образом, в немецком языке образовались две группы слов, различающиеся происхождением: исконно немецкая лексика и заимствованная лексика [1, с. 56].

Исконно немецкая лексика – это различные слова и высказывания, имеющие германское происхождение и которые не были заимствованы из других языков. Благодаряенным словам и выражениям можно проследить историческое развитие целого народа: особенности повседневной жизни в ту или иную эпоху, отношение человека к природе, к семье, другим людям и т. д. (*das Haus, der Baum, der Freund, das Kind*) [1, с. 56].

Одним из основных влияний внешних факторов на язык являются так называемые заимствования. Существует немалое количество определений данного термина. О. В. Дышекова понимает под заимствованием иностранное слово, которое перешло в лексический запас другого языка [2, с. 115]. Ф. А. Тиллабаев определяет термин так: «Заимствование – это элемент иностранного языка (слово, морфема, синтаксическая структура и т. д.), передаваемый с одного языка на другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [3, с. 416].

Выделяют следующие группы заимствований [4, с. 236]:

- немецкие слова – слова, которые были ранее заимствованы, однако с течением времени полностью уподобились заимствующему языку (*Kraft, Mensch*);
- международные слова (интернационализмы) – слова, которые известны и понятны во многих международных языках (*Outsider, Ragtime*);

– иностранные слова – слова, которые сохранили признаки иностранного происхождения, но не стали интернационализмами.

Заимствования, попавшие в немецкий язык, чаще всего подстраиваются под систему самого немецкого языка. Вместе с тем выделяют фонетическую, морфологическую и орфографическую ассимиляцию.

Фонетическая ассимиляция иностранного слова возникает при воздействии фонетических норм заимствующего языка. Это может быть связано с разным произношением некоторых звуков, с разным ударением и другими фонетическими особенностями языка.

При морфологической ассимиляции заимствования адаптируются к морфологической структуре языка. В немецком языке к этому относятся добавление артикля, большинства суффиксов и падежных окончаний к существительным, а также суффиксов и окончаний к глаголам (*file – das File, to chat – chatten*).

В случае орфографической ассимиляции существительное пишется с большой буквы, а иностранные буквы и буквенные сочетания заменяются на немецкие (*Bureau – Büro, Café – Kaffee*) [4, с. 234].

Заимствование – это один из способов расширения словарного запаса. Лексический состав современного немецкого языка находится сейчас в более расширенном контакте с различными странами и народами благодаря использованию сети Интернет. По сравнению с предыдущим столетием степень влияния иностранных языков и культур значительно увеличилась. Наблюдается непрерывный поток зарубежных слов в современный словарь немецкого языка. Особое влияние оказывают слова англо-американского происхождения. За последнее десятилетие их число резко возросло в таких сферах, как современная техника, спорт, мода, средства массовой информации, киноиндустрия и т. д. [4, с. 234].

Компьютерная лексика также пополняется многочисленными новыми словами, но ее главное отличие от других видов лексики – изначальное наличие заимствованных слов.

Компьютерный язык является одним из современных видов лексики и появился в немецком языке уже с англо-американскими словами. С течением времени данные слова претерпевали изменения со стороны немецко-говорящего населения для удобства использования в речи. Многие лексемы скрещивались между собой или были полностью заменены немецкими аналогами.

Для анализа компьютерного языка было выбрано 350 лексических единиц из двух источников: электронного словаря „Sprachnudel. Wörterbuch der Jetzsprache“ [5] и переводного словаря О. В. Сыромясова «Краткий немецко-русский и русско-немецкий словарь по информатике и компьютерной технике» [6]. В конечном итоге мы обнаружили, что помимо суще-

ствования так называемых англицизмов, существуют в компьютерном немецком языке такие заимствования, как латинизмы, галлицизмы (слова из французского языка), итальянизмы и грекизмы. При вычислении процентного соотношения были получены следующие результаты: исконно немецкие слова – 39 % (138 слов), англицизмы – 28 % (99 слов), латинизмы – 11 % (38 слов), галлицизмы – 3 % (11 слов), итальянизмы – 0,6 % (2 слова), грекизмы – 0,3 % (1 слово), составные слова, имеющие несколько корней, образованных из разных языков – 16 % (56 слов), слова с неточно установленной этимологией – 1,5 % (5 слов). Полученные результаты в виде диаграммы были представлены на рисунке:

Рисунок – Заимствования в компьютерном немецком языке

На диаграмме мы видим, что количество исконно немецких слов превалирует над англицизмами, несмотря на распространенность английского языка во многих мировых сферах. Возможно, это связано с тем, что со временем появились немецкие аналоги английским словам или же немецкие слова стали существовать как синонимы английским, например, *downloaden* – *herunterladen* ‘сохранить’, *das Passwort* – *das Kennwort* ‘пароль’, *scrollen* – *blättern* ‘прокручивать, листать’.

На третьем месте по количеству слов находятся латинизмы. Они не так распространены в компьютерной лексике, как германизмы и англицизмы, но все же встречаются в языке довольно часто. Поскольку немецкий алфавит был создан на основе латинского с некоторыми изменениями (добав-)

лением некоторых букв и буквосочетаний, не существовавших в латинском языке), то многие латинские слова и выражения были позаимствованы у языка-донора. Латынь считается на сегодняшний момент мертвым языком, поскольку ни для кого в мире она не является родным языком, однако латынь используется в медицине для описания различных веществ, в лингвистике для представления об устройстве языка, т. к. латинский язык считается образцом пражзыка, и в других не менее значимых сферах. Таким образом латинизмы неизбежно оказались и в компьютерном языке. Многие слова уже существовали в словарном составе немецкого языка и плавно перешли в компьютерную лексику. Например, такие, как *das Dokument* ‘документ’, *das Portal* ‘портал’, *die Operation* ‘операция’.

В немецкой компьютерной лексике есть слово *der Admin*, которое произошло от английского *admin* ‘администратор’. Данное слово является сокращенным вариантом *der Administrator* (англ. *administrator*). Если *der Admin* определяется как англизм, то *der Administrator* – как латинизм. Возможно, это связано с тем, что в немецкий и английский языки последнее слово перешло примерно в одном и том же промежутке времени, а уже в английском образовалась сокращенная форма данной лексемы, которая уже позже была заимствована немецким языком.

Кроме германизмов, англизмов и латинизмов, в компьютерной лексике также присутствуют галлицизмы, итальянismы и греции. Они представляют собой немногочисленную группу. Галлицизмы иногда попадают в немецкий язык, изменяя только свою внешнюю оболочку: написание существительных с большой буквы, добавление артикля, характерное для заимствующего языка глагольное окончание, например, *ressource* – *die Ressource* ‘ресурс’, однако для компьютерной лексики это редкое явление. В основном слова преобразуются при переходе из одного языка в другой, в данном случае в немецкий, например, *das Mikrofon* произошло от французского *microphone*. Как мы видим, помимо изменения основных моментов, были заменены некоторые буквы и буквосочетания. Вместо *-ph-* стали писать просто *-f*, а вместо *-c-* используется *-k-*.

Из нашего списка слов было выявлено только два итальянизма: *die Tastatur* ‘клавиатура’ и *die Taste* ‘клавиша’. Первое, что бросается в глаза – это схожесть данных слов как по внешним признакам, так и по переводу. В ходе анализа было выявлено, что *die Tastatur* было образовано от итальянского слова *tastatura*, которое в свою очередь произошло от *tasto* ‘Taste’. Таким образом, данные слова являются однокоренными и при переходе в немецкий язык не получили каких-либо существенных изменений, за исключением артикля и большой буквы.

Последняя самая малочисленная группа заимствований – это греции, поскольку из списка слов для анализа мы обнаружили только одну лексе-

му: *das Diagramm* ‘диаграмма’. Она произошла от древнегреческого слова διάγραμμα (diágramma). При переходе в немецкий язык данная лексема не претерпела особых изменений, кроме добавления артикля, написание с большой буквы и отсутствие окончания *-a*.

Таким образом, в немецкой компьютерной лексике присутствует большое количество заимствований (англицизмы, латинизмы, галлицизмы, итальянизмы и грецизмы), а также превалирующее число исконно немецких слов (39 %). При попадании в другие языки заимствования подвергаются различным изменениям, но самыми распространенными из них являются наличие артикля, большой буквы и характерное для немецкого языка глагольное окончание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мишанкина, Н. А. Лексикология русского языка. Русский язык как иностранный: профессиальная сфера общения : учеб. пособие / Н. А. Мишанкина. – Изд. 2-е изд. доп. – Томск : Том. политехн. ун-т, 2017. – 124 с.
2. Дышекова, О. В. К вопросу о соотношении заимствованной и исконно английской лексики английского языка (на основе анализа словаря Webster’s. College dictionary) / О. В. Дышекова, Ю. А. Нижельская // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 1. – С. 112–121.
3. Тиллабаев, Ф. А. Заимствования иностранных слов как один из способов развития современного русского языка / Ф. А. Тиллабаев // Экономика и социум. – 2021. – № 11 (90). – 2. – С. 416–419.
4. Хусаинова, Э. Р. Проблемы заимствования в немецком языке и особенности его перевода / Э. Р. Хусаинова // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2005. – № 1 (17). – С. 234–237.
5. Sprachnudel. Das Wörterbuch der Jetzsprache. – URL: <https://www.sprachnudel.de> (datum des Zugriffs: 18.12.2024).
6. Сыромясов, О. В. Краткий немецко-русский и русско-немецкий словарь по информатике и компьютерной технике / О. В. Сыромясов. – Саранск : Саран. кооп. ин-т Рос. ун-та кооперации, 2009. – 68 с.

К содержанию

Ю. Н. БИНКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. Ф. Нестерук

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ С. ЦВЕЙГА

Художественный текст – это сложная система языковых средств, где каждое явление выполняет определенную функцию. Одним из приемов структурно-синтаксической организации художественного текста является

прием перечисления. Под перечислением понимается «универсальный синтаксико-семантический прием организации трех и более функционально однородных элементов любого уровня (от слова до крупных структурно-композиционных единиц) в составе микро- или макротекста посредством их контактного (реже дистантного) взаиморасположения, сочинительной связи, специфической перечислительной интонации» [1, с. 460]. Перечисление также трактуется как «распространенное выразительное средство стилистического синтаксиса, которое создается в результате повторения однородных синтаксических единиц разного объема в рамках законченного высказывания» [2, с. 102].

Согласно исследованиям Д. В. Беляева [3, с. 89], перечисление выполняет в тексте комплекс функций: от классификации и обобщения до детализации и уточнения. Этот прием сочетает в себе информативность и лаконичность, при этом порядок следования элементов не случаен – он отражает логику авторского замысла, учитывая хронологические, пространственные и значимостные параметры описываемой реальности.

В лингвистической традиции перечислительные конструкции классифицируют по различным основаниям. По формальным признакам различают конструкции с обобщающими словами и без них, с разным количеством компонентов (от трех до десяти и более), а также по типу связи между элементами – бессоюзные (асиндтон) и союзные (полисиндтон) [3, с. 89]. Как подчеркивает И. В. Шитикова [4, с. 199–200], асиндтон создает эффект прерывистого, динамичного движения, в то время как полисиндтон задает равномерный ритмический рисунок.

Структурное же разнообразие перечислений включает контактное и дистантное расположение компонентов, словесные и фразовые ряды, открытые и закрытые конструкции. Морфологическая классификация выделяет именные, глагольные и смешанные типы перечислений. Смысловая организация может строиться на принципах совместимости/несовместимости компонентов, их синонимических или антонимических отношениях [3].

Функциональный потенциал перечислительных конструкций в художественном тексте чрезвычайно широк. В рамках данного исследования из произведения немецкоязычного писателя С. Цвейга «Шахматная новелла» (*Die Schachnovelle*) были отобраны контексты, содержащие перечислительные конструкции. Анализ фактического материала позволил систематизировать перечислительные конструкции по трем ключевым критериям: наличию обобщающего слова, морфологическим особенностям компонентов и их функциональной нагрузке в тексте. Такой подход дает возможность всесторонне исследовать структурно-семантические особенности данного синтаксического явления в художественном произведении.

По первому критерию наблюдается абсолютное преобладание конструкций без обобщающего слова (94 % случаев), что соответствует динамичной манере повествования С. Цвейга. Единичные примеры с обобщающими словами (6 %) служат для тематического объединения элементов, как в следующем примере: *Czentovic hatte sich vor etwa einem Jahr mit einem Schlage neben die bewährtesten Altmeister der Schachkunst, wie Aljechin, Capablanca, Tartakower, Lasker, Bogoljubow, gestellt* [5, с. 4].

Исследование морфологических особенностей перечислительных конструкций в «Шахматной новелле» выявило четкое доминирование именных перечислений (74 % случаев), компонентами которых являются имена существительные и прилагательные. В данную группу также входят перечисления, компонентами которых выступают числительные: *einen Menschen, einen geistigen Menschen, der, ohne wahnsinnig zu werden, zehn, zwanzig, dreißig, vierzig Jahre lang die ganze Spannkraft seines Denkens immer und immer wieder an den lächerlichen Einsatz wendet, einen hölzernen König auf einem hölzernen Brett in den Winkel zu drängen!* [5, с. 14].

Второй по репрезентативности группой в выборке оказалась группа «смешанных» перечислений (8 примеров, или 16 %), компонентами которой выступают словосочетания, фразы и предложения. Невысокая частотность характерна для глагольных перечислительных рядов (4 примера, или 8 %). Наименее репрезентативной в корпусе фактического материала оказалась адвербиальная перечислительная конструкция, представленная единственным примером (2 %): *Er spielte zäh, langsam, unerschütterlich, ohne ein einziges Mal die gesenkte breite Stirn vom Brette aufzuheben* [5, с. 7].

Исследование характера связи между элементами перечислительных рядов в «Шахматной новелле» выявило преобладание бессоюзных конструкций (асиндeton – 62 %), что создает эффект динамичного повествования. Ярким примером служит фрагмент: *Und dann, ist es nicht eigentlich verflucht leicht, sich für einen großen Menschen zu halten, wenn man nicht mit der leisesten Ahnung belastet ist, dass ein Rembrandt, ein Beethoven, ein Dante, ein Napoleon je gelebt haben?* [2, с. 15]

Союзные же перечисления (полисиндeton – 38 %) используются С. Цвейгом для создания ритмического рисунка и смысловых акцентов. В примере *Czentovic, der bisher immer nur im Stehen gespielt, zögerte, zögerte und setzte sich schließlich nieder* [5, с. 23] повтор союза “und” и повторение глагола передают психологическое состояние и нерешительность персонажа.

Перечислительные конструкции в произведении Стефана Цвейга выполняют не только структурную, но и важную стилистическую функцию, становясь мощным инструментом художественной выразительности. Их использование позволяет автору создавать ритмическую организацию текста (асиндeton и моносиндeton), усиливать экспрессивность при помо-

щи повторов и градации, формировать образность и детализацию, подчеркивать контрастность и отношение к персонажам. Вариативность перечислительных конструкций позволяет автору гибко управлять темпом повествования, создавать психологическую глубину и поддерживать напряженность сюжета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Е. Н. Ширяева, Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова. – М., 2007. – 840 с.
2. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1983. – 271 с.
3. Беляев, Д. В. Перечислительные ряды в речевом жанре Buttenrede / Д. В. Беляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 22. – С. 88–90.
4. Шитикова, И. В. Перечисление и его употребление в текстах различных функциональных стилей / И. В. Шитикова // Вестник Могилевского филиала БИП : Право. Политика. Экономика (БИП – Ин-т правоведения ; науч. ред. В. Д. Выборный, А. А. Синкевич (отв. ред.). – 2008. – Вып. 6. – С. 166–168.
5. Zweig, S. Die Schachnovelle / S. Zweig. – URL: <https://www.lugiland.de/wp-content/uploads/2019/05/schachnovelle.pdf> (datum des Zugriffs: 12.04.2025).

К содержанию

А. В. БОГУШ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. П. Королюк

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Человек от природы стремится выражать свои мысли, переживания и эмоции. Эту потребность он воплощает через язык – уникальное общественное явление, неразрывно связанное с культурным наследием, традициями и повседневной жизнью народа. Язык, как зеркало общества, отражает все значимые события: от бытовых мелочей до масштабных культурных процессов. С течением времени в нем сформировался богатый набор устойчивых выражений, способных ярко, ёмко и точно передавать различные жизненные ситуации. Именно эти выражения легли в основу фразеологии.

Фразеология – «это относительно новая область лингвистики, которая занимается фиксированными словосочетаниями или фразеологизмами языка» [1, с. 208] и демонстрирует его выразительность и колорит. Фразеологизмы, как в зеркале, отражают историческое прошлое народа, уникальные черты его культуры и повседневной жизни. Образы, воплощенные в этих устойчивых выражениях, олицетворяют национальную идентичность, выступая своеоб-

разным культурным кодом. Однако наряду с исконно национальными оборотами в языках мира встречаются интернациональные фразеологизмы. Многие из них хранят следы ушедших эпох, сохраняя архаичные формы, которые служат живыми свидетельствами языковой истории.

Изучение фразеологии играет ключевую роль в развитии коммуникативных навыков и повышении уровня языковой культуры. Это направление лингвистики способствует усвоению правил литературной речи, особенно в аспекте корректного применения устойчивых выражений. С научной точки зрения, анализ фразеологических единиц представляет ценность для лингвистических изысканий, т. к. они неразрывно связаны с лексическим составом языка. Исследование этих языковых элементов позволяет глубже понять принципы их формирования, структуры и практического использования в коммуникации, что обогащает представление о системе языка в целом.

Грамматически фразеологизмы являются словосочетаниями либо предложениями: *mit Ach und Krach, der Apfel fällt nicht weit do Stamm*. Фразеологизмы имеют свои характеристики: идиоматичность, воспроизводимость и устойчивость.

Нельзя не упомянуть значительный вклад швейцарского лингвиста Шарля Балли в становление научной дисциплины. Он предложил использовать термин «Фразеология» для обозначения «раздела стилистики, изучающего связанные сочетания». Ш. Балли не только ввел это понятие в научный оборот, но и стал основателем теоретической базы данной дисциплины, заложив основы ее дальнейшего развития.

Несмотря на многочисленные научные изыскания в области фразеологических единиц, вопрос универсального определения и классификации данного понятия остается открытым. Исследователи предлагают разнообразные определения, отражающие различные подходы.

Словарь С. И. Ожегова дает следующее определение: «Фразеологизм – это устойчивое выражение с самостоятельным значением, близким к идиоматическому» [2]. Фразеологические единицы используются в речи как целостные структуры, не подлежащие изменению. Любые изменения, будь то замена компонентов или добавление новых элементов, нарушают их устойчивость и делают употребление некорректным.

И. И. Чернышева характеризует фразеологизмы как «устойчивые воспроизводимые раздельнооформленные сочетания слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантического преобразования компонентного состава» [3, с. 29].

Часто грамматическое значение фразеологизма не соответствует нормам современного языка. Фразеологизмы часто используются в речи для придания выразительности, образности или эмоциональной окраски: *Alle*

neuen Mitarbeiter werden auf Herz und Nieren geprüft. Auf Herz und Nieren prüfen (тщательно проверять что-либо).

Фразеологизмы могут быть образованы от различных частей речи и могут выполнять разные синтаксические функции. Фразеологизмы употребляются как одно целое, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускают внутри себя перестановки частей: *ein Herz und eine Seele sein* (быть очень близкими). *Wir waren ein Herz und eine Seele*.

Картина мира – система представлений о реальности. Картина мира называется представление об окружающем нас мире, основанное на опыте и знаниях предыдущих поколений, а также нашего собственного опыта и наших представлений. Считается, что каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира.

Термин «картина мира» был введен впервые Людвигом Витгенштейном в «Логико-философском трактате», но в антропологию и семиотику он пришел из трудов немецкого ученого Лео Вайсгебера [4, с. 155]. Лингвистическая картина мира определяется как система представлений о действительности, сложившаяся исторически в рамках конкретного языкового сообщества и закрепленная в языке. Это уникальный способ осмыслиения реальности, который служит основой для познания, поскольку именно через язык человек усваивает и фиксирует свое понимание окружающего мира. Такая картина способна формировать повседневные нормы и влиять на мировосприятие человека. По своей сути, она отражает опыт определенной языковой и культурной общности. Можно точно сказать, что язык не только отражает структуру картины мира, но и является инструментом систематизации рационального опыта, закрепляя знания о внешнем и внутреннем мире человека. Подобное взаимодействие наглядно демонстрирует связь мышления и языка.

Фразеологическая картина мира рассматривается как элемент единой языковой картины мира. Она формируется посредством фразеологических единиц языка, которые служат инструментом передачи культурно-обусловленного восприятия действительности. Именно во фразеологизмах наиболее ярко проявляется специфика мировосприятия носителей языка, их ценностные ориентиры и культурные традиции. В фразеологической картине мира содержатся накопленные знания о мире, а также воплощены представления человека о структуре мироздания и закономерностях бытия.

Стоит отметить, что фразеологическая картина мира представляет собой «наивную» картину мира. Термин «наивная картина мира» у Ю. Д. Апресяна является аналогом этого понятия, т. к. наивные знания извлекаются именно из языка. «Это прежде всего «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания...» [5]. Она отражает знания о мире на уровне

обыденного сознания. Основными признаками фразеологической картины мира являются: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность.

Фразеология – зеркало национального сознания, которое отражает культурно-исторический опыт народа, его ценности и восприятие мира. Она обладает высокими показателями уровня выразительности и эмоциональности. При этом одни и те же явления разные народы интерпретируют по-разному: то, что является основой фразеологизмов в одной культуре, в другой может полностью игнорироваться. Таким образом фразеологическая картина мира для каждого народа и языка – уникальна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лексикология. Современный немецкий язык = Lexikologie. Die deutsche Gegenwartssprache : учебник для студ. / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Академия, 2005. – 412 с. – (Высшее профессиональное образование).
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34064> (дата обращения: 18.04.2025).
3. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – М. : Высш. шк., 1970. – 200 с. – (Библиотека филолога).
4. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2009. – 544 с.
5. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры, 1995. – 767 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

К содержанию

Р. М. БОДНАРЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЛОВА ГОДА» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время в различных языковых культурах существует ряд проектов, которые направлены на модернизацию языка, на сохранение лингвистических традиций или активно отстаивают чистоту языка. Одним из таких проектов является «Слово года». Данный проект имеет международный статус и социолингвистическую направленность.

Данная статья посвящена комплексному анализу формальных и структурных характеристик лексических единиц, входивших в список номинантов на звание «Слова года» с 1971 по 2024 г.

Необходимо отметить, что несмотря на ряд реформ, базовые принципы формальной репрезентации лексических единиц в немецком языке остаются неизменными на протяжении многих десятилетий.

Формальные признаки слова передают его внешний графико-орфографический облик. К ключевым формальным признакам слов в немецком языке относят: написание со строчной или прописной букв, наличие дефиса *Ampel-Aus* или косой черты *September/Oktobe-Heft*, кавычек, хештегов, буквенно-цифровых комбинаций *COVID-19*, сокращений и аббревиатур *AKW*. Нельзя не учитывать специальные символы: @ – коммерческое at, неофициально – «собака»; % – знак процента; амперсанд – &; астериск – для гендерно-нейтрального написания *die Arzt*innen*.

Изучив список слов-номинантов, можно заметить, что доминирующим признаком является написание с заглавной буквы *Finanzkrise*, *Sparpaket*, *Multimedia*, *Reisefreiheit*. Это отражает богатство немецкой грамматики существительными, которые всегда пишутся с заглавной. Данный формальный признак помогает читателю лучше ориентироваться в тексте и быстрее определить грамматическое значение слова в предложении. Следующие признаки имеют более низкую частотность. В процентном соотношении, 11 % приходится на написание со строчной буквы *heißer Herbst*, *konspirative Wohnung*, *die neuen Bundesländer*, 5 % – с дефисом *Ampel-Aus*, *Rot-Grün*, 4 % – сокращения *GroKo* и всего лишь 2 % составляют буквенно-цифровые комбинации *der 11. September*, *Hartz IV*. Наличие последних двух признаков подтверждает тенденцию стремления языка к его упрощению. Такое распределение свидетельствует о том, что при выборе «Слова года» предпочтение отдается классическим лексическим единицам немецкого языка, но в то же время, немецкий язык, сохраняя свои традиционные черты написания, следует современной динамике развития. Стоит отметить, что определенные формальные признаки варьируются в зависимости от жанра текста и целевой аудитории. Традиционное написание может часто нарушаться в пространстве Интернета.

Структурные признаки слова отражают его морфологические особенности. К ним относят простые либо сложные слова, наличие аффиксов (с приставкой; с суффиксом; с приставкой и суффиксом).

Исходя из проведенного анализа, наибольшую часть 38,43 % составляют сложные слова *Schwarzgeldaffäre*, *Abwrackprämie*, *Gesundheitsreform*, *Sozialabbau*, *Ellenbogengesellschaft*, что полностью отражает типологические особенности немецкого языка, где словосложение является преобладающим способом в словообразовании. Что касается простых слов, то их количество значительно меньше (8,12 % – *Teiro*, *Szene*, *Holocaust*). Словосочетания в процентном соотношении находятся уровнем ниже с простыми лексическими единицами *heißer Herbst*, *konspirative Wohnung*, *die neuen Bundeslä-*

der, das alte Europa. Присутствует разнообразие словообразовательных моделей (с приставкой, суффиксом и их комбинацией). Комбинированный способ представляет типичное многообразие немецких морфологических преобразований *aufmärfig*. На суффиксацию приходится 9,10 %. Часто используемые суффиксы *-ing, -heit, -schaft* участвуют при образовании существительных, которые отражают социальные процессы и явления в списке Слов года *Nullösung, Rasterfahndung, Reisefreiheit, Politikverdrossenheit*. Также присутствуют слова с суффиксами *-isch, -in, -i* *Postfaktisch, Bundeskanzlerin, Besserwessi*. Количество слов с приставками *Abwrackprämie, Politikverdrossenheit* занимает последнюю позицию и составляет 3,3 %. По сравнению с другими словообразовательными моделями, префиксальный способ не пользуется популярностью среди Слов-номинантов.

Наш анализ подчеркивает сложность и многообразие морфологической структуры немецкого языка, что придает составленному списку проекта «Слова года» особую уникальность.

Таким образом, немецкий язык демонстрирует динамичный консерватизм, сохраняя системность морфологии и орфографии, но гибко реагируя на вызовы времени. Результаты исследования подчеркивают важность проекта «Слова года» для анализа языковой эволюции.

Данную статью хотелось бы закончить цитатой сайта Общества немецкого языка: «язык – это сейсмограф общественных процессов. Он чутко реагирует на новые явления и выводит их в публичный дискурс» [1].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. GfdS wählt „Krisenmodus“ zum Wort des Jahres 2023. – URL: <https://gfds.de/wort-des-jahres-2023/> (datum des Zugriffs: 12.04.2025).

К содержанию

Н. Ю. ГОРДЕЙЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЯЗЫКЕ: КАК АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ АДАПТИРУЮТСЯ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ

Язык является не только средством коммуникации, но и отражением изменений в социуме. Влияние гендерных изменений – открытый вопрос в современной лингвистике. В данной статье мы рассмотрим изменения гендерных признаков в английском и немецком языках и их влияние на общество.

Английский и немецкий языки относятся к одной языковой семье, но по-разному реагируют на вопросы гендерного равенства. Немецкий язык с более сложной грамматической системой сталкивается со сложностями принятия нейтральных форм. Что касается английского языка, то благодаря его аналитической структуре он больше подвержен изменениям и стал лидером гендерной языковой революции среди других языков.

Исследования гендера в английском языке начались в 1970-х гг. Для изучения и анализа использовались словари, которые и послужили основой отбора для лексикографического материала при изучении гендера. К основным трансформациям относятся узаконивание единственного числа местоимений *they/them*. Множество гендерно-нейтральных местоимений *xe/xem, ze/zim* были приняты представителями трансгендерных и небинарных обществ. Изначально указанные выше местоимения появились в связи с движением за права женщин, но в скором времени их стали использовать по отношению к широкому спектру гендеров. Трансгендерные и небинарные люди искали и создавали новые местоимения, т. к. стандартные *he/she* не подходили для их идентичности. В профессиональной лексике все больше терминов приобретают нейтральное значение, например, *firefighter* вместо *fireman*. В связи с тенденцией к гендерной нейтрализации языка, в результате которой лексические единицы заменяются альтернативными вариантами, можно отметить замедление развития феминистского движения с гендерными лексемами. Е. В. Новокрещеных предлагает следующую классификацию лексической нейтрализации гендерно-маркированных лексем в английском языке:

1. Замена лексем с основами, семантически указывающими на лица мужского/женского пола, нейтральными эквивалентами (*forefathers – ancestor, king-size/queen-size – large*).
2. Сокращение лексем с суффиксами *-ess; -ette; -ine; -trix* до основы слова (*goddess – god, heiress – heir*).
3. Избежание маркеров *man/woman* и *boy/girl* (*fireman – firefighter, policeman – police officer, bag boy – caddy, headman – chief*).
4. Замена аббревиатур *Mr/Mrs/Miss* на *Mx* [1].

Развитие нейтральных форм значительно уменьшает гендерные стереотипы в профессиях; целью нейтрализации является замена гендерно-предвзятых терминов гендерно-немаркированными.

Что касается немецкого языка, то скорость изменений происходит здесь намного медленнее, чем в английском языке. Английский язык более гибок в сравнении с немецким, не имеет грамматического рода у существительных и быстрее впитывает изменения из разных культур. К примеру, дискуссии о гендерной звездочке (*) начались еще в 2010-х гг., но и на данный момент нет единой нормы. Несмотря на все сложности, в немецком языке

имеются некоторые изменения. В гендерных формах существительных характерен суффикс *-in* (*Lehrer – Lehrerin*), гендерная звездочка (*Lehrer*innen*) и двоеточие (*Lehrer:innen*). Были попытки ввести нейтральные формы существительных (*sier, xier*). На 2025 г. в Германии юридически признано три пола: мужской, женский и разнообразный/интерсекс (*divers*). Расширенный перечень ввели в действие законодательством Германии в 2018 г. Категория «интерсекс» позволяет не идентифицирующим себя однозначно людям официально регистрировать свой пол в документах. Таким образом, законодательство обеспечило право человека на самоопределение своей гендерной идентичности. Изменения коснулись и официальных документов, в которых используются другие формулировки. В «Общем законе о равном обращении» (2006) перечисляются следующие правила:

1. «Запрещается дискриминация по полу, возрасту, расе, религии, инвалидности и сексуальной ориентации при найме.

2. Работодатели не могут указывать в вакансиях предпочтения по полу, если это не связано с исключительными требованиями к работе (например, актерские роли).

3. Объявления должны быть сформулированы нейтрально: вместо *Mitarbeiter (m/w/d) – Mitarbeiter*in/Mitarbeitende*» [2].

Гендерно-нейтральный язык активно используется в государственных учреждениях, употребление нейтральных формулировок: *Lehrkraft* вместо *Lehrer/Lehrerin*. На официальных сайтах *Deutsche Telekom, BMW Group, FAZ (Frankfurter Allgemeine Zeitung)* найдены примеры формулировок: *Wir suchen eine/n Softwareentwicklerin (m/w/d) für unser Team in Berlin; Zur Verstärkung unseres Teams suchen wir eine/n IT-Spezialistin (m/w/d) in München; Die Commerzbank sucht eine/n Kundenberaterin (m/w/d) für den Standort Frankfurt.*

Такие примеры легко найти на сайтах крупных немецких компаний, печатных СМИ и несоблюдение этих требований может привести к жалобам и штрафам.

Помимо письменных требований и введений важно упомянуть и о развитии устных сокращений в будущем немецкого языка. Устные сокращения гендерно-нейтральных форм упрощают произношение, сохраняя при этом инклюзивность (*Lehrer:innen – Lehr'n/Lehris, Student:innen – Studis, Kolleg:innen – Kolleis*).

Наше исследование показывает, как английский и немецкий языки адаптируются к гендерным изменениям и как формируются новые социальные нормы. Глобальное движение за гендерное равенство приобретает новые формы, которые требуют адекватного языкового выражения и сохранения коммуникативной эффективности. Понимание и принятие этих процессов и

изменений важно для языковой политики, преподавания иностранных языков, составления юридических документов и межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ульяницкая, Л. А. Особенности использования феминитивов в английском, французском и русском языках на материале современной прессы / Л. А. Ульяницкая, И. М. Гореленко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniia-feminitivov-v-angliyskom-frantsuzskom-i-russkom-yazykah-na-materiale-sovremennoy-pressy> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz (AGG). – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/agg/> (datum des Zugriffs: 16.04.2025).

[К содержанию](#)

К. А. ГУЗАРЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. П. Королюк

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ИНСЕКТОНИМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Фразеологическая картина мира является составной частью языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, в которой каждый фразеологизм выступает компонентом системы и выполняет лингвистические и экстралингвистические функции при описании феноменов окружающей действительности. Л. Т. Ючковская отмечает, что фразеологическая картина мира относится к универсальным способам классификации фразеологизмов, «основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности» [1, с. 161].

Фразеологическая картина мира выражает дух народа и его менталитет, фиксируя культурно-исторический опыт познания окружающего мира. Она включает в себя не только рациональную информацию, но и эмоциональную, что позволяет глубже понять восприятие действительности. Фразеологическая картина мира обладает рядом отличительных признаков, таких как универсальность, антропоцентризм и экспрессивность.

Универсальность фразеологизмов проявляется как в их семантике, так и в структуре. В любом языке фразеологический фонд включает универсальные семантические категории, такие как время, пространство, количество и качество. Эта универсальность позволяет фразеологии отражать образную картину мира через призму восприятия народа.

Антропоцентризм в фразеологической картине мира подчеркивает, что мир воспринимается через призму человеческих чувств, потребностей

и интересов. Это означает, что фразеологизмы не просто описывают явления, а формируют их оценку с точки зрения человека.

Экспрессивность фразеологической картины мира трактуется «как интегрентная функциональная характеристика фразеологических единиц, основанная на особенностях фразеологической семантики, в состав которой входит коннотативный компонент с элементами эмотивности, оценочности, интенсивности» [2, с. 62]. Фразеологизмы часто несут эмоциональную окраску, представляя оценочные, ассоциативно-образные и функционально-стилистические характеристики. Образность фразеологизмов также является важным аспектом, который позволяет передать культурные и исторические контексты.

Немецкоязычный толковый словарь Duden фиксирует 44 фразеологизма с названиями насекомых. Анализ показал, что наиболее продуктивными являются наименования таких насекомых, как *die Fliege* (12 фразеологизмов), *die Mücke* (8 фразеологизмов) и *die Biene* (6 фразеологизмов). Эти насекомые являются наиболее частотными и выражают как негативные, так и нейтрально-оценочные характеристики.

Далее по частотности идут фразеологизмы со следующими компонентами: *der Schmetterling* ‘бабочка’ (3 фразеологизма), *die Hummel* ‘шмель’, *die Laus* ‘вошь’ (по 2 фразеологизма). Наименее репрезентативными в проанализированной выборке оказались фразеологизмы с компонентами *die Ameise* ‘муравей’, *die Heuschrecke* ‘кузнечик’ и *die Wespe* ‘оса’, представленными единичными примерами (по 2 % каждый). Полученные данные подтверждают антропоцентрический принцип организации фразеологии, где частотность употребления коррелирует с культурной значимостью объекта и его метафорическим потенциалом.

Анализ фразеологизмов показал, что насекомые в немецкой фразеологии реализуют множество образно-семантических коннотаций, которые связаны с культурными, социальными и эмоциональными факторами.

Например, муха ассоциируется в немецком массовом сознании с безобидным, но в то же время назойливым человеком. Данные ассоциации находят свою репрезентацию в следующих фразеологизмах: *keiner Fliege ein Bein ausreiben* ‘и мухи не обидит’, *j-n ärgert die Fliege an der Wand* ‘букв.: кого-то раздражает муха на стене’. Кроме того, муха в составе фразеологизма указывает на слабого и уязвимого человека: *sterben wie die Fliegen* ‘мрут как мухи’. В рассмотренных в работе фразеологизмах с компонентом *die Fliege* ‘муха’ реализуются также такие коннотации, как легкомысленность, которая приписывается исключительно представительницам женского пола (*eine leichte Fliege* ‘легкомысленная девушка’), а также трусость (*die Fliege machen* ‘делать ноги, убегать’).

Пчела в проанализированных в работе фразеологических единицах ассоциируется, прежде всего, с такой положительно оцениваемой чертой, как трудолюбие: *wie Bienenfleiß entwickeln* ‘трудиться как пчелка, букв.: неутомимо работать как пчела’. Во фразеологических единицах с компонентом *die Biene* ‘пчела’ также находит актуализацию значение привлекательности. Данная семантика применима только в отношении представительниц женского пола: *eine flotte Biene* ‘симпатичная девушка’.

В проанализированных фразеологизмах с компонентом *die Mücke* ‘мушка’ реализуется семантика чего-то лишнего, ненужного, что может повредить человеку: *jemandem die Mücken austreiben* ‘выбить дурь’. Данный энтомологический компонент способен выражать значение чего-то странного: *seine Mücken haben* ‘иметь свои странности, проблемы’.

Проведенный анализ фразеологизмов с компонентом *die Laus* ‘вошь’ выявил, что в немецком языковом сознании это насекомое ассоциируется преимущественно с негативными эмоциональными состояниями: выражение *jmdm. ist eine Laus über die Leber gelaufen/gekrochen* ‘кто-либо рассержен чем-либо’ передает состояние сильного раздражения или гнева, где вошь выступает как символ назойливого раздражителя, в то время как фразеологизм *jmdm./sich eine Laus in den Pelz/ins Fell setzen* ‘вызывать недоверие у кого-либо’ выражает идею вызванного недоверия или скрытой угрозы, отражая ассоциации с паразитической природой насекомого.

В фразеологизмах с компонентом *die Hummel* ‘шмель’ выражается такая характеристика насекомого, как быстрота, в связи с чем фразеологические единицы реализуют семантику скорости: *eine wilde Hummel* ‘непоседа, егоза’, *hat Hummeln im Hintern* ‘быть неугомонным’.

Компонент *die Grille* ‘сверчок’ в немецких фразеологизмах соотносится, с одной стороны, с чем-то лишним, ненужным или бесполезным: *j-d hat Grillen im Kopf* ‘одна блажь в голове’, а с другой, с весельем и развлечениями: *j-m die Grillen vertreiben* ‘отвлечь кого-либо от мрачных мыслей; развлечь (кого-либо); развеселить (кого-либо)’.

В немецких фразеологических единицах с компонентом *der Floh* ‘блоха’ актуализирует семантика тревоги, как, например, *j-m einen Floh ins Ohr setzen* ‘взбудоражить, тревожить’, а также семантика чего-то ненужного, бесполезного: *lieber Flöhe hüten* ‘все, что угодно, только не это!’.

Фразеологизм *sie ist fleißig wie eine Ameise* ‘трудолюбивый, как муравей’ отражает устойчивую ассоциацию муравья с трудолюбием и усердием в немецкой языковой картине мира.

В фразеологизмах с компонентом *der Schmetterling* ‘бабочка’ данное насекомое ассоциируется с влюбленностью, что обусловлено легкостью и неуловимостью взмахов крыльев. Точно также и влюбленность появля-

ется неожиданно и не поддается логическому объяснению: *Schmetterlinge im Bauch haben* ‘быть влюбленным’.

Значение фразеологизма с компонентом *die Wespe* ‘оса’ базируется на негативном восприятии человеком этого насекомого из-за его умения агрессивно защищаться, нападая роем и причиняя множественные болезненные укусы. Фразеологизм с этим компонентом реализует семантику ‘нажить себе врагов’: *in ein Wespennest greifen* ‘tronуть осиное гнездо, т. е. затронув какой-либо щекотливый вопрос’.

Проведенный анализ фразеологизмов с компонентами-названиями насекомых в немецком языке демонстрирует устойчивую систему ассоциаций и образно-семантических коннотаций. Эти фразеологизмы отражают антропоцентрический характер восприятия насекомых, служа для характеристики как негативных, так и позитивных черт. Тем самым, они иллюстрируют взаимосвязь между биологическими особенностями насекомых, культурным восприятием и языковой презентацией в немецкой фразеологической системе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ючковская, Л. Т. К вопросу о фразеологической картине мира / Л. Т. Ючковская // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – № 1 (36). – С. 161–164.
2. Титаренко, Н. В. Национально-культурный компонент фразеологизма в сопоставительном аспекте: на материале русского, английского и испанского языков : дис ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Титаренко Наталья Владимировна ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 200 л.

[К содержанию](#)

А. В. КОНОПАЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. П. Королюк

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Одной из основных целей современной лингвистики является изучение эмоций и оценок, которые невозможно наблюдать напрямую. В рамках художественного дискурса предположение используется для передачи эмоциональных переживаний, состояния неуверенности, надежды или сомнений персонажей. Под данным термином понимается оценка степени реальности какого-либо аспекта действительности на основе возможности и вероятности. Предположение формируется на основе индивидуального

опыта и восприятия окружающего мира, представляя собой абстрактное языковое понятие в рамках категории возможности [1, с. 43]. Люди часто не говорят что-то прямо, когда не уверены или не хотят показаться грубыми. В немецком языке для этого есть специальные слова и выражения, которые показывают, насколько человек уверен в своих словах [1, с. 43].

Существуют различные средства для выражения предположения в современном немецком языке, которые включают в себя грамматические, синтаксические и лексические элементы, которые активно взаимодействуют друг с другом.

К синтаксическим средствам выражения предположения относятся конструкции типа: *scheinen+zu+Infinitiv*, *glauben+zu+Infinitiv*, сложноподчиненные предложения, содержащие глаголы с модальным значением (*vermuten* ‘предполагать’, *zweifeln* ‘сомневаться’ и др.), преимущественно в главном предложении в качестве сказуемого. Такие конструкции выражают модальное отношение между субъектом и действием и являются довольно распространенными в немецком языке [2, с. 173].

Лексическими средствами выражения предположения в немецком языке являются модальные частицы (*wohl* ‘пожалуй’, *etwa* ‘разве’ и др.), которые уточняют модальность и добавляют субъективный оттенок; модальные слова (*vielleicht* ‘возможно’, *möglich* ‘возможно’, *wahrscheinlich* ‘вероятно’ и др.), которые передают степень уверенности говорящего и модальные глаголы (*müssen* ‘быть должноым’, *können* ‘мочь, уметь’ и др.), выражющие отношение говорящего к действию.

К грамматическим средствам выражения предположения относится сослагательное наклонение глагола, инфинитивные конструкции, придаточные предложения условия и сравнения, модальные частицы, а также вопросительные предложения.

Данное исследование проводилось на основе художественного материала романа популярной во всем мире писательницы Керстин Гир. Ее книги переведены более чем на 50 языков. Произведения автора являются популярными и в нашей стране. Для анализа лексических средств предположения был взят роман «*Rubinrot*» – «Рубиновая книга». В романе нами было обнаружено 198 контекстуальных единиц с использованием грамматических средств выражения предположения. Данные единицы представлены такими грамматическими средствами, как сослагательное наклонение (конъюнктив), придаточные условия (реального/ирреального), инфинитивная конструкция и вопросительное предложение.

Нами было установлено, что сослагательное наклонение является основным средством выражения предположения в романе. Оно подчеркивает гипотетичность высказывания, позволяя передать субъективную оценку говорящего.

Пример реализации семантики предположения с помощью сослагательного наклонения представлен ниже: *Ich holte tief Luft. Es war also so weit. Unsere Großmutter würde entzückt sein* [4, s. 8].

Формы сослагательного наклонения глагола также могут сочетаться с модальными словами и модальными глаголами, благодаря чему усиливается значение выражаемого предположения. *Ich konnte wohl nicht annehmen, dass man mir das glauben würde. Wahrscheinlich wäre ich schneller in einer Nervenheilanstalt, als mir lieb war* [4, s. 77]. *Bei den unkontrollierten Zeitsprüngen könntest du verletzt werden oder sogar getötet* [4, s. 170].

Всего в произведении было зафиксировано 117 примеров употребления конъюнктива как грамматического средства реализации семантики предположения.

Семантика предположения может быть выражена в немецком языке при помощи глаголов *scheinen* и *glauben* в сочетании с частицей *zu* и инфинитивом. Нами было проанализировано, что в произведении представлена только конструкция *scheinen + zu + Infinitiv*. *Mum schien sowieso keine Lust zu haben, meine Fragen zu beantworten* [4, s. 105].

Всего в произведении было зафиксировано 30 примеров употребления данной инфинитивной конструкции для выражения семантики предположения. Предположение, основанное на чувствах (предчувствование, воображение), репрезентируется сложноподчиненными предложениями нереального сравнения, придаточные которых вводятся союзами *als*, *als ob*, *als wenn*, *wie wenn*. *Nein, vielen Dank. Wir müssen nur schnell nach Hause. Als ob James irgendwie behilflich hätte sein können! Er konnte nicht mal eine Tür öffnen* [4, s. 17]. *Es war windig und der Himmel sah aus, als ob es jeden Augenblick zu regnen anfinge* [4, s. 19].

Придаточное ирреального условия может выражать семантику предположения, поскольку актуализирует какое-либо условие, при наличии которого данное сказуемое отношение оказалось бы реальным, но которое не было выполнено: *Er nahm eine angespannte Haltung an, als würde er jeden Augenblick vom Stuhl aufspringen wollen, falls meine Antwort unbefriedigend ausfallen würde* [4, s. 217].

В анализируемом произведении также имеют место случаи употребления придаточного реального условия, которое подчеркивает значение неуверенности и тем самым актуализирует семантику предположения: *Na, vielleicht, wenn man Glück hatte und in sumpfigem Marschland landete* [4, s. 31].

В проанализированном нами произведении придаточные предложения с условным значением представлены 29 примерами.

Наиболее репрезентативными в аспекте выражения семантики предположения выступили предложения нереального сравнения, вводимые союзом *als ob*. К средствам выражения семантики предположения относятся и

вопросительные предложения, которые сочетаются с лексическими средствами выражения значения предположения (лексические единицы, модальные слова, модальные глаголы). *Findest du dich die letzten Meter ohne mich zurecht?* [4, s. 148]. *Aber mal ehrlich: Glaubst du, Tante Maddys Vision hätte irgendwas mit deiner Zukunft zu tun?* [4, s. 67]. *Würdest du mir da zustimmen, Mädchen?* [4, s. 210].

В проанализированном нами в работе романе К. Гир было зафиксировано 22 примера использования вопроса для актуализации семантики предложения.

Таким образом, из 198 случаев употребления грамматических средств выражения категории предположения в романе К. Гир «*Rubinrot*» подавляющее количество составляет конъюнктив – 59,4 %.

Роман Керстин Гир «*Rubinrot*» демонстрирует богатство грамматических средств выражения предположения, которые автор использует для создания многослойного художественного дискурса. Грамматические средства, такие как конъюнктив, придаточные предложения условий, инфинитивные конструкции, модальные частицы и вопросительные предложения, способствуют выражению эмоций, сомнений и неуверенности персонажей, подчеркивая их психологическое состояние и тонкость восприятия окружающего мира.

Грамматическими средствами выражения значения предположения являются конъюнктив, придаточные реального/ирреального условия, придаточные нереального сравнения (вводимые союзами *als*, *als ob*, *als wenn*, *wie wenn*), инфинитивная конструкция *scheinen + zu + Infinitiv* и вопросительное предложение. В количественном отношении ведущим средством выражения модальной семантики предложения на грамматическом уровне оказался конъюнктив (59,4 %), который был признан нами ядерным грамматическим средством репрезентации модальной категории предложения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведева, Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры : монография / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. – 160 с.
2. Hamm, D. Deutsche Grammatik / D. Hamm, U. Hasekamp, S. Junck. – Koln : Tandem Verlag, 1994. – 319 s.
3. Кострова, О. А. Стратегии модализации высказывания в немецкой лингвокультуре / О. А. Кострова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 89–100.
4. Gier, K. Rubinrot. Liebe geht durch alle Seiten / K. Gier. – Arena, 2009. – 345 s.

[К содержанию](#)

С. В. ПОНОМАРЕНКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Т. А. Кальчук

СЕМНАЯ СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НАЗЕМНОГО ТРАНСПОРТА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

История транспорта насчитывает тысячи лет и начинается с самых простых способов передвижения, таких как пешие прогулки и использование животных для тяги. В последние десятилетия транспортная система претерпела значительные изменения, вызванные технологическими инновациями, изменением общественных потребностей и экологическими вызовами. Появление новых видов транспорта, таких как электромобили, требует обновления и расширения лексики, а также переосмысливания значений уже известных терминов. Поэтому изучение лексических значений наименований транспорта становится особенно важным.

Главная цель современных семантических исследований заключается в анализе языковых единиц и их взаимосвязей, а также в изучении состава и структуры различных семантических полей, которые имеют как психологическое, так и лингвистическое значение. В этом контексте анализ языкового содержания с использованием метода поля оказывается эффективным и перспективным. При выделении полей, будь то лексико-семантические или функционально-семантические, полезны приемы оппозитивного, компонентного и контекстного анализа [1, с. 31].

В настоящее время общепризнано, что значение всех языковых единиц представляет собой сложное множество взаимосвязанных и взаимозависимых «элементов значений» – сем. Одной из самых известных классификаций сем является классификация, предложенная В. Г. Гаком, которая включает архисемы, дифференциальные, потенциальные семы, а также описательные и относительные семы. В. Г. Гак определяет сему как элементарную единицу смысла, составляющую значение слова. В его исследованиях подчеркивается, что «семантическая структура отдельного слова представляет собой совокупность элементарных смыслов, или сем, формирующих это значение. Каждая сема отражает в сознании носителей языка различительные черты, объективно присущие денотату, или приписываемые ему в рамках данной языковой среды, что делает их объективными для каждого говорящего» [2, с. 95].

Для анализа структуры лексического значения и выявления его минимальных семантических признаков идеально подходит компонентный анализ. Этот метод позволяет разложить значение на составляющие (семы),

представляя его не как простой набор, а как организованную структуру. В этой структуре важность каждого компонента определяется его взаимосвязью с другими. Алгоритм компонентного анализа включает следующие шаги: 1) определить лексико-семантическую группу слов, используя синонимические и толковые словари; 2) найти в толковом словаре определения каждого слова и выделить в них отдельные семы; 3) составить общий список сем, встречающихся в определениях слов из данной группы; 4) создать таблицу семного состава анализируемой группы; 5) отметить знаком '+' наличие сем в каждом значении.

Материалом нашего исследования послужила 81 лексическая единица из группы наименований наземного транспорта в современном немецком языке, отобранные методом сплошной выборки из немецкого толкового словаря Duden. Анализ словарных определений показал, что семантическое пространство названий наземного транспорта формируется на основе 24 признаков. Эти признаки подчеркивают ключевые характеристики денотатов данной семантической группы и их составные элементы. Наиболее значимой для значений отдельных слов является информация:

- тип транспортного средства (81 случай): *die Limousine* ‘Personenwagen mit festem Verdeck’; *der Möbelwagen* ‘sehr geräumiger, geschlossener Kraftwagen für den Transport von Möbeln u. Hausrat, bes. bei Umzügen’;
- назначение (43 случая): *der Krankenwagen* ‘speziell für den Krankentransport ausgestattetes Auto’; *der Traktor* ‘speziell zum Ziehen von angehängten Lasten, besonders von landwirtschaftlichen Maschinen, Geräten, dienendes Kraftfahrzeug’;
- конструктивные особенности (34 случая): *das Tankfahrzeug* ‘Fahrzeug mit großem Tank zum Transport von flüssigen Stoffen [bes. Benzin, Heizöl]’;
- метод тяги/привода (25 случаев): *der Skooter* ‘elektrisch angetriebenes, einem Auto nachgebildetes kleines lenkbares Fahrzeug zum Fahren auf einer großen, meist rechteckigen Bahn’;
- габариты (12 случаев): *der Buggy* ‘geländegängiges, kleines Auto mit offener Karosserie aus Kunststoff’;
- колеса (10 случаев): *das Fahrrad* ‘zweirädriges Fahrzeug, dessen Räder hintereinander angeordnet sind u. das durch Treten von Pedalen angetrieben wird’.

Для того, чтобы отнести транспорт к категории наземного, важно учитывать семантическое ядро, включающее соответствующие признаки. Высокая частотность этих семантических компонентов в значениях наземного транспорта указывает на их значимость и характерность для данной тематической группы. Это позволило нам определить семантическую формулу наземного транспорта: ‘тип транспортного средства + назначение + конструктивные особенности + метод тяги/привода + габарит + колеса’.

Достаточно далеко от семантического ядра отстоят признаки, несущие информацию о весе (один случай): *die Droschke* ‘leichtes ein- od. zweispäniges Fuhrwerk zur Beförderung von Personen’; кузове (один случай): *der Buggy* ‘geländegängiges, kleines Auto mit offener Karosserie aus Kunststoff’; о приводе (один случай): *der Jeep* ‘kleineres, meist offenes, geländegängiges Fahrzeug mit starkem Motor und Allradantrieb’; о мощности двигателя (один случай): *der Cruiser* ‘sportliches Fahrzeug mit hoher Motorleistung, aber relativ niedriger Geschwindigkeit’; о цвете (один случай): *der Leichenwagen* ‘meist schwarzes Auto zum Transport eingesargter Leichen’; о комфорtnости (один случай): *der Reisewagen* ‘größeres, bequemes Auto, das besonders für weite Fahrten geeignet ist’; о состоянии (два случая): *der Gebrauchtwagen* ‘nicht fabrikneues, sondern bereits gebrauchtes Auto; об объеме двигателя (два случая): *das Moped* ‘Kleinkraftrad mit geringem Hubraum u. begrenzter Höchstgeschwindigkeit’; о проходимости (два случая): *der Buggy* ‘geländegängiges, kleines Auto mit offener Karosserie aus Kunststoff’.

В одинаковом количестве (по три случая) встречались такие признаки, как крыша: *das Kabriolett* ‘Auto mit aufklappbarem od. versenkbarem Verdeck’; управление: *das Taxi* ‘von einem Berufsfahrer gelenktes Auto, mit dem man sich (besonders innerhalb einer Stadt) befördern lassen kann’; двигатель: *der Sportwagen* ‘windschnittig gebautes [zweisitziges] Auto mit starkem Motor’; скорость: *der Cruiser* ‘sportliches Fahrzeug mit hoher Motorleistung, aber relativ niedriger Geschwindigkeit’; принадлежность: *der Geschäftswagen* ‘von einer Firma gehaltener, gewerblichen Zwecken dienender Wagen’; подобие: *das Quad* ‘motorradähnliches Fahrzeug mit vier Räder’. Затем с увеличением частотности описываются в дефиниции сиденья (пять случаев): *die Großraumlimousine* ‘größeres Auto mit mindestens 6 Sitzplätzen und vergrößerbarer Ladefläche’; территориальное ограничение (шесть случаев): *die S-Bahn* ‘elektrisch betriebene, auf Schienen laufende Bahn für den Personenverkehr in Großstädten und Stadtregionen’; способ передвижения (восемь случаев): *die Lokomotive* ‘mit Strom, Dampf o. Ä. angetriebenes Fahrzeug auf Schienen zum Ziehen der Eisenbahnwagen’.

Анализ семантического состава наименований наземного транспорта в современном немецком языке показал, что семантическое пространство этой тематической группы формируется множеством признаков, позволяющих точно определить характеристики транспортных средств. Выделено 24 признака, среди которых ключевыми являются тип ТС, назначение и конструктивные особенности. Изучение частоты этих признаков в дефинициях позволяет оценить их значимость и определить, входят ли они в семантическое ядро или уходят в периферию. Это подтверждает наличие четкой структуры лексического значения терминов, связанных с наземным транспортом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубанюк, Э. В. Модуль 2. Лингвистические основы коммуникации: семантика : учеб.-метод. комплекс / Э. В. Рубанюк. – Минск, 2018. – 163 с. – URL: <http://repository-isz.minsk.by:41501/xmlui/handle/123456789/92?show=full> (дата обращения: 22.04.2024).
2. Гак, В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова / В. Г. Гак // Вопросы описания семантической системы языка : тез. докл. науч. конф. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 16–18 нояб. 1971 г. / отв. ред. А. А. Санкин. – М. : МГПИИ им. М. Тореза, 1971. – С. 95–98.
3. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache (10 Bänden auf CD-ROM). – Mannheim : Bibliogr. Inst. & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 CD-ROM.

[К содержанию](#)

А. В. ПУШКАРУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. В. Кивака

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СЛОВ С КОМПОНЕНТОМ „GOLD“ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевым способом обогащения лексического словаря немецкого языка является словообразование, отличающееся от изменения значений слов, заимствований и звукоподражания, т. е. от других методов обогащения словарного запаса. Новое слово возникает путем словообразования, когда оно формируется на основе уже существующих в языке слов и основ. Немецкий язык характеризуется возможностью формирования новых слов путем словосложения, что впоследствии становится предметом лингвистического анализа. Отметим, что семантика сложных слов значительно зависит от второго компонента слова. Более того, она может быть многоуровневой, включая как денотативное, так и коннотативное значение. Денотативное значение служит для прямого обозначения предмета, без дополнительных смысловых оттенков или ассоциаций. Коннотативное значение, напротив, несет в себе обозначение отличительных свойств предмета

и придает слову экспрессивную и оценочную функции [1].

Одной из интересных тем для изучения является семантика сложных слов, содержащих корень *Gold* ‘золото’. Цель данной статьи – провести лексико-семантический анализ сложных слов с компонентом *Gold*, исследовать их особенности, а также выявить закономерности их использования в немецком языке. Для анализа использовались «Немецко-русский (основной) словарь», а также «Duden. Das Bedeutungswörterbuch» [2; 3].

Семантическое поле слова *Gold* ‘золото’ в немецком языке охватывает множество сложных слов, которые связаны с различными понятиями. Се-

мантическое поле включает в себя как прямые, так и переносные значения. Нами было рассмотрено 12 сложных слов с компонентом *Gold*.

Проанализируем примеры сложных слов и их значения:

- *der Goldbarren* ‘золотой слиток’, т. е. ‘физический слиток золота, прямое обозначение обработанного и очищенного металла’ (прямое значение);
- *die Goldmedaille* ‘золотая медаль’ или ‘награда за первое место’. Используется в спорте, академических достижениях и наградах. Золотая медаль символизирует высшее достижение и мастерство (прямое значение);
- *der Goldesel* ‘золотой осел’ – метафора для обозначения источника постоянного дохода или выгоды, используется в разговорной речи (переносное значение);
- *der Goldjunge* ‘золотой мальчик’, ‘золотко’, т. е. ‘разг. лицо мужского пола, которое кому-то особенно нравится’. Так называют человека, которому везет и которого любят. Используется в разговорной речи. А также ‘спорт. золотой медалист’ (переносное значение);
- *goldecht* ‘откровенный’. Прилагательное, используемое в разговорной речи для описания чего-либо или кого-либо откровенного, искреннего. Так говорят о человеке, у которого душа нараспашку (переносное значение);
- *goldfarben* ‘золотого цвета’ описывает объект, имеющий цвет, напоминающий золото. Переносное значение: в описательной речи слово может передавать идею блеска, роскоши и тепла, ассоциируясь с чем-то выдающимся и дорогостоящим (комбинированное значение);
- *der Goldschmied* ‘ювелир’ или ‘профессионал, создающий изысканные украшения и предметы из драгоценных металлов, таких как золото’, а также ‘золотисто-зеленый жук, который питается личинками насекомых, улитками и червями’ (комбинированное значение);
- *der Goldstandard* ‘золотой стандарт’, то есть ‘экономическая система, при которой стоимость валюты определяется определенным количеством золота’, чаще всего используется в экономических и финансовых темах. В переносном смысле – для описания чего-либо, что служит эталоном (комбинированное значение);
- *die Goldgrube* в прямом значении – ‘золотой прииск’ или ‘шахта, где добывают золото’; в переносном значении – ‘золотая жила’ или ‘источник прибыли или выгоды’. Используется в повседневной жизни, так называют бизнес или проект, приносящий неожиданные доходы (комбинированное значение);
- *der Goldfisch* ‘золотая рыбка’ или ‘(родом из Китая) рыбка цвета красного золота или золотистого блестящего, небольшого размера’, считающаяся символом удачи, а также ‘(особенно в отношении брака) кто-то, кто имеет значительное состояние’ используется в разговорной речи, шутливое (комбинированное значение);

– *der Goldregen* ‘золотой дождь’. В прямом значении – это ‘декоративный кустарник или дерево с длинными свисающими золотисто-желтыми соцветиями’ (ракитник). В переносном – ‘неожиданное богатство или удача’ (комбинированное значение);

– *das Goldstück* ‘золотой кусок’. В прямом смысле ‘золотая монета, используемая в качестве платежного средства’. Также в переносном значении может использоваться как ‘ценный человек’. Это как ласковое обращение к кому-то, кто ценен или дорог (комбинированное значение).

Проанализировав полученные результаты исследования, мы пришли к выводу, что в некоторых случаях у сложных слов с компонентом *Gold* наблюдается прямое значение, у других – метафорическое расширение значения, а у третьих (их большинство) присутствуют оба значения (таблица).

Таблица – Значения сложных слов с компонентом *Gold*

Вид значения	Количество слов	Процентное соотношение
Прямое значение	2	16,7 %
Переносное значение	2	16,7 %
Комбинированное значение (прямое и переносное)	8	66,7 %

Это делает такие сложные слова универсальными и позволяет использовать их в различных контекстах, например, в ювелирном деле (*Goldschmied*), финансах (*Goldstandard*), природе (*Goldfisch*) и в повседневной жизни (*Goldesel*). Все сложные слова с компонентом *Gold* объединены общей семантикой золота как символа чего-то редкого, ценного, прекрасного, дорогого. Они подчеркивают важность и уникальность того, что описывают. Семантическое поле слова *Gold* в немецком языке охватывает широкий спектр понятий, связанных с материальной и нематериальной ценностью. Изучение сложных слов с компонентом *Gold* позволяет глубже понять механизмы словообразования и семантики в немецком языке.

Анализ этих слов помогает увидеть, как язык отражает и формирует культурные ценности и представления. Сложные слова с компонентом *Gold* позволяют выражать в немецком языке сложные понятия компактно, точно и быстро, что делает язык более эффективным и выразительным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. Энцикл., 1966. – 607 с.
2. Немецко-русский (основной) словарь / К. Лейн, Д. Г. Мальцева, А. Н. Зуев. – М. : Рус. яз., 1992. – 1040 с.

3. Duden, das Bedeutungswörterbuch: das Standartwerk zur deutschen Sprache : in 12 Bänden. Bd. 10 : Duden. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2010. – 1151 S.

[К содержанию](#)

Е. Р. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

**ЯЗЫКОВОЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
КОНЦЕПТА «ТОСКА»**

Концепт «тоска» занимает в русской языковой картине мира особое место. Данное слово труднопереводимо на другие языки, поэтому его значения охватывают широкий спектр душевных состояний: от легкой грусти до глубокой экзистенциальной боли. В других культурах существуют схожие термины: английский *spleen*, французский *ennui*, немецкий *Sehnsucht*, однако только в русской культуре имеет наибольшее распространение и глубину смыслов [1, с. 196].

Русская тоска – это не только эмоциональное состояние, но и философская и психологическая категория, отражающая внутренний мир человека, стремление к недостижимому, скорбь по утраченному и тоску по неосуществимому. М. Н. Эпштейн связывает особенность русской тоски с природой: она рождается не из-за ограничения и несвободы, а из ощущения безграничности, монотонности и бесконечности русских равнин [2, с. 37]. Такие пейзажи навевают чувство подавленности, хандры, внутреннего томления – все это становится частью ментального ландшафта русского народа. Природа России, как монотонная, приглушенная, равнинная, становится не только фоном, а участником формирования внутреннего состояния личности.

С точки зрения психологии, тоска связана с меланхолией и характеризует состояние человека следующим образом: *любовь, ненависть, бешенство, расстройство, горе, жалость, зависть, безучастность, брезгливость, симпатия, равнодушие, восхищение, ликование, раскаяние, безразличие, возждение, гнев, досада, испуг, ужас, стыд* [3]. Тоска – отрицательное эмоциональное состояние, при котором субъект испытывает сильное душевное томление. Часто такое томление объясняется сильным желанием обладать чем-либо. Когда субъект находится в тоскливом состоянии, он перестает реагировать на актуальные события, он переносится в прошлое или будущее.

Тоска глубоко укоренилась в русской фразеологии. Под фразеологией языка понимается «совокупность устойчивых сочетаний слов, аналогичных словам по своей воспроизведимости в качестве готовых целостных единиц» [4, с. 4]. Фразеологическая картина мира в наиболее яркой образной форме выражает дух народа, его менталитет, закрепляет культурно-исторический опыт познания мира в виде образных устойчивых оборотов, а также оценивающих явления и состояния предметов.

Как известно, фразеология и паремиология русского языка раскрывает самобытность и оригинальность русского мышления. В фразеологизмах и пословицах и поговорках хранится народный опыт, взгляды русского народа на те или иные явления.

Приведем пословицы и поговорки со словом тоска. Отметим, что все употребления данного слова в пословицах и поговорках имеют негативную семантику:

- тяжелое состояние, негативно влияющее на человека (*тоскующий наполовину разбит; ржавчина разъедает железо, тоска – человека*);
- душевные переживания и горе (*тоска западает на сердце глазами, ушами и устами; тоску да горе и за кованной дверью не спрячешь; река не море, тоска не горе; тоскою горю не поможешь*);
- сопоставление с концептом тоска (*без хлеба куска везде тоска; такая припала тоска, да не выпустил бы из рук куска; хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай*) [5].

Фразеологизмы *камень на душе / на сердце, с камнем на душе, с тяжелым сердцем* содержат стереотипные представления о печали как тяжелом, гнетущим душу или сердце эмоциональном грузе. Фразеологизмы образованы метафорой, уподобляющей тяжелые переживания, угнетенность, подавленность камню [5].

Фразеологизм *авилонская тоска* употребляется для выражения безысходного отчаяния, горя, тоски по родине, родным местам, а также грустного состояния души. Данное выражение возникло из 136-го псалма, в котором говорится о тоске иудеев, находившихся в вавилонском плену и с плачем вспоминавших о своей родине [5].

Фразеологизм *тоска зеленая* употребляется для выражения гнетущего тягостного чувства, душевного томления от безделья, от отсутствия интереса к окружающему, невыносимой скуки.

Некоторые фразеологизмы, выражающие печаль, образованы гиперболой, основанной на преувеличении интенсивности переживаемой эмоции: *мировая скорбь, помирать с тоски, с тоски пропасть/удавиться/умереть, убитый горем*. Для придания большей экспрессивности фразеологическим единицам в качестве выразительного средства нередко используется тав-

тология как дублирование элементов выражения: *грусть-тоска, тоска печаль, тоска-кручин* [5].

Таким образом, слово «тоска» употребляется во многих пословицах и поговорках, а также в русских фразеологических единицах. Во всех единицах, проанализированных нами, слово «тоска» имеет негативную семантику.

Анализируя вышеперечисленные толкования, можно сказать, что тоска – это сложное чувство, имеющее несколько граней, описывающих разнообразные формы душевного дискомфорта: от глубокой печали до простого ощущения тоски, вызванные определенными причинами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чеснокова, Л. В. Тоска как национальный концепт русской культуры / Л. В. Чеснокова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. – 2012. – № 9 (23), ч. 1. – С. 195–200. – URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_9-1_51.pdf (дата обращения: 06.12.2024).
2. Эпштейн, М. Все эссе : в 2 т. / М. Эпштейн. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – Т. 1 В России. – 544 с.
3. Костюшкина, Г. М., Егорова, З. В. Категоризация эмоций в русском языковом сознании / Г. М. Костюшкина, З. В. Егорова // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2017. – № 5 (61). – С. 98–107 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorizatsiya-emotsiy-v-russkom-yazykovom-soznanii/viewer> (дата обращения: 07.12.2024).
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для студ. филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
5. Сироткина, И. В. Языковые средства создания образности фразеологизмов, выражающих печаль в русском и английских языках / И. В. Сироткина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 305–319. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-sozdaniya-obraznosti-frazeologizmov-vyrazhayushchih-pechal-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer> (дата обращения: 06.12.2024).

К содержанию

А. В. СИМОНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. П. Королюк

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ Г. БЕЛЛЯ

Категория отрицания – одна из универсальных семантических категорий, играющая важную роль в языке, мышлении и коммуникации. Через отрицание субъект способен выражать несогласие, противопоставление, отказ,

а также уточнять или модифицировать значение высказывания. В лингвистике отрицание исследуется с разных точек зрения: логической, семантической, прагматической и психологической. Особый интерес представляет реализация отрицания в авторских текстах, где оно выполняет не только информативную, но и стилистическую функцию, отражая индивидуальную картину мира писателя. В данной статье рассматривается, каким образом грамматические средства отрицания функционируют в авторском тексте Г. Белля – одного из выдающихся представителей немецкой литературы XX в.

В философском дискурсе отрицание воспринимается как активный процесс развития мышления через преодоление противоречий. Отрицание представляет собой не простую отмену, а момент развития через снятие противоположностей, что обеспечивает движение духа. Подобное понимание делает отрицание неразрывно связанным с процессами самопознания и объективного познания мира. Философы К. Г. Юнг и Ф. Ницше трактовали отрицание в контексте личностного развития и борьбы с внутренними конфликтами [1].

В логике отрицание выступает как основная операция, изменяющая значение утверждения на противоположное, как процесс, посредством которого истинное высказывание становится ложным и наоборот. Отрицание позволяет выражать как прямой отказ, так и более сложные семантические отношения: сомнение, контраст, ироничную оценку [2]. Особую роль отрицание играет в письменной речи, где оно становится элементом стилистической выразительности. Психологическая трактовка отрицания акцентирует внимание на его субъективной природе: отрицание возникает как результат эмоциональной или ментальной реакции индивида на расхождение между ожиданием и действительностью. Такое понимание делает отрицание важным инструментом не только когнитивного, но и аффективного освоения мира.

Отрицание как семантическая категория связано с утверждением отсутствия. Оно может затрагивать всю пропозицию или отдельные ее компоненты (субъект, предикат, обстоятельство). В немецком языке отрицание выражается через формальные средства, однако его прагматическое значение часто выходит за пределы чисто грамматического уровня и зависит от контекста коммуникации.

Применительно к авторскому тексту «Глазами клоуна» Г. Белля грамматические средства отрицания выполняют такие функции, как выражение субъективной оценки действительности; формирование контрастных характеристик персонажей. Кроме того, они помогают акцентировать внимание на противоречиях современной социальной реальности и создают специфическую эмоциональную атмосферу произведений.

Отрицание в немецком языке выражается с помощью различных грамматических средств, каждое из которых обладает своими особенностями функционирования и определенной сферой употребления. Основными средствами выражения отрицания являются частица *nicht*, отрицательные местоимения и наречия, конструкции с двойным отрицанием, отрицательные союзы, а также отрицательные формы модальных глаголов.

Одним из базовых средств выражения отрицания является частица *nicht*. Она используется для отрицания действия (глагола), признака (прилагательного, наречия) или всего предложения в целом. Позиция частицы *nicht* в предложении зависит от того, какой элемент отрицается: как правило, *nicht* ставится перед инфинитивом, прилагательным или наречием, а при отрицании всего предложения – перед последним смысловым элементом [3, с. 410]. Например: *Seit dem Tod meiner Schwester Henriette existieren meine Eltern für mich nicht mehr als solche.*

Кроме данной частицы, в немецком языке активно используются отрицательные местоимения и наречия, такие как *kein*, *niemand*, *nichts*, *nirgendwo*, *nie*. Частица *kein* употребляется для отрицания существительных с неопределенным артиклем или без артикля, являясь, тем самым, так называемым отрицательным артиклем:

Ich sah keinen Anlaß, mein Schweigen zu brechen.

Es tat mir jetzt leid, ich hätte es ihm erklären müssen, niemand sonst war ich irgendwelche Erklärungen schuldig.

„Bitte“, sagte ich, „dem steht nichts im Wege“.

Die anderen Katholiken aus dem Kreis würden nie riskieren, kitschig oder sentimental zu sein.

Отрицательные союзы, такие как *ohne* ‘без’, *als dass* ‘чтобы’, ‘чем’ достаточно распространены в немецком языке. Кроме того, существуют двойные союзы, например: *weder... noch* ‘ни... ни...’, которые служат для выражения отрицания двух элементов одновременно.

„Das ist sehr einfach“, sagte ich, „diese alten Knaben werden weder von Erinnerungen noch von Gewissensqualen zermürbt. Ist er zu Hause?“

Da lese ich doch lieber Rilke, Hofmannsthal, Newman einzeln, als daß ich mir aus den dreien eine Art Honigwasser zurechtmischen lasse.

Aber ich war nicht sicher, ob er das, was ich mit Marie getan hatte, ohne Krach hinnehmen würde.

Таким образом, категория отрицания, будучи универсальной семантической структурой, проявляется на всех уровнях организации языка: философском, логическом и лингвистическом. В авторских текстах отрицание приобретает особую прагматическую и стилистическую значимость. В произведениях Г. Белля отрицание становится неотъемлемой частью художественного метода, служит средством выражения сложных эмоциональных

состояний, критики социальной действительности и формирования философской глубины повествования. Анализ грамматических средств реализации отрицания позволяет лучше понять авторский стиль и раскрывает механизмы взаимодействия языка и мышления в литературном произведении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jung, C. G. *The Practice of Psychotherapy* / C. G. Jung. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1966. – 116 S. – (Bollingen Series XX).
2. Zifonun, G. *Grammatik der deutschen Sprache. Band 2* / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1997. – 1630 S.
3. Helbig, G. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* / G. Helbig, J. Buscha. – Berlin : Langenscheidt : Verlag Enzyklopädie, 2001. – 589 S.

[К содержанию](#)

А. О. ТУРОБОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Кальчук

КОЛОРОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На сегодняшний день можно заметить огромное разнообразие колоронимов в разных сферах жизни, причиной этому служит постоянное изменение и развитие языка. Мир моды также вносит большой вклад в обогащение состава цветообозначений, заимствуя и образуя сложные колоронимы для детальной передачи цвета изделия. Под колоронимами мы понимаем простые, сложные и составные единицы, обозначающие первичные (черный, белый, серый) и вторичные цвета (красный, желтый, синий) или их оттенки.

В XXI в. изучение колоронимов приобрело особую значимость. Причина этого кроется в тесной связи понятия «цвет» с многообразием окружающего мира и всеми сферами человеческой деятельности, а также его влиянии на формирование мышления и языковой картины мира [1].

В 1969 г. Б. Берлин и П. Кэй опубликовали труд «Основные термины цветообозначения: их универсальность и эволюция». В этой работе авторы предложили критерии определения основных цветообозначений языка и выдвинули гипотезу о последовательном появлении новых цветообозначений на семи эволюционных стадиях развития [2]. Для своих экспериментов ученые использовали специальную карту цветов, в которой были учтены тон и светлота оттенков. Предъявляя эту карту носителям различных языков, Б. Берлин и П. Кэй обнаружили, что восприятие цвета людьми в целом совпадает. Эта способность не зависела от места рождения, воз-

раста или родного языка [1]. Испытуемых просили указать на карте наиболее значимые цвета. Эти оттенки получили название «базовых цветов» (basic color), а обозначающие их слова в конкретном языке – «базовых цветообозначений» (basic color ton) [1].

Проанализировав 98 языков мира, ученые выделили группу «базовых» (основных) цветообозначений, которые оказались универсальными для всех языков: *белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый* [2].

Несмотря на большое разнообразие классификаций колоронимов в разных культурах, система базовых колоронимов оказывается весьма близкой у всех людей. Идея о произвольном делении цветового спектра в разных языках не выдерживает критики. Независимо от количества базовых колоронимов, закрепленных в языке, общий универсальный инвентарь состоит из одних и тех же 11 колоронимов [3].

Материалом нашего исследования являются 200 английских адъективных колоронимов, отобранных методом сплошной выборки из британского модного журнала *Urban Industry*. Отобранные нами цветообозначения были распределены на «основной и оттеночный цвет». Вслед за исследованием Б. Берлина и П. Кэя к основным английским колоронимам мы отнесли *white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, grey, grey*, которые представлены на рисунке.

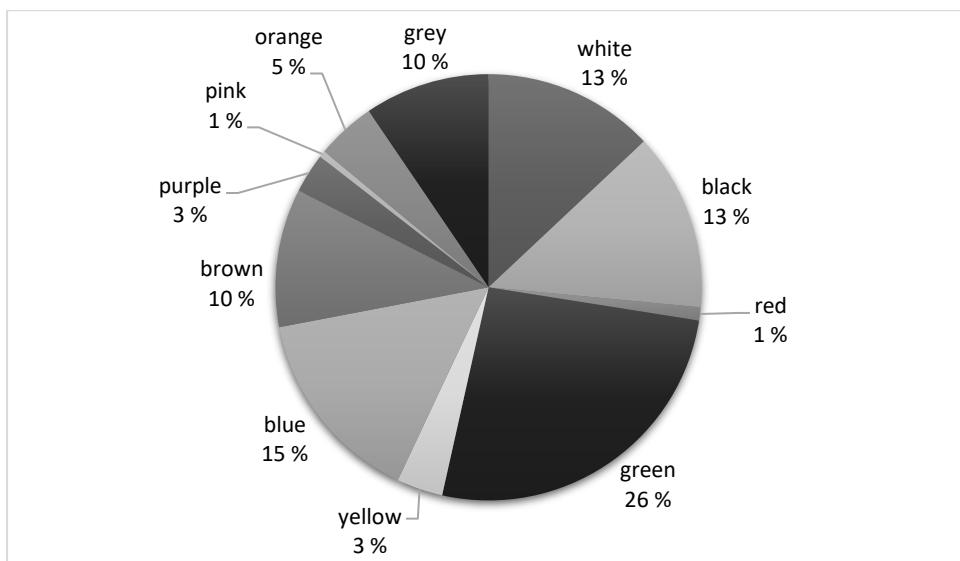

Рисунок – Основные колоронимы в английском языке

Остальные колоронимы являются оттеночными и представляют собой оттенки основных колоронимов:

- white: *cloud white* ‘белое облако’, *cream white* ‘белый крем’, *white light* ‘белый свет’, *chalk white* ‘белый мел’, *dusty ice* ‘пыльный лед’, *moonbeam* ‘лунный свет’, *snow* ‘снежный’ и др.;
- black: *black mountain* ‘черная гора’, *black sapphire* ‘черный сапфир’, *washed black* ‘мокрый черный’, *ink black* ‘черные чернила’, *charcoal* ‘угольный’, *dark shadow* ‘темная тень’ и др.;
- red: *wine red* ‘винно-красный’, *habanero* ‘перец хабанера’;
- green: *greenscape* ‘зеленый пейзаж’, *army green* ‘армейский зеленый’, *conifer green* ‘хвойно-зеленый’, *dark green* ‘темно-зеленый’, *deep green* ‘глубокий зеленый’, *ivy green* ‘зеленый плющ’, *meadow green* ‘зеленый луг’ и др.;
- yellow: *milled yellow* ‘фрезерованный желтый’, *golden* ‘золотой’, *limoncello* ‘лимончелло’, *bungee cord* ‘трос для банджи’, *pufferfish gold* ‘золотая рыба-шар’, *solaris* ‘солнечный’, *wheat* ‘пшеничный’ и др.;
- blue: *charm blue* ‘синий шарм’, *heron blue* ‘синяя цапля’, *lapis blue* ‘голубой лазурит’, *steel blue* ‘стальной синий’, *thistle blue* ‘чертополоховый синий’, *utility blue* ‘утилитарный синий’, *indigo* ‘индиго’ и др.;
- brown: *ancient fossil* ‘древнее ископаемое’, *chocolate* ‘шоколадный’, *dark walnut* ‘темный орех’, *medium brown* ‘средний коричневый’, *mud* ‘грязевой’, *peanut* ‘арахисовый’, *pigment brown* ‘пигментный коричневый’ и др.;
- purple: *everyday now mauve* ‘повседневный розовато-лиловый’, *plum* ‘сливовый’, *vimto still* ‘вимто’, *digital lavender* ‘цифровая лаванда’, *Positano* ‘Позитано’ и др.;
- pink: *pink lemonade* ‘розовый лимонад’;
- orange: *croissant* ‘круассан’, *habanero* ‘перец хабанера’, *oranjeboom* ‘оранжевый бум’, *washed orange* ‘вымытый оранжевый’, *rust* ‘ржавчина’, *almond* ‘миндальный’ и др.;
- grey: *ash* ‘пепельный’, *clay grey* ‘глиняный серый’, *dark grey* ‘темно-серый’, *gravel* ‘гравийный’, *grey melange* ‘серый меланж’, *medium grey* ‘средне-серый’, *smoke pearl* ‘дымчатый жемчуг’, *stone* ‘каменный’, *stormy weather* ‘ненастная погода’ и др.

Среди представленных оттенков цветов в количественном отношении выделяются оттенки зеленого цвета (26 % или 52 лексических единиц). По нашему мнению, данный цвет используется чаще в языке моды чем остальные, т. к. он ассоциируется с природой, свежестью и гармонией, что может быть актуально в связи с повышенным интересом к экологически чистым и устойчивым тенденциям, а также он может быть популярен в определенный сезон, а именно летом из-за обилия зелени. Зеленый цвет стал символом загородной жизни и успокаивающего влияния на психику во время пандемии. Кроме того, в последние годы в минималистичной моде все чаще появляются насыщенные тона, включая зеленый, который к

тому же функционален, – он легко сочетается с большинством оттенков, позволяя создавать разнообразные образы.

Исследование цветовых обозначений в британском модном журнале позволило выявить широкую палитру используемых цветов. Основные и оттеночные цвета формируют основу цветовой гаммы в моде, а сложные цветовые обозначения дополняют ее, обеспечивая более точную и разнообразную передачу оттенков. Традиционные оттенки уступили дорогу новым, а мода превратила цвет в культурную единицу технического прогресса [4].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евтушевская, А. Е. Фиксация базовых цветонаименований и их лексикографическое описание в словарях различных типов / А. Е. Евтушевская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 7. – С. 64–70.
2. Иксанова, Р. В. Символика цвета в поэтических текстах Джима Моррисона / Р. В. Иксанова. – URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/32602/iuz_ixanova.pdf?sequence=1&ysclid=luik17pab4951595399 (дата обращения: 07.03.2024).
3. Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика : учебник для академ. бакалавриата / Е. В. Перехвальская. – М. : Юрайт, 2016. – 351 с.
4. Косых, Е. А. Русская ономасиология : учеб. пособие / Е. А. Косых. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – 101 с. – 1 CD-ROM.

[К содержанию](#)

Д. А. ХВОСТОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. П. Королюк

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОТРИЦАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Отрицание является важным элементом языка, позволяющим выражать несогласие, отсутствие, противоположность и различные формы модальности. В немецком языке, как и в других индоевропейских языках, отрицание реализуется с помощью различных языковых средств, включая морфологические. Изучение морфологических способов выражения отрицания позволяет глубже понять особенности грамматического строя языка и его функциональные возможности.

На современном этапе развития лингвистики возрастает интерес к проблемам структуры и функционирования отрицания в разных языках. Особенно значимым представляется морфологический аспект, который демонстрирует связь между грамматической категорией и семантикой отрицания. Анализ этих средств в немецком языке имеет большое значение

как для теоретического языкоznания, так и для практики преподавания немецкого языка как иностранного.

Проблема выражения отрицания в немецком языке находила отражение в работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Несмотря на наличие исследований, морфологические аспекты отрицания зачастую рассматриваются фрагментарно, что обуславливает необходимость систематизации и углубленного анализа данных средств.

На словообразовательном уровне отрицание в немецком языке часто реализуется с помощью префиксов, таких как *in-*, *in-*, *nicht-*, *miss-* и др. Префикс *miss-* отличается от остальных тем, что не только придает слову отрицательное значение, но и обладает эмоциональной окраской. Его использование охватывает глаголы, существительные и прилагательные, что делает его одной из самых продуктивных морфем в немецкой деривации.

Префикс *miss-* восходит к древневерхненемецкому *missa-* и ассоциируется с ошибкой или искажением нормы. Например, слова *missverstehen* ‘неправильно понять’ и *missbrauchen* ‘ злоупотреблять’ демонстрируют динамику отрицательной семантики. Анализ производных лексем с префиксом *miss-*, зафиксированных в толковом словаре Duden, показывает, что большинство данных единиц действительно выражают отклонение от нормы. Глаголы *missachten* ‘игнорировать’ и *misslingen* ‘потерпеть неудачу’ противопоставляются нейтральным основам и отражают отрицательную семантику.

Префикс *miss-* часто придает словам эмоционально-оценочную окраску. Например, *missgelaunt* ‘в плохом настроении’ и *missverständlich* ‘непонятный’ формируют оценочные характеристики. Контекст играет важную роль в интерпретации слов с *miss-*. Например, слово *missvergnügt* может означать ‘угрюмый’, но в ироничном контексте может смягчать отрицательное значение. Это подчеркивает необходимость учитывать ситуацию общения при анализе лексем.

Важно отметить, что не все слова с *miss-* выражают явное отрицание. Например, в словах *Missbündnis* ‘плохое сотрудничество’ и *Misschelligkeit* ‘неясность’ префикс воспринимается как часть корня. Это требует внимательного морфолого-семантического анализа.

Лексикографический анализ показывает преобладание существительных с *miss-*: *Missbrauch*, *Misshandlung*, *Misserfolg*. Эти слова используются в юридической, медицинской и политической лексике для обозначения негативных явлений. Прилагательные с *miss-* (*missgestaltet*, *missgelaunt*) описывают эмоциональные или оценочные состояния.

Префикс *miss-* является продуктивным и многозначным средством выражения отрицания. Его отличает эмоционально-прагматическая направленность и способность функционировать в разных частях речи.

Таким образом, морфологическая префиксация с помощью *miss-* представляет собой не только средство формального выражения отрицания, но и сложный семантический механизм, который активно участвует в моделировании смысла и манипуляции значением. Исследование этого явления позволяет не только описать лексико-грамматические особенности немецкого языка, но и приблизиться к пониманию его когнитивных, pragматических и культурных основ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden. – auf CD-ROM. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim: Bibliogr. Inst. & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 CD-ROM.

[К содержанию](#)

Г. С. ЯРОШУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. В. Кивака

АБСОЛЮТНАЯ СИНОНИМИЯ В ТЕКСТЕ «ШАХМАТНОЙ НОВЕЛЛЫ» СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Синонимы являются важнейшим лексическим средством любого языка. Термин «синоним» (от греч. *synonymos* ‘одноименный’) впервые появился в научном тексте в 1794 г. [1, с. 54]. По определению В. Д. Стариченка, синонимы – это «слова и выражения, полностью или частично совпадающие по значению и различающиеся некоторыми смысловыми оттенками, сферой употребления, экспрессивно-эмоциональной окраской, сочетаемостью, контекстом» [2, с. 24]. По словам Д. Н. Шмелева, синонимами являются «слова, которые имеют тождественное значение, близкое значение, как слова, которые обозначают одно и то же понятие или же способные охарактеризовать один и тот же предмет» [3, с. 194]. Особенno часто синонимы используются в текстах художественной литературы, формируя основу индивидуального стиля писателя.

Цель данной статьи – выявить особенности абсолютной синонимии в тексте «Шахматной новеллы» («Schachnovelle») С. Цвейга.

В художественном тексте синонимы выполняют ряд различных функций:

1. Использование синонимов позволяет избежать ненужного повторения в близлежащем контексте одного и того же обозначения одного и того же денотата (человека, предмета). Например: *Ich stand im Gespräch mit ei-*

nem Bekannten... [4, с. 3]. *Mein Freund blickte hin und lächelte* [4, с. 3]. С. Цвейг избегает слова *Bekannte(r)* ‘мännliche Person, mit der jemand bekannt ist’ [5], заменяя его на *Freund* ‘мännliche Person, die mit einer anderen Person in Freundschaft verbunden ist, ihr nahesteht’ [5], чтобы сохранить ясность, но добавить вариативность.

2. Чтобы усилить драматизм, к примеру, чтобы подчеркнуть переход от взволнованности к страху автор использует слова *Erregtheit* ‘das Erregtsein; Zustand heftiger Gemütsbewegung, Gefühlsbewegung; Erregtheit’ [5] и *Angst* ‘mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand’ [5], например: *...mein schon früher peinliches Unbehagen angesichts seiner unnatürlichen Erregtheit wuchs zu einer Art Angst* [4, с. 41]. Эти слова передают разные степени эмоционального напряжения.

3. Синонимы могут выполнять усиливающую функцию, если в ряду свойство усиливается с каждым последующим звеном, например: *Aber trotz alledem war die Qual dieses Wartens und Stehens zugleich eine Wohltat...* [4, с. 26]. *Nun, um mich kurz zu fassen, diese Unmöglichkeit, diese Absurdität habe ich in meiner Verzweiflung monatelang versucht* [4, с. 31]. *...ob das in der Zelle damals noch Schachspiel oder schon Wahnsinn gewesen...* [4, с. 38]. Ряд контекстуальных синонимов *Qual* ‘länger andauernde, unerträgliche Empfindung des Leidens’ [5] – *Verzweiflung* ‘das Verzweifeltsein; Zustand völliger Hoffnungslosigkeit’ [5] – *Wahnsinn* ‘psychische Störung, die von Wahn und Halluzinationen begleitet wird’ [5] постепенно усиливает интенсивность, отражая нагнетание психического расстройства у героя.

4. Синонимы выполняют поясняющую, уточняющую функцию, например: *Aus der Spielfreude war eine Spiellust geworden, aus der Spiellust ein Spielzwang, eine Manie, eine frenetische Wut, die nicht nur meine wachen Stunden, sondern allmählich auch meinen Schlaf durchdrang* [4, с. 33]. Слова *Spielfreude* ‘Freude am Spiel’, *Spiellust* ‘gesteigerte Freude am Spiel’ поясняют друг друга.

Особую роль в художественной литературе занимают абсолютные синонимы – это такие слова, которые имеют одинаковые предметные значения, т. е. выражают одно и то же понятие, могут заменять друг друга в контексте и имеют нейтральную стилистическую окраску.

«Шахматная новелла» С. Цвейга – произведение, где психологическое напряжение и интеллектуальная борьба раскрываются через метафору шахматной партии. В контексте лингвистического анализа особый интерес представляет вопрос синонимии, в частности абсолютной. Однако в лингвистике абсолютные синонимы встречаются крайне редко, что делает их исследование в художественных произведениях особенно интересным.

Так, в центре новеллы – противостояние чемпиона по шахматам Мирко Чентовича и доктора Б., чья игра олицетворяет борьбу между хо-

лодным разумом и разрушительным безумием. Абсолютная синонимия встречается в «Шахматной новелле» С. Цвейга при описании эмоциональных состояний, характеристики событий и рефлексии героев, а также при обозначении шахматных фигур. Например: *Er trat ruhig und gelassen auf den Tisch zu* [4, с. 13]. Автор использует слова *ruhig* ‘ohne Erregung, Aufregung; gelassen; von innerer Ruhe zeugend’ [5] и *gelassen* ‘das seelische Gleichgewicht bewahrend; beherrscht, ruhig, gefasst’ [5] для того, чтобы описать эмоции персонажей. Также слова *Erregtheit* и *Erregung* ‘das Erregtsein; Zustand heftiger Gemütsbewegung, Gefühlsbewegung; Erregtheit’ [5] используются в тексте новеллы в рамках одного абзаца для описания внутреннего напряжения, чувства беспокойства заключенного доктора Б., которое случилось во время его игры с самим собой, к примеру: ...*Eine solche Bewusstseinsspaltung mit ihrem Einschuss an gefährlicher Erregtheit bei einem normalen Menschen in normalem Zustand undenkbar. ...So steigerte ich mich während des Spiels in eine fast manische Erregung* [4, с. 33]. Также слова *Nichts* и *Vakuum*, несмотря на то, что лексема *Nichts* употребляется в философии,

а *Vakuum* является физическим понятием, применяются в тексте новеллы в одинаковом значении ‘Leere’ для описания состояния доктора Б. в плену и подчеркивают его оторванность от внешнего мира, например: *Man tat uns nichts – man stellte uns nur in das vollkommene Nichts...* [4, с. 22]. *Indem man uns jeden einzeln in ein völliges Vakuum sperrte...* [4, с. 23]. Использование синонимов подчеркивает одиночество доктора Б. в плену.

Для характеристики событий автор применяет такие абсолютные синонимы, как *Feind* ‘gegnerische Seite’ [5] и *Gegner* ‘feindliche Seite’ [5], к примеру: *Es waren nicht zwei Partner mehr, die ihr Können spielhaft aneinander proben wollten, es waren zwei Feinde, die sich gegenseitig zu vernichten geschworen* [4, с. 41]. *Offenbar hatte der geschulte Taktiker schon herausgefunden, dass er gerade durch seine Langsamkeit den Gegner ermüdete und irritierte* [4, с. 41]. Эти слова заменяют друг друга в тексте при описании сюжетного противостояния между персонажами. Абсолютные глаголы-синонимы *siegen* ‘einen Sieg erringen’ [5] и *gewinnen* ‘in einem Kampf, Wettstreit Sieger sein’ [5], которые следуют один за другим в предложении, применяются для описания успеха в шахматной игре, что придает произведению эмоциональный заряд событий: *Jedes meiner beiden Ich, mein Ich Schwarz und mein Ich Weiß, hatten zu wetteifern gegeneinander und gerieten jedes für sein Tell in einen Ehrgeiz, in eine Ungeduld, zu siegen, zu gewinnen* [4, с. 33].

При описании рефлексии героев также используются некоторые абсолютные синонимы. Так, слова *bemerken* и *entdecken* встречаются в описании аналитических процессов, через которые проходит герой: *Es amüsierte mich, zu bemerken, wie tief ich McConnors Selbstgefühl mit dem einen unschul-*

digen Wort „drittklassiger Spieler“ gekränt hatte [4, с. 13]. *Verdrossen blätterte ich die Seiten durch, um vielleicht dennoch etwas Lesbares zu entdecken, eine Einleitung, eine Anleitung...* [4, с. 29]. Однако стоит уточнить, что в более широком употреблении эти слова могут иметь небольшие стилистические и коннотативные различия, например: *bemerken* ‘wahrnehmen, entdecken, erkennen’ [5], а *entdecken* ‘unvermutet bemerken, gewahren, auf etwas stoßen’ [5]. Но в данных предложениях их значения практически идентичны, они взаимозаменяемы, т. е. в данном контексте эти лексемы функционируют как абсолютные синонимы.

Также для обозначения шахматных фигур автор использует абсолютные синонимы *Dame* и *Königin*, например: ...*schob er scharf die Dame vor...* [4, с. 40]; ...*sah dort meine Diagramme – Pferd, Turm, König, Königin und Bauern als reale Figuren...* [4, с. 37]. И *Dame*, и *Königin* обозначают в шахматах ‘(für den Angriff) stärkste Figur im Schachspiel; Königin’.

Исследование абсолютной синонимии в «Шахматной новелле» С. Цвейга раскрывает ее ключевую роль в создании смысловой многогранности и психологической напряженности текста. Несмотря на редкость абсолютных синонимов в языке, автор умело использует их для усиления конфликта, передачи внутренних состояний персонажей и детализации ключевых сюжетных элементов.

Анализ, проведенный на основе текста «Шахматной новеллы» С. Цвейга, позволил выявить потенциал абсолютной синонимии, использованной автором для создания целостной картины произведения. В результате этого анализа из вышеперечисленных примеров можно определить, что число абсолютных синонимов составляет 33 % от числа всех остальных случаев синонимии, выявленных в тексте новеллы, что свидетельствует о том, что абсолютная синонимия является необходимым, но нечастым явлением в художественном тексте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшанский, И. Г. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache : учебник / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Академия, 2005. – 416 с.
2. Современный русский литературный язык : учеб. пособие / [В. Д. Стариченок и др.] ; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск : Выш. шк., 2012. – 591 с.
3. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык : Лексика : учеб. пособие / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
4. Zweig, St. Schachnovelle / St. Zweig. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1974. – 44 S.
5. Duden Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.duden.de/> (datum des Zugriffs: 14.04.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАДИСКУРСА

А. Д. БОГДАНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ОТ МЕМОВ ДО РЕЧЕВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ: ЦИФРОВОЙ СЛЕНГ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Современное развитие языка характеризуется быстрыми изменениями в лексике за счет развития технологий и социальных сетей. Интернет, социальные сети и, в том числе, мемы стали порождать языковую эволюцию, таким образом формируя новую лексику, – цифровой сленг.

Мемы давно уже вышли за рамки простых интернет-шуток и превратились в мощный коммуникативный инструмент. Краткие, яркие и зачастую парадоксальные, они способны за один кадр передать целую идеологию, критику социальных норм или отразить эмоциональное состояние целой группы людей. Мемы ставят под вопрос традиционные формы выражения, освобождая пользователей от необходимости прибегать к сложному языковому оформлению. Эти образы и фразы, получив широкое распространение, входят в повседневную речь, становясь своеобразными культурными тезисами, которые мгновенно понятны определенным сообществам.

Примерами мемов могут являться *рофл* (от англ. *rolling on the floor laughing*) ‘крайняя степень смеха’). Также данное слово трансформируется в глагол «рофлить», что означает шутить над человеком, разыгрывать его.

Кринж (от англ. *cringe* ‘испытывать стыд’) – данное слово описывает неловкие ситуации или действия людей. Также трансформируется в глагол «кринжевать с чего-либо или кого-либо», что означает стыдиться кого-то, испытывать неловкость от ситуации.

Агриться (от англ. *aggressive*) ‘проявление агрессии к другим’.

LOL (Laugh Out Loud) – ‘смеюсь в голос’; используется для обозначения смеха или веселья.

DM (Direct Message) – ‘прямое сообщение’; означает отправку личного сообщения в социальных сетях.

BFF (Best Friends Forever) – ‘лучшие друзья на веки’; обозначает крепкую дружбу.

Вайб – ‘атмосфера’ или ‘настроение’; используется для описания общего чувства или настроения в определенной ситуации. Пример: «Мне нравится вайб этого места».

Чилить – происходит от англ. *chill* ‘охлаждать’ или ‘расслабляться’. В молодежном сленге это слово стало обозначать процесс отдыха и расслабления. Пример: «У меня сегодня выходной, буду чилить весь день».

Флексить – происходит от англ. *flex* ‘показывать’, ‘выставлять напоказ’. В основном используется для обозначения хвастовства своими достижениями или статусом.

Топ – заимствовано из англ. *top* ‘верх’ или ‘лучший’. В сленге это слово используется для обозначения чего-то самого высокого качества или уровня. Пример: «Она работает только с топовыми блогерами».

Буст – происходит от англ. *boost* ‘увеличивать’ или ‘улучшать’. В контексте сленга это слово используется для обозначения повышения чего-либо, например, уровня навыков или популярности.

Хайп – заимствовано из англ. *hype* ‘ажиотаж’ или ‘реклама’. В молодежной культуре это слово стало обозначать популярность или ажиотаж вокруг какого-либо события, продукта или личности. Пример: «Она хайпит на этой теме, она сейчас на волне хайпа».

Краш – заимствовано из англ. *crush*, которое в сленговом значении означает влюбленность или симпатию к кому-то. Используется для описания человека, который вызывает романтические чувства. Пример: «Смотри, мой краш идет».

С появлением социальных сетей и мессенджеров язык стал адаптироваться под новые реалии. Цифровой сленг – это не только набор ярких слов и выражений, но и целая система знаков, смешивание аббревиатур, эмодзи, мемов и новых синтаксических конструкций. Молодое поколение стремится выстроить свою собственную речевую идентичность. Вместо традиционных фраз они выбирают лаконичные, метафоричные выражения, способные донести эмоции и мысли на интуитивном уровне. Такая революция идет рука об руку с глобализацией: в мире, где границы стираются, универсальные визуальные и текстовые коды позволяют людям из разных культур находить общий язык («это фиаско, братан», «это база», «based», «шок-контент», «словил кринж», «на чиле, на расслабоне», «тикми», «нормис»).

Социальные платформы стали ареной для распространения новейших языковых форм. В условиях быстрого обмена информацией пользователи вынуждены находить эффективные способы передачи мыслей. Именно здесь цифровой сленг приобретает свою силу: его эмоциональная нагрузка и неформальный стиль делают сообщения живыми и уникальными. Каждый пост, каждое сообщение – это попытка выразить индивидуальность и принадлежность к определенной группе, способность, которая подрывает устоявшиеся языковые нормы и способствует появлению новых, революционных форм коммуникации.

Цифровой сленг сегодня – это не просто забавные фразы или модные слова, а инструмент самоидентификации. Молодежь использует этот лингвистический код для создания общих платформ, для критики устаревших норм и традиционных представлений о культуре и власти. В условиях информационного изобилия и постоянной коммуникационной пандемии слова получают способность влиять на общественное сознание, формируя новые тренды и даже становясь стимулом для политических и социальных изменений. Речевые революции, которые происходят в Сети, постепенно прорываются в онлайн-мир, где цифровой сленг становится инструментом протеста, креатива и социальной сплоченности.

Эволюция цифрового сленга – это постоянный процесс переосмысливания и адаптации языка к реалиям времени. Несмотря на критику со стороны сторонников чистоты традиционной речи, нельзя отрицать, что новые формы коммуникации позволяют выражать сложные и многогранные идеи с уникальной остротой и эмоциональностью. Будущее языка будет определяться синтезом классических традиций и инновационных элементов, где каждое новое слово или выражение станет мостом между поколениями, объединяя опыт прошлого и вызовы современности.

От мемов до речевых революций цифровой сленг нового поколения продолжает разрушать барьеры и создавать новые формы самовыражения. Он отражает стремление к свободе, креативности и искренности, становясь живым зеркалом общественных изменений. В конечном итоге, этот феномен не просто меняет наши слова – он меняет наше мышление, наше восприятие мира и самих себя. Эволюция языка продолжается, и каждый новый мем, каждая инновация в речи приближает нас к новому пониманию идентичности и культуры в цифровую эпоху. Цифровой сленг – отражение глубинных изменений в коммуникации и мышлении, стирающий границы между онлайн- и офлайн-речью, создавая общую и динамичную общую реальность. Исследование данного феномена важно для понимания лингвистических тенденций и социокультурных трансформаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паршин, А. Н. Теория и практика перевода / А. Н. Паршин. – М. : Русский язык, 2000. – 214 с.
2. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка = English Lexicology / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – М. : Дрофа, 2000. – 288 с.
3. Артемова, А. Ф. К вопросу об эмоциональном сленге / А. Ф. Артемова // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. – Пятигорск, 1979. – С. 10–18.
4. Баранникова, Л. И. Основные сведения о языке : пособие для учителей / Л. И. Баранникова. – М. : Просвещение, 1982. – 112 с.

А. В. КАРМАНОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

СРЕДСТВА СИНТАКСИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевую роль в создании эффективного рекламного текста играет его язык. Фонетические, лексические и синтаксические языковые средства определяют силу воздействия рекламного сообщения на аудиторию. Тем не менее, проблема языка рекламы до сих пор остается недостаточно исследованной. Вопреки тому, что реклама является предметом многих лингвистических исследований, существенно меньше внимания уделено ее синтаксическому аспекту.

Различные средства выразительности применяются рекламодателем с целью найти подход к потребителю на языковом уровне. Синтаксические конструкции и средства позволяют создавать эмоциональное воздействие, усиливать запоминаемость и привлекательность рекламных сообщений. Как справедливо отмечает Е. В. Медведева, «эффективный рекламный текст должен сочетать краткость изложения с выразительностью и экспрессивностью, тем самым передавая максимальное количество информации при минимальном объеме текста» [1, с. 23]. Следует уточнить, что понятие «выразительность» обычно соотносится с понятием «экспрессивность».

Наиболее распространенными средствами создания экспрессивности на синтаксическом уровне, применяемыми при создании рекламных текстов, являются: эллипсис, инверсия, анафора, эпифора, параллелизм, парцелляция, риторический вопрос. Использование данных синтаксических средств в рекламе направлено на усиление выразительности рекламных текстов с целью привлечения внимания потенциальной аудитории.

Эллипсис – умышленный пропуск одного или нескольких членов предложения [2, с. 195]. Следовательно, эллиптическое предложение представляет собой неполное по составу предложение, в котором отсутствие глагола является нормой. Эллиптические конструкции часто встречаются в заголовках и слоганах прежде всего потому, что их использование позволяет опустить менее значимые языковые элементы, делая рекламный текст более лаконичным и запоминающимся, что способствует увеличению спроса со стороны потребителей. В качестве примера приведем следующие слоганы автомобильных компаний: *Nissan. You can with a Nissan* (*Nissan*).

Инверсия – это синтаксическая фигура, которая заключается в изменении традиционного порядка слов или компонентов предложения, что поз-

воляет привлечь внимание к инвертированному компоненту, выделить его по смыслу и создать эмоциональный акцент.

Следует отметить, что любая перестановка, которая нарушает привычный порядок слов, либо влияет на логическое содержание предложения, либо придает речи приподнятость и торжественность: *More than a car, it's a Subaru* (Subaru Corporation).

Другим средством выразительности в рекламных текстах является синтаксический повтор – явление, при котором различные слова, принадлежащие к одной или разным частям речи, выполняющие одинаковые функции в предложении, а также сходные синтаксические конструкции, повторяются в пределах одного высказывания. В англоязычных рекламных текстах выделяются следующие типы синтаксического повтора: параллелизм, анафора и кольцевой повтор.

Анафора, известная также как единоначатие, представляет собой повторение одного или нескольких слов в начале последовательных фраз или предложений [3, с. 81]: *BMW X3. Any road. Any time* (BMW).

Эпифора – это лингвистическая фигура, которая заключается в повторении одного и того же слова или выражения в конце последовательных предложений или фраз [3, с. 324]: *Eye it. Try it. Buy it* (Chevrolet).

Параллелизмы, также известные как параллельные конструкции, представляют собой синтаксическое средство выразительности, при котором отдельные части предложения или предложения, следующие друг за другом, построены однотипно [3, с. 259].

Так, параллелизм активно применяется в рекламе в качестве синтаксического средства, чтобы придать тексту ритмичность и динамичность: *If it's not trail rated, it's not a Jeep* (Jeep).

Парцелляция – это экспрессивная синтаксическая конструкция, которая характеризуется членением структуры предложения на несколько пунктуационно-интонационно обособленных и самостоятельных частей [4, с. 179].

Явление парцелляции объясняется тем, что составители рекламных текстов ориентируются на объем оперативной памяти человека, который составляет 7 ± 2 единицы. Именно поэтому лаконичные и краткие рекламные тексты легче запоминаются: *Chevrolet. Building a better way. To see the USA* (Chevrolet).

Эффективным средством синтаксической выразительности является риторический вопрос. Риторический вопрос – это вопрос, не требующий ответа и используемый для усиления выразительности рекламного текста. В первую очередь, риторические вопросы применяются с целью вызвать у покупателя размышления, заинтересовать его товаром и, в конечном счете, способствовать его приобретению: *BMW Mini. Is it love?* (BMW).

Таким образом, синтаксические средства выразительности играют ключевую роль в формировании эффективного и запоминающегося рекламного текста. Их использование позволяет не только придать высказыванию эмоциональную окраску, но и повысить степень воздействия на целевую аудиторию. Такие экспрессивные синтаксические средства, как эллипсис, инверсия, анафора, эпифора, параллелизм, парцелляция и риторический вопрос, придают рекламному сообщению яркость, лаконичность и убедительность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведева, Е. В. Рекламный текст как переводческая проблема / Е. В. Медведева // Вестник Московского государственного университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 4. – С. 23–42.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.
3. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. : Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 513 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : учеб. пособие / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

К содержанию

М. А. КОБАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ)

Материалом для исследования послужили англоязычные рекламные тексты из сфер образования, экономики и технологий. В данной работе под неологизмами понимаются слова, которые возникли, начиная с 2000 г.

Изучение структуры новых слов включает анализ их грамматических характеристик, таких как членение на части речи, правила согласования с другими словами в предложении и прочие грамматические аспекты. В английских рекламных текстах часто используются неологизмы для привлечения внимания и создания уникальных ассоциаций с продуктом или услугой. Например, слова *clickbait* (привлекательный заголовок или ссылка, создаваемая для увеличения кликов), *freemium* (бизнес-модель, в которой базовые услуги бесплатны, а дополнительные функции оплачиваются) и *snackable content* (короткий контент, легко воспринимаемый, по-

пулярный в цифровом маркетинге) стали общепринятыми. *Gig Economy* – экономика временных работ, часто упоминается в рекламе платформ для фрилансеров. *Edutainment* – сочетание образования и развлечения, часто используется в рекламе образовательных приложений и программ. *Learnability* – способность к обучению, популярное слово в рекламе курсов повышения квалификации. Анализ данных примеров показывает, как неологизмы проникают из англоязычной рекламы в другие языки, эффективно адаптируясь под их грамматические и семантические нормы.

К числу свободных частей речи относятся глагол и имя существительное, поскольку они, в отличие от других частей речи, способны формировать однокомпонентные лексические единицы. Таким образом, эти части речи чаще всего функционируют в качестве основообразующих компонентов.

В ходе анализа выявлено несколько основных категорий новых лексических единиц, а именно существительные. Первую группу составляют неологизмы, образованные путем словосложения. Характерным примером служит слово *clickbait* (*click* + *bait*), обозначающий заголовки или ссылки, созданные для привлечения внимания и увеличения кликов. Данное нарицательное существительное является абстрактным и неисчисляемым, и породило ряд производных слов (*clickbaiting*, *clickbaited*). Существительное *glamping* (*glamorous* + *camping*) используется для обозначения роскошного кемпинга, где сочетаются комфорт и отдых на природе. Это нарицательное и конкретное существительное относится к исчисляемым.

В категории отглагольных существительных выделяется слово *binge-watching* (существительное, абстрактное), описывающее феномен марафонного просмотра телесериалов. Примечательно, что данный неологизм преимущественно используется в единственном числе и породил такие производные формы как *binge-watcher* и *binge-watched*. Технологическая сфера представлена целым рядом неологизмов, среди которых особое место занимает *cryptocurrency*. Этот компонент отражает развитие цифровых технологий и демонстрирует тенденцию к образованию кратких форм (сгурто). Социальные медиа создали особую категорию неологизмов, включающую такие компоненты как *influencer* и *clickbait*. Лексическая единица *influencer*, обозначающая влиятельное лицо в социальных сетях, породила целое семантическое поле, включающее такие производные как *micro-influencer* и *influencer-marketing*. *Clickbait* описывает приманку для привлечения внимания в Интернете.

В сфере бизнес-моделей и сервисов выделяются лексические единицы *freemium* и *podcast*. *Freemium*, образованный от слияния *free* и *premium*, описывает современную бизнес-модель с бесплатной и платной версиями продукта. Это нарицательное и конкретное существительное. *Podcast* демонстрирует высокую частотность употребления и породил ряд производ-

ных форм (*podcaster, podcasting*). Это также нарицательное и конкретное существительное. Отдельного внимания заслуживают неологизмы, описывающие негативные социальные явления, такие как *cyberbullying*. Этот нарицательный, абстрактный и неисчисляемый компонент отражает новые формы социального взаимодействия в цифровую эпоху и активно используется в образовательном контексте. Применяется главным образом в форме единственного числа.

Слова и лексические единицы, образованные на основе глаголов, сохраняют все грамматические особенности, присущие данной части речи и характерные для общеупотребительной лексики. Они служат для обозначения действия или состояния, представленные в таблице.

Таблица – Морфологические формы глаголов-неологизмов

Глагол	Значение	Тип	Настоящее время	Прошедшее время	Герундий
Google	Искать информацию через Google	Переходный	Googles	Googled	Googling
Tag	Отметить кого-то на фотографии или посте	Переходный	Tags	Tagged	Tagging
Stream	Транслировать видео или аудиозаписи в реальном времени	Переходный	Streams	Streamed	Streaming

Неологизмы-прилагательные активно проникают в современный язык, отражая новые тенденции и изменения в обществе и технологиях. Эти прилагательные помогают описывать новые качества и свойства объектов, явлений и процессов, способствуя более точному и адаптированному к современным реалиям выражению. Например, *viral* описывает что-то, что стало популярным через социальные сети. Это прилагательное имеет степени сравнения, такие как *more viral* и *most viral*, и может использоваться как перед существительными, так и в предикативной позиции. Например: *The video went viral in just a few hours* или *A viral meme*. Прилагательное *eco-friendly* обозначает что-то экологически чистое и дружелюбное к окружающей среде, с формами *more eco-friendly* и *most eco-friendly*. Например: *We bought an eco-friendly car* или *Eco-friendly products are in high demand*. *User-friendly* обозначает удобство для пользователя, также имея степени сравнения *more user-friendly* и *most user-friendly*, и используется для описания интерфейсов, продуктов и услуг, ориентированных на удобство. Например: *This app has a user-friendly interface* или *We need a more user-friendly design*. Эти прилага-

тельные помогают более точно выражать новые качества и свойства, присущие современным явлениям и объектам.

Таким образом, на основании анализа англоязычных неологизмов, выявленных в рекламных текстах, можно сделать вывод о частотности различных частей речи среди новых лексических единиц. Наиболее часто встречаются частями речи среди неологизмов являются существительные и глаголы. Данные части речи обладают высокой степенью продуктивности и разнообразием формообразования, что позволяет эффективно отражать изменения и новые тенденции в языке. Анализ показывает, что неологизмы характеризуются высокой словообразовательной активностью, тенденцией к сокращению длинных форм и быстрой интернационализацией. Большинство рассмотренных неологизмов связано с цифровой трансформацией общества и активно используется в повседневной речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пасева, А. Д. Неологизмы, их типы и пути формирования в современном русском языке / А. Д. Пасева // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 1. – С. 213–215. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-ih-tipy-i-puti-formirovaniya-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 21.01.2025).

[К содержанию](#)

И. С. КОМИСАРЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. Ф. Нестерук

ВАРИАТИВНОСТЬ КЛАССИФИКАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ЗАГОЛОВКОВ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Заголовок текстов средств массовой информации (далее – СМИ) в качестве объекта исследования привлекает к себе особенно пристальное внимание лингвистов на протяжении уже длительного времени. Спорность мнений и подходов к рассмотрению заголовка как части текста проявляется уже на этапе анализа существующих его определений. Заголовок авторы часто используют именно в качестве одного из средств привлечения внимания к публикации. В связи с этим его можно определить «как компонент текста, тесно связанный с другими компонентами этой системы, занимающий стилистически сильную позицию, называющий текст и дающий первоначальную информацию о нем» [1, с. 3].

По мнению Н. М. Разинкиной, заголовок следует понимать, как собственно название публикации, т. е. предельно сжатое и меткое выражение главной идеи произведения [2, с. 24]. С точки зрения функции подходит к определению заголовка и В. С. Мужев: «Заголовок – целостная единица речи, стоящая перед текстом, являющаяся названием текста, указывающая на содержание этого текста и отделяющая данный отрезок речи от других» [3, с. 86].

О. Ю. Богданова рассматривает заголовок как имя текста и его неотъемлемую часть. Заголовок трактуется исследователем с позиции целостности текста, в котором он выступает как один из составляющих его компонентов, как элемент, связанный с содержанием текста сложными полифункциональными отношениями [1].

В работе в качестве основного определения принимается трактовка Л. А. Ноздриной, которая рассматривает заголовок как «выделенный графически потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантичностью, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именует и/или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы» [4, с. 185].

М. И. Шостак предлагает следующую классификацию типов заголовков СМИ и дает им характеристику:

1. Заголовок-хроника. Такой заголовок сообщает о самой главной информации, заключенной в тексте последующей статьи.

2. Заголовок-«бегущая строка». В качестве заголовка выступает самое начало материала, переходящее в текст.

3. Заголовок-констатация и резюме. Такой заголовок косвенно повествует о каком-либо событии, скрывает его прямые оценки, подается в ироничной или игровой форме.

4. Заголовок-цитата (прямая или косвенная). Заголовки такого рода позволяют удвоить интерес читателей.

5. Заголовок-интрига и сенсация. Такой заголовок указывает на факт, не раскрывая его полностью, заинтересовывая и побуждая читать статью дальше.

6. Заголовок-лозунг и призыв, обращение. Заголовки такого типа, как правило, содержат в себе узнаваемое выражение, словосочетание, призыв [5, с. 62].

Н. С. Цыбикова закладывает в основу классификации выполняемую заголовком функцию и выделяет следующие типы:

1) заголовки-информемы (заголовки, в которых преобладает фактуальная информация);

2) заголовки-прагмемы (заголовки, в которых преобладает импрессивная, интеллективная, интеллективно-эмотивная рубрики информации) [6].

А. М. Горлатов выделяет следующие основные типы заголовков рекламных текстов по функциональному признаку: провоцирующие, информационные, вопросительные и императивные заголовки. Данная типология может быть применена и к газетно-публицистическим текстам. Провоцирующие заголовки призваны, соответственно, вызвать любопытство и содержать намек на уникальность. Информационные заголовки фокусируют внимание потенциальных реципиентов текстов на теме статьи уже в заголовке. В таких заголовках содержится информация о содержании последующей за ним статьи в сжатой форме. Вопросительные заголовки призваны привлекать внимание читателя к статье за счет постановки актуального вопроса. Императивные заголовки относятся к речевому акту побуждения и призваны побудить потенциального читателя к определенным ответным действиям [7, с. 58].

При классификации заголовков текстов СМИ, по мнению А. Е. Разиной, важнейшими основаниями выступают прагматика (целеустановка), стилистические и структурные особенности, способы привлечения внимания читателей, т. е. и содержательные, и формальные показатели. Исследователь предлагает выделять заголовки с информативной установкой, побудительные, проблемные (парадоксальные) заголовки [8].

В научной литературе представлены различные подходы к классификации заголовков в зависимости от положенного в основу типологического признака: по функциональному признаку (провоцирующие, информационные, вопросительные и императивные заголовки), по прагматической установке (заголовки с информативной установкой, побудительные, проблемные (парадоксальные заголовки), по характеру оформления (заголовок-хроника; заголовок-бегущая строка; заголовок-констатация и резюме; заголовок-цитата (прямая или косвенная); заголовок-интрига и сенсация.

Таким образом, под заголовком понимается выделенный графически потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка. Этот компонент текста является начальным, единым для всего текста элементом, который именует и/или характеризует текст.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова, О. Ю. Заглавие с позиции теории диктемной структуры текста (на материале английского языка) / О. Ю. Богданова // Ярославский педагогический вестник. Серия : Филология. – 2009. – № 2 (59). – С. 172–175.
2. Разинкина, М. Н. Функциональная стилистика английского языка / М. Н. Разинкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 182 с.

3. Мужев, В. С. О функциях заголовков / В. С. Мужев // Ученые записки МГПИИ им. М. Тореза, 1970. – № 55. – С. 86–94.
4. Ноздрина, Л. А. Заглавие текста / Л. А. Ноздрина // Грамматика и смысловые категории текста : сб. науч. тр. им. М. Тореза. – М., 1982. – Вып. 189. – С. 183–200.
5. Шостак, М. И. Журналист и его произведение : Практическое пособие / М. И. Шостак. – М. : Гендалльф, 1998. – 96 с.
6. Цыбикова, Н. С. Заголовок как диктемное имя текста интернет-новостей / Н. С. Цыбикова // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – № 2 (69). – С. 45–50.
7. Горлатов, А. М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке : монография / А. М. Горлатов. – Минск : МГЛУ, 2002. – 257 с.
8. Разина, А. Е. Классификационная модель заголовков в средствах массовой информации / А. Е. Разина // Ratio et Natura. Языкоzнание. – 2023. – № 1 (7). – URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2023-06/klassifikacionnaya-model-zagolovkov-v-sredstvakh-massovoy-informacii.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).

К содержанию

В. П. КСЁНДА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Реклама представляет собой не только инструмент маркетинга, но и значимый социокультурный феномен, отражающий общественные ценности и нормы. Одним из ключевых методов, применяемых в англоязычной рекламной практике, является использование прецедентных феноменов (далее – ПФ) – устойчивых элементов культурной традиции, которые мгновенно вызывают определенные ассоциации у целевой аудитории. В данной статье представлен анализ теоретических аспектов прецедентных феноменов, их классификации, а также практические примеры из рекламных кампаний с анализом их воздействия на потребителя. Одним из наиболее эффективных способов достижения этой цели является использование прецедентных феноменов – устойчивых культурных элементов, которые мгновенно вызывают узнаваемые ассоциации у аудитории [1, с. 25].

Прецедентные феномены – это знаки высокой культурной значимости, которые регулярно воспроизводятся в коммуникации и обладают устойчивостью в коллективной памяти. По определению Ю. Н. Карапова, они представляют собой «единицы языка и культуры, известные любому среднему носителю данного социума» [1, с. 26].

Д. Б. Гудков уточняет, что ПФ функционируют как «культурные коды», обеспечивающие мгновенное узнавание и эмоциональный отклик [3, с. 34]. Например, фраза *To be or not to be* (из шекспировского «Гамлета») или образ Мэрилин Монро сразу вызывают у англоязычной аудитории конкретные ассоциации, даже если контекст их использования изменен.

Прецедентные феномены представляют собой вербальные или невербальные единицы, которые обладают культурной значимостью и регулярно воспроизводятся в процессе коммуникации [1, с. 25]. Их ключевая особенность – способность активировать в сознании реципиента заранее сформированные смыслы, что ускоряет восприятие рекламы и усиливает ее воздействие. В контексте рекламной коммуникации они также выполняют ряд ключевых функций:

1. Обеспечение узнаваемости бренда, что способствует быстрому установлению контакта с целевой аудиторией.
2. Формирование эмоционального воздействия на потребителя, включая вызов ностальгических ассоциаций, создание юмористического эффекта или установление доверительных отношений с аудиторией.
3. Повышение убедительности рекламного сообщения за счет ссылки на авторитетные источники или культурные прецеденты.

К основным типам ПФ в рекламе относятся:

1. Прецедентные имена (исторические личности, литературные персонажи – *Einstein, Sherlock Holmes*).

Их использование создает эффект авторитета или идентификации (например, реклама *Rolex* с Альбертом Эйнштейном подчеркивает гениальность и инновационность бренда) [4, р. 145].

2. Прецедентные высказывания (крылатые фразы, цитаты – *Just do it*).

Такие фразы работают на узнаваемость и эмоциональное вовлечение [2, с. 112].

3. Прецедентные тексты:

- литературные произведения, песни (*One for the money, two for the show*);
- отсылки к книгам, песням, фильмам (*Call me Ishmael* – начало «Моби Дика»);
- пародии на известные произведения (например, реклама с переосмысливанием *Romeo and Juliet*).

Они создают эффект интеллектуальной игры, привлекая образованную аудиторию [5, р. 95].

4. Прецедентные ситуации (исторические события, сцены из фильмов – *высадка на Луну*).

Такие отсылки вызывают ностальгию или культурную сопричастность [3, с. 89].

Использование ПФ в рекламе основано на теории ассоциативного мышления [2, с. 45]:

1. Использование прецедентных имен в рекламе оказывает комплексное воздействие на потребителя.

2. Эффект узнавания срабатывает, когда аудитория видит знакомое имя или образ – это снижает когнитивную нагрузку, т. к. мозгу не требуется дополнительных усилий для обработки информации.

3. Эффект авторитета проявляется, когда бренд ассоциируется с уважаемой личностью, что автоматически повышает доверие к продукту и компании.

4. Эффект эмоционального заражения вызывает у потребителя нужные эмоции: от теплой ностальгии до искреннего смеха, что значительно усиливает вовлеченность и запоминаемость рекламного сообщения.

Эти механизмы часто работают вместе, создавая мощный коммуникационный эффект.

1. Прецедентные имена в рекламе:

Пример 1: *Gatorade – Be like Mike* (с участием Майкла Джордана)

– Феномен: Использование имени легендарного спортсмена.

– Эффект: Связь бренда с успехом и мотивацией.

Пример 2: *Ethical auto campaign – What would Jesus drive?* (с образом Иисуса Христа).

– Феномен: Апелляция к архетипу этичного потребителя.

– Эффект: Смешанный религиозный символизм с консюмеризмом, вызывающий бурные споры.

2. Прецедентные высказывания и цитаты:

Пример 1: *Mastercard – There are some things money can't buy. For everything else, there's Mastercard.*

– Феномен: Отсылка к библейской мудрости («Не хлебом единым...»).

– Эффект: Создание образа бренда, который ценит не только материальное.

Пример 2: *Lay's – Betcha can't eat just one.*

– Феномен: Фраза стала крылатой в поп-культуре.

– Эффект: Вызов азарта у потребителя.

3. Фразеологизмы и поговорки:

Пример 1: *Snickers – You're not you when you're hungry.*

– Феномен: Игра на универсальном опыте раздражительности из-за голода.

– Эффект: Юмор + запоминаемость.

Пример 2: *BMW – The Ultimate Driving Machine.*

– Феномен: Использование слова *ultimate* 'идеал, вершина'.

– Эффект: Убеждение в премиальности бренда.

Прецедентные феномены – это мощный инструмент рекламной коммуникации, позволяющий ускорять восприятие, усиливать эмоциональное воздействие и формировать культурные ассоциации. Однако их использование требует глубокого понимания целевой аудитории, т. к. неверная интерпретация может привести к обратному эффекту (например, неуместная религиозная отсылка может вызвать негативную реакцию).

Таким образом, грамотное применение ПФ в рекламе способно не только повысить ее эффективность, но и укрепить культурный диалог между брендом и потребителем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 4-е изд., стер. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Уэлс, У. Реклама: принципы и практика / У. Уэлс, С. Мориарти, Дж. Бернетт. – СПб. : Питер, 2003. – 800 с.
3. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании / Д. Б. Гудков. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. – 184 с.
4. O'Barr, W. M. Culture and the Ad: Exploring Otherness in the World of Advertising / W. M. O'Barr. – Boulder, CO : Westview Press, 2010. – 256 p.
5. Williamson, J. Decoding Advertisements: Ideology and Meaning in Advertising / J. Williamson. – London : New York : Marion Boyars, 1978. – 180 p.

[К содержанию](#)

А. В. МИНЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Имя собственное – это неотъемлемая часть языка, играющая ключевую роль в идентификации и индивидуализации объектов, людей и явлений. В отличие от имен нарицательных, которые обозначают целые классы предметов и явлений, имена собственные уникальны и служат для обозначения конкретных единиц. Имена собственные содержат информацию о конкретном объекте и его особенностях. Эта информация может быть обширной или ограниченной, и ее известность варьируется в разных коммуникативных контекстах. Когда информация становится общеизвестной для языковой группы, это указывает на то, что данные о предмете становятся частью лингвистического значения имени собственного.

Термин «прецедентность» относится к лингвистическому феномену, который зародился в глубокой древности. Само слово «прецедент» (от лат. *praecedens* ‘идущий впереди, предшествующий’) обозначает случай, имевший ранее место и служащий примером для последующих случаев подобного рода [1].

Теория прецедентных феноменов, разработанная Д. В. Багаевой, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко и В. В. Красных может рассматриваться как важный этап в изучении прецедентности [2, с. 82]. Они выделили четыре основных типа прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Согласно мнению М. Я. Дымарского, под прецедентностью подразумевается связь с ранееенным или существующим элементом, таким как другое произведение, его герой, идея, определенная ситуация, отдельные сюжетные элементы, сюжет целиком, либо цитата, принадлежащая персонажу или автору [3, с. 54].

Прецедентное имя понимается как особое имя, связанное либо с известным текстом (например, *Золушка*, *Печорин*, *Теркин*), либо с определенной ситуацией, ставшей прецедентом (например, *Ураган Катрина*). Оно функционирует как сложный символ, который в коммуникации отсылает не к конкретному объекту, а к совокупности характерных черт, ассоциируемых с этим именем. Такое имя может быть единичным (например, *Ломоносов*) или составным (например, *Куликово поле*, *Летучий голландец*) и при этом обозначать целостное понятие [4, с. 83].

Характерной чертой современного рекламного дискурса является использование прецедентных феноменов. С. В. Мощева рассматривает рекламу как особый тип знаковой коммуникации, где языковые знаки, включая слова и различные языковые клише, отражают мировоззрение народа и его понимание в контексте культурных традиций. Это становится мощным источником интерпретации скрытых культурных аспектов [5, с. 136].

Реклама косметики и парфюмерии часто использует прецедентные имена для привлечения внимания и создания ассоциаций у потребителей. Такие имена в рекламных текстах представляют собой мощный инструмент, который отличается высокой степенью pragматического и психологического воздействия на аудиторию, а также способностью концентрировать значительный объем информации. Результативность использования собственных имен в рекламе обусловлена их выполнением определенных функций:

- 1) когнитивная – передача информации, сообщения;
- 2) аффективная – эмоциональный аспект, формирование отношения;
- 3) суггестивная – внушение;

4) экспрессивная – воздействие на чувства и эмоции, убеждая в значимости рекламированного объекта для реципиента.

В данной статье будет проведен анализ функционирования прецедентных имен в англоязычных рекламных текстах на примере различных брендов и имен знаменитостей.

Кинематограф занимает важное место в современной культуре. Киноиндустрия генерирует значительные доходы, а преданные поклонники фильмов и сериалов активно приобретают все, что связано с их любимыми персонажами. Поэтому использование прецедентных имен, связанных с кино, представляется нам весьма эффективным.

«Heart of the Ocean». Название парфюма «Heart of the Ocean» эффективно сочетает в себе ключевые функции коммуникации. Оно информирует аудиторию о связи с культовым фильмом «Титаник» и легендарным кулоном «Сердце океана», создавая когнитивное восприятие концепта. Эмоциональная связь с фильмом, вызывающим яркие переживания, формирует положительное отношение к продукту. Ассоциации с известной символикой ненавязчиво усиливают интерес, подчеркивая уникальность и ценность парфюма.

«The Simpsons Collection». Американский анимационный сериал «Симпсоны» является рекордсменом по продолжительности на телевидении с 1989 г. Его когнитивная функция проявляется через сатирическое обыгрывание клише и стереотипов, что способствует информированию аудитории о важных общественных темах, таких как политика и религия. Аффективная функция выражается в создании эмоциональной связи с аудиторией благодаря популярности сериала, который стал частью массовой культуры. Экспрессивная функция проявляется в способности персонажей вызывать яркие эмоции и ассоциации у аудитории, что укрепляет привлекательность рекламных материалов.

«Enchanted». Парфюм под названием «Enchanted» ‘Зачарованные’ отсылает к популярному сериалу о девушках с магическими способностями. Использование данного названия способствует созданию устойчивого впечатления и привлечению внимания целевой аудитории, при этом подчеркивается высокое качество продукта и его способность вызывать положительные эмоции у потенциальных покупателей.

«Maleficent makeup collection». Компания MAC демонстрирует успешное применение основных функций коммуникации, используя прецедентные имена в названиях своих коллекций. Очередная коллекция в своем названии имеет прецедентное имя злодейки одноименного фэнтезийного фильма «Малефисента» с Анджелиной Джоли в главной роли, что отражает когнитивную функцию, информируя аудиторию о связи с популярным фильмом. Аффективная функция проявляется в формировании эмоциональной

связи через ассоциации с образом харизматичной злодейки. Суггестивная функция усиливает восприятие уникальности коллекции, подчеркивая ее ценность. Экспрессивная функция активно воздействует на эмоции аудитории, делая продукт более запоминающимся и привлекательным.

Имена деятелей искусства, ученых, популярные реалии современной жизни также с большим успехом используются в рекламе ввиду своей социумной прецедентности.

«Coca Cola». Американский бренд Lip Smacker выпустил серию блесков для губ, которая имеет название Кока-Кола. Когнитивная функция обеспечивает связь с всемирно известным брендом, усиливая узнаваемость продукта. Суггестивная функция подчеркивает уникальность и значимость блесков, вызывая доверие благодаря отсылке к авторитетному имени, а экспрессивная функция в данном случае воздействует на чувства, усиливая эмоциональную привлекательность продукта.

«Barbie collection». Барби стала мировым феноменом, символом красоты и вдохновения, который проникает в сердца людей через название коллекции. Образ легендарной куклы вызывает сильные эмоциональные ассоциации, формируя особую связь с продуктом и его идеей. Уникальность товара подчеркивается через отсылку к культовому персонажу, что делает коллекцию значимой и привлекательной для аудитории, усиливая ее желание стать частью легенды. Такое название не только информирует, но и воздействует на чувства, объединяя эмоциональный и рациональный подход.

«Juliette has a gun». Образ Джулietты, легендарной героини трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джулетта», эффективно воплощает функции в концепции эксклюзивной коллекции ароматов. Когнитивная функция реализуется через узнаваемость персонажа, чья мировая известность усиливает информативную составляющую продукта. Аффективная функция выражается в создании эмоциональной связи с образом Джулетты, который символизирует романтику, страсть и трагизм, вызывая сильные чувства у аудитории. Экспрессивная функция акцентирует внимание на женственности и харизматичности, вызывая эстетическое удовольствие и усиливая привлекательность ароматов.

Использование прецедентных феноменов в рекламе парфюмерии и косметики является довольно распространенной практикой. Их цель заключается в привлечении внимания потребителей и акцентировании отдельных характеристик продукта, таких как качество, стоимость, уникальность, а также другие особенности конкретных товаров, например, интенсивность цвета, блеск и др.

Можно выделить несколько ключевых функций, которые выполняют прецедентные феномены в англоязычных рекламных текстах. Когнитивная функция заключается в передаче информации и донесении нужного

сообщения до аудитории. Аффективная функция связана с формированием эмоционального отношения и восприятия у человека. Суггестивная функция включает воздействие на подсознание с целью внушения определенных идей или убеждений. Экспрессивная функция направлена на то, чтобы воздействовать на чувства и эмоции, убедив человека в значимости рекламируемого объекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь иностранных слов русского языка // Академик. – URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 27.03.2025).
2. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М. : Филология, 1997. Вып. 1. – С. 82–103.
3. Дымарский, М. Я. Прецедентность и художественность / М. Я. Дымарский // Феномен прецедентности и преемственность культур / ред.: Л. И. Гришаева, М. К. Попова, В. Т. Титов. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – С. 51–62.
4. Гасанова, С. Н. Прецедентные имена в паремиологических единицах агульского языка / С. Н. Гасанова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, № 3 – С. 47–51.
5. Мощева, С. В. Реклама в современном обществе: социолингвистический аспект / С. В. Мощева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Том 13, № 2. – С. 134–137.
6. Too Faced: Makeup, Cosmetics & Beauty Products Online. – URL: <https://www.toofaced.com/> (date of access: 06.03.2025).
7. Золотое яблоко – Gold Apple. – URL: <https://goldapple.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

К содержанию

И. П. ПАНКОВ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. С. Корнеева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ ДОНАЛЬДА ТРАМПА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ МЕДИА

Социальные сети радикально изменили то, как люди взаимодействуют с политикой и geopolитическими проблемами. Такие платформы, как TikTok, X и Instagram, превратились в важнейшие арены, где разворачиваются политические дебаты, формируются идеологии и формулируются глобальные проблемы. Лаконичность контента, простота доступа и визуальная привлекательность позволили этим платформам охватить миллионы

ны, если не миллиарды, пользователей по всему миру, изменив традиционные методы политического взаимодействия. Скорость распространения контента, способность создавать вирусные движения и демократический характер социальных сетей – все это способствовало их влиянию.

Задачей любого политического выступления и, соответственно, политической речи является воздействие на слушающих, их чувства и сознание. Так, политическая речь характеризуется рядом особенностей: приближенность к художественному стилю речи за счет использования риторических приемов воздействия (например, аллюзия, метафора, ирония, инверсия и т. д.), которые позволяют добиться четкой аргументированности, открытости, ясности и точности информации, содержащейся в политическом сообщении; наличие таких коммуникативных качеств речи, как правильность, уместность, красота и правдивость; использование политических и экономических терминов; фактологическая точность (цитирование различных документов, программ и т. д.); на фонетическом уровне – замедленный темп речи, усиленная громкость, высокая частотность pragматических и логических пауз, чередование быстрого и медленного темпа речи [1; 2]; имеет отношение к настоящим событиям общественно-политической ситуации; отражает борьбу за власть; опирается на определенную систему ценностей (например, свобода, независимость, демократия и др.); насыщена комментариями, пояснениями и оценками автора.

Для анализа были выбраны сообщения Дональда Трампа в социальной сети X (ранее известной как Twitter) в период с 12 августа по 6 ноября 2024 г. [3]. Этот период был выбран по причине проведения Президентских выборов в США 5 ноября 2024 г. и активной политической кампании Дональда Трампа перед выборами.

Говоря об общем состоянии страны, Дональд Трамп пишет: *Are you better off now than you were when I was president? Our economy is shattered. Our border has been erased. We're a nation in decline. Make the American Dream AFFORDABLE again. Make America SAFE again. Make America GREAT Again!* Так Трамп обращается к его прошлому президентскому сроку и подчеркивает свои достижения. Д. Трамп подчеркивает наихудшее состояние экономики и границы, прежде всего южной. Более того, Трамп использует одни и те же речевые конструкции *Make America ... Again!*, что подчеркивает направленность своей политики на возрождение США как сильной и стабильной державы. В этом случае Трамп подчеркивает, что он сделает США «безопасными» и экономически «доступными».

Говоря о низких шансах на победу Камалы Харрис, Дональд Трамп сообщает: *Just watched Kamala's Fake News Conference – ALL LIES! She is desperate but, more importantly, she looks totally EXHAUSTED! She should rest now, and leave the Campaigning to me!* Таким образом Трамп обобщает,

что все, что говорит Камала Харрис – ложь и ей пора отдохнуть, передав инициативу Трампу.

Критикуя миграционную политику США, Дональд Трамп говорит: *We have a person who is the border czar, who now said she wasn't really the border czar, but she was the border czar, but she was in charge of the border. And we have her and she's saying very strongly, 'Oh, I did such a good job'. She was horrible, horrible.* В этом высказывании мы наблюдаем использование прозвищ, которые отражают способность Трампа к созданию скандалов и, соответственно, его богатый опыт в медиа. Через использование таких «детских» кличек, Трамп представляет медийную значимость, что в результате увеличивает его популярность.

Подчеркивая свою исключительность, Дональд Трамп констатирует: *I don't need the publicity. I mean, I get more publicity probably than anybody... But I think maybe more than anybody, maybe more than anybody that's ever lived, I don't know.* Так Дональд Трамп описывает свою исключительность и неимоверную популярность, которую он зарабатывал на протяжении многих лет. Соответственно у него ее так много, что у никого в мире ее нет в таком же количестве. Здесь Дональд Трамп подчеркивает свой статус и тем самым, контрастирует с другими политическими деятелями США.

Подводя итог, можно констатировать, что в сравнении с инаугурационной речью, которая является более сдержанной и сконцентрирована на проблемах и их потенциальных решениях, публикации в социальных сетях и интервью Дональда Трампа отражают его простоту и близость к американцам и не затрагивают глобальные проблемы, а являются скорее способом привлечения голосов и внимания к собственной персоне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Гаджиев, К. С. Введение в политическую науку : учеб. пособие / К. С. Гаджиев. – М. : Логос, 1997. – 544 с.
3. Donald J. Trump / X. – URL: <https://x.com/realDonaldTrump> (date of access: 31.03.2025).

[К содержанию](#)

М. Ю. СТАСЕНКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Е. Саиди

КЛАССИФИКАЦИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ

Анализ заголовков англоязычных газетных публикаций демонстрирует широкое использование разнообразных стилистических средств, направленных на усиление выразительности и эмоционального воздействия на адресата. Рассмотрим основные типы таких средств и их реализацию в актуальном медиадискурсе.

Метафора, представляющая собой переносное значение, основанное на аналогии между двумя различными объектами или явлениями, занимает ведущее место среди стилистических ресурсов газетных заголовков. В исследуемом корпусе выделяются такие тематические направления метафоризации, как военная метафора, медицинская метафора, спортивная метафора, метафора кризиса, метафора сжатия.

Одной из самых распространенных метафор в медиадискурсе является военная метафора. Журналисты активно прибегают к лексике, связанной с военными действиями, для описания экономических и политических процессов: *UK supermarkets spend hundreds of millions on promotions in price war*. Такие метафоры подчеркивают агрессивный характер конкурентной борьбы: *Beijing threatens countermeasures against countries that 'appease' Washington in trade war*.

Медицинская метафора часто используется для описания кризисных или нестабильных ситуаций: *UK economy faces growth shock from Trump tariffs*.

Через призму спортивной терминологии преподносятся политические события: *Coup leader favourite in presidential race as Gabon goes to the polls*.

Метафоры, указывающие на катастрофические обстоятельства, используются для обозначения сложных социальных или экологических ситуаций: *Raw sewage at US-Mexico border a 'public health crisis'*. Метафора сжатия используется для передачи идеи сокращения или упадка: *Trump tells business chiefs he needs 'little bit of time' as US economy shrinks*.

Эпитет, как образное определение, придает заголовкам эмоциональную насыщенность и оценочность. Он позволяет журналисту выразить субъективное отношение к описываемым событиям: *Houthi attacks in Red Sea having a 'catastrophic' effect on aid to; Germany's terrible trains are no joke for a nation built on efficiency*.

Гипербола – фигура преувеличения, часто используемая для драматизации событий и усиления выразительности заголовка: *Trump is*

targeting US universities as never before; Sudan in ‘world’s largest humanitarian crisis’.

К конструкциям экспрессивного синтаксиса относятся эмфатическая конструкция, парцелляция, риторическое восклицание и риторический вопрос.

Эмфатическая конструкция используется для подчеркивания ключевой информации: *It’s not poverty that’s breeding the new populism. It’s wealth.*

Парцелляция представляет собой намеренное членение высказывания для смыслового и интонационного акцента: *Trump team reveals lack of expertise – and patience.*

Риторическое восклицание создает эффект живой и эмоциональной речи: *The wholegrain revolution!*

Риторический вопрос применяется не для получения ответа, а для привлечения внимания и выражения авторской позиции: *Why has the west turned its back on Sudan?; Can Witkoff secure any wins for Trump?.*

Часто журналисты сочетают несколько приемов для усиления выразительности и привлечения внимания: *Will Trump’s tariff chaos be China’s gain in global trade wars? – Риторический вопрос + военная метафора. After salacious hearing, can Fani Willis regain control of Trump case? – Эпитет + риторический вопрос.*

В таблице ниже представлены данные о частотности употребления различных стилистических приемов в заголовках англоязычных интернет-версий *The Guardian* и *BBC* за 2024–2025 гг.

Таблица – Частотность употребления различных стилистических приемов в заголовках

Средство	Кол-во	Доля (%)
Метафора (в т. ч. военная – 25 примеров)	31	62 %
Конструкции экспрессивного синтаксиса	7	14 %
Эпитет	5	10 %
Гипербола	4	8 %
Комбинация нескольких средств	3	6 %
Итого	50	100 %

Таким образом, доминирующим стилистическим приемом в заголовках англоязычной прессы выступает метафора, преимущественно военная, что отражает стремление журналистов драматизировать и визуализировать события. На втором месте по частоте находятся конструкции экспрессивного синтаксиса, среди которых лидирует риторический вопрос. Эпитет, гипербола и комбинированные стилистические приемы также играют важную роль в создании выразительных и воздействующих

заголовков. Эта тенденция свидетельствует о высокой степени стилистической насыщенности современной англоязычной журналистики и ее ориентированности на эмоциональное вовлечение читателя.

[К содержанию](#)

А. В. ШТЫК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Е. Саиди

**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ**

Заголовок в англоязычном медиадискурсе представляет собой автономную единицу, обладающую высокой коммуникативной значимостью, функциональной многослойностью и особой структурной организацией. Его задача заключается не только в информировании, но и в привлечении внимания, повышении заинтересованности, эмоциональном отклике и побуждении к прочтению основного текста. В условиях информационной конкуренции, особенно в цифровой среде, заголовок становится своего рода «языковым интерфейсом», через который читатель взаимодействует с содержанием.

Структура заголовка определяется совокупностью прагматических, жанровых, семантических и технических факторов. Он должен быть кратким, но емким; содержательным, но лаконичным; простым, но выразительным. Это требует особой языковой экономии и высокой информативной плотности, следовательно, заголовки функционируют по «грамматике сжатия» (*grammar of compression*), где каждое слово имеет максимальную смысловую нагрузку.

Одной из главных черт англоязычных заголовков является эллиптичность, т. е. опущение вспомогательных глаголов, артиклей, союзов, а иногда и подлежащего. Например, *Markets crash after Fed decision* – минимальное количество слов при ясной смысловой структуре. Такая форма обеспечивает высокую степень динамики и выразительности высказывания.

Типичной особенностью грамматической структуры заголовков является использование настоящего простого времени (*Present Simple*) для описания событий, произошедших в прошлом. Это создает эффект срочности, имитирует прямую трансляцию происходящего, вовлекая читателя в событийный поток.

Особенности синтаксической структуры заголовков представлены номинативными, инфинитивными, вопросительными конструкциями, прямой речью, парцеллированными и эмоциональными формами.

Номинативные заголовки оформлены как словосочетания с существительными и часто не содержат глагола, например: *Economic uncertainty*, *Political turmoil*, *Climate crisis*. Такие заголовки выполняют функцию тематического обозначения и особенно характерны для аналитических текстов, авторских колонок и редакционных комментариев.

Инфинитивные заголовки, выражающие предстоящие или ожидаемые действия, распространены в информационных жанрах: *President to meet EU leaders*, *UK to boost military spending*. Инфинитив сообщает о будущем событии с оттенком намерения или запланированности, придавая заголовку краткость и прогностическую направленность.

Структуры, оформленные в виде вопросов, активно используются для вовлечения читателя в размышление или диалог, характерны для публицистики, мнений, эссе, интервью: *Can AI replace human judgment? Is democracy under threat?* Подобные заголовки задают тон проблематизации и акцентируют внимание на социальной значимости обсуждаемой темы.

Инкорпорация прямой речи – еще один распространенный прием. Такая структура повышает достоверность высказывания, передает эмоциональный настрой и стилистическую окраску оригинала, создавая эффект присутствия.

Парцеллированные заголовки, состоящие из основной части и пояснения, позволяют совместить лаконичность и контекстуальную развернутость: *Trade deal signed: What it means for households*. *Covid wave returns: Hospitals brace for winter surge*. Такой прием помогает уравновесить фактологическую и интерпретативную составляющие.

Особенно в таблоидах распространены экспрессивные, телеграфные конструкции: *Disaster!*, *Shame!*, *Chaos at the border*. Они рассчитаны на мгновенную эмоциональную реакцию и легкочитываются визуально в ленте новостей или в социальных сетях.

Современные заголовки активно используют языковую игру, каламбуры, интертекстуальные отсылки и аллюзии, рассчитанные на интерпретативную активность читателя: *Ctrl-Alt-Delete Economy* – аллюзия на компьютерную перезагрузку; *To Brexit or not to Brexit* – отсылка к «Гамлету» У. Шекспира. Такие заголовки выполняют не только информационную, но и культурную функцию, взаимодействуя с читательской осведомленностью по поднимаемому вопросу.

Кроме того, встречаются гибридные заголовки, сочетающие различные синтаксические структуры: инфинитив + эпитет + парцелляция, вопрос +

метафора и т. д., что подчеркивает экспрессию, гибкость и креативность медиаречи: *Can climate action deliver real change? Experts say: maybe.*

Формальные и стилистические особенности заголовков варьируются в зависимости от жанра и типа издания. Качественная пресса (*The Guardian, The Times, The New York Times*) чаще прибегает к развернутым, аналитически выверенным заголовкам, оформленным в виде тематических конструкций. Таблоиды (*The Sun, Daily Mail*) предпочитают броские, эмоциональные, часто ироничные или сенсационные формулы, ориентированные на массового читателя: *MEGxit!* (об уходе Меган Маркл из королевской семьи), *Boiling point!* (о росте цен на газ). Таким образом, структура заголовка подчиняется как внутренней логике жанра, так и внешним ожиданиям аудитории.

Исследование структурных особенностей заголовков в англоязычной прессе позволяет выявить устойчивые тенденции в формировании медиатекста: экономию языковых средств, сжатость, актуализацию, интерактивность и ориентацию на эмоциональный отклик. Заголовки выполняют не только номинативную, но и прагматическую, манипулятивную и интерпретационную функции, отражая ключевые особенности современного медиадискурса. Их структурное разнообразие – это не просто набор формальных вариантов, а результат сложного взаимодействия жанра, прагматики, аудитории и редакционной политики. Именно поэтому анализ заголовков становится важным аспектом медиалингвистики и стилистики современного английского языка.

К содержанию

К. О. ЯНУШЕВСКАЯ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Е. Саиди

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Газетный заголовок представляет собой важнейший структурный и прагматический элемент медиатекста, выполняющий сразу несколько функций: номинативную, информативную, оценочную, интерпретативную и воздействующую. В условиях информационной конкуренции и нарастающей медиатизации общества он приобретает особое значение как инструмент мгновенного коммуникативного контакта с читателем.

Современные исследования в области медиалингвистики (Т. Г. Добросклонская, Е. О. Менджерицкая, И. В. Арнольд и др.) подчеркивают, что заголовок – это не просто формальный компонент текста, а его семантическое и прагматическое ядро, своего рода «языковой интерфейс» между медиаобращением и потребителем информации.

По наблюдению И. В. Арнольд, газетный текст, а особенно заголовок, служит не только для информирования, но и для убеждения, побуждения, оценки. Заголовок не просто сообщает факт, он моделирует интерпретацию, задает эмоциональный тон, формирует ожидания читателя. Именно поэтому он рассматривается как ключевой прагматический маркер, в котором реализуется экспрессивно-воздействующая функция медиатекста.

Привлекательность и эффективность заголовка в значительной степени обусловлены его способностью к манипуляции вниманием через интригу, экспрессию, недоговоренность, гиперболу или языковую игру. Как показали психологические исследования, до 80 % читателей при выборе статьи ориентируются именно на заголовок.

Однако прагматическая сила заголовка несет и определенные риски. Например, заголовок *Marriage of convenience* (The Guardian, 2004) вызывает у читателя ассоциации с романтической темой, тогда как статья посвящена корпоративным сговорам. Подобная диспропорция между формой и содержанием может вызвать «эффект обманутого ожидания», снижая уровень доверия к изданию.

Функциональная нагрузка заголовков варьируется в зависимости от жанровой принадлежности текста. В информационных жанрах (новости, репортажи) доминирует номинативно-информационная функция, направленная на краткое, точное обозначение темы: *Pope Leo XIV holds inaugural mass at St Peter's Square* (The Guardian, 2025). В аналитических материалах (статьи, колонки, обзоры) заголовок выполняет интерпретативную и воздействующую функцию: *The problem with renting womb* (The Guardian, 2016) – с помощью метафоры *renting womb* автор подчеркивает этическую амбивалентность темы суррогатного материнства. В художественно-публицистических жанрах (фельетоны, эссе, колонки) заголовки нередко приобретают оценочную, игровую, аллюзивную окраску: *Why doctor's white coat can be a threat to your health* (The New York Times, 2019) – ироническая интерпретация устойчивого образа «людей в белых халатах».

В медиалингвистике заголовок рассматривается как рамочный элемент медиатекста, задающий угол восприятия и определяющий когнитивную схему интерпретации. По определению Т. Г. Добросклонской, заголовок формирует информационную картину мира, концентрируя в себе как факт, так и его оценку.

Современные издания все чаще прибегают к развернутым заголовочным комплексам, включающим основную строку, подзаголовок и рубрику. Пример: основной заголовок: *Polar ice caps melting six times faster than in 1990 s.* Подзаголовок: *Losses of ice from Greenland and Antarctica are tracking the worst-case climate scenario, scientists warn* (The Guardian, 2020). Такое построение усиливает глубину восприятия, позволяя сочетать краткость и детализацию.

Исследователи предлагают классификацию заголовков по их коммуникативной цели: хроникальные (*Hydroxychloroquine: Trump's Covid-19 'cure' increases deaths*); интригующие (*Smartphone 'addiction': Young people 'panicky' when denied mobiles*); цитатные (*'This is madness', says MP*).

Лексическая и синтаксическая структура англоязычных заголовков подчиняется принципу экономии языковых средств. Одной из типичных черт является эллипсис – опущение artikelей, глагола-связки *to be*, вспомогательных слов: *UK and EU clash over crime-fighting database* (вместо *The UK and the EU...*). Широко применяются короткие, выразительные глаголы: *axe, slash, boost, slam, urge, warn*, обладающие высокой степенью семантической плотности. В англоязычных заголовках также распространены игровые стратегии: аллюзии, интертекстуальность, метафора: *Fishy Business* (The Guardian, 1999) – игра слов на основе идиомы *something fishy*, обозначающей подозрительность. Реальный контекст – коррупция в рыбной промышленности. Понимание такого заголовка требует определенного уровня фоновой компетенции.

Развитие цифровых медиа и борьба за трафик провоцируют распространение кликбейт-заголовков: *I ate like Trump for a week. I don't understand how the man is still alive* (The Telegraph, 2024). Подобные заголовки ставят под угрозу базовые принципы журналистской этики: объективность, достоверность, уважение к читателю.

Функциональные особенности англоязычных газетных заголовков демонстрируют высокую степень лингвистической и прагматической сложности. Заголовок – это не просто вводная строка к основному тексту, а самостоятельная коммуникативная единица, обладающая потенциалом воздействия, интерпретации и манипуляции. Его структура, лексика и функции подчинены задаче удержания внимания в условиях переизбытка информации. В то же время этическая ответственность, точность и соответствие содержанию остаются фундаментальными принципами медиакоммуникации.

[К содержанию](#)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

А. А. БИСУЛТАНОВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. А. Буров

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В условиях современной информационной эпохи заголовки выполняют важнейшую функцию привлечения внимания аудитории, создавая первое впечатление о содержании текста и побуждая читателя к его дальнейшему восприятию. Они представляют собой не только компактный способ передачи основной идеи или концепции материала, но и являются значимым инструментом межкультурного взаимодействия. В условиях глобализации и интенсивного информационного обмена между различными культурами перевод заголовков становится особенно актуальной задачей, требующей от переводчика не только высокого уровня профессиональной подготовки, но и творческого подхода.

Следует учитывать, что заголовки, формируемые в разных языках и культурных традициях, обладают специфическими особенностями, отражающими структуру языка, культурные нормы и ожидания целевой аудитории. В процессе перевода переводчику необходимо не просто воспроизвести буквальное содержание заголовка, но и сохранить его стилистическую окраску, эмоциональную силу и культурную специфику. Это позволяет обеспечить адекватность и естественность восприятия переведенного заголовка носителями языка перевода.

Перевод заглавий произведений немецкой литературы представляет собой особую задачу, которая требует учитывать не только языковую структуру, но и культурные и прагматические аспекты. Заглавие выполняет важную функцию первого контакта между произведением и читателем: именно оно формирует первоначальное впечатление, задает направление восприятия текста и создает определенные ожидания. По этой причине выбор стратегии перевода заглавия всегда сопряжен с большой ответственностью.

В современной практике перевода можно выделить три основные стратегии: **буквальный перевод, адаптацию и творческую интерпретацию**. Каждая из них имеет свои преимущества, но и определенные ограничения.

Буквальный перевод применяется в случаях, когда заглавие обладает прозрачным смыслом и языковые системы позволяют сохранить форму без потери значения. Например, название романа Г. Гессе «*Der Steppenwolf*» на

русском языке известно как «*Степной волк*». Такой подход обеспечивает близость к оригиналу и передает основное содержание заглавия. Однако при дословном переводе сложных или образных названий существует риск потерять художественную выразительность или культурные коннотации оригинала. Например, дословный вариант «*Жестяной барабан*» для «*Die Blechtrommel*» Г. Грасса передает предметное значение, но не полностью воспроизводит звучание и символический подтекст названия.

Стратегия адаптации предполагает частичное изменение формы заглавия с сохранением его ключевого смысла и функциональной нагрузки. Это позволяет лучше учесть особенности грамматики, семантики и стилистики целевого языка. Так, в переводе названия «*Die Verwandlung*» Кафки как «*Превращение*» передается основной смысл слова, но форма становится более привычной для русскоязычного читателя. В то же время при переводе заглавий часто невозможно сохранить такие элементы, как артикли, играющие важную роль в немецком языке, например, «*Der Prozess*», которое на русском звучит просто как «*Процесс*», что может несколько изменить восприятие оригинала.

Творческая интерпретация применяется тогда, когда заглавие содержит культурно-специфические элементы, аллюзии или многослойные смыслы, которые не поддаются прямому переводу. В этих случаях переводчик создает новое название, способное вызвать у читателя аналогичные ассоциации и эмоциональный отклик, сохраняя при этом общий замысел автора. Примером может служить перевод романа Т. Манна «*Der Zauberberg*» как «*Волшебная гора*». Такой вариант не только передает смысл слова, но и подчеркивает философскую глубину и многозначность оригинала. Здесь особенно важно учитывать весь комплекс культурных отсылок и образов, заложенных в заглавии.

Выбор конкретной стратегии перевода зависит от целей перевода, жанра произведения, особенностей целевой аудитории и конкретной коммуникативной ситуации. Буквальный перевод может быть предпочтителен для передачи информативной функции заглавия, тогда как адаптация или творческая интерпретация чаще всего необходимы для сохранения экспрессивности и культурной окраски. Особенно сложными являются случаи, когда заглавие сочетает в себе отсылки к литературной традиции и современное значение, требуя от переводчика поиска компромисса между точностью и выразительностью.

В итоге перевод заглавий произведений немецкой литературы – это не просто механическая передача слов с одного языка на другой, а сложный процесс, в котором переводчик стремится найти баланс между верностью исходному тексту и адекватностью восприятия у читателя другого языка. Удачные переводы («*Степной волк*», «*На Западном фронте без перемен*»)

становятся классикой, а спорные («Парфюмер» вместо «Аромат») вызывают дискуссии. Иногда переводчики сознательно отходят от буквальности, чтобы сохранить дух произведения, как в случае с «Коварство и любовь» Шиллера (где *Kabale* могло бы переводиться иначе). Наиболее удачные решения обычно рождаются при комбинировании разных стратегий с учетом жанровых, стилистических и культурных особенностей конкретного произведения.

Таким образом, перевод заголовков представляет собой комплексный творческий процесс, в котором соединяются лингвистическая компетенция, культурологическое знание и знание принципов теории перевода. Успешная передача заголовка требует умения учитывать не только лексико-грамматические и стилистические особенности исходного текста, но и культурные коды, ассоциации и прагматическую функцию заголовка в коммуникации.

[К содержанию](#)

Д. М. БУРАЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Языки – это живые организмы, постоянно развивающиеся и адаптирующиеся. Фразеологизмы являются яркой и выразительной частью языка. Дословный перевод порой лишает их истинного смысла, ведь они являются частью культуры, в которой возникли. Несмотря на сложности перевода, у английских фразеологизмов все равно появляется свой русский эквивалент. При переводе важно не только передать смысл фразеологизма, но и отобразить его образность, стилистическую функцию, особенности контекста. Для многих английских устойчивых сочетаний характерны многозначность и стилистическая разноплановость, что осложняет их перевод на другие языки [1].

Одной из самых распространенных проблем при переводе фразеологизмов является то, что переводчик не всегда может распознать их в тексте и за счет этого смысл текста сильно искажается.

Также сложности в переводе могут возникнуть из-за наличия многозначности у фразеологизмов. Здесь важно учитывать контекст, ведь он может выражать разные эмоции, которые несут в себе различные оттенки

значений фразеологических единиц, т. к. от контекстуального значения перевод может в корне измениться. Например, “*Throw in the towel*”, что в разговорной речи означает «сдаться или опустить руки», а в спортивном контексте, а именно в боксе, означает отказ от дальнейшего участия в поединке и переводится дословно «бросить полотенце».

Важно расширять свой кругозор и интересоваться значением и правильным переводом даже таких фразеологических единиц, которые, на первый взгляд, кажутся точными копиями из русских выражений. При переводе фразеологизмов можно столкнуться с таким феноменом, как «ложный двойник». Такое выражение предполагает совпадение по форме, но различие по содержанию. Например, “*wind in the head*” – пустое воображение, зазнайство, а не «ветер в голове» [1].

Бывает, что фразеологические единицы не имеют аналогов в других языках. Однако существуют устойчивые выражения с такой же структурой и значением. Они называются фразеологическими кальками. Например, русский фразеологизм «ездить в Тулу со своим самоваром (делать что-то ненужное, бесполезное)». Английский эквивалент – “*to carry coals to Newcastle*” («возить уголь в Ньюкасл» – делать лишнюю работу) [2].

Российские лингвисты, в частности, Л. Ф Дмитриева, выделяют четыре основных способа перевода фразеологизмов:

1. метод фразеологического эквивалента, где сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы, т.е. фразеологизм в переводающем языке (ПЯ) полностью совпадает по всем параметрам с фразеологизмом оригинала;

2. метод фразеологического аналога, где следует подобрать фразеологизм с таким же переносным значением, основанном на ином образе, при переводе;

3. калькирование или дословный перевод;

4. описательный перевод, где применяется лишь в целях объяснения смысла фразеологизма, который не имеет в русском языке ни аналога, ни эквивалента и не подлежит дословному переводу [3, с. 41].

Таблица 1 – способы перевода фразеологизмов

Способы перевода	Фразеологизмы на английском языке	Фразеологизмы на русском языке
метод фразеологического эквивалента	As busy as a bee The game is worth the candle	Трудолюбивый как пчела Игра стоит свеч
метод фразеологического аналога	Don't halloo till you are put of the wood	Не говори «гоп» пока не перепрыгнешь

	To make the hay while the sun shines	Коси коса, пока роса; Куй железо, пока горячо
калькирование или дословный перевод	To keep a dog and bark oneself People who live in glass houses should not throw stones	Держать собаку, а лаять самому Люди, живущие в стеклянных домах, не должны бросаться камнями
описательный перевод	To take a French leave Ships that pass in the night	Уйти по-английски Мимолетные встречи

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что нет универсального метода перевода фразеологических единиц. Перевод фразеологизмов с одного языка на другой – сложный процесс, требующий не только точного понимания смысла выражения, но и учета его стилистических особенностей и контекста. Выбор метода зависит от многих факторов: специфики языка, контекста, стилистического окраса выражения и наличия аналогичных фразеологизмов в языке перевода. Точный и качественный перевод фразеологизмов позволяет передать их эмоциональную и смысловую насыщенность, сохраняя естественность и выразительность текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фразеологизмы в английском языке: трудности перевода. – URL: <https://infourok.ru/issledovatelkaya-rabota-frazeologizmy-v-anglijskom-yazyke-trudnosti-perevoda-6428477.html> (дата обращения: 23.03.2025).
2. To carry coal to Newcastle. – URL: <https://www.proz.com/kudoz/english-to-russian/idioms-maxims-sayings/981679-to-carry-coal-to-newcastle.html> (дата обращения: 1.03.2025).
3. Дмитриева, Л. Ф. Английский для студентов. Курс перевода / Л. Ф. Дмитриева. – М. : МарТ, 2005. – 304 с.

[К содержанию](#)

К. С. ВЕРЕМЕЙЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В лингвистике и философии, модальность относится к способам, с помощью которых язык может выражать различные отношения к действи-

тельности или истине. Например, модальность может передавать, что что-то вероятное, желательное или допустимое.

К основным средствам выражения категории модальности, как известно, относятся модальные вспомогательные глаголы, такие как «мог», «должен» или «обязан»; модальные наречия, такие как «возможно» или «обязательно», модальные прилагательные, такие как «мыслимый» или «вероятный». Однако модальные компоненты были выявлены в значениях огромного количества единиц естественного языка, включая контрафактические, пропозициональные, эвиденциальные, привычные и обобщенные.

Д. Кэмерон иллюстрирует это следующим примером: «Модальность» – это обобщающий термин, обозначающий лингвистические приемы, которые позволяют нам передать нашу оценку того, где что-то находится в диапазоне между реальным и нереальным, возможным и невозможным, определенным и неопределенным, правдоподобным и невероятным. Именно в этом заключается разница между фактическим утверждением, что «единорогов никогда не существовало», и более осторожной точкой зрения, например, что «единороги вряд ли когда – либо могли существовать», или более смелым утверждением, что «существование единорогов всегда было мифом» [1, с. 75]. Таким образом, модальность – это ресурс, который используют ораторы и писатели, когда они заявляют о своих знаниях. Она позволяет формулировать различные виды высказываний (например, утверждения, мнения, гипотезы, предположения) и указывать, насколько говорящий привержен этому высказыванию.

Модальность делится на три основных типа: эпистемическую (вероятность, знание), деонтическую (обязанность, разрешение) и динамическую (способность). В английском языке основным инструментом выражения являются модальные глаголы: *can* «мочь», *must* «должен», *may* «мочь» (разрешение) и др. Ф. Палмер отмечает, что эти глаголы уникальны: они не имеют форм инфинитива или причастий и не изменяются по лицам [2]. Например, *I can swim* («Я могу плавать») – выражает динамическую модальность, *You must leave* («Ты должен уйти») – деонтическую, а *It may rain* («Может пойти дождь») – эпистемическую. Дополнительно используются наречия (*probably* «вероятно») и конструкции (*it is likely that* «вероятно, что»), что расширяет выразительные возможности [3].

В русском языке модальность передается через глаголы с модальным значением (мочь, должен), слова (нужно, можно, нельзя) и грамматические категории. В. В. Виноградов подчеркивает роль наклонений и частиц в выражении модальности. Например, сослагательное наклонение с частицей бы (Я бы пошел) указывает на гипотетическую возможность, а повелительное (Иди!) – на директиву [4].

Особенностью русского языка является влияние аспекта глагола. Л. Буланин указывает, что «совершенный вид (*Я должен был уйти*) отражает завершенность, а несовершенный (*Я должен был уходить*) – процесс, добавляя модальные оттенки» [5, с. 143]. Эпистемическая модальность часто усиливается частицами (*может*, *должно быть*), как в «*Может, он дома*».

Сопоставительный анализ способов выражения модальности в двух языках выявляет как сходства, так и различия. Оба языка выражают все типы модальности, используя глаголы: английское *can* и русское *могу* – для способности, *must* и *должен* – для необходимости. Однако английские модальные глаголы стандартизированы, что упрощает их использование, но ограничивает гибкость. В русском модальность более разнообразна, включая лексику (*нужно*), частицы и аспект, что требует учета контекста [2]. Например, *can* совмещает способность и разрешение (*Can I go?* – «Могу ли я идти?»), тогда как в русском это *могу* (способность) и *мне можно* (разрешение).

Модальность также играет важную роль в межкультурной коммуникации, где ее неправильное использование может привести к недопониманию. В английском языке чрезмерная директивность *must* (*You must come*) может восприниматься как грубость, тогда как в русском *Ты должен прийти* звучит нейтрально в зависимости от интонации. В то же время русское сослагательное наклонение (*Если бы ты пришел*) часто несет оттенок вежливости или сожаления, что в английском требует дополнительных слов (*If only you had come*). Ф. Палмер указывает, что английские модальные глаголы «имеют широкий спектр значений, зависящих от культурных норм» [2, с. 92]. Это подчеркивает важность понимания модальности для эффективного общения.

Еще один аспект связан с письменной речью, где модальность адаптируется к формальным контекстам. В английском используются конструкции типа *it is required that* («требуется, чтобы») вместо *must* («должны») для объективности: *It is required that all attend* – «Требуется, чтобы все присутствовали». В русском языке эквивалент – *Необходимо, чтобы все присутствовали* – опирается на значение «необходимо». Д. Бибер отмечает, что «в английских текстах такие конструкции смягчают тон» [3, с. 108]. Различия в письменной модальности важны для перевода официальных документов, где точность и стиль имеют решающее значение.

Следующие примеры также иллюстрируют различия: *She might be late* («Она, возможно, опаздывает») в русском – *Она, может, опаздывает* с частицей «может». Деонтическое *You must finish* («Ты должен закончить») соответствует «*Тебе нужно закончить*», где «нужно» мягче, чем «должен». Динамическое *He can run* («Он может бегать») в русском возможно и значение «умеет» для акцента на навыке.

Данные примеры подчеркивают, что английский язык использует фиксированные глаголы, тогда как русский варьирует средства в зависимости от контекста. В английском языке модальные глаголы часто сочетаются с отрицанием без вспомогательных слов (*You can't leave* – «Ты не можешь уйти»), а в русском языке требуется полная конструкция («Ты не можешь уйти»). В. В. Виноградов отмечает, что «в русском языке интонация и частицы усиливают модальные оттенки, особенно в разговорной речи» [4, с. 592].

Таким образом, модальность в английском и русском языках имеет общую основу, но отличается в способах выражения. Английский язык опирается на модальные глаголы, тогда как русский язык использует лексику, грамматику и аспект. Аспект добавляет временные и модальные нюансы, отсутствующие в английском языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cameron, D. The Teacher's Guide to Grammar / D. Cameron. – UK : Oxford University Press, 2009 – 180 p.
2. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. – UK : Routledge, 1990. – 256 p.
3. Biber, D. Grammar of Spoken and Written English / D. Biber., S. Johansson., G. Leech., S. Conrad., E. Finegan. – UK : John Benjamins Publishing Company, 2021. – 1220 p.
4. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Буланин, Л. Л. Семантика русского глагола / Л. Л. Буланин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – 208 с.

[К содержанию](#)

Н. С. ГОРАЛЬЧУК, К. Ю. ГРИШКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. В. Кивака

ОТРАЖЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕМЕЦКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Фольклор является важной частью культуры страны. Он отражает представления народа о мире, его ценности и жизненные приоритеты. Пословицы и поговорки – это довольно важный элемент фольклора, несущий в себе мудрость народа, его многовековой опыт и особенности мировосприятия разных наций. Семейные отношения занимают особое место в каждой культуре, ведь они связаны с фундаментальными аспектами человеческой жизни – чувствами, традициями и бытовым укладом. Изучение пословиц и поговорок разных народов помогает лучше понять специфику

культур этих стран. Через сравнение немецких и белорусских пословиц и поговорок о семье, можно выявить как общие черты, так и характерные различия в мировоззрении двух народов. Термин «пословица» по толковому словарю С. И. Ожегова определяется как «краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм». Под словом «поговорка» в этом же словаре понимается «краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [1].

Объектом нашего исследования являются немецкие и белорусские пословицы и поговорки о семейных отношениях. В них мы выделили несколько тем: тему любви, тему взаимоотношений между родственниками, роли детей в семейной жизни. Нами были рассмотрены 16 пословиц – по 8 из каждой культуры, немецкой и белорусской.

О любви в семейных отношениях говорится и в немецких, и в белорусских пословицах и поговорках. Так, особая важность любви для добрых семейных отношений подчеркивается в немецкой пословице *Was man aus Liebe tut, das geht nochmal so gut* ‘Что делается по любви, то и дальше идет хорошо’. Немецкая пословица *Alte Liebe rostet nicht* ‘Старая любовь не ржавеет’ отражает мысль, что настоящее чувство любви не уходит спустя года, а лишь крепчает. Но в семье не всегда бывает все гладко, например, *Was sich liebt, das neckt sich. Liebe muss Zank haben.* ‘То, что любит, дразнит. В любви должны быть ссоры’. В этой пословице заложена мысль о том, что ссоры являются естественной частью семейных отношений, как и в белорусском варианте *Каханне без сваркі – як рэчка без вады*. Суть этой белорусской пословицы в неизбежности конфликтов в любви, в семейных отношениях. Этой же теме посвящена и пословица *Мужык з жонкай сварыцца – у гарычку трасца варыцца*, т. е. когда муж с женой ссорятся, то в доме накаляется обстановка.

О необходимости хороших взаимоотношений между близкими говорится и в немецких, и белорусских пословицах и поговорках. Если в семье царит взаимопонимание и гармония, семья обязательно придет к благополучию. А если же в семье присутствуют лишь конфликты, то ничего хорошего из этого не выйдет, например, *Friede ernährt, Unfriede verzehrt* ‘Согласие питает, раздор съедает’. О том, что любовь поможет пережить любые невзгоды, говорится и в белорусской пословице *Калі ў хаце ціха – не бярэ ліха*. Но, влюбляясь, человек часто начинает действовать иррационально. Об этом говорится в немецкой пословице *Liebe und Verstand gehen selten Hand in Hand* ‘Любовь и ум редко идут рука об руку’, а также в белорусской *Кахаць і быць мудрым наўрад ці Богу магчыма*.

О роли мужа и жены и их взаимоотношениях говорится и в немецких, и в белорусских пословицах и поговорках. В немецкой пословице *Mann*

und Weib sind ein Leib ‘Муж и жена – одно тело’ подчеркивается, что супруги являются одним целым. И их единство может быть как гармоничным, так и бурным [1]. В белорусской пословице *Пад добрым кустом трава зелянне, за добрым мужыком жонка маладзее* отмечается влияние хороших условий и благоприятной среды на развитие и улучшение жизни семьи. Тема детей также раскрывается и в немецких, и в белорусских пословицах. В немецкой *Wie die Alten singen, so zwitschern auch die Jungen* ‘Как пели старые, так щебечут и молодые’ можно увидеть идею, что родительский пример очень важен. Эта же идея звучит и в белорусской пословице *Бацька – рыбак, і дзеткі ў ваду глядзяць*. Истину о том, что с возрастом ответственность за детей только растет, отражает немецкая пословица *Kleine Kinder, kleine Sorgen. Große Kinder, große Sorgen* ‘Маленькие дети – маленькие заботы. Большие дети – большие заботы’ [2]. Иронически отражает сложности воспитания детей на разных этапах их жизни и белорусская пословица *Малыя дзеци спаць не даюць, а большыя жыцы не даюць*. О том, что воспитание детей отнюдь не легкое дело, говорится и в белорусской пословице *Дзетак узгадаваць – не курак пасклікаць* [3].

Таким образом, пословицы и поговорки о семейных отношениях составляют значимую часть фольклора немецкой и белорусской культур. Одной из центральных тем как в немецких, так и в белорусских пословицах и поговорках является любовь и гармония в семье. Конфликты в любви воспринимаются как неизбежное явление, а споры – естественное проявление живых чувств, являющихся частью семейных отношений. Воспитание детей признается в обеих культурах серьезным и кропотливым трудом. В то же время в немецких пословицах преобладает тема любви, а в белорусских – тема воспитания детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимошок, А. М. Немецкие пословицы как отображение национального менталитета / А. М. Тимошок // Всероссийские с международным участием научные Далевские чтения молодых исследователей: материалы чтений, посвященных памяти В. И. Даля, Канск, 19–20 ноября 2015 г. : в 2 т. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева ; ред-кол.: С. В. Науменко [и др.]. – Красноярск, 2015. – Т. 2. – С. 292–293.
2. Deutsches Sprichwort // Aphorismen. – URL: https://www.aphorismen.de/suche?f_autor=1047_Deutsches+Sprichwort (дата обращения: 30.03.2025).
3. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем // Slounik.org, 2003–2025. – URL: <https://slounik.org/sanko/r1> (дата обращения: 30.03.2025).

[К содержанию](#)

А. В. ГОРЩАРИК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. А. Буров

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОПИСАНИЯ ЧУВСТВ
ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Э. М. РЕМАРКА «ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ»**

На протяжении столетий художественная литература служит мощным инструментом формирования общественного сознания, отражая культурные, философские и моральные ориентиры своего времени. Через художественное слово передаются идеи, способные оказать глубокое влияние на мировоззрение отдельных индивидов и целых поколений, формируя их гуманистические ценности, политические убеждения и представления о мире. Универсальность художественной литературы обусловлена ее обращенностью к общечеловеческим чувствам и переживаниям, что позволяет ей преодолевать национальные и культурные границы. Именно эта универсальность делает литературные произведения доступными для адаптации и восприятия в других лингвокультурных сообществах посредством перевода.

Однако перевод художественного текста – это не просто лингвистическая операция, а сложный интерпретационно-творческий процесс, требующий от переводчика не только глубокого знания языка оригинала и языка перевода, но и аналитического мышления, культурной интуиции и способности к эмпатии. Умение логически мыслить необходимо переводчику для того, чтобы точно реконструировать авторскую концепцию, сохранить эмоциональное воздействие произведения и передать его художественную атмосферу. При этом важно не только правильно интерпретировать смысловые структуры оригинального текста, но и воспроизвести те эмоционально-экспрессивные оттенки, которые формируют его идеиную и эстетическую целостность.

Особенно ярко эти задачи проявляются при переводе произведений Эриха Марии Ремарка, в частности его романа «Жизнь взаймы», в котором философская глубина сочетается с тонкой психологической проработкой героев. Автор уделяет особое внимание внутреннему миру персонажей, их эмоциональным коллизиям, противоречиям и стремлениям, что наделяет текст сложной многослойной структурой. При переводе на русский язык Л. Б. Черная и М. Л. Рудницкий стремились не просто передать сюжетное содержание романа, но и сохранить его художественную выразительность, тщательно адаптируя стилистические и языковые средства оригинала. Их перевод демонстрирует попытку воспроизвести психологическую напря-

женность, лиризм и философскую интонацию произведения, передавая читателю глубину авторского замысла и внутреннюю драму персонажей.

Силу чувств Клерфэ к Лилиан подчеркивают сравнения, которые он использует в тексте оригинала. Например, он говорит: „*Früher wäre ich zu Lydia Morelli gegangen und wäre mit ihr geblieben, so lange ich gewollt hätte, basta; jetzt käme ich mir wie ein Gymnasiast vor, wenn ich es täte, und hätte nachher einen Katzenjammer, als hätte ich schlechten Wein getrunken*“ [1, с. 132] – «Раньше я бы пошел к Лидии Морелли и остался бы с ней столько, сколько хотел бы, а теперь я чувствую себя школьником, эти чувства сравнимы с похмельем после плохого вина» [2, с. 145; 3, с. 148]. Здесь Клерфэ сравнивает свои чувства к другой женщине с поведением школьника, а отношения с другой женщиной с похмельем, подчеркивая, что его отношения с Лилиан – это нечто совершенно иное, более глубокое и значимое. В процессе перевода данного отрывка переводчики остановили свой выбор на приеме опущения, для более точной передачи чувств главного героя. Используемый ими вариант сравнения демонстрирует осознание главным героем того, что он испытывает к Лилиан неожиданно сильные чувства.

Другим ярким примером использования сравнения для описания чувств в романе является пример, где Клерфэ сравнивает отсутствие Лилиан с пустотой в темных комнатах: „*Das war weder tragisch noch romantisch noch sentimental; sein Leben ohne sie erschien ihm einfach plötzlich nicht anders als eine monotone Reihe von Jahren – wie Zimmer, die alle ähnlich aussehen und in denen das Licht ausgegangen ist*“ [1, с. 147] – «Это было ни трагично, ни романтично, ни сентиментально; его жизнь без нее вдруг показалась ему просто монотонной чередой лет, просто чередой пустых комнат в которых погас свет» [2, с. 165]. В процессе перевода М. Рудницкий использует прием модуляции, заменяя выражение „*wie Zimmer, die alle ähnlich aussehen*“ – «похожих друг на друга комнат» на «пустых комнат». И оригинальное сравнение, которое было оставлено при переводе Черной: «Это не было ни трагично, ни романтично, ни сентиментально; его жизнь без нее просто внезапно показалась ему ничем иным, как монотонной чередой лет – **похожих друг на друга комнат**, в которых погас свет» [3, с. 169], и сравнение М. Рудницкого, подчеркивают, насколько его жизнь становится бессмысленной без Лилиан.

Главная героиня Лилиан, в свою очередь, остро чувствует несправедливость по отношению к ней, другие живут, а она должна умереть: „*Sie alle streben nach Abenteuer, Geschäft oder danach, die Lücke in sich selbst mit dem Rauschen des Jazz zu füllen. Sie jagt das Leben, nur das Leben, sie jagt es wie verrückt, als wäre das Leben ein weißer Hirsch oder ein fabelhaftes Einhorn*“ [1, с. 73]. В процессе перевода данного отрывка текста оригинала Л.

Черная не использовала никаких трансформаций: «*Все они стремятся либо к приключениям, либо к бизнесу, либо к тому, чтобы заполнить шумом джазов пустоту в себе. Она же гонится за жизнью, только за жизнью, она как безумная охотится за ней, словно жизнь – это белый олень или сказочный единорог*» [3, с. 81], в то время как М. Рудницкий использовал прием генерализации, заменив существительное „*des Jazz*“ на «музыку»: «*Все они стремятся либо к приключениям, либо к бизнесу, либо к тому, чтобы заполнить шумом музыки пустоту в себе. Она же гонится за жизнью, только за жизнью, она как безумная охотится за ней, словно жизнь – это белый олень или сказочный единорог*» [2, с. 92]. Таким образом, переводчики стремятся передать чувства Лилиан и ее яростное стремление к жизни.

Художественная литература представляет собой уникальное средство воздействия на читателя, обладая способностью не только передавать сюжетную канву, но и погружать в сложные эмоциональные состояния, раскрывать философские размышления и транслировать культурные и нравственные ценности определенной эпохи. Воздействие художественного текста охватывает широкий спектр читательских реакций – от эмпатического сопереживания до глубоких интеллектуальных и духовных прозрений. Именно благодаря этим качествам литература сохраняет свою значимость и продолжает выполнять важную культурно-коммуникативную функцию в обществе.

Перевод художественных произведений, таким образом, представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую от переводчика гораздо большего, чем просто знание языков. Он должен быть не только лингвистически компетентен, но и обладать литературным вкусом, культурной интуицией и способностью к глубокому аналитическому чтению. Умение понять авторский замысел, реконструировать эмоционально-смысловое поле текста, передать его стиль, тональность, ритм и образную систему – все это превращает художественный перевод в самостоятельный акт творческой интерпретации.

На примере русских переводов романа Эриха Марии Ремарка «Жизнь взаймы» можно проследить, как различные переводческие подходы отражают индивидуальные стратегии адаптации оригинала к целевой аудитории. Л. Б. Черная и М. Л. Рудницкий, интерпретируя одни и те же авторские метафоры, эпитеты и сравнения, нередко прибегают к различным стилистическим решениям, обусловленным личной манерой перевода, лингвокультурными предпочтениями и эстетическими ориентирами. Тем не менее, несмотря на различия, обе версии демонстрируют стремление сохранить психологическую достоверность и эмоциональную насыщенность образов, особенно в передаче центральных чувств персонажей:

страстного стремления к жизни у Лилиан и сложного, глубокого чувства привязанности у Клерфэ.

Таким образом, качественный перевод художественного текста является результатом тонкой интеллектуальной и эмоциональной работы, в ходе которой переводчик выступает посредником между культурами, интерпретатором смысла и соавтором художественного высказывания. Только благодаря этому посредничеству литературные произведения обретают вторую жизнь в иных языковых и культурных пространствах, сохраняя при этом свою художественную ценность, эмоциональную выразительность и философскую глубину. Переведенная художественная литература продолжает выполнять свою миссию: объединять людей через слово, создавая универсальное пространство диалога между народами и эпохами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Remarque, E. M. *Der Himmel kennt keine Günstlinge* / E. M. Remarque – Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1961. – 311 S.
2. Ремарк, Э. М. Жизнь взаймы / Э. М. Ремарк. – М. : Художественная литература, 1977. – 352 с.
3. Ремарк, Э. М. Жизнь взаймы, или У неба любимчиков нет / Э. М. Ремарк. – М. : АСТ, 2020. – 384 с.

[К содержанию](#)

М. В. ГУЛЬ, М. А. ВОЙТОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СОМАТИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ HAND / В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологизмы-соматизмы играют важную роль в отражении менталитета, истории и культурных особенностей носителей языка. Человек всегда воспринимал окружающий мир через призму собственного тела, используя названия его частей – таких как голова, руки, ноги – для образного описания явлений. Эти метафоры позволяют точнее передавать эмоции, ощущения и абстрактные понятия, делая язык выразительным.

Соматические фразеологизмы формируют отдельную подсистему во фразеологии, охватывая широкий спектр смысловых отношений. При сравнительном анализе таких выражений в разных языках обнаруживаются как универсальные черты, общие для человечества (например, ассоциация головы с разумом), так и уникальные национально-культурные

элементы. Последние возникают под влиянием традиций, исторического опыта и ценностей конкретного народа. Таким образом, изучение соматизмов не только раскрывает связи языка с телесным опытом, но и служит ключом к пониманию культурной идентичности.

Цель исследования – выявить лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом HAND / ⌂ в английском и китайском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения места фразеологизмов-соматизмов в языковой картине мира. Материалом послужили английские фразеологизмы-соматизмы, выбранные из онлайн-словаря Oxford Learner's Dictionaries [1], и китайские фразеологизмы-соматизмы, выбранные из онлайн-словаря Dictionary of Chinese idioms [2], а также из «Китайско-русского фразеологического словаря» А. М. Готлиба и Му Хуайна [3]. При проведении данного исследования использовались описательный и сопоставительный методы.

В английском языке по семантическим признакам выделяются следующие лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом HAND: **характер** (*the devil makes work for idle hands* ‘дьявол находит работу праздным рукам’, безделье ведет к пороку; *not lift/raise a finger/hand* ‘и пальца/руки не поднять’, не помочь); **физическое состояние** (*bind/tie hand and foot* ‘связать по рукам и ногам’; *get your hands dirty* ‘загрязнить руки’, заниматься физическим трудом; *have time on your hands/have time to kill* ‘иметь время на руках’, иметь свободное время; *have your hands full* ‘руки полны’, быть занятым); **чувство-состояние** (*throw up your hands* ‘поднять руки’, чувствовать себя раздраженным или подавленным; *wring your hands* ‘заламывать руки’, выражать беспокойство); **чувство-отношение** (*have smb's blood on your hands* ‘иметь чью-то кровь на руках’, быть ответственным за чью-то смерть; *bite the hand that feeds you* ‘кусать руку, которая тебя кормит’, вредить благодетелю; *heavy hand* ‘тяжелая рука’, строгий контроль; *eat out of smb's hand* ‘есть у кого-то с руки’, полностью подчинить кого-то; *hand in glove* ‘рука в перчатке’, тесное сотрудничество; (*like*) *putty in smb's hands* ‘как замазка в чьих-то руках’, легко контролируемый; *out of hand* ‘из руки’, трудно или невозможно контролировать); **качественная характеристика человека** (*an iron fist/hand (in a velvet glove)* ‘железный/ая кулак/рука (в бархатной перчатке)’, тот, кто жестко обращается с людьми; *an old hand* ‘старая рука’, опытный человек; *be good with you hands* ‘хорошо владеть руками’, мастер на все руки; *a safe pair of hands* ‘надежная пара рук’, надежный человек; *win hands down* ‘победить руки’, легко победить); **умственная деятельность** (*on the one hand, on the other hand* взвешивать «за» и «против»; *know smth like the back of your hand* ‘знать что-то, как тыльную сторону своей

ладони', хорошо разбираться в чем-то); **действия и поступки** (*all hands on deck* ‘все руки на палубу’, мобилизация; *force smb’s hand* ‘вынудить чью-то руку’, принудить к действию; *give/lend a helping hand* ‘дать руку помощи’; *raise a hand against/to smb* ‘поднять руку’, ударить кого-то, угрожать кому-то; *wash your hands of smb/smth* ‘умыть руки’, снять ответственность); **социальное положение** (*go cap in hand* ‘ходить с кепкой в руке’, униженно просить; *live from hand to mouth* ‘живь от руки ко рту’, едва сводить концы с концами); **степень удаленности от объекта** (*at first hand* из первых рук; *close at hand* ‘под рукой’, рядом; *second hand* ‘вторая рука’, через посредников).

В китайском языке по семантическим признакам выделяются следующие лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом **手**: **чувство-состояние** (爱不释手 *ài bù shì shǒu* ‘любить так, что не в силах разнять руки’, быть очарованным; 手足无措 *shǒu zú wú cuò* ‘руки и ноги не знают, что предпринять’, быть в растерянности, не знать, куда деть руки и ноги; 手舞足蹈 *shǒu wǔ zú dǎo* ‘руки танцуют, ноги топают’, радостный и преуспевающий); **чувство-отношение** (情同手足 *qíng tóng shǒu zú* ‘чувства объединяют руки и ноги’, братские отношения, дружат, как братья; 手拉手 *shǒu lā shǒu* ‘рука об руку’, объединенные общей целью; 亲如手足 *qīn rú shǒuzú* ‘близок, как собственные руки и ноги’, братья как по родству, так и просто близкие друг другу люди); **физическое состояние** (手忙脚乱 *shǒu máng jiǎo luàn* ‘руки заняты, ноги путаются’, действовать бессистемно; суетиться; торопиться; пороть горячку; сбиться с ног; 手无寸铁 *shǒu wú cùn tiě* ‘ни вершка железа в руках’, безоружный, с голыми руками, без оружия в руках; 赤手空拳 *chì shǒu kōng quán* ‘голые руки и пустые кулаки’, голыми руками); **качественная характеристика человека** (鹿死谁手 *lù sì shuí shǒu* ‘чья рука убьет оленя’, неизвестно, кто победит; 妙手回春 *miào shǒu huí chūn* ‘волшебные руки возвращают к жизни’, чудесное исцеление; гениальный врач; 手到病除 *shǒu dào bìng chí* ‘рука пришла – болезнь исчезла’, прекрасный врач; если есть мастер, проблемы будут решены; как рукой сняло; искусно врачевать, искусный мастер своего дела; 妙手空空 *miào shǒu kōng kōng* ‘чудесные руки рыцаря Кун Кун’, ловкач, проныра, вор (по прозвищу одного из разбойников древности); ничего не иметь при себе; **действия и поступки человека** (白手起家 *bái shǒu qǐ jiā* ‘пустыми руками создавать семью’, делать все своими руками; создавать своим трудом на пустом месте; 手挥目送 *shǒu huī mù sòng* ‘рукой перебирать (струны), глазами провожать (лебедя)’),

одновременно рисовать и играть на цине; свободно играть (рисовать, писать); **七手八脚** qī shǒu bā jiǎo ‘семь рук, восемь ног’; хаотичная помощь; **毛遂自荐** máo suì zìjiàn ‘как Мао Суй, самому рекомендовать себя и выдвинуться’, отрекомендоваться, предложить свои услуги); **умственная деятельность** (**手不释卷** shǒu bù shì juàn ‘не выпускать из рук свитка’ не расставаться с книгой, упорно, прилежно учиться); **социальное положение** (**一手遮天** yī shǒu zhē tiān ‘одной рукой закрывать небо’, пользоваться неограниченной властью).

Таким образом, в китайском языке не представлены группы «характер», «степень удаленности от объекта». Наибольшие по количеству единиц в обоих языках группы «качественная характеристика человека», «действия и поступки». В первой из указанных групп английские фразеологизмы характеризуют навыки (*an old hand* опытный человек), а китайские связаны с профессиональной деятельностью (**妙手回春** miào shǒu huí chūn гениальный врач; **手到病除** прекрасный врач). Фразеологизмы с компонентом HAND / 手 описывают активность человека, называя широкий спектр действий. В группе «чувство-отношение» в обоих языках фиксируются фразеологизмы, которые обозначают близкие, тесные отношения/сотрудничество (*hand in glove* тесное сотрудничество; **情同手足** qíng tóng shǒu zú братские отношения; **手拉手** shǒu lā shǒu объединенные общей целью), но в английском языке в этой группе также присутствуют идиомы, связанные с контролем, что не характерно для китайского: *heavy hand* строгий контроль; *eat out of smb's hand* полностью подчинить кого-то; (*like*) *putty in smb's hands* легко контролируемый; *out of hand* трудно или невозможно контролировать. Таким образом, в данной группе в английской лингвокультуре акцент делается на иерархии, в китайской – на гармонии и коллективизме. Английские фразеологизмы, которые входят в эту группу, акцентируют индивидуальные черты и ответственность: *the devil makes work for idle hands* безделье ведет к пороку; *not lift/raise a finger/hand* не помочь. В группе «физическое состояние» английские фразеологизмы описывают физические ограничения или нагрузку (*bind/tie hand and foot* связать по рукам и ногам; *get your hands dirty* заниматься физическим трудом), а китайские фокусируются на конкретных действиях и физическом статусе: **手忙脚乱** shǒu máng jiǎo luàn суетиться; торопиться; **手无寸铁** shǒu wú cùn tiě без оружия в руках. В группе «чувство-составление» в обоих языках фразеологический образ руки используется для передачи эмоций, но в английском чаще описываются негативные переживания (*throw up your hands* чувствовать себя раздраженным или подавленным; *wring your hands* выражать беспокойство), а в китайском больше

внимания уделяется описанию положительных эмоций (爱不释手 *ài bù shì shǒu* быть очарованным; 手舞足蹈 *shǒu wǔ zú dǎo* радостный и преуспевающий). Английские фразеологизмы в группе «умственная деятельность» связаны с анализом (*on the one hand, on the other hand* 'за' и 'против'), а китайские – с процессом обучения (手不释卷 *shǒu bù shì juǎn* прилежно учиться). В группе «социальное положение» английские фразеологизмы описывают финансовое положение (*live from hand to mouth* едва сводить концы с концами), а китайские – политическое влияние и власть (一手遮天 *yì shǒu zhē tiān* пользоваться неограниченной властью).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Oxford Learner's Dictionary – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hand_1?q=hand (дата обращения: 09.03.2025).
2. Dictionary of Chinese idioms. – URL: <https://dict.idioms.moe.edu.tw/search.jsp?webMd=2&la=1> (дата обращения: 22.04.2025).
3. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь : ок. 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуайн. – 2-е изд., стер. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.

[К содержанию](#)

М. В. ГУЛЬ, А.Ф. ХОМИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СОМАТИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ LEG / 腿 В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологизмы-соматизмы обладают большим потенциалом в плане отражения особенностей менталитета, истории и культуры носителей того или иного языка. Закономерно, что с древнейших времен человек соотносил окружающий мир с частями своего тела, в частности с головой, руками, ногами. Люди использовали их названия в переносном значении, тем самым более полно и точно передавая свои чувства и ощущения. Фразеологизмы-соматизмы образуют собой определенную фразеологическую подсистему и охватывают сферы общей понятийной соотнесенности. При анализе фразеологизмов этой группы в сопоставляемых языках определяются как общие, универсальные черты, присущие всему человечеству, так и специфические особенности, обусловленные в первую очередь национальными факторами.

Цель исследования – выявить лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом LEG / 腿 в английском и китайском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения места фразеологизмов-соматизмов в языковой картине мира. Материалом послужили китайские фразеологизмы-соматизмы, выбранные из онлайн-словарей *Dictionary of Chinese idioms* [1], *MDBG Chinese Dictionary* [2], *LingQ Dictionary* [3], и английские фразеологизмы-соматизмы, выбранные из онлайн-словарей *Cambridge Dictionary* [4], *Farlex Dictionary of Idioms* [5], *Oxford Learner's Dictionaries* [6]. В данном исследовании использовались описательный и сопоставительный методы.

В китайском языке по семантическим признакам выделяются следующие лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом 腿: характер (泥腿光棍 *ní tuǐ guāng gùn* ‘холостяк с грязными ногами’ – человек простого происхождения, не обремененный условиями); физическое состояние (腿肚子转筋 *tuǐ dùzi zhuǎn jīn* ‘судорога в икрах’ – физическая слабость из-за страха; 腿打哆嗦 *tuǐ dǎ duōsuo* ‘ноги дрожат’ – физическая реакция на страх); чувство-состояние (两腿发软 *liǎng tuǐ fā ruǎn* ‘ноги подкашиваются’ – страх или эмоциональный шок; 一腿泥 *yī tuǐ ní* ‘нога в грязи’ – эмоциональный дискомфорт из-за проблем); чувство-отношение (就棍打腿 *jiù gùn dǎ tuǐ* ‘воспользоваться возможностью’ – прагматичное отношение к ситуации); действия и поступки (拖后腿 *tuō hòu tuǐ* ‘тянуть за заднюю ногу’ – мешать действиям других; 拔腿就跑 *bá tuǐ jiù pǎo* ‘рвануть с места’ – быстрое действие в экстренной ситуации; 撒腿就跑 *sā tuǐ jiù pǎo* ‘сорваться с места’ – спонтанное бегство); социальное положение (狗腿子 *gǒu tuǐ zǐ* ‘собачья нога’ – приспешник, человек с низким социальным статусом; 抱粗腿 *bào cū tuǐ* ‘обхватывать толстую ногу’ – искать покровительства у сильных); качественная характеристика человека (飞毛腿 *fēi máo tuǐ* ‘летающие волосатые ноги’ – быстрый человек, тот, кто быстро бегает).

В английском языке по семантическим признакам выделяются следующие лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов с компонентом LEG: характер (*crooked as a dog's hind leg* ‘кривой, как собачья задняя лапа’ – крайне нечестный или подозрительный человек); физическое состояние (*be on one's last legs* ‘быть на последних ногах’ –

находиться на грани истощения или разрушения (о человеке или предмете); *stretch one's legs* ‘размять ноги’ – физическая активность после долгого сидения); чувство-состояние (*run away with one's tail between one's legs* ‘убежать, поджав хвост’ – чувство стыда или поражения); чувство-отношение (*pull someone's leg* ‘дёргать за ногу’ – подшучивать над кем-то, беззлобно обманывать); действия и поступки (*shake a leg* ‘трясти ногой’ – торопиться, начинать действовать; *leg it* ‘уносить ноги’ – быстро убежать или скрыться; *run as fast as one's legs can carry one* ‘бежать, насколько хватает сил’ – двигаться с максимальной скоростью); социальное положение (*get a leg up* ‘поднять ногу’ – получить преимущество или помочь для продвижения); качественная характеристика человека (*can talk the hind leg(s) off a donkey* ‘может говорить, пока у осла не отвалятся задние ноги’ – чрезвычайная разговорчивость; *fresh legs* ‘свежие ноги’ – новые силы, энергия (часто в спорте)); степень удаленности от объекта (*first leg (of a journey)* ‘первая нога пути’ – начальный этап маршрута; *leg of one's journey* ‘нога пути’ – отрезок путешествия); качественная характеристика объекта (*cost an arm and a leg* ‘стоить руку и ногу’ – очень дорого; *pay an arm and a leg* ‘заплатить руку и ногу’ – переплатить; *give an arm and a leg for something* ‘отдать руку и ногу за что-то’ – готовность на жертву ради цели); умственная деятельность / коммуникация (*a lie has no legs* ‘ложь не имеет ног’ – ложь недолговечна, ее легко разоблачить; *no leg to stand on* ‘нет ноги, чтобы стоять’ – отсутствие аргументов или оснований); портрет (*break a leg* ‘сломай ногу’ – пожелание удачи (первоначально из театрального сленга)).

Таким образом, в китайском и английском языках фразеологизмы-соматизмы распределяются по таким лексико-семантическим группам, как характер, физическое состояние, чувство-состояние, чувство-отношение, действия и поступки, социальное положение, качественная характеристика человека. Фразеологический образ ноги придает отрицательную окраску при описании характера: **泥腿光棍** *ní tuǐ guāng gùn* ‘холостяк с грязными ногами’ – человек простого происхождения, не обремененный условиями; *crooked as a dog's hind leg* ‘кривой, как собачья задняя лапа’ – крайне нечестный или подозрительный человек). В обоих языках ноги ассоциируются с физической активностью, слабостью или усталостью (**撒腿就跑** *sā tuǐ jiù pǎo* ‘сорваться с места’ – спонтанное бегство; **腿肚子转筋** *tuǐ dùzi zhuǎn jīn* ‘судорога в икрах’ – физическая слабость из-за страха; *be on one's last legs* ‘быть на последних ногах’ – находиться на грани истощения или разрушения; *stretch one's legs* ‘размять ноги’ – физическая активность после долгого сидения). В эмоциональной

сфере ноги являются индикатором страха, стыда или волнения: **两腿发软** *liǎng tuǐ fā ruǎn* ‘ноги подкашиваются’ – страх или эмоциональный шок; *run away with one’s tail between one’s legs* ‘убежать, поджав хвост’ – чувство стыда или поражения. Ноги также выступают символом быстрого или экстренного действия: **拔腿就跑** *bá tuǐ jiù pǎo* ‘рвануть с места’ – быстрое действие в экстренной ситуации; *run as fast as one’s legs can carry one* ‘бежать, насколько хватает сил’ – двигаться с максимальной скоростью. Фразеологический образ ноги используется и для социальной характеристики в метафорах зависимости, поддержки или эксплуатации: **抱粗腿** *bào cū tuǐ* ‘обхватывать толстую ногу’ – искать покровительства у сильных; *get a leg up* ‘поднять ногу’ – получить преимущество или помочь для продвижения.

Кроме общих, универсальных характеристик фразеологизмы-соматизмы имеют и свою специфику в каждом из исследованных языков. Для английского языка характерны следующие лексико-семантические группы: степень удаленности от объекта, качественная характеристика объекта, умственная деятельность / коммуникация, портрет, что подчеркивает культурные различия в метафоризации тела.

Источниками образов для китайских фразеологизмов-соматизмов часто служат классические произведения китайской литературы. Так, идиома **飞毛腿** *fēi máo tuǐ* ‘летающие волосатые ноги’ встречается в романе «Троецарствие». Фразеологизм **狗腿子** *gǒu tuǐzi* ‘собачья нога’ имеет исторические предпосылки: раньше так называли посыльных в правительственные учреждениях и слуг богатых и могущественных людей. Китайские фразеологизмы отражают конфуцианские ценности, например коллективизм: **拖后腿** *tuō hòu tuǐ* ‘тянуть за заднюю ногу’ выражает осуждение тому, кто нарушает гармонию в обществе.

Английские фразеологизмы-соматизмы часто включают преувеличение: *cost an arm and a leg* ‘стоить руку и ногу’ – очень дорого; *pay an arm and a leg* ‘заплатить руку и ногу’ – переплатить. Многие идиомы носят ироничный характер (*break a leg* ‘сломай ногу’ – пожелание удачи; *pull someone’s leg* ‘дёргать за ногу’ – подшучивать над кем-то). Фразеологизмы отражают индивидуалистичный характер английской культуры. Например, *shake a leg* ‘трясти ногой’ выражает ориентацию на эффективность.

Таким образом, телесный опыт (ноги как символ движения; слабости) лежит в основе фразеологии обоих языков. Некоторые лексико-семантические группы фразеологизмов-соматизмов (степень удаленности

от объекта, качественная характеристика объекта и др.) лучше развиты в английском языке, что подчеркивает культурные различия в метафоризации тела. Китайские идиомы глубже укоренены в историко-культурных контексте и конфуцианских ценностях. Английские идиомы чаще отражают индивидуализм и ироничный взгляд на мир.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dictionary of Chinese idioms. – URL: <https://dict.idioms.moe.edu.tw/search.jsp?webMd=2&la=1> (дата обращения: 22.04.2025).
2. MDBG Chinese Dictionary. – URL: <https://www.mdbg.net/chinese/dictionary?page=worddict&wdqb=idiom&wdrst=0> (дата обращения: 22.04.2025).
3. LingQ Dictionary. – URL: <https://www.lingq.com/en/learn-chinese-online> (дата обращения: 22.04.2025).
4. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Farlex Dictionary of Idioms – URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Oxford Learner's Dictionary – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/> (дата обращения: 15.04.2025).

К содержанию

А. А. ДОРДЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. В. Кивака

АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

На сегодняшний день английский язык является самым распространенным в мире языком. Это важнейший международный язык, что является следствием колониальной политики Британской империи в XIX и первой половине XX в., а также мирового влияния Соединенных Штатов Америки в XX–XXI вв. [1]. Развитие международной торговли, использование интернет-технологий, популярная культура на английском языке – все это повлияло на заимствование и проникновение в другие языки англизмов, которые изменили структуру языков, в том числе и немецкого, и обогатили словарный запас.

Англизм – это заимствование слов из английского языка каким-либо другим языком. Большое количество англизмов проникли в немецкий язык после оккупации Германии в 1945 г., и этот процесс получил новый толчок после включения земель ГДР и Западного Берлина в состав ФРГ в 1990 г. [2]. Сегодня в связи с развитием интернета, информационных тех-

нологий проникновение английских заимствований в немецкий язык особенно ощутимо.

Точное количество англицизмов в немецком языке трудно определить, поскольку язык постоянно развивается, и влияние английского меняется в зависимости от контекста и времени. По некоторым оценкам, число заимствованных слов может составлять несколько тысяч (от 5 000 до 10 000 слов). Что касается процентов, то исследования показывают, что доля англицизмов составляет около 5–7 % от общего объема современного немецкого словарного запаса. Однако в определенных сферах (например, в технологиях, бизнесе, спорте, рекламе и моде) их доля может быть значительно выше.

В данной статье мы рассмотрим самые популярные англицизмы, которые часто используются в социальных сетях и все больше и больше внедряются в немецкий язык.

Глаголы:

1) *scrollen* – англ. *to scroll* ‘прокручивать’ в значении ‘перемещать изображение, которое невозможно увидеть целиком на экране, по частям, одну за другой’;

2) *scannen* – англ. *to scan* ‘сканировать’ в значении ‘сканирование с помощью сканера’;

3) *canceln* – англ. *to cancel* ‘отменять’. Применяется в двух значениях:

1) ‘отменить’; 2) ‘отозвать поддержку человека или организации из-за предполагаемого (морального, политического) проступка’;

4) *streamen* – англ. *to stream* ‘стимить, транслировать’ в значении ‘вести прямую трансляцию’;

5) *surfen* – англ. *to surf* ‘серфить’ в значении ‘искать информацию в интернете случайным образом или целенаправленно, нажимая на ссылки для доступа к разным страницам одну за другой’.

Прилагательные:

1) *clever* – англ. *clever* ‘умный’ вместо немецкого слова *abgefeimt*;

2) *crazy* – англ. *crazy* ‘безумный, сумасшедший’ вместо немецкого слова *bekloppt*;

3) *trendy* – англ. *trendy* ‘модный, стильный’ вместо немецкого слова *aktuell*;

4) *relaxt* – англ. *to relax* ‘отдыхать’ вместо немецкого слова *entkrampt*;

5) *happy* – англ. *happy* ‘счастливый’ вместо немецкого слова *fröhlich*.

Существительные:

1) *der Star* – англ. *star* ‘звезда’ вместо немецкого слова *die Berühmtheit*;

2) *der Shop* – англ. *shop* ‘магазин’ вместо немецкого слова *das Geschäft*;

3) *die News* – англ. *news* ‘новости’ вместо немецкого слова *die Nachricht*;

4) *die/der Challenge* – англ. *challenge* ‘вызов’ вместо немецкого слова *die Herausforderung*;

5) *der/das Event* – англ. *event* ‘мероприятие’ вместо немецкого слова *der Anlass* [4].

Английские заимствования в немецком языке можно разделить на несколько категорий:

- прямые заимствования или слова, которые практически не изменяются при заимствовании, например: *Computer, Internet, Business*;
- кальки или дословные переводы английских слов и выражений, например, *Handy* ‘мобильный телефон’ от английского *handy* ‘удобный’, *überziehen* ‘перерасходовать’ от английского *to overdraw* ‘преувеличивать’;
- гибридные слова – это слова, которые сочетают элементы немецкого и английского языков, например: *Handyshop* ‘магазин мобильных телефонов’, *Jobcenter* ‘центр занятости’.

Таким образом, английские заимствования играют важную роль в развитии немецкого языка и общества. В немецком языке встречаются англизмы из разных частей речи. Английские заимствования интенсивно вливаются в немецкий язык, что неудивительно, ведь носители языка заменяют сложные и длинные слова на более легкие и понятные для других культур, что способствует упрощению международного общения. Англизмы способствуют обогащению словарного запаса и развитию профессиональной терминологии современного немецкого языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Морозова, О. Н. Английские заимствования в современном немецком языке: лингводидактический аспект / О. Н. Морозова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008. – № 12. – С. 39–46.
3. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D1%8B> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Duden. – URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 25.03.2025).

[К содержанию](#)

А. А. ДОРОГОКУПЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. А. Буров

ПРИЕМ ПЕРЕСТАНОВКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Г. ГЕССЕ «ДЕМИАН» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Роман Германа Гессе «Демиан» представляет собой выдающееся произведение, сочетающее в себе глубокое философское содержание, психологическую тонкость и высокую степень литературного мастерства. В центре романа – путь внутреннего становления личности, стремящейся к самопознанию и поиску своего места в мире. Гессе затрагивает сложнейшие вопросы идентичности, духовной эволюции и дуализма человеческой природы. Все это делает текст произведения не только содержательно насыщенным, но и стилистически сложным, что, в свою очередь, ставит перед переводчиком целый ряд непростых задач.

Перевод философско-художественных произведений, таких как «Демиан», требует от переводчика не только безупречного владения двумя языками, но и способности к тонкой интерпретации подтекста, аллюзий, символических структур и скрытых смыслов. Особенно актуальна эта проблема в случае перевода на русский язык, где различия между исходной и целевой языковыми системами, а также культурными кодами могут создавать значительные препятствия для прямой передачи смысла. В таких случаях переводчик неизбежно прибегает к преобразованиям текста оригинала – так называемым переводческим трансформациям, призванным обеспечить коммуникативную и функциональную эквивалентность.

Переводческие трансформации представляют собой сознательные изменения, вносимые переводчиком в структуру, лексику или порядок компонентов оригинального текста, с целью создания в языке перевода единиц, максимально соответствующих не столько форме, сколько смыслу, стилю и коммуникативному эффекту оригинала. Подобные преобразования особенно востребованы в тех случаях, когда буквальный перевод оказывается невозможным или приводит к искажению авторского замысла. Именно поэтому они становятся важнейшим инструментом в арсенале профессионального переводчика.

В рамках теории перевода данное явление подробно рассматривается в трудах Л. С. Бархударова, который подчеркивает, что «основные принципы переводческой стратегии дополняются обоснованием правомерности применения ряда технических приемов, нарушающих формальное подобие перевода оригиналу, но обеспечивающих достижение более высокого уровня эквивалентности» [1, с. 190]. То есть, задача переводчика – не стремиться к дословной точности, а добиваться эквивалентного восприятия текста целевой аудиторией.

Одним из наиболее часто используемых приемов является перестановка (или трансформация порядка языковых единиц), позволяющая изменить позицию слова или словосочетания в предложении. Такой прием применяется в тех случаях, когда из-за различий в грамматике и синтаксисе языков или особенностей сочетаемости лексических единиц слово не может быть размещено на той же позиции, что и в оригинале. При этом перестановка может касаться не только отдельных слов, но и целых фраз или синтаксических конструкций, что особенно актуально при передаче сложных философских размышлений, характерных для прозы Гессе.

В высказывании «*Schicksal lief mir nach, Hände waren nach mir ausgestreckt, vor denen auch die Mutter mich nicht schützen konnte, von denen sie nicht wissen durfte*» [3] были обнаружены следующие трансформации, которые применил С. К. Апт: перестановку словосочетания *ко мне* в выражении *ко мне тянулись руки*; перестановка модального глагола в прошедшем времени *смогла бы* (ср. «*Судьба гналась за мной, ко мне тянулись руки, от которых даже мать не смогла бы меня защитить, о которых она и знать не должна была*» [2]).

При переводе высказывания «*Warum hatte ich dem Kromer gehorcht, besser als meinem Vater?*» [3] С. К. Апт применил перестановку глагола *послушался* в начало предложения (ср. «*Зачем послушался Кромера – покорнее, чем когда-либо отца?*» [2]).

При переводе предложения С. К. Аптом «*Einen Augenblick blitzte Vertrauen und Hoffnung in mir auf, wenn ich den Hut meines Vaters betrachtete*» [3] были обнаружены перестановка глагола *aufblitzte* ‘блеснула’ и словосочетания *in mir* ‘во мне’ местами (ср. «*На миг **во мне** блеснула надежда, когда я глядел на отцовскую шляпу*» [2]).

В высказывании «*Die andere Welt indessen begann schon mitten in unserem eigenen Hause und war völlig anders, roch anders, sprach anders, versprach und forderte andres*» [3] была обнаружена перестановка С. К. Аптом многих слов в предложении: *indessen* ‘между тем’; глаголов *roch* ‘пахнул’, *sprach* ‘говорил’, *versprach* ‘обещал’, *forderte* ‘требовал’ и наречия *anders* ‘иначе, по-другому’ (ср. «*Между тем другой мир начинался уже в самом нашем доме и был совсем иным, иначе **пахнул**, иначе **говорил**, другое **обещал**, другого требовал*» [2]).

При сопоставлении высказывания «*So wundere ich mich über meine eigene völlige Undankbarkeit nicht eben sehr, die ich gegen Max Demian bewies*» [3] с русским переводом С. К. Апта была выявлена перестановка лексической конструкции *nicht eben sehr* ‘не очень-то’ в начало предложения (ср. «*Поэтому я **не очень-то** удивляюсь своей собственной полной неблагодарности, проявленной в отношении Макса Демиана*» [2]).

Прием перестановки – важный инструмент при переводе текстов с немецкого на русский язык. Данный прием помогает сохранить смысл оригинального текста и адаптировать его к особенностям русского языка, делая его более естественным и понятным. Поскольку структура предложений в немецком языке зачастую отличается от русской, использование этого приема способствует улучшению качества перевода, делает его более плавным и соответствующим нормам русского языка, что делает информацию более доступной для читателя.

Таким образом, перевод произведений подобного рода, в частности романа «Демиан», требует применения широкого спектра переводческих стратегий и трансформаций, способствующих сохранению стилистической выразительности, логической структуры и эмоционального воздействия текста. Только глубокое понимание как содержания, так и формы оригинала, а также владение методами адекватного преобразования текста позволяют переводчику создать качественную версию произведения, способную донести до читателя духовную и эстетическую глубину оригинала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Флинта, 2005. – 190 с.
2. Гессе, Г. Демиан / Г. Гессе ; [пер. с нем. С. К. Апта]. – URL: http://lovoread.ec/read_book.php?id=17201&p=1 (дата обращения: 15.04.2025).
3. Hesse, H. Demian: Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend / H. Hesse // The Project Gutenberg eBook. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/41907/pg41907-images.html> (дата обращения: 15.04.2025).

[К содержанию](#)

Э. С. ЗАНОСОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Пилипенко

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «DIE ORDNUNG / ПОРЯДОК» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Концептуологический подход к изучению языка позволяет выявить особенности мировоззрения носителей различных языков. Концепты, как ключевые элементы языковой картины мира, отражают культурные и социальные особенности общества. В данной работе рассматривается концепт «DIE ORDNUNG / ПОРЯДОК» в немецком и русском языках. Его сопоставление важно для понимания различий в восприятии порядка, систематизации и организации у данных народов. Основа анализа базируется

на модели Ю. С. Степанова, согласно которой концепт имеет «слоистую» структуру: ядро, околоядерное пространство и периферию. Цель исследования – провести сопоставительный анализ концепта с точки зрения лексикографических данных, синонимических и антонимических рядов, а также устойчивых выражений и цитат.

Ядро концепта включает активную лексику, фиксируемую в толковых словарях. В немецком языке ядро концепта представлено словом *die Ordnung*, которое имеет восемь основных значений, начиная от состояния упорядоченности до общественного устройства и математической структуры [1]. В русском языке центральное слово «порядок», согласно «Словарю современного русского языка», охватывает десять значений, включая состояние организованности, правила и нормы общественного устройства, а также последовательность действий [2].

Сравнение показывает, что в русском языке концепт представлен более широким спектром значений, включая специализированные термины, такие как «числовая характеристика величины» или «ряд домов» [2]. В немецком языке акцент сделан на систематичности и социальных аспектах, таких как дисциплина и регулирование общественной жизни [1]. Таким образом, ядро концепта в обоих языках отражает базовые характеристики порядка, но в русском языке оно включает больше бытовых и специализированных значений.

Околоядерное пространство концепта связано с его этимологией и ключевыми смыслами. В немецком языке слово *Ordnung* восходит к латинскому «*ordo*», что означает «порядок, строй» [3]. Это указывает на сильное влияние латинской традиции систематизации. Аналогично, в русском языке слово «порядок» связано с древним корнем *ar-* («сочинять, связывать»), что отражает идею организации и взаимосвязи между элементами [4].

Этимологический анализ показывает, что в обоих языках концепт имеет глубокие исторические корни, связанные с идеей структуры и организации. Однако немецкий концепт уходит корнями в традицию формального упорядочивания, тогда как русский акцентирует внимание на связях и взаимодействии между элементами.

Периферия концепта включает синонимические и антонимические ряды, устойчивые выражения и цитаты, отражающие ассоциативные и культурные особенности. В немецком языке концепт *Ordnung* представлен такими синонимами, как *geordneter Zustand, Anordnung, Aufbau, Aufreihung* «упорядоченное состояние, расположение, структура, порядок» [1]. Всего выделено около 15 синонимов. В русском языке синонимический ряд концепта «порядок» гораздо шире. Согласно словарю Абрамова, насчитывается более 50 синонимов, включая как литературные («распорядок»,

«система», «регламент»), так и разговорные («лад», «марафет», «тиpton») [5].

Сравнение показывает, что в русском языке синонимический ряд более обширен и включает как официальные, так и бытовые значения, что подчеркивает многообразие восприятия порядка в русской культуре. В немецком языке синонимы сосредоточены на формальных и структурных аспектах.

Антонимический ряд в немецком языке включает такие слова, как *Chaos*, *Durcheinander*, *Dschungel* «хаос, путаница, джунгли» [6]. В русском языке антонимами являются «хаос», «непорядок», «анархия», а также разговорные варианты, такие как «ералаши» и «бедлам» [7]. Количество антонимов в обоих языках примерно одинаково, но в русском языке антонимы чаще имеют эмоционально окрашенный или сниженный характер, что отражает образную природу языка.

В немецком языке устойчивые выражения с концептом *Ordnung* включают такие фразы, как *Ordnung ist das halbe Leben* «Порядок – это половина жизни» и *in Ordnung bringen* «привести в порядок» [8]. В русском языке устойчивые выражения, включающие слово «порядок», более многочисленны: «Порядок – душа всякого дела», «Порядок бережет время», «Где порядок, там удача» [9].

Отличие заключается в том, что в немецком языке акцент делается на практическую пользу порядка, тогда как в русском устойчивые выражения часто носят философский и нравоучительный характер.

Цитаты известных деятелей также отражают различия в восприятии концепта. В немецком языке цитаты, такие как „*Ordnung ist ein Durcheinander, an das man sich gewohnt hat*“ (Порядок – это беспорядок, к которому привыкли) Роберта Лембке, подчеркивают сложность и неоднозначность отношения к порядку [10]. В русском языке цитаты, например, Л. Н. Толстого («Порядок в жизни – порядок в мыслях»), чаще акцентируют внимание на дисциплине и личной ответственности.

Таким образом, немецкие цитаты чаще отражают индивидуальное восприятие и критику формального порядка, в то время как русские цитаты подчеркивают его значение для гармонии и жизненного уклада.

Сопоставительный анализ концепта «DIE ORDNUNG / ПОРЯДОК» в немецком и русском языках выявил как сходства, так и различия в его восприятии. Ядро концепта в обоих языках связано с идеями упорядоченности, структуры и норм, однако в русском языке оно охватывает более широкий спектр значений. Околоядерное пространство концепта подчеркивает исторические корни порядка как элемента организации и взаимосвязи, присущего как немецкой, так и русской культуре.

На периферии концепта различия становятся более очевидными. В русском языке синонимический ряд более богатый и разнообразный, антонимы

эмоционально окрашены, а устойчивые выражения и цитаты часто носят философский характер. В немецкой культуре порядок воспринимается как неотъемлемая часть жизни, акцент делается на его практическую пользу. В русском же восприятии порядок тесно связан с духовными и социальными аспектами, подчеркивается его роль в гармоничном существовании.

Таким образом, концепт «порядок» в обоих языках отражает ключевые черты национального характера: немецкая склонность к системности и русская эмоциональная образность. Сравнительный анализ демонстрирует, как языковая картина мира формирует уникальное восприятие таких базовых понятий, как порядок, в разных культурах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden Online Wörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 04.04.2025).
2. Большой толковый словарь русского языка // Грамота. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Duden 7. Das Herkunftswörterbuch. – Mannheim : Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. – 502 s.
4. Словарь Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 04.04.2025).
5. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : справочное издание / Н. Абрамов – 7-е изд., стереотип. – М. : Русские словари, 1999. – 527 с.
6. Open thesaurus : synonyme und assoziationen. – URL: <https://www.openthesaurus.de/> (дата обращения : 17.04.2024).
7. Словарь антонимов русского языка. – URL: <https://sinonim.org/a> (дата обращения: 07.04.2025).
8. Duden 11. Die Redewendungen – Mannheim : Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. – S. 567–568.
9. Большой сборник пословиц. – URL: <https://posloviz.ru/category/poryadok> (дата обращения: 07.04.2025).
10. Duden 12. Zitate und Aussprüche – Mannheim : Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. – S. 814–815.

К содержанию

В. А. ЗУБРИЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ: НОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

Иностранные слова регулярно попадают в нашу повседневную речь. Это происходит потому, что любое изменение или потребность в обществе и ми-

ре влияют на язык. Лексика каждого языка – это открытая, динамичная система, которая постоянно меняется, а заимствование слов представляет собой естественный процесс, который является результатом глобализации и показывает политические, экономические, культурные и научные отношения между народами в разные периоды истории [1, с. 305].

Один из ключевых признаков адаптации иноязычных слов в принимающем языке – семантическое освоение, которое представляет собой процесс включения заимствований в лексико-семантическую систему языка. Этот процесс охватывает изменения на нескольких уровнях: денотативном (предметно-понятийном), коннотативном (эмоционально-оценочном) и стилистическом [2, с. 283–286].

Можно выделить следующие аспекты процесса семантического освоения:

- 1) при переходе в другой язык английское слово сохраняет свое значение;
- 2) при переходе в другой язык происходит процесс расширения значения английского прототипа;
- 3) при переходе английского слова в другой язык происходит процесс сужения значения, то есть упрощение или сокращение количества значений;
- 4) при переходе в язык-реципиент английское слово трансформируется [3, с. 71].

Также выделяются следующие механизмы семантических изменений заимствований:

- 1) сужение значения – наиболее частый процесс, когда заимствуется только одно из значений слова из языка-источника;
- 2) спецификация значения – уточнение общего понятия, которое уже существует в языке-реципиенте для экономии языковых средств;
- 3) расширение значения – редкий процесс, в котором у англицизма в принимающем языке появляются новые значения [4, с. 606–608].

Проанализируем англицизмы в белорусском языке и сравним их значения с прототипами из английского языка:

1. *Кэшбэк*. Английский термин *cashback* имеет следующие значения: ‘a system in which banks or businesses encourage people to buy something by giving them money after they have bought it’ (система, при которой банки или предприятия поощряют людей покупать что-либо, предоставляя им деньги после того, как они это купили); ‘an amount of money that a shop, usually a supermarket, allows you to take from your bank account when you pay for something with a bank card’ (сумма денег, которую магазин, обычно супермаркет, позволяет вам снять с вашего банковского счета, когда вы оплачиваете что-либо банковской картой) [5]. Однако в белорусском языке слово *кэшбэк* имеет более узкое значение и имеет следующую дефиницию: ‘разнавіднасць бонуснай праграмы для прыцягнення кліентаў і павышэння

іх лаяльнасці ў банкаўскай сферы, інтернэт-гандлі і гульнявым бізнесе: вяртанне пэўнай сумы грошай на рахунак кліента' (разновидность бонусной программы для привлечения клиентов и повышения их лояльности в банковской сфере, интернет-торговле и игровом бизнесе: возврат определенной суммы денег на счет клиента) [6, с. 76]. (*Пытанне наконт уядзення кэшбэка для ўнутраных турыстаў працаюваеца, але на цяперашні момант для гэтага няма асаблівай неабходнасці.* [7]). Термин стал синонимом бонусных программ в банковской сфере, здесь сужение семантики отражает его адаптацию под локальные бизнес-стратегии.

2. *Майнінг*. В английском языке слово *mining* имеет несколько значений: 'the industry or activity of removing substances such as coal or metal from the ground by digging'(отрасль промышленности или вид деятельности, связанный с извлечением таких веществ, как уголь или металл, из земли путем рытья); 'the use of special software to try to obtain new cryptocurrency'(использование специального программного обеспечения для попытки получения новой криптовалюты) [5]. В белорусском языке англицизм *майнінг* имеет только одно значение: 'здабыванне кryptавалюты з дапамогай спецыяльнага абсталявання' (добывание криптовалюты с помощью специального оборудования). Пример (*Майнінг кryptавалют можна рабіць толькі для сябе, любая пасрэдніцкая дзейнасць з'яўляеца незаконнай*) исключает ассоциации с шахтами [7]. Это сужение вызвано технологическим прогрессом и ростом интереса к цифровым валютам.

3. *Мем*. Английское слово *meme* – широкое понятие, которое имеет несколько значений: 'a cultural feature or a type of behaviour that is passed from one generation to another, without the influence of genes'(культурная особенность или тип поведения, которые передаются от одного поколения к другому без влияния генов); 'an idea, image, video, etc. that is spread very quickly on the internet'(идея, изображение, видео и т. д., которые очень быстро распространяются в Интернете) [5]. В белорусском языке *мем* имеет только одну дефиницию: 'з'ява інтэрнэт-камунікацыі, інфармацыя ў той ці іншай форме (малюнак, выказванне, відэа- або гукарад і пад.), як правіла, дасціпная і іранічна, якая спонтанна набывае папулярнасць і распаўсюджваеца ў інтэрнэце рознымі спосабамі'(явление интернет-коммуникации, информация в той или иной форме (изображение, высказывание, видео - или звукоряд и т.п.), как правило, остроумная и ироничная, которая спонтанно приобретает популярность и распространяется в интернете различными способами) [6, с. 87]. В белорусском языке значение сузилось до ироничного контента, который распространяется в соцсетях. Пример употребления англицизма в контексте (*Раней паведамлялася, што амерыканскі прадпрымальнік і кіраўнік дэпартамента дзяржаўнай*

эфекты юнасці ЗША (*DOGE*) Илан Маск высмеяў еўрапейцаў за жаданне быць кіруемымі Еўрапейскім саюзам, размасціўшы мем з сярпом і молатам на сцягу аб'яднання) сразу отсылает к цифровому юмору, а не к культурным особенностям, как в английском прототипе [7].

4. *Падкаст*. Термин *podcast* в английском языке имеет значение: ‘a radio programme that is stored in a digital form that you can download from the internet and play on a computer or on a mobile phone’ (радиопрограмма, сохраненная в цифровом виде, которую вы можете загрузить из Интернета и воспроизвести на компьютере или мобильном телефоне) [5]. В белорусском языке англицизм *падкаст* получил значение ‘від аўдыя- або відыакантэнту, які можна слухаць онлайн, або захоўваць на нейкую прыладу’ (вид аудио-или видеоконтента, который можно слушать онлайн, или сохранять на какое-то устройство) [6, с. 96]. Поскольку глобализация цифровых медиа сделала такие заимствования универсальными, *падкаст* сохранил значение своего английского прототипа (*Яго падкаст «69 хвілін» з'яўляецца адным з папулярных сярод прыхільнікаў кансерватыўнай партыі медыяпрадуктаў*) [7].

5. *Панчайн*. *Punchline* в английском языке имеет значение ‘the last part of a story or a joke that explains the meaning of what has happened previously or makes it funny’ (заключительная часть истории или анекдота, которая объясняет смысл того, что произошло ранее, или делает это смешным) [5]. В белорусском *панчайн* означает: ‘радок песні, які ўтрымлівае нечаканы сэнс, гульню слоў, жарт’ (строка песни, который содержит неожиданный смысл, игру слов, шутку); ‘вельмі ўдалы слоўны выпад або з’едлівае выказванне ў адрас апанента’ (очень удачный словесный выпад или едкое высказывание в адрес оппонента) [6, с. 98]. В белорусском языке термин *панчайн* охватывает не только юмор, как в английском языке, но и едкое высказывание в дискуссии (*Мы лічым, што літаратура – не рэп-батл а цытаты пісьменнікаў – не панчайны на вынас саперніка*), поэтому механизм семантического изменения – расширение [6, с. 98].

6. *Трансформер*. В английском языке *transformer* означает ‘a device that changes the voltage or other characteristic of electrical energy as it moves from one circuit to another’ (устройство, которое изменяет напряжение или другие характеристики электрической энергии при ее переходе из одной цепи в другую) [5]. Белорусское слово *трансформер* обозначает ‘тое, што разбіраецца на асобныя часткі (напрыклад, цацка, адзенне і г. д.)’ (то, что разбирается на отдельные части (например, игрушка, одежда и т. д.)) [6, с. 142]. Здесь тип семантического изменения – спецификация, т. к. значение не ограничивается каким-то частным случаем внутри электротехники и выходит за ее рамки и приобретает новое, более конкретное значение, вне исходной сферы, но при этом сохраняется идея преобразования, изменения

формы или функции (*Не прайшлі праверку танк (артыкул KX10332184 / LD-137b) са светлавымі і гукавымі эфектамі кітайскага вытворцы Kaixin Industrial, качка (артыкул YJ-3004) кампаніі Chenghai Guanhwaimp (Кітай) і трансформер AUSINI з палімерных матэрыялаў (артыкул 22007) вытворчасці Guangdong Ausini Toys Industry (Кітай).)* [7].

Таким образом анализ англицизмов в современном белорусском языке демонстрирует то, что их семантическое освоение происходит через сужение, расширение, спецификацию значений или сохранение объема. Например, слова *кэшбэк*, *майнінг* и *мем* сузили свое значение, англицизм *падкаст* сохранил значение, слово *панчлайн* расширило значение, а у слова *трансформер* тип семантического изменения – спецификация. Такие семантические изменения отражают то, как белорусский язык активно интегрирует англицизмы и трансформирует их значения в соответствии с локальными потребностями и культурными особенностями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саэтгалиева, Д. Р. Формирование лексики современной русской речи путем заимствования слов из английского языка и степень освоения современных заимствований / Д. Р. Саэтгалиева, Н. А. Шехирева // Влияние новейших технологий, СМИ и Интернета на образование, язык и культуру : Сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) науч.-практ. студ. конф., г. Москва, 28 нояб. 2019 г. / под общ. ред. Л. Д. Торосян [и др.]. – М., 2020. – С. 305–312.
2. Фролова, О. А. Семантическое освоение заимствований / О. А. Фролова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 283–286.
3. Яхина, Р. Р. Семантические модификации иноязычной лексики английского происхождения / Р. Р. Яхина // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. – 2017. – № 3–4. – С. 69–76.
4. Зюзина, Е. А. К вопросу о семантическом освоении иноязычных слов в русском языке / Е. А. Зюзина, З. Ш. Алибалаева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 606–608.
5. Cambridge dictionary. – URL: <https://www.dictionary.cambridge.org> (date of access: 29.03.2025).
6. Уласевіч, В. І. Слоўнік новых запазычаных слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : Беларусь, 2023. – 175 с.
7. Звязда: нацыянальная газета. – URL: <https://zviazda.by/be> (date of access: 10.04.2025).

[К содержанию](#)

Д. А. ИЛЬЮЧИК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Метафорическое осмысление эмоций представляет собой сложный лингвокультурный феномен, раскрывающий глубинные связи между языком, мышлением и культурной традицией. Как отмечают исследователи когнитивной лингвистики, именно через метафору абстрактные понятия эмоциональной сферы получают свое языковое воплощение, обретая конкретные образы и формы. При этом каждая лингвокультура вырабатывает собственные, уникальные способы метафорической презентации эмоций, отражающие специфику национального мировосприятия и ценностных ориентаций.

Концептуальная метафора, согласно теории Лакоффа и Джонсона [1], представляет собой проекцию из исходной (чаще конкретной) концептуальной сферы в целевую (обычно абстрактную) сферу. В случае эмоциональных метафор такими целевыми доменами выступают различные эмоциональные состояния, которые осмысляются через:

- физиологические процессы ('сердце замерло от страха');
- природные явления ('буря эмоций');
- пространственные характеристики ('он впал в депрессию');
- артефакты и механизмы ('эмоциональные качели').

Культурная специфика эмоциональных метафор проявляется в выборе исходных доменов и особенностях их языковой реализации. Как отмечает Анна Вежбицкая, каждая культура создает уникальную «грамматику эмоций», отражающую характерные для данного общества ценности и установки.

Английская традиция концептуализации эмоций отличается выраженной ориентацией на технологические и механистические образы, что отражает прагматичный характер англосаксонской культуры. В частности, можно выделить несколько характерных моделей:

1. Эмоции как физические процессы:

- *He exploded with anger* 'он взорвался от злости' – концептуализация гнева через образ взрыва.
- *Her anger simmered down* 'ее злость утихла' – метафора кипящей жидкости.
- *I'm boiling inside* 'я киплю внутри' – аналогия с термодинамическими процессами.

Эти метафоры отражают характерное для западной культуры представление об эмоциях как о энергии, требующей контроля и регуляции.

2. Эмоции как механизмы:

- *Emotional overload* ‘эмоциональная перегрузка’.
- *He's running out of steam* ‘у него заканчивается пар’.
- *My emotional batteries are drained* ‘мои эмоциональные батареи разряжены’.

Такие метафоры демонстрируют влияние индустриальной и постиндустриальной культуры на языковую картину мира.

3. Пространственные метафоры:

- *Feeling up/down* ‘чувствовать подъем/упадок’.
- *On cloud nine* ‘на седьмом небе от счастья’.
- *In the depths of despair* ‘в глубинах отчаяния’.

Интересно отметить, что вертикальная пространственная ориентация эмоциональных состояний является универсальной, однако в английском языке она часто сочетается с идеей движения (*lift the mood* – ‘поднять настроение’).

Русскоязычная традиция метафорического осмысления эмоций характеризуется следующими особенностями чертами:

- **Эмоции как природные стихии:** Тоска накрыла волной. Радость вспыхнула, как зарница. Грусть, как осенний дождь.

Эти метафоры отражают традиционную связь русского мировосприятия с природными циклами и стихиями.

- **Эмоции как описание физиологические состояния:** Сердце сжалось от тоски. Душа ноет. Желчь подступила к горлу.

Такие выражения демонстрируют характерное для русской культуры единство телесного и духовного начал.

- **Духовно-религиозные метафоры:** Любовь – это крест. Горе очищает душу. Стыд сжигает грехи.

Эти метафоры отражают влияние православной традиции с ее акцентом на страдании как пути к спасению.

В отличие от английских индивидуалистических конструкций (*I feel happy*), русские метафоры часто подчеркивают общность эмоционального переживания.

Проведенное исследование позволяет выделить следующие ключевые различия:

1. Источник метафор:

- Английский: технологии, механика, наука.
- Русский: природа, телесность, религия.

2. Отношение к эмоциям:

- Английский: контроль, регуляция, рационализация.

- Русский: принятие, переживание, стихийность.

3. Степень интенсивности:

- Английские метафоры чаще нейтральны.
- Русские метафоры склонны к гиперболизации.

Особый интерес представляют случаи межкультурной непереводимости. Например, русское понятие ‘тоска’ не имеет точного эквивалента в английском языке. Попытки перевода как *melancholy* или *anguish* не передают всей глубины и специфики этого переживания, включающего элементы экзистенциальной тоски, ностальгии и душевной боли.

Проведенный анализ демонстрирует, что метафоры эмоций в английском и русском языках формируют сложные, культурно обусловленные системы, отражающие глубинные различия в мировосприятии. Английская метафорика эмоций отражает ценности рациональности, контроля и индивидуализма, тогда как русская – идеи стихийности, духовности и коллективизма. Эти различия имеют важное значение для межкультурной коммуникации, переводческой практики и лингвокультурологических исследований.

Понимание культурной специфики эмоциональных метафор позволяет не только глубже проникнуть в языковую картину мира носителей разных культур, но и избежать коммуникативных неудач, вызванных различиями в эмоциональных концептах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

[К содержанию](#)

А. А. КОЛЯДА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ДЕНЬГИ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологизмы как устойчивые выражения, отражающие культурную специфику народа, играют важную роль в передаче национального менталитета, исторических реалий и ценностных установок. Особый интерес представляют фразеологизмы с компонентом «деньги», поскольку финансовая сфера является неотъемлемой частью жизни любого общества, а отношение к деньгам часто отражает глубинные черты национального

характера. Сравнительное изучение подобных фразеологических единиц в русском и английском языках позволяет выявить как универсальные, так и уникальные черты, обусловленные лингвокультурной спецификой.

Различие между русской и английской фразеологической картинами мира проявляется в том, какие именно названия денежных единиц присутствуют в составе фразеологизма. В английском языке диапазон названий денежных знаков довольно ограничен – чаще всего встречаются *money*, *penny*, *dollar*, *coin*, *gold*, *cash*. Причем лексема “*penny*” играет главную роль в идиомах, особенно когда подчеркивается идея сбережения или осторожности – например, “*a penny saved is a penny earned*” или “*spend a penny*” (указывает на платные туалеты в Британии). Тут “*penny*” противопоставляется более весомым единицам – “*pound*”, “*dollar*” – формируя смысловое поле «малое-большое», «скромное-весомое».

В русском языке диапазон наименования денежных знаков во фразеологических единицах шире: насчитывают около тринадцати различных вариантов, включая «копейка», «грош», «рубль», «деньга», «золотой», «червонец» и другие. При этом рубль, в отличие от “*dollar*” часто выступает в отрицательной роли, например – «не стоит ломаного рубля», «работать за три рубля» – здесь он подается как недостаточная, обесцененная единица. «Копейка», подобно “*penny*”, чаще имеет сниженный, но позитивный оттенок: «копейка рубль бережет», «влететь в копеечку», «каждая копейка на счету» – выражения, прославляющие бережливость, расчетливость и хозяйственность.

В русском языке деньги традиционно воспринимаются как необходимое, но в некоторой степени «нечистое» начало, что связано с историческим укладом и православной традицией, где богатство зачастую противопоставлялось духовности. Это отношение находит отражение в таких выражениях, как «деньги не пахнут», «грязные деньги», «зажрался от денег», «деньги – зло». Эти фразеологизмы маркируют негативное отношение к богатству, особенно к тому, которое добыто нечестным путем. В то же время в русском языке присутствует значительное количество фразеологизмов, демонстрирующих прагматическое отношение к деньгам: «считать деньги», «ловить на деньги», «тянуть деньги», «жить на широкую ногу». Они указывают на повседневную важность финансового аспекта жизни, при этом нередко с оттенком иронии или сарказма, что также характерно для русской лингвокультуры.

В английском языке, напротив, отношение к деньгам в большей степени прагматичное и даже позитивное, что объясняется протестантской этикой и капиталистической моделью общества, где финансовый успех ассоциируется с личными достоинствами – трудолюбием, целеустремленностью, предприимчивостью. Это отражается в таких фразеологизмах, как “*money makes the world go round*” (деньги движут миром), “*time is money*” (время – деньги), “*put your money where your mouth is*” (подкрепи слова делом), “*make a*

fortune” (сделать состояние). Подобные выражения подчеркивают значимость денег не только как средства существования, но и как символа успеха, эффективности и социального статуса.

Интересно отметить, что обе культуры используют деньги как метафору власти и влияния. В английском языке это выражается в таких идиомах, как “*money talks*” (деньги говорят, то есть решают все), “*throw money at something*” (попытаться решить проблему деньгами), а в русском – «у кого деньги, тот и прав», «деньги решают все». Эти выражения указывают на универсальность идеи о влиянии материального на социальные процессы, однако в русском языке они чаще несут негативную коннотацию, выражая критику социальной несправедливости.

Одним из ярких различий является и образность фразеологизмов. В русском языке часто используются гиперболы и эмоционально окрашенные выражения: «денег куры не клюют», «купаться в деньгах», «деньги на ветер». Эти идиомы подчеркивают иррациональное отношение к богатству: либо его чрезмерность, либо расточительство. В английском языке образность выражений более сдержанная, но точная: “*to be made of money*” (быть сделанным из денег), “*to burn a hole in one's pocket*” (деньги не держатся – дословно: прожигают карман), “*to be tight with money*” (быть скучным). Здесь проявляется стремление к контролю, расчету и ответственности в обращении с финансами.

Стоит также отметить различие в использовании образов животных. В русском языке фразеологизмы с лексемой «деньги» редко включают зооморфные элементы, тогда как в английском языке такие выражения, как “*cash cow*” (дойная корова – источник постоянного дохода), “*penny pincher*” (жадина, буквально – щипатель пенни), “*to squirrel away money*” (откладывать деньги, как белка орехи), демонстрируют богатство ассоциативного мышления и закрепленность темы денег в бытовом сознании.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом «деньги» в русском и английском языках являются ценным источником изучения языковой и культурной картины мира. Русская культура тяготеет к эмоциональности, иронии и даже к определенной амбивалентности в отношении денег: с одной стороны, они необходимы, с другой – вызывают моральные сомнения. Английская же картина мира демонстрирует более рациональное, практическое и позитивное восприятие финансовой сферы, что отражается в лексике и устойчивых выражениях.

[К содержанию](#)

О. Н. КРАГЕЛЬ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Кальчук

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ОДЕЖДА» В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В современном мире одежда – это не просто предмет гардероба. Она рассказывает о нас больше, чем мы сами иногда готовы признать. Это сложный символ, язык, посредством которого мы общаемся с миром, выражаем свою индивидуальность и восприятие окружающего мира. В условиях глобализации, этот язык становится все более многогранным и динамичным, отражая культурный обмен и постоянное движение моды.

Мир моды – это не только подиумы и коллекции, но и постоянно обновляющийся словарь. Немецкий и английский языки отражают эту динамику, постоянно пополняя свой словарный состав новыми лексическими единицами для описания одежды.

Материал нашего исследования отбирался нами путем сплошной выборки наименований одежды из словарей „Duden – Deutsches Universal-Wörterbuch“ и „Oxford Learner’s Dictionaries“. Определяющим критерием при отборе и отнесении лексем к лексико-семантическому полю «Одежда» в немецком языке явилось наличие в их значении маркера „Kleidungsstück“, а в английском языке “clothes”. Всего отобрано 200 лексических единиц (ЛЕ) для обозначения предметов одежды в немецком языке и столько же в английском языке.

Проведенный анализ фактического материала исследования позволил нам выделить наименования одежды, которые представлены группами первичной и вторичной номинации (см. рисунок 1 и рисунок 2).

Под номинацией понимают процесс присвоения названий объектам действительности. В лингвистике выделяют два основных типа номинации: первичную и вторичную. Первичная номинация является изначальным означанием предметов, действий и признаков. Она называет основные понятия, которые выражают объективную реальность. Вторичная номинация представляет собой использование фонетического облика первообразной единицы для нового обозначаемого. Это способность языка пополнять свой номинативный инвентарь за счет переноса значения на новый объект или понятие.

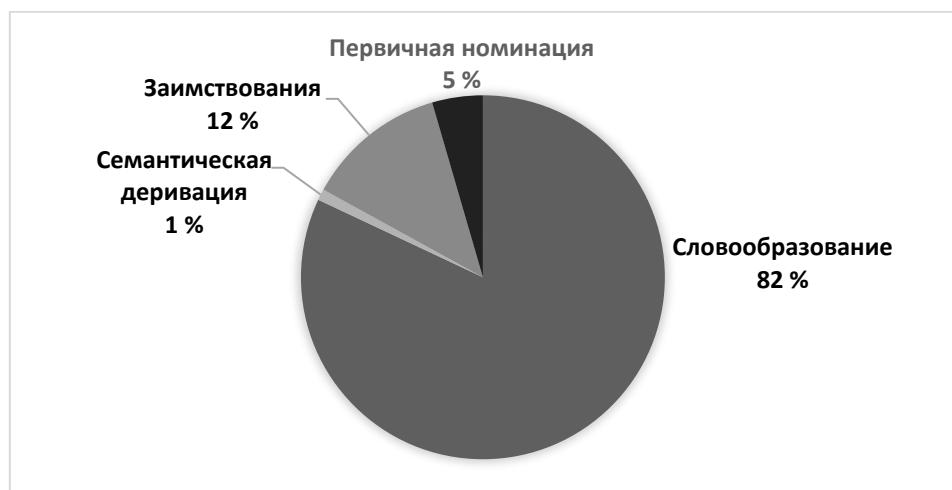

Рисунок 1 – Виды и способы номинации в лексико-семантическом поле «Одежда» в немецком языке

Анализ отобранных наименований одежды в немецком языке показал, что заимствованиями являются 12 % или 25 ЛЕ. Использование заимствований обусловлено модными тенденциями и стилями, которые приходят из других стран. Например, слово *die Jeans* / джинсы происходит от английского слова *jeans*, которое стало популярным в Германии благодаря американскому влиянию. Кроме того, новые материалы, технологии и стили могут требовать новых лексических единиц, которые заимствуются из других языков. Например, слово *der Parka* / парка заимствовано из английского языка и описывает определенный тип зимней куртки. Заимствование слова произошло, вероятно, из-за популярности и распространенности этого типа куртки в разных странах. Отличие состоит в том, что в немецком языке не было исходного слова *парка* до заимствования из английского. Вместо этого, в немецком использовались другие единицы для описания подобных типов курток, например, *die Winterjacke* / зимняя куртка. Необходимость заимствования заключалась в том, что парка обычно более теплая и длинная, с уникальным стилем, в то время как обычная зимняя куртка может быть более универсальной и подходить для различных стилей и климатических условий.

Анализ отобранных лексических единиц показал, из каких языков чаще всего приходят заимствования в немецкий язык:

- английского (18 ЛЕ): *der Smoking, der Coat, der Sweater* и др.;
- французского (16 ЛЕ): *die Gamasche, das Trikot, die Bluse* и др.;
- латинского (4 ЛЕ): *die Kutte, der Talar, der Mantel*;
- арабского (2 ЛЕ): *der Burnus* и *der Kaftan*;
- итальянского (1 ЛЕ): *das Kostüm*;
- японского (1 ЛЕ): *der Kimono*;
- испанского (1 ЛЕ): *der Poncho*;

- греческого (1 ЛЕ): *die Sandale*.

Таким образом, влияние английского языка на наименования одежды в немецком языке является ярким примером языкового контакта и культурного обмена, который отражает глобализацию и межкультурное взаимодействие. Заемствование английских слов позволяет немецкому языку следовать за модными тенденциями и технологическими новинками в одежде, обогащая его лексический запас.

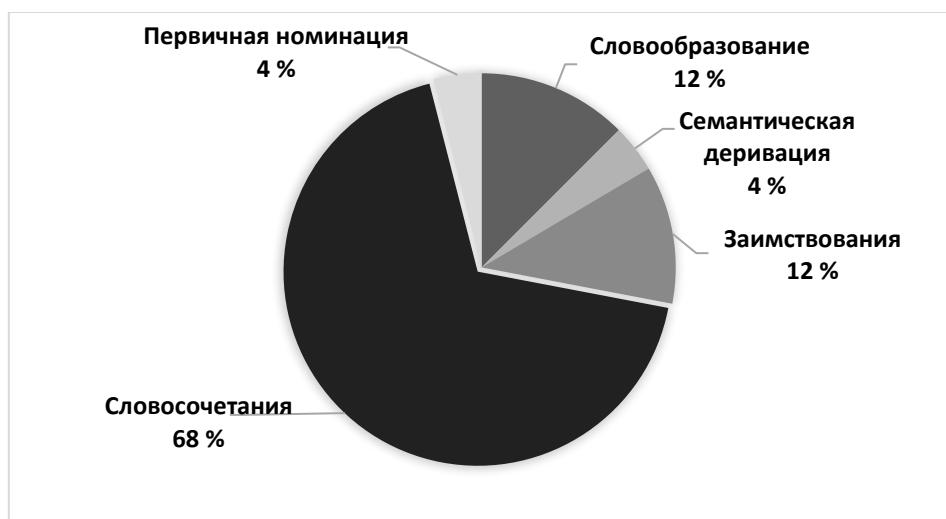

Рисунок 2 – Виды и способы номинации в лексико-семантическом поле «Одежда» в английском языке

Анализ английских наименований одежды показал, что заемствования составляют 12 % или 23 ЛЕ. Использование заемствований при наименовании предметов одежды обусловлено тем, что английский язык на протяжении веков подвергался влиянию различных культур и, конечно же, языков. Также с развитием международной торговли и коммуникаций английский язык часто заемствует слова из других языков, чтобы описать специфические предметы одежды, например, слово *kimono* / кимоно пришло из японского языка в качестве обозначения традиционного предмета одежды, т. к. аналога в английском языке нет.

Анализ отобранных лексических единиц показал, из каких языков чаще всего заемствуются новые единицы для обозначения предметов одежды в английском языке:

- французского (17 ЛЕ): *boot, dress, costume, corset* и др.;
- шотландского (2 ЛЕ): *trousers, strap*;
- латинского (2 ЛЕ): *cap, belt*;
- алеутского (1 ЛЕ): *parka*;
- хинди (1 ЛЕ): *bangle*.

Таким образом, влияние французского языка на наименования одежды в английском языке очень велико. После нормандского завоевания в 1066 году французский язык оказал значительное влияние на английский, особенно в области одежды, поскольку в то время французский язык считался языком утонченности и элегантности. Также стоит отметить, что Франция всегда считалась центром моды, и поэтому многие дизайнеры из разных уголков мира, в том числе и Англии, стремились и стремятся перенять французский стиль.

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что немецкий и английский языки постоянно заимствуют новые лексические единицы из других языков, постоянно развиваясь и адаптируясь к изменяющемуся миру и влиянию других культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden – Deutsches Universal-Wörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Oxford Learner's Dictionaries. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.04.2025).

К содержанию

А. А. ЛАВРУКОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

КОНЦЕПТ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Концепт продуктов питания в англоязычной культуре представляет собой динамичное и многогранное явление, которое отражает как традиции, так и современные тренды. Он постоянно эволюционирует, принимая во внимание изменения в обществе, технологии и глобальные влияния.

Концепт «продукты питания» представляет собой лингвокультурный феномен, относящийся к одним из самых древних слоев материальной культуры и повседневной жизни, который является исторически первой областью появления и существования культурных ценностей. В рамках лингвокультурологии для анализа национально-культурных семантических полей данного концепта активно применяется когнитивный подход.

Согласно когнитивной лингвистике, концепт рассматривается как единица ментальности, отражающая миросозерцание через категории и формы родного языка. Эти единицы объединяют в себе интеллектуальные,

духовные и волевые аспекты национального характера, проявляясь в типичных ситуациях. Ментальность, в свою очередь, находит свое выражение в ключевых культурных концептах, среди которых можно выделить и концепт «продукты питания».

Чаще всего, базовый слой (ядро) концепта соответствует значению слова и, как правило, отражается в словарных статьях. Однако концепт не является тождественным значению слова, поскольку последнее лишь частично охватывает суть концепта. Это утверждение подтверждается множеством описаний одного и того же концепта в различных словарях.

Для иллюстрации этого можно рассмотреть синонимический ряд и значения термина *“food”* в англоязычных словарях. Например, словарь-тезаурус Merriam-Webster’s Thesaurus предлагает 18 синонимов, включая сленговые, устаревшие, диалектные и шутливые варианты. Среди них можно выделить такие слова, как *bread* (хлеб, еда, пища), *comestibles* (съестные припасы), *edibles* (съестное, пища), *feed* (корм), *foodstuff* (продовольствие, продукты питания), *grub* (сленг – «хавка», «жратва»), *meat* (устаревшее «пища»), а также *provender* (шутливое «пища», «еда») [1].

В английской лингвокультуре существует *food for thought*: пища для размышлений (все, что дает ментальный стимул к размышлению).

Приведенные выше примеры показывают, что в англоязычной лингвокультуре концепт *“food”* обладает положительной коннотацией. В Оксфордском словаре пословиц (6-е изд.) фразеологические единицы с концептом «еда» не указаны. Идиома «пища для размышлений» содержит когнитивное упоминание и включает интеллектуальную коннотацию.

Согласно этимологическому словарю The Oxford Dictionary of English Etymology, слово *“food”* обозначает «то, что употребляется для поддержания жизни». Анализируя словарные определения, можно выделить внутреннюю форму или основное содержание рассматриваемого концепта, которое можно охарактеризовать как «то, что едят» (*what is eaten*). В эту категорию входят:

- 1) названия натуральных продуктов, как растительного (например, *cabbage* – капуста, *onion* – лук, *lettuce* – салат-латук) так и животного происхождения (например, *eggs* – яйца, *meat* – мясо, *fish* – рыба);
- 2) наименования кулинарных изделий, созданных человеком, таких как блюда и кушанья (например, *soup* – суп, *porridge* – каша, *stew* – рагу).

Также стоит отметить второстепенное значение слова *food* в переносном смысле, например, «пища для ума» (*food for thought*), что подразумевает информацию, вызывающую размышления и обсуждения.

К актуальному слою концепта «продукты питания» можно отнести следующие значения: 1) материал, состоящий в основном из белков, углеводов и жиров, используемый организмом для поддержания роста,

жизненных процессов, восстановления и получения энергии; 2) конкретный вид или категория продуктов питания; 3) процесс приготовления пищи, кухня и прием еды.

Т. А. Комова описывает семантическое поле концепта «продукты питания» в английском языке следующим образом: *meal* – прием пищи, *drink* – напиток, *eat* – есть, *hungry* – голодный, *cook* – готовить, *thirsty* – испытывающий жажду, *taste/y* – вкусный, *fat* – толстый, *thin* – худой. Основное внимание в классификации, предложенной Комовой, уделяется антропоцентрическому подходу, где центральной фигурой является человек и его состояния, такие как вкусный/голодный и толстый/худой [2, с. 21].

Кроме того, в семантическое поле Т. А. Комова включает деривационный ряд, который охватывает особенности питания животных.

К таким терминам относятся: *forage* (грубые корма), *forage crop* (фуражные культуры), *forage fodder* (корм для скота), *forage grass* (зеленый корм), *fodder* (пища для домашних животных, таких как коровы или лошади), а также *to foster* (воспитывать, выхаживать, вскармливать, заботиться) и *feed* (еда для животных). Эти лексические единицы служат основой для множества слов, описывающих наши представления о пище и кормлении. Рассмотренные термины охватывают различные аспекты жизнедеятельности как человека, так и животных [2, с. 22].

Проанализируем ядро английской национальной лингвокультурологической модели кулинарников, предложенной А. И. Леоновой. Эта модель основывается на трех ключевых признаках:

1) интеграция в языковую систему; 2) присутствие в литературно-поэтическом наследии; 3) возможность словообразования.

В ядре данной модели выделяются такие термины, как *cake* (кекс, пирожное), *pudding* (пудинг) и *pie* (пирог). Особенно значимым в английской лексической системе является многозначное слово *cake*, которое может обозначать не только пирог, но и пирожок, кекс, пряник и другие кондитерские изделия.

Для создания лингвокультурологической модели «продукты питания» в контексте англоязычной культуры стоит также включить названия традиционных блюд, таких как *beefsteak* (говяжий стейк, кусок говядины для жарки), что подчеркивает разнообразие и богатство кулинарной традиции, *fritter* (оладья с фруктами или мясом), *hotpot* (рагу из баранины картофелем и луком) и другие [3, с. 39].

Таким образом, применение методов исследования из области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики дало возможность детально охарактеризовать специфику и структуру концепта «продукты питания». Этот концепт отражает неповторимость лингвокультурной ситуации, присущей англоязычному сообществу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Digby, M. C. Food File: Slow food heaven at Burren festival / M. C. Digby // Irish Times. – URL: <https://www.irishtimes.com/life-and-style/food-and-drink/food-file-slow-food-heaven-at-burren-festival-1.2636549> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Комова, Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры / Т. А. Комова. – М., 2018. – 119 с.
3. Леонова, А. И. Лингвокультурологическая специфика кулинарников: автореферат дис. ... канд. филол. наук. / А. И. Леонова. – Тверь, 2003. – 39 с. – URL: <https://cheloveknauka.com/lingvokulturologicheskaya-spetsifika-kulinaronimov> (дата обращения: 19.03.2025).

[К содержанию](#)**А. О. МАСАЛОВА**Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов**РОЛЬ АНГЛИЦИЗМОВ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

В последние десятилетия в современном русском языке появляется множество слов, значение которых не всегда понятно и известно широкому кругу людей. Употребление заимствованных слов возросло как в устной, так и в письменной речи, и этот процесс во многом обусловлен глобализацией и развитием средств массовой информации. Появление интернета, расширение международных отношений, развитие науки, экономики, информационных технологий, – все это приводит к появлению в русском языке иноязычных слов.

Современный русский язык, как и многие другие языки мира, подвергается влиянию иностранных языков, в особенности английского. Многие люди, не задумываясь, употребляют в своей речи слова, которые называются англизмами. Такие слова как «компьютер», «менеджер», «лайк», «гаджет» давно стали частью нашей повседневной жизни.

Англизм – «слово или оборот речи, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [3, с. 43].

М. А. Брейтер, Л. П. Крысин [1; 2] выделяют следующие причины появления англизмов в русском языке.

1) Отсутствие соответствующего / более точного наименования. Например:

СПОНСОР (англ. sponsor – «попечитель, покровитель») – лицо или организация, выступающие в качестве поручителя, устроителя, финансирующей стороны;

ТАЙМЕР (англ. timer – to time «отмечать время») – прибор, автоматически устанавливающий время начала и конца какого-нибудь процесса, действия или отдельных его этапов;

БРЕНД (англ. brand) – «торговая марка»;

БЛОГЕР (англ. blogger) – «создатель блога, сетевого дневника».

2) Отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора. Например:

ДИЛЕР (англ. dealer) – «торговец, агент по продажам»;

ТУРАГЕНТ (англ. tour agent – tour «путешествие» + agent «агент») – «организация-проводник, занимающаяся реализацией сформированных туроператором туров»;

СКАНЕР (scanner – to scan «пристально рассматривать») – «считывающее устройство в информационно-вычислительных системах»;

НОУТБУК (англ. notebook computer «блокнотный компьютер») – «портативный, переносной компьютер блокнотного размера».

3) Стало удобным называть предметы или вещи коротким словом, вместо словосочетания:

СНАЙПЕР (англ. Sniper) – «меткий и искусный стрелок»;

СПРИНТЕР (англ. sprinter – to sprint «бежать на короткую дистанцию») – «бегун на короткие дистанции»;

ЛИФТИНГ (англ. lifting – to lift «поднимать») – «косметическая процедура подтяжки кожи»;

МАССМЕДИА (англ. mass media – mass «массовый» + media «средства») – «средства массовой информации: радио, телевидение, пресса».

4) Социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью иноязычного слова как более престижного, «научного», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия:

ШОПИНГ (англ. shopping – to go shopping «ходить за покупками») – «посещение магазина с целью покупки чего-либо»;

ПРЕЗЕНТАЦИЯ (англ. presentation – лат. praesentatio «представляю, вручаю») – «публичное представление чего-либо вновь созданного»;

ПАТИ (англ. party вечеринка) – «вечеринка»;

ПЕРФОРМАНС (англ. performance) – «представление, деятельность»;

БОЙФРЕНД (англ. boyfriend) – «близкий друг, ухажер, парень».

Рассмотрим способы образования англизмов:

1. Прямой. Слово переходит в русский язык, сохраняя свой вид и свое значение, как и в языке оригинала. Например, уик-энд – *weekend*.

2. Гибридный. К этим слова может быть присоединен русский суффикс, приставка, окончание. В результате этого иностранное слово может поменять свое значение. Например: *креативный* – *creative*.

3. «Калька». Слова, иноязычного происхождения, употребляемые с сохранением их фонетического и графического облика. Это такие слова, как *меню – тели, логин log in* и пр.

4. Полукалька. Заимствованные слова, которые редко усваиваются в том же виде, что и в языке-оригинале. При переходе в русский язык они начинают подчиняться правилам русской грамматики. У них меняются звуки, может появиться окончание и измениться род. Например, *хоккей – hockey*.

5. Экзотизмы. Заимствованные слова, которые передают обычай и явления других культур и народов. Они тяжело поддаются переводу, но не имеют эквивалентного слова в том языке, куда они переходят: *гамбургер, кока-кола, хот-дог*.

6. Иноязычные вставки. Обычно эти слова имеют эквиваленты в лексике, но по стилистике от них отличаются. Они используются для придания выразительности речи. Например, *хэппи энд – happy end, о кей – OK*.

7. Композиты. Слова, которые состоят из двух английских слов. Например, *боди билдинг, секонд хэнд*.

Основными источниками появления и употребления английских слов в лексике русского языка являются [2]: реклама, интернет, спорт и политика.

Использование англицизмов оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на развитие русского языка. Одним из положительных аспектов влияния является расширение лексического запаса. Англицизмы, привнесенные в русский язык, помогают точнее и эффективнее передавать новые концепты и явления, связанные с развитием технологий, интернета, медиапространства и международных отношений. Например, слово «*фриланс*» не имеет прямого аналога в русском языке и идеально описывает модель работы, которая стала популярной в последние десятилетия. Слово «*стартап*» эффективно отражает предпринимательскую активность в сфере инноваций и технологий, которую сложно охарактеризовать другими словами.

Несмотря на все положительные аспекты, избыточное заимствование англицизмов может привести к деформации русской речи. Англицизмы могут быть восприняты как угроза сохранению языковой идентичности и традиций. Критики процесса заимствования часто подчеркивают, что чрезмерное использование англицизмов может привести к упрощению структуры языка, утрате его выразительности и уникальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брейтер, М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы : Пособие для иностр. студентов-руссистов / М. А. Брейтер. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 156 с.
2. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин ; АН СССР, Ин-т русского языка. – М. : Наука, 1968. – 208 с.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп.. – М. : Азбуковник, 1997. – 939 с.

[К содержанию](#)

В. С. МОЗГОВАЯ

Тамбов, ТГУ имени Г. Р. Державина
Научный руководитель – Л. В. Бабина

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКИХ РЕАЛИЙ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

При переводе аутентичных текстов переводчики очень часто сталкиваются с культурными реалиями, которые являются особой сложностью для передачи на другой язык. Кроме этого, сложность при переводе таких явлений усиливается, если в истории языка оригинала и переводящего языка было небольшое количество культурных контактов. Появление новых реалий связано с развитием народа и его языка, поэтому, когда в культуре возникает новое явление, появляется новая реалия в языке. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что проблема перевода реалий будет оставаться актуальной всегда. Целью данной статьи является выявление основных проблем, с которыми сталкиваются переводчики при переводе культурных реалий русского языка на английский язык.

Для начала стоит обратиться к самому понятию реалии. Г. Д. Томахин определяет реалии, как названия, присущие только определенным нациям и народам, это предметы культуры, исторические факты, названия государственных институтов, имена национальных героев и героев фольклорных произведений, а также многое другое [2, с. 5]. Также Г. Д. Томахин выделяет такие понятия, как означаемые (инореалии) и означающие (иноформы), при сравнении языков и культур. Существуют следующие случаи, при которых инореалии различаются:

- Реалия существует только в одном языке.
- Реалия существует в обоих языках, но в одном из них она не выделяется, как особое влияние.
- Схожие явления определяются разными реалиями.
- Похожие реалии различаются в предназначении [2, с. 6].

Также Г. Д. Томахин выделяет следующие типы реалий:

1. Топонимы (в частности, те, которые имеют особое значение для культуры и истории народа).

2. Антропонимы (имена людей, сыгравших особую роль в развитии народа).

3. Названия художественных произведений.
4. Исторические факты.
5. Названия государственных институтов [2, с. 8].

Это лишь некоторые реалии, выделяемые ученым, ведь этот список можно продолжать и дополнять все время.

С. И. Влахов и С. П. Флорин относят реалии к непереводимым понятиям, однако нет таких слов, которые нельзя передать на другой язык, как минимум с помощью описательного перевода [1, с.79]. Описательный перевод как раз и является одним из самых распространенных способов в переводе реалий. Но в то же время не все реалии требуют описательного перевода. Например, если сам автор вводит расшифровку реалии в тексте произведения. Также существуют реалии, которые являются интернациональными и знакомы людям из произведений мировой литературы, культурного общения и средств массовой информации. Г. Д. Томахин выделяет такие способы перевода реалий:

1. Транслитерация и транскрипция.
2. Калькирование.
3. Разъяснительный перевод.
4. Приблизительный перевод с помощью аналога.
5. Контекстуальный перевод [2, с. 31].

Кроме того, С. И. Влахов и С. П. Флорин связывают с реалиями понятие колорита, ведь именно он и создает из обычного явления реалию. Колорит – это окрашенность слова, которую оно приобретает, благодаря привязанности к определенному народу, его культуре и истории [1, с. 105]. Так, переводчик сталкивается с еще одной проблемой при переводе реалий – это сохранение колорита.

Теперь обратимся к русским реалиям и проанализируем способы перевода их на английский язык.

Большую группу русских реалий формирует национальная одежда. Рассмотрим способы перевода следующих слов *кокошник*, *ушанка*, *валенки*, *треух*. Для перевода *кокошника* существует два варианта, первый способ – это транслитерация *kokoshnik*, но существует также другой вариант перевода *gable*. Однако второе слово обозначает английский головной убор первой трети XVI века, поэтому использование этого варианта для перевода русской реалии, не является верным, т. к. утрачивается смысл самой реалии и ее колорит. Несмотря на то, что гейбл отдаленно напоминает русский кокошник, он и сам является реалией, а в данном случае замена одной реалии на другую вызовет путаницу у читателей. Для перевода *ушанки* также часто используют транслитерацию – *ushanka*, часто к этому

варианту также добавляется *hat*, чтобы пояснить значение этого слова. Еще одним вариантом перевода является *trapper hat* ‘шляпа охотника’, этот вариант можно назвать допустимым, ведь под шляпой охотника понимается шапка, закрывающая и голову, и уши. Такой перевод также может помочь читателю понять, о чем именно ведется речь. Существует третий способ передачи этой реалии *hat with earflaps* ‘шапка с ушками’, применяя описательный перевод, переводчик не только объясняет саму реалию, но и сохраняет ее колорит. Для перевода *валенок* опять-таки зачастую прибегают к транслитерации *valenki*, но также можно встретить и такой вариант *felt boots* ‘войлочные сапоги’, что также объясняет читателю природу предмета, а именно материал, из которого производится эта обувь. Для перевода *treуха* используется транслитерация *treukh* и описательный перевод *three-flapped cap* ‘шапка с тремя клапанами’, который снова объясняет внешний вид предмета и его материал.

Еще одну группу реалий составляют национальные блюда и напитки, например, *блины*, *каравай*, *окрошка*, *квас*, *кисель*. Рассмотрим способы перевода этих слов. Самым частом вариантом перевода *блинов* является *pancakes* ‘тонкие блины’, но, когда речь идет о традиционном праздничном блюде используется *blini*, образованное с помощью транслитерации. Для *каравая* используется описательный перевод, объясняющий внешний вид блюда, *round loaf of bread* ‘круглая буханка хлеба’. Для перевода *окрошки* также часто прибегают к этим двум способам, и тогда на английском это будет звучать так *okroshka* и *cold kvass soup with vegetables and cooked meat* ‘холодный суп из кваса с овощами и мясом’, однако в данном случае описательный перевод вызывает одну трудность, он включает еще одну русскую реалию *квас*, что может запутать читателя. Кроме транслитерации, слово *квас* можно перевести с помощью разъяснительного способа *mildly alcoholic drink made from fermented rye bread, yeast or berries* ‘слабоалкогольный напиток, приготовленный из ржаного ферментированного хлеба, дрожжей или ягод’. *Кисель* также можно перевести и с помощью транслитерации *kissel* и с помощью описательного перевода *berry starch drink* ‘ягодно-крахмальный напиток’, который объясняет из чего состоит этот напиток.

Таким образом, можно сделать вывод, что для перевода русских реалий на английский язык наиболее распространенными способами являются транслитерация и описательный перевод. На мой взгляд, два этих способа должны применяться вместе, непосредственно в самом тексте использовалась бы транслитерация, слово помечалось бы сноской, а в сноске было бы описание реалии. Таким образом, переводчики бы сохраняли колорит реалии и помогали бы читателю понять, что она представляет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 4-е изд. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.
2. Томахин, Г. Д. Пособие по страноведению: США : учебное пособие для вузов / Г. Д. Томахин. – М. : Просвещение, 1988. – 256 с.

[К содержанию](#)**Я. В. ФИЛЕНЯ**

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель – И. С. Криштоп

**НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
ДЖЕЙМСА БРЭДЛИ “CLADE”)**

В последние годы особую актуальность приобрело изучение невербальной коммуникации, представленной в художественной литературе, ее влияния на восприятие сюжета и персонажей. Более того, анализ жестов, мимики и интонации раскрывает особенности идиостиля автора, что важно как для литературоведения, так и изучения воздействия текста на читателя.

Под невербальной коммуникацией мы понимаем «все поведение, атрибуты и предметы – не относящиеся к словам – которые передают сообщения и имеют социальной значение» [1, с. 110].

Цель данной работы определить специфику невербальной коммуникации в экологическом романе Джеймса Брэдли “Clade”.

Методом сплошной выборки из материала исследования были отобраны 57 лексических единиц (ЛЕ), обозначающих жесты, 5 ЛЕ, обозначающих мимику и 9 ЛЕ, обозначающих интонацию. Всего при анализе компонентов невербальной коммуникации использовалось 193 примера из романа “Clade”.

Для анализа лексических единиц, обозначающих жесты, в соответствии с классификацией И. Н. Горелого было выделено две области:

1. Контекст.
2. Выполняемая функция [2].

Результаты количественного анализа ситуаций общения с использованием элементов невербальной коммуникации, представлены на рисунке 1.

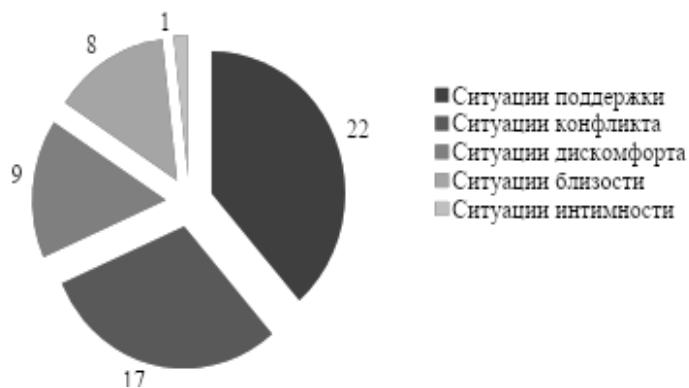

Рисунок 1 – Классификация коммуникативных ситуаций, включающих жесты

Далее обратимся к систематизации жестов по выполняемым в тексте функциям – жесты соотносятся с намерениями персонажей, тем самым предвосхищая смысловое наполнение текста. В романе “Clade” возможно выделить следующие функциональные группы жестов:

1. Социативные или контактоустанавливающие жесты. Их роль – показать интенцию персонажа к взаимодействию с кем-то или чем-то “Finally she steps aside. ‘Would you like to come in?’ she says” [3].
2. Коммуникативные жесты. Роль этих жестов заключается в сопровождении вербальной коммуникации, поддержании беседы “I hope you don’t mind: it’s so long since I had any. ’Maddie nods” [3].
3. Апеллятивные жесты. С их помощью участники коммуникации привлекают внимание с себе и к предмету разговора “When she didn’t reply Tom put his hand on her shoulder, but she shrugged it off”[3].
4. Эмотивные. Данные жесты призваны непосредственно передать состояние персонажей, их намерения и чувства “Ellie picks up an avocado and before she can stop herself Maddie snatches it back” [3].

В целом жесты в романе “Clade” так или иначе выполняют четыре функции (рисунок 2).

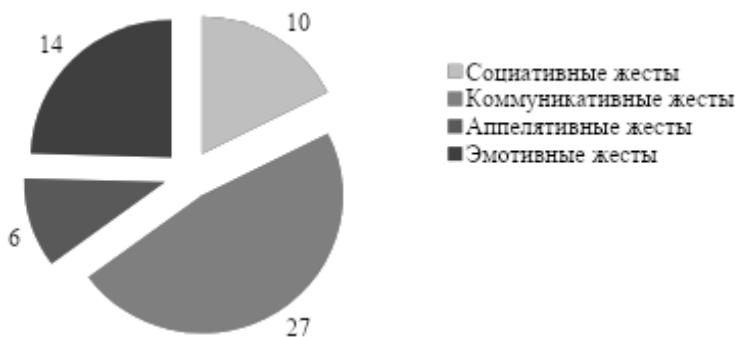

Рисунок 2 – Классификация функциональных групп жестов

Описание мимики в художественном тексте передает эмоциональное состояние персонажей и углубляет понимание их чувств во время общения. С помощью включения информации о мимических реакциях главных и второстепенных героев автор уточняет характеристики героев и детализирует атмосферу в художественном произведении.

В ходе анализа 73 случаев описания мимики было установлено, что в романе “Clade”:

1. Широко представлены глаголы “smile”, “laugh”, “grin” или сочетания с ними. Другие выражения не употребляются, за исключением единожды встретившейся фразы “jaw tightens” (рисунок 3).
2. В основном автор использует монолексемные единицы для описания мимики.
3. В зависимости от контекста одна и та же лексическая единица может восприниматься по-разному.

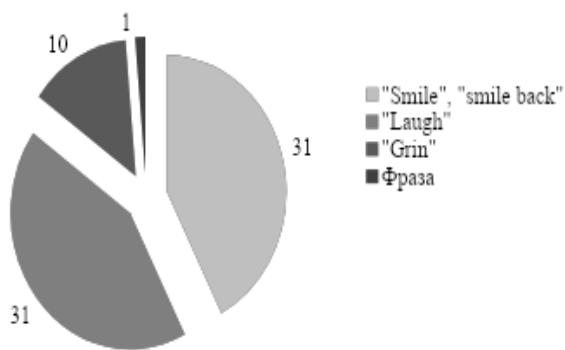

Рисунок 3 – Классификация лексических единиц, относящихся к группе «Мимика»

Более того, анализ романа “Clade” показал, что большую смысловую нагрузку Джеймс Брэдли придает не описанию особенностей речевого общения, а непосредственно содержанию речи. Однако обращают на себя внимание закономерности в употреблении ЛЕ, уточняющих интонацию:

1. Для обозначения манеры речевого общения в 20 случаях использовались фразы, включающие существительные “tone” и “voice”:
 - ‘*Didn't I just say there wasn't anything?*’ *she says, the edge in her tone enough to make both of them fall still* [3].
 - ‘*Hey sweetie, 'she says, her voice cracking* [3].
2. Эмоциональный характер речи также подчеркивался с помощью наречий, сопровождающих глаголы “say” и “ask” (6 случаев), а также единственной самостоятельной фразы без общего элемента:
 - ‘*Amir?*’ *she asks breathlessly, but before she can finish he is speaking over her, telling her not to worry, he has him* [3].

– ‘Yes,’ he says petulantly [3].

3. В тексте единожды встретилось фразовое обозначение интонации, для которого характерно непрямое указание на особенности речи через привычные для читателя образы:

– ‘My daughter’s son.’ Perhaps hearing the hesitation in her words, Amir does not press the point [3].

Прочие способы отображения интонации в тексте не выявлены (рисунок 4).

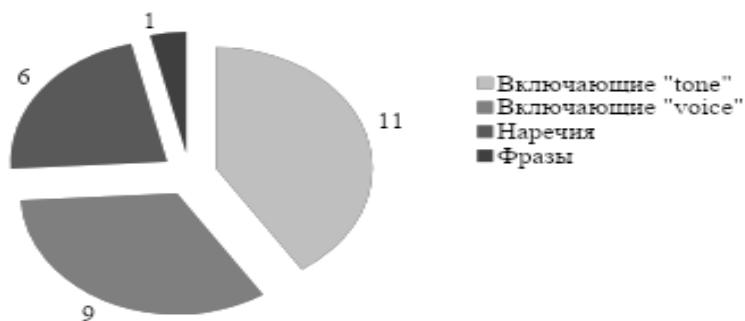

Рисунок 4 – Классификация лексических единиц, обозначающих интонацию

Таким образом, используемые автором лексические единицы для выражения жестов, мимики и интонации несут в основном эмотивную функцию, расширяя понимание читателем особенностей поведения и общения персонажей и создавая ситуативно обусловленную атмосферу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pöchhacker, F., Shlesinger, M. The Interpreting Studies Reader / F. Pöchhacker, M. Shlesinger. – Routledge, 2002. – 436 p.
2. Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М. : Наука, 1980. – 104 с.
3. Bradley, J. Clade / J. Bradley. – London : Hamish Hamilton, 2015. – 256 p.

[К содержанию](#)

А. Д. ЧИКУН

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – Н. Н. Овчинникова

ЛИНГВОТОКСИНЫ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В условиях глобализации межкультурная коммуникация становится неотъемлемой частью социального, политического и экономического взаимодействия, а также ключевым фактором успеха в международном сотрудничестве. Однако языковые различия часто порождают коммуникативные барьеры, среди которых особое место занимают лингвотоксины – элементы языка, провоцирующие конфликты, непонимание или эмоциональное отторжение в межкультурном диалоге.

Как отмечает В. П. Коровушкин, эколингвистику, или лингвоэкологию, можно определить как «самостоятельную междисциплинарную науку, изучающую существование языка в социально-антропологической среде и существование человека и общества в лингвистической среде» [1, с. 62].

Лингвотоксикология как раздел лингвоэкологии изучает «воздействие разнообразных загрязнителей, иногда прямо именуемых «лингвотоксинами», на язык» [2, с. 74]. Среди таких загрязнителей выделяется группа явлений, которые наносят вред, с одной стороны, языку как коммуникативной системе, а с другой, – языковому сознанию носителей этого языка вплоть до трансформации их картины мира. Данная группа явлений «может быть терминирована лингвотоксинами, а раздел лингвоэкологии, их изучающий, – лингвотоксикологией» [3, с. 29].

Лингвотоксические явления – это феномены, которые в научной практике принято относить к категории деградации или загрязнения языковой системы. К ним относятся: немотивированные заимствования из других языков, ведущие к утрате языковой идентичности; агрессивное словотворчество, включая создание уничтожительных ярлыков и циничных неологизмов; обесценивание речи через внедрение обсценной лексики, жаргона и грамматических искажений; бюрократизация языка (замещение живой речи шаблонными канцеляризмами); чрезмерное сокращение слов (аббревиация), затрудняющее понимание; вульгаризация литературного языка за счет проникновения маргинальных элементов (сленг, блатная лексика).

Лингвотоксины как элементы речи усугубляют эти процессы, разрушая эстетические и этические нормы языка. Яркий пример приводит философ А. А. Зиновьев в работе «Русский эксперимент», описывая молодых россиян, свободно говорящих на английском языке, но в русской речи сознательно использующих мат, скабрезные выражения и тюремный жаргон [4].

По его наблюдениям, их общение нарочито строится на примитивных конструкциях с грубыми грамматическими ошибками, что превращает язык в инструмент культурной деградации.

Лингвотоксины определяются как вербальные или невербальные элементы коммуникации, которые в конкретном культурном контексте воспринимаются как агрессивные, оскорбительные или дискриминационные. Их ключевая особенность – способность дестабилизировать коммуникацию даже при отсутствии злого умысла со стороны говорящего. Эта категория языковых явлений находится на стыке прагматики, социолингвистики и кросс-культурной психологии, т. к. их воздействие обусловлено различиями в культурных ценностях, кодах и нормах. Яркие примеры такого воздействия можно найти в концепции «культурных измерений» Г. Хоффстеде (индивидуализм vs. коллективизм, дистанция власти и др.), объясняющая различия в интерпретации речевых актов [5]; теории коммуникативных помех Т. А. ван Дейка, акцентирующую роль контекста в возникновении непонимания [6]; идее Э. Т. Холла о высоко- и низкоконтекстных культурах, влияющих на восприятие имплицитных смыслов [7].

Лингвотоксины можно систематизировать по уровням языка и типам воздействия на лексические (этнонимы с негативной коннотацией (например, использование устаревших терминов в отношении этнических групп), эвфемизмы, маскирующие дискриминацию (например, «экономические мигранты» вместо «беженцы»)); грамматические (неправильное употребление местоимений или форм вежливости (например, «ты» вместо «Вы» в русско-немецком диалоге)); прагматические (нарушение речевых максим П. Грайса (например, избыточная прямота в высококонтекстных культурах)), ирония или сарказм, не распознаваемые в другой лингвокультуре; паралингвистические (жесты или интонации, интерпретируемые как неуважение (например, поднятый большой палец в странах Ближнего Востока, подмигивание, воспринимаемое как фамильярность в формальном общении)). Так, примеры иллюстрируют, как использование лингвотоксинов становится источником межкультурных конфликтов: в переговорах между американскими и японскими бизнесменами фраза «Это неприемлемо» может быть воспринята японской стороной как грубость из-за культурной нормы избегания прямой конфронтации. Использование термина «восточный» (англ. ‘oriental’) в отношении азиатских народов может ассоциироваться с колониальным прошлым, вызывая отторжение у представителей этих культур. В арабской культуре вопрос о семье при первом знакомстве считается нарушением личных границ, тогда как в латиноамериканской – проявлением дружелюбия. Жест «OK» (кольцо из пальцев) в Бразилии трактуется как оскорблениe, тогда как в США символизирует одобрение.

Преодоление лингвотоксинов требует развития межкультурной компетенции, включающей лингвистическую осведомленность – изучение культурно-специфичных табу, этикетных норм; эмпатическую коммуникацию – учет возможных интерпретаций сообщения реципиентом; использование нейтрального языка – избегание идиом, жаргона или культурно-маркированной лексики; медиацию – привлечение переводчиков-посредников, владеющих культурным кодом обеих сторон.

Анализируя аспекты лингвоэкологии, А. П. Сквородников и Г. А. Копнина, выделили три категории явлений, оказывающих деструктивное влияние на язык:

Лингвотоксические явления характеризуются как факторы языкового «загрязнения», включающие: немотивированные заимствования из других языков, создание деструктивных неологизмов, ярлыков и циничных выражений, проникновение обсценной лексики и маргинальных элементов (жаргон, вульгаризмы), чрезмерная бюрократизация речи, подмена живой коммуникации шаблонными клише.

Лингвоастенические явления связаны с истощением языковых ресурсов и культурным обеднением. К ним относятся: исчезновение из активного употребления абстрактной лексики, особенно этического характера; утрата библейских выражений и цитат как элементов культурного наследия; недостаток средств для выражения эмоций, отражающих сужение эмоционального диапазона носителей языка; нарушение норм речевого этикета, ведущее к упрощению коммуникации.

Лингвоперсивные явления связаны с искажением семантики слов, стилевой размытостью и деформацией языковой картины мира [8]. Данные феномены, по словам Н. Н. Болдырева, затрагивают не только язык, но и экологию сознания, поскольку «язык является неотъемлемой частью когнитивных способностей человека» [9, с. 22]. Ученый подчеркивает, что «экология языка неразрывно связана с экологией опыта и знаний, которые обеспечивают адекватное конструирование и интерпретацию мира» [9, с. 23].

В заключение стоит сказать, что лингвотоксины не только искажают коммуникацию, но и отражают глубинные социальные проблемы, связанные с утратой языковой культуры. Выделенная языковая категория демонстрирует, что деградация языка отражает глубинные социальные и когнитивные проблемы. Сохранение языковой экологии требует не только защиты структурной целостности языка, но и формирование сознания, способного к критическому осмыслению культурных и информационных вызовов современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коровушкин, В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания / В. П. Коровушкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т. 1, № 28. – С. 60–64.
2. Сквородников, А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии / А. П. Сквородников // Речевое общение. – 2000. – Вып. 3 (11). – С. 70–78.
3. Сквородников, А. П. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А. П. Сквородников, Г. А. Копнина // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 28–32.
4. Зиновьев, А. А. Русский эксперимент / А. А. Зиновьев ; ред.–сост. О. М. Зиновьева, А. С. Блинов. – М. : Канон-Плюс, 2024. – 512 с.
5. Hofstede, G. Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and its Importance for Survival / G. Hofstede, G. J. Hofstede. – N. Y. : McGraw–Hill, 2005. – 2nd ed. – 576 p.
6. Hall, E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. – N. Y. : Anchor Books, 1989. – 298 p.
7. Dijk, T. A. van. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication / T. A. van Dijk. – De Gruyter, 1985. – 375 p.
8. Сквородников, А. П. Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) / А. П. Сквородников, Г. А. Копнина // Медиалингвистика. – 2017. – № 4 (19). – С. 70–79.
9. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 235 с.

[К содержанию](#)**Д. А. ЮЧ**

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель – Т. В. Нагорная

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Каждый язык по-своему концептуализирует мир, то есть по-своему воспринимает и осмысливает мир, создает языковую картину мира. Языковая картина мира – это сложное понятие, отражающее способ, которым носители определенного языка воспринимают и концептуализируют реальность. Эта концепция тесно связана с идеями В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев, а также с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В этой статье мы рассмотрим основные аспекты языковой картины мира и ее значение в формировании культурных и ментальных представлений.

Концепция «языковой картины мира», предложенная Л. Вайсгербером, получила развитие в рамках теории лингвистической относительности. В соответствии с этой гипотезой, язык оказывает воздействие на наше восприятие и осмысление окружающей действительности, создавая своеобразное представление о реальности для каждой языковой группы.

Языковая картина мира включает в себя совокупность представлений о мире, отраженных в языковых знаках и их значениях, и представляет собой систему взглядов, навязываемую всем носителям языка [1, с. 167].

Концепция языковой картины мира обладает рядом отличительных черт.

Во-первых, уникальность: каждый существующий язык обладает собственной, присущей только ему картиной мира, формирующей специфический взгляд на окружающую действительность и ее интерпретацию.

Во-вторых, наивность: в отличие от научного взгляда на мир, языковая картина мира базируется на общепринятых представлениях, которые, тем не менее, представляют значительный интерес и глубину.

В-третьих, культурная обусловленность: языковая картина мира является неотъемлемой частью культурной самобытности и менталитета языкового сообщества, передаваясь из поколения в поколение.

В-четвертых, динамичность: языковая картина мира не является статичной, она эволюционирует под воздействием исторического развития этноса и самого языка.

В представлении З. Д. Поповой и И. А. Стернина, к вопросу общей definicji картины мира стоит подходить с общенациональной и эпистимологической стороны, а картину мира в целом толковать как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [2, с. 26]. С точки зрения вышеупомянутых авторов, принципиально важно разграничивать две картины мира – непосредственную и опосредованную.

Прямое познание окружающей действительности формирует непосредственную картину мира. Эта картина зависит от способа и метода получения и, исходя из этого, может быть разнообразной – рациональной, чувственной, естественнонаучной, религиозной, диалектической, метафизической, материалистической, научной, «наивной», идеалистической, теоретической, эмпирической, физической, химической и т. д. Такие представления о мире зависят от исторического контекста, от уровня познания на определенный момент времени. Непосредственная картина мира изменяется вместе с прогрессом науки и развитием методов познания, она связана с мировоззрением, но отличается от него как содержательное знание от системы методов. Мировоззрение определяет наши подходы к познанию, в то время как картина мира – результат этого познания.

Непосредственная картина мира является когнитивной, поскольку она отражает результат познания действительности и состоит из структурированных знаний – концептосфер. Следовательно, когнитивная картина мира представляет собой совокупность понятий и стереотипов, которые определяются культурой при восприятии и понимании мира. Опосредованную картину мира формируют языковая и художественная картины мира, кото-

рые являются результатом отображения концептосферы во вторичных знавших системах, материализуя существующую непосредственную картину мира в сознании человека.

Языковая картина мира оказывает глубокое влияние на культуру и менталитет языковой общности. Она также влияет на мировоззрение и поведение, навязывая носителям языка определенные представления о мире и его обозначениями средствами языка [3, с. 303].

В исследованиях по когнитивной лингвистике принято различать языковую картину мира и концептуальную картину мира. Концептуальная картина мира определяется как ментальный уровень, на котором сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение [4, с. 317–318]. Концептуальная картина мира формируется на основе индивидуального опыта, знаний и представлений каждого человека.

Концептуальная картина мира – это система информации об объектах и явлениях, представленная в виде концептов и их связей. Она включает в себя как индивидуальный, так и коллективный опыт, формирующийся под влиянием культурных, социальных и этнических факторов [5]. Концептуальная картина мира выступает регулятором и интерпретатором, помогая нам разобраться в навигации по окружающей действительности и объяснении свежих данных, опираясь на уже сформировавшиеся убеждения.

Языковая картина мира является частью концептуальной картины мира, отражая специфические черты семантики языка и дифференцируя его от других языков [5]. Языковая картина мира – это словесно оформленная модель общей концептуальной модели мира, в которой идеи и взаимосвязь между ними находят отражение в языковых формах.

Понимание языковой картины мира позволяет глубже осмыслить механизмы формирования культурных и ментальных представлений, а также роль языка в формировании уникального взгляда на мир для каждого языкового сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайсгербер, Л. Язык и мышление: Лингвистическая относительность / Л. Вайсгербер. – М. : Наука, 1985. – 256 с.
2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 316 с.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 368 с.
4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.
5. Валеева, Д. Р. Понятия «картина мира», «концептуальная картина мира» и «языковая картина мира» в концептологических исследованиях. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ponyatiya-kartina-mira-kontseptualnaya-kartina-mira-i-yazykovaya-kartina-mira-v-kontseptologicheskikh-issledovaniyakh.html> (дата обращения: 11.04.2025).

[К содержанию](#)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Р. АФАНАСЬЕВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГЛУБИНА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНАХ У. М. ТЕККЕРЕЯ И Ш. БРОНТЕ

Романы Шарлотты Бронте и Уильяма Мейкписа Теккерея, появившиеся в конце 1840-х годов, привлекают внимание нетипичными для викторианской литературы женскими героинями. Оба автора изображают внутренний мир своих героинь с непривычной откровенностью, однако стиль и подход к их раскрытию различаются. Женское авторство Ш. Бронте позволило придать повествованию интонацию личной исповеди, тогда как мужской взгляд У. М. Теккерея обусловил дистанцированное изображение героини в сатирическом тоне. Разница в гендерной принадлежности автора отражается в манере повествования и эмоциональном тоне: у Ш. Бронте мы видим изнутри переживания молодой женщины, тогда как у У. М. Теккерея женский образ раскрывается через призму иронии и социальных комментариев.

Героиня романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» предстает перед читателем как личность с богатым внутренним миром и сильным характером, формировавшимся через тяжелые испытания. С детства Джейн страдала от одиночества и несправедливости, что закалило ее нрав и чувство собственного достоинства. *I will never call you aunt again as long as I live... I will say the very thought of you makes me sick* [1, с. 30], – заявляет маленькая Джейн тете, отстаивая свое достоинство. Выросшая сирота с острым чувством справедливости, Джейн сохраняет способность к глубокой любви и моральным принципам. О. Р. Демидова подчеркивает динамическое развитие ее характера: от эмоционально ранимого, но гордого ребенка до самостоятельной женщины, способной принимать сложные решения согласно собственным убеждениям [2, с. 114]. По мере развития сюжета внутренняя сила Джейн возрастает – она учится прощать обиды, противостоять искушениям и оставаться верной себе. Н. П. Михальская отмечает новаторство Ш. Бронте – первой писательницы в английской литературе, столь подробно показавшей духовные искания и страдания женщины в обществе викторианской эпохи [3, с. 539]. Именно психологическая достоверность и искренность чувств отличают образ Джейн: внешне неприметная гувернантка наделена богатейшей душевной организацией и благородством натуры.

В романе используются средства художественной выразительности, позволяющие заглянуть во внутренний мир героини. Повествование ведется от первого лица, превращая роман в исповедь, благодаря чему читатель напрямую сопричастен эмоциональным переживаниям Джейн. Так, в знаменитой сцене объяснения с Рочестером она с пылкой страстью отстаивает свое достоинство и равенство с возлюбленным, вопреки социальным препятствиям: *Do you think I am an automaton? – a machine without feelings?... You think wrong! – I have as much soul as you, and full as much heart! ... It is my spirit that addresses your spirit; just as if both had passed through the grave, and we stood at God's feet, equal – as we are!* [1, с. 253]. Эта эмоциональная речь Джейн демонстрирует глубину ее чувств и убеждений. Героиня требует признать в ней равную человеку душу, тем самым бросая вызов патриархальным нормам. Неслучайно Н. П. Михальская рассматривают Джейн Эйр как провозвестницу раннего феминистского сознания: ее стремление к независимости и уважению собственных чувств было новаторским для женского образа того времени [3, с. 540]. Джейн отвергает роль покорного «ангела в доме» и открыто заявляет о своем праве на духовную свободу и любовь по взаимному уважению. Этот внутренний стержень, сочетающий страсть и моральные принципы, придает ее образу исключительную эмоциональную глубину и сложность.

Важно подчеркнуть, что эмоциональное состояние Джейн тесно связано с этическими конфликтами и решениями, которые она принимает. Отказавшись стать тайной возлюбленной Рочестера, обнаружив, что он женат, героиня преодолевает муки сердца ради верности своим принципам. Позднее, отвергнув предложение священника Сент-Джона, она вновь следует зову сердца, не желая вступать в брак без любви. Таким образом, Ш. Бронте раскрывает внутренний мир героини через последовательность моральных выборов, каждый из которых сопровождается тонким изображением душевных переживаний. Читатель наблюдает эволюцию Джейн – от гнева и боли униженного ребенка до спокойной уверенности женщины, обретшей себя. Ш. Бронте, будучи женщиной-писателем, наделяет свою героиню живым голосом, передающим оттенки чувств – гордость, гнев, страсть, отчаяние и надежду – благодаря чему образ Джейн Эйр приобретает поистине многогранную эмоциональную глубину.

В противоположность искренней Джейн, героиня романа У. М. Теккерея «Ярмарка тщеславия» Ребекка Шарп – характер совершенно иного склада, хотя и она начинается как обездоленная сирота. Бекки с юности осознает несправедливость своего низкого положения и решает во что бы то ни стало добиться места в высшем свете. Теккерей изображает ее как талантливую, остроумную и очаровательную молодую женщину, лишенную покровителей и средств, но наделенную безграничной амбициозно-

стью и гибкостью морали. Л. А. Петрова характеризует Бекки Шарп как авантюристку своего времени, сочетавшую обаяние, острый ум и полное отсутствие сентиментальности [4, с. 34]. Действительно, Бекки умеет притворно льстить, кокетничать и даже вызывать слезы по необходимости, оставаясь в душе хладнокровной расчетливой эгоисткой. Ее эмоциональные проявления зачастую являются лишь частью игры и оказываются продиктованы выгодой. Тем не менее образ Бекки не сводится к карикатуре бесчувственной злодейки – автор наделяет ее сложной мотивацией и блестательной жизненной энергией, благодаря чему читатель наблюдает своеобразную глубину этого образа через призму сатиры и иронии.

Повествователь Теккерея сознательно сохраняет дистанцию до внутреннего мира Бекки, подавая ее мысли и чувства опосредованно, через поступки и насмешливые комментарии. Роман объявлен «романом без героя», и Бекки, являющаяся по сути антигероиней, вынуждена сама быть кузнецом своего счастья в мире «ярмарки тщеславия». Она цинично признает власть денег и положения: *I could be a good woman if I had five thousand a year* [5, с. 78], – рассуждает Бекки, подразумевая, что добродетель легчедается в достатке. Эта знаменитая фраза демонстрирует ее циничное мироощущение: героиня оправдывает свои пороки тяжелыми обстоятельствами жизни и считает, что благополучие заменяет добродетель. Бекки остро ощущает несправедливость общества, где, по ее мнению, «продается» все – от брака до дружбы. Не получив любви и поддержки в юности, она вспоминает: *I have never had a friend or a kind word...* [1, с. 19]. После этого героиня усваивает урок: *revenge may be wicked, but it is natural* [5, с. 11]. Ее моральный облик сформирован окружением, полным тщеславия и корысти, и она решает играть по тем же правилам.

Однако эмоциональная глубина образа Бекки проявляется в редкие моменты, когда сквозь маску самоуверенности проглядывают подавленные чувства. Так, достигнув внешнего успеха ценой интриг, Бекки остается неудовлетворенной: автор указывает, что иногда ее посещают мысли о том, не принесло ли бы честное и смиренное поведение больше счастья, но *if ever Becky had these thoughts, she was accustomed to walk round them and not look in* [5, с. 423]. Эта метафорическая деталь говорит о наличии у героини заглушенной совести и нераскрытым способности к раскаянию. У. М. Теккерей в нескольких эпизодах дает понять, что Бекки не чужды человеческие эмоции, просто она сознательно подавляет их ради достижения своих целей. Так, она искренне плачет, когда рушится ее план удачно выйти замуж в начале пути, или испытывает страх потери, когда ее разоблачает муж. Тем не менее эти проблески эмоций быстро сменяются привычной маской цинизма. Сложность образа Бекки Шарп заключается в противоречии между природной жизнью чувств и навязанной ей самой ролью бесчувственной авантюристки.

У. М. Теккерей мастерски использует это противоречие для сатирического эффекта: читатель то осуждает Бекки за жестокость и обман, то испытывает к ней долю сочувствия, понимая, в каком беспощадном мире она пытается выжить. Таким образом, эмоциональная глубина Бекки раскрыта не в прямом психологическом анализе, а опосредованно – через тонкую иронию повествователя и ситуации, в которых героиня проявляет то полное бессердечие, то внезапно проскользнувшую уязвимость.

Образы Джейн Эйр и Бекки Шарп представляют два полюса женских характеров в викторианской прозе, объединенные яркой эмоциональной насыщенностью и сложностью. Методы раскрытия их внутреннего мира этих героинь различны и во многом обусловлены авторским взглядом. Шарлотта Бронте, говоря устами Джейн, дает читателю беспрецедентно интимный портрет души молодой женщины с ее страстями, страданиями и стремлением к любви и уважению. У. М. Теккерей показывает внутренний мир Бекки Шарп скорее через сатиру и действие, глубина ее образа проявляется в контексте социального фарса, разоблачая пороки общества. Оба подхода по-своему эффективны: Джейн Эйр вызывает у читателя эмпатию прямотой чувства, тогда как Бекки Шарп впечатляет глубиной замысла автора, сумевшего создать сложный характер на пересечении личных амбиций и влияния среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – URL: http://www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/jane_eyre_nt.pdf (дата обращения: 23.04.2025).
2. Демидова, О. Р. Героиня Шарлотты Бронте: эволюция характера и психология чувств / О. Р. Демидова // Вестник филологии. – 2019. – № 4. – С. 112–119.
3. Михальская, Н. П. История английской литературы XIX века: Викторианская эпоха / Н. П. Михальская. – М. : Высшая школа, 2005. – С. 538–542.
4. Петрова, Л. А. Образ Бекки Шарп в контексте викторианского общества // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2015. – Т. 74, № 3. – С. 34–41.
5. Thackeray, W. M. Vanity Fair. A Novel Without a Hero. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm> (дата обращения: 23.04.2025).

[К содержанию](#)

О. А. БАБЧУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

РОЛЬ ОБРАЗА СМЕРТИ В СОЗДАНИИ ТРАГИЧЕСКОЙ АТМОСФЕРЫ РОМАНА «КНИЖНЫЙ ВОР»

Роман Маркуса Зусака «Книжный вор» занял особое место в современной литературе благодаря необычной композиции, оригинальному стилю и глубокому осмыслению темы войны. Одной из наиболее примечательных черт произведения является выбор рассказчика – самой Смерти. Образ Смерти в этом произведении не только художественный прием, но и важнейший компонент, определяющий тональность и эмоциональное содержание текста. Его роль выходит за рамки повествовательной функции: он формирует философское и трагическое измерение всей истории. В данной статье будет выявлено, почему автор наделяет Смерть такой человечностью и какую роль это играет в восприятии трагедии.

Смерть, рассказчик и важный персонаж романа, является одушевленным существом мужского пола. В романе он описывает самого себя следующим образом: *“I do not carry a sickle or scythe. I only wear a hooded black robe when it’s cold. And I don’t have those skull-like facial features you seem to enjoy pinning on me from a distance. You want to know what I truly look like? I’ll help you out. Find yourself a mirror while I continue”* [1, с. 317]. Его роль заключается в том, чтобы переносить умершие души на «конвейер вечности». Кроме того, ему не позволено общаться с живыми, хотя он и нарушает это правило, познакомившись с девочкой по имени Лизель. За все время герой встречает «книжную воришку» три раза, что он сам отмечает в тексте [2].

Персонификация Смерти – ключевой художественный прием М. Зусака. Вместо абстрактного понятия или мистического ужаса Смерть предстает как живой персонаж с эмоциями, усталостью и даже чувством юмора, что отчетливо видно в его размышлениях. Он не мрачный жнец, а наблюдатель, которому не всегда свойственно равнодушие к происходящему.

Выбор Смерти в качестве рассказчика является нетипичным для художественной прозы. В романе он обращается к читателю напрямую, проявляя эмоции и размышляя о человеческой природе, что придает повествованию философскую глубину. Уже с первых страниц Смерть заявляет: *“Here is a small fact: You are going to die”* [1, с. 13], тем самым устанавливая безрадостную, фаталистическую тональность. И хотя рассказчик неразрывно связан с мрачными эпизодами, он проявляет неожиданную человечность и сострадание.

Вся фигура Смерти построена на двойственности: он одновременно воплощение трагического и носитель иронии. Его комментарии сочетают сочувствие с язвительностью, а повествование – боль с насмешкой. Так М. Зусак подчеркивает противоречивость жизни, где смерть может быть и трагичной, и в каком-то смысле абсурдно-комичной.

Рассказчик неоднозначно относится к героям. Так, к Лизель он испытывает глубокий интерес и привязанность. Он называет ее «book thief» не с осуждением, а с уважением: *“The book thief had struck for the first time – the beginning of an illustrious career”* [1, с. 36]. К Руди Смерть проявляет сочувствие и сожаление: *“He does something to me, that boy. Every time. It’s his only detriment. He steps on my heart. He makes me cry”* [1, с. 535]. К Максу, скрывающемуся от нацистов, Смерть относится с уважением, отмечая его мужество и стремление выжить: *“The juggling comes to an end now, but the struggling does not”* [1, с. 175].

Иногда Смерть прибегает к иронии и сарказму, чтобы подчеркнуть абсурдность происходящего и показать контраст между ужасами войны и мелочами повседневной жизни. Особенно ярко комическое проявляется в наблюдениях Смерти за людьми. Он смотрит на них как бы со стороны и подмечает странные привычки: *“One thing I’ve noticed about the Germans: They seem very fond of pigs”* [1, с. 51]. Такая реплика звучит почти как шутка, демонстрируя его необычную перспективу и холодную отстраненность. Комическое здесь не ослабляет трагедию, а, наоборот, усиливает ее, напоминая, что даже в самых темных моментах жизни человек остается существом противоречивым – одновременно смешным и трагичным.

Одним из ключевых приемов, усиливающих трагизм произведения, является предвосхищение будущих событий. Смерть часто «забегает вперед», раскрывая судьбы персонажей задолго до их свершения: *“Of course, I’m being rude. I’m spoiling the ending, not only of the entire book, but of this particular piece of it. I have given you two events in advance, because I don’t have much interest in building mystery. Mystery bores me. It chores me. I know what happens and so do you”* [1, с. 253]. Нарушая хронологию, Смерть создает ощущение предопределенности и неизбежности. Это усиливает трагическую атмосферу: читатель заранее знает, что герои погибнут, и наблюдает за их жизнью с ощущением надвигающейся катастрофы.

Смерть также выполняет в романе философскую функцию. Он делится своими наблюдениями о человеке: *“...I’m always finding humans at their best and worst. I see their ugly and their beauty, and I wonder how the same thing can be both”* [1, с. 496]. Эти размышления становятся отражением ключевых антропологических вопросов: о добре и зле, о способности человека к состраданию и жестокости. Особенно часто он говорит о цветах

как метафоре жизни: “*A single hour can consist of thousands of different colors... In my line of work, I make it a point to notice them*” [1, с. 14].

Контраст между обыденностью повседневной жизни и неизбежностью смерти становится центральным элементом трагической атмосферы романа. Смерть наблюдает за людьми в их повседневных заботах, зная об их скором конце: “*Five hundred souls. I carried them in my fingers, like suitcases. Or I'd throw them over my shoulder. It was only the children I carried in my arms*” [1, с. 369]. Философское осмысление трагизма войны через призму восприятия Смерти позволяет автору выйти за рамки конкретного исторического контекста и обратиться к универсальным вопросам человеческого существования.

Язык и стиль повествования Смерти отличаются образностью и поэтичностью. Рассказчик использует яркие метафоры и необычные сравнения, описывая процесс собирания душ умерших: “*The sky was like soup, boiling and stirring. In some places, it was burned. There were black crumbs, and pepper, streaked across the redness*” [1, с. 22]. Особое значение приобретают цветовые образы: Смерть воспринимает мир через призму цвета, что создает визуально насыщенное восприятие трагедии: “*First the colors. Then the humans. That's usually how I see things. Or at least, how I try*” [1, с. 13].

Смерть в романе – это не просто персонаж, но и метафора войны, разрушения, утраты исторической перспективы. Он не виноват в гибели людей, но становится ее невольным носителем. В этом смысле М. Зузак предлагает читателю серьезный философский вопрос: кто виноват, если даже Смерть страдает от своей работы?

Через уникальную перспективу рассказчика автор создает сложную эмоционально-философскую атмосферу, в которой трагедия становится неотъемлемой частью бытия. Смерть в романе представлена не как карающая сила, а как наблюдатель, свидетель, нередко сочувствующий и размышляющий. Именно это делает ее образ особенно выразительным и значимым для понимания общего художественного замысла произведения. Трагизм здесь рождается не из шокирующих событий, а из осознания неизбежности, из сопереживания, из того, как смерть становится частью человеческой истории и частью рассказа о человеке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zusak, M. The Book Thief / M. Zusak. – London : Black Swan, 2007. – 560 p.
2. Неткачева, Е. Д. Танатологические мотивы в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» / Е. Д. Неткачева, О. А. Хрущева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tanatologicheskie-motivy-v-romane-markusa-zusaka-knizhnnyy-vor> (дата обращения: 01.04.2025).

Э. А. БЕЛОУСОВА

Полоцк, ПГУ имени Евфросинии Полоцкой
Научный руководитель – Е. В. Лушневская

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ
В ДРАМЕ Л. ШНЕЕГАНСА «ТРИСТАН»**

В первой половине XIX века благодаря увлечениям немецких романтиков сюжет любви Тристана и Изольды пробуждается к новой жизни. В эпоху романтизма поэты и писатели часто обращались к Средневековью, нередко идеализируя его. Легенда о Тристане и Изольде в версии средневекового миннезингера Готфрида Страсбургского (*Gottfried von Straßburg*, 1165 или 1180 – около 1215) воспевает свободную природу и естественные чувства. В характерах героев присутствуют и сильные переживания, что соответствует исканиям романтиков. Так появляется череда интерпретаций легенды. Среди них стоит отметить стихотворение Августа фон Платена (*August von Platen-Hallermünde*, 1796–1835) «Тристан» (*Tristan*, 1825), стихотворение Юлиуса Мозена (*Julius Mosen*, 1803–1867) «Король Марк и Изольда» (*König Mark und Isolde*, 1843) и драму Рихарда Вагнера (*Wilhelm Richard Wagner*, 1813–1883) «Тристан и Изольда» (*Tristan und Isolde*, 1859).

К легенде о Тристане и Изольде обращается и драматург Людвиг Шнееганс (*Ludwig Schneegans*, 1842–1922). Он создает свою драму «Тристан» (*Tristan*) в 1865 году, находясь под глубоким впечатлением от драмы Р. Вагнера, которая пользовалась значительным успехом в данный период. В драме Л. Шнееганса поднимается проблема любви и преданности. «Первый и второй акт взяты из драмы Вагнера. В остальном Шнееганс опирается на версию Германа Курца» [1, S. 332] – (Здесь и далее перевод наш. – Э. Б.). В 1844 году Г. Курц сделал перевод романа Г. Страсбургского «Тристан» (*Tristan*, 1210) и дописал роман до конца, т. к. средневековый поэт оставил его незавершенным. В драме Шнееганса «мы впервые находим ряд сцен, изображающих то, что Вагнер не перенес на сцену: радости жениха Марка, отчаяние Тристана и Изольды, настороженность Мелота и Марджодо» [1, S. 333].

Людвиг Шнееганс использует традиционное пятиактное деление драмы, однако для более полного раскрытия сюжета и тематики он добавляет пролог. В первой сцене пролога мы знакомимся с завистниками Тристана – Мелотом и Марджодо. Здесь Шнееганс следует средневековой версии легенды, сохраняя образы двух отдельных завистников, в то время как Вагнер объединил их в один. Мотив придворных интриг, играющая одну из ключевых ролей в романе Г. Страсбургского, передает дух эпохи Средне-

вековья. Автор сохраняет его, вводя данных персонажей в каждый акт своей драмы, что подчеркивает их важность в развитии сюжета.

Основная тема драмы остается неизменной и заключается в противоречивом соотношении любви и долга, что приводит к глубокому внутреннему конфликту персонажей. Тристан и Изольда, олицетворяющие идеалы романтической любви, сталкиваются с непреодолимыми внешними обстоятельствами, навязанными как обществом, так и судьбой. Стоит отметить, что Л. Шнееганс отказывается от мотива любовного зелья. Герои влюбляются друг в друга естественным образом. Идея произведения заключается в том, что истинная любовь неизбежно ведет к страданиям. В качестве эпиграфа к своей драме Шнееганс использует строки из романа Г. Страсбургского: «Ваша любовь жива, ваши страдания мертвы / ваша любовь мертвa, ваши страдания живут...» [2]. Это подчеркивает двойственность человеческих чувств, где сладость любви неразрывно связана с горечью страдания. Автор демонстрирует, как стремление быть с любимым человеком может привести к трагедии.

Главный герой Тристан воплощает рыцарские добродетели, проявляя смелость и верность, что делает его идеалом рыцарства. Его действия направлены на защиту чести и достоинства короля. Он предан кодексу рыцарской чести. Впервые в драме Тристан предстает перед зрителями после битвы с ирландцами, где он одерживает победу, сразив предводителя Морольда. Другие персонажи также описывают его как доблестного и смелого рыцаря. Курвенал отмечает: «Чиста, как свет, его великая душа: / Он светит для всех и забывает о себе. / Он хочет освободить этот народ от позорной / Дани, которую он платит Ирландии» [2]. Эти строки подтверждают, что Тристан является верным и преданным вассалом, готовым жертвовать собой ради блага своего народа. Центральным элементом в описании образа Тристана является его внутренний конфликт между любовью к Изольде и обязательствами перед королем Марком. Этот конфликт проявляется в его страданиях и терзаниях. С одной стороны, Тристан испытывает глубокие эмоциональные переживания, вызывающие у него чувство вины и безысходности. С другой стороны, Тристан изображен как человек, готовый бороться за свою любовь, что подчеркивает его решительность и силу характера. Когда король Марк находит Тристана и Изольду в пещере, Тристан хватает меч, чтобы сразиться со своим дядей и защитить свою любовь.

В драме Шнееганса образ Тристана с самого начала пронизан атмосферой печали. Находясь на корабле, он погружается в грустные размышления, навеянные морем, которое ассоциируется у него с утратой и тоской. Так, будучи на палубе, Тристан при виде моря испытывает необъяснимую тоску. «Беспричинная тоска, / Размышления без повода, / Погружение в бездну» [2]. Воспоминания о своих родителях вызывают в нем чувства печали и одиночества.

ства. Здесь мы снова видим отсылки к образу Тристана в романе Готфрида Страсбургского, где в сердце героя таится некоторая печаль, изначально обусловленная именем Тристана (*triste* – грустный, печальный).

Образ Изольды в драме является многослойным и сложным. Автор в большей степени стремится к изображению героини в духе средневекового романа, однако вносит изменения в ее образ. С одной стороны, Изольда представлена как слабая женщина, готовая выполнять свои обязанности перед королем Марком, что диктует ей социальный долг. Она осознает, что не сможет полюбить Марка, о чем откровенно говорит своей служанке Брангене во время морского путешествия. «Мне не хватает / Супруга, которого я не знаю, в чьей руке / Судьба моих дрожащих рук. / Где нет любви, там не живет счастье?» [2]. Это осознание подчеркивает ее внутреннюю борьбу. Несмотря на то, что браки по расчету не были чем-то исключительным, Изольда ценит чувство любви и хочет выйти замуж за того, кого действительно любит.

Король Марк изображен как король, преданный своим обязанностям и традициям. Он заботится о своей чести и репутации, что делает его действия обусловленными не только личными чувствами, но и социальным статусом. Однако, несмотря на свою власть, он испытывает внутренний конфликт, связанный с любовью к Изольде и предательством со стороны Тристана, что вызывает у него глубокие страдания. В драме автор акцентирует внимание на отцовских чувствах короля Марка, который принимает Тристана как своего сына и назначает его наследником королевства. Эта связь между ними основана не только на родственных отношениях, но и на глубоком доверии и заботе. Когда Тристан находится в Ирландии, сражаясь за королевство Марка, сам король не раз выражает тревогу о состоянии племянника. Кроме того, Марк стремится обеспечить счастье Тристана, предлагая ему женитьбу, что свидетельствует о его искреннем желании видеть сына в счастливом союзе. Кульминация этих отцовских чувств проявляется в finale драмы, когда король Марк испытывает глубокое горе из-за смерти Тристана. Он осознает, что помешал настоящей любви. Стоя на коленях, он просит прощения: «О, мои дети, вы просвещенные души, / Простите старого человека, простите, простите!» [2]. В последней сцене он осознает, что его собственная ревность и стремление разлучить влюбленных привели к трагедии. Марк начинает понимать истинное чувство любви.

Таким образом, образ короля Марка раскрывается с разных сторон. Л. Шнееганс трансформирует образ Марка, акцентируя внимание на трагичности этого героя. В отличие от драмы Вагнера и романа Г. Страсбургского, где король узнает о любовном напитке, который испили влюбленные, и только после этого прощает Тристана и Изольду, в интерпретации Шнееганса король Марк отправляется на помощь к племяннику

под влиянием отцовских чувств и любви к Тристану. Эта трансформация образа подчеркивает многослойность характера Марка, роль которого сводится не только к роли правителя, а приобретает более человечные черты.

Стоит отметить, что Л. Шнееганс, следуя тенденциям романтизма, включает в свою драму мотив сновидения. А. Н. Бурганов справедливо отмечает, что, включая сны в повествование, писатели могут определить «соотношение двух миров – дневного и ночного – сознательного и подсознательного, декларируя за подсознательным таинственную возможность объяснения глубинной сущности реальных событий» [3, с. 8]. Помимо этого, для романтиков с их постоянным поиском желаемого и идеального сон превращается в явь мечты и заветных желаний. Так, раненному Тристану снится, что король Марк сажает в саду розу и виноград, которые затем сплетаются воедино. Тристан и Изольда воссоединяются во сне через эти образы. «Сон понимается <...> как чрезвычайно важный этап жизни духа – своеобразная площадка действия, где проясняется личность человека и проявляется судьба» [4, с. 109]. Через сновидение Тристана автор показывает, что их любовь будет жить вечно.

Тема любви в драме «Тристан» Шнееганса звучит как вечная, непостижимая сила, способная преодолеть все препятствия и воплотиться в самом глубоком и искреннем чувстве. Однако драма подвергается критике. Так, исследователь немецкой литературы В. Гольтер (*Wolfgang Golther*, 1863–1945) критикует драму Шнееганса, утверждая, что «в целом и по отдельности пьеса совершенно неудачна. Два вагнеровских акта смешны, остальная часть без всякого драматизма. <...> Нельзя просто сочинить новую драму из Вагнера и Курца» [1, S. 336]. Однако автор не просто соединил два произведения, он переосмыслил драму Вагнера, включил важные мотивы из средневекового романа и трансформировал образы главных героев. Таким образом, Л. Шнееганс придал новое звучание легенде о Тристане и Изольде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Golther, W. *Tristan und Isolde in den Dichtungen des Mittelalters und der neuen Zeit* / W. Glother. – Creative Media Partners, LLC, 2018. – 474 S.
2. Schneegans, L. *Tristan* / L. Schneegans. – URL: <https://www.google.by/books/edition/Tristan> (дата обращения: 16.02.2025).
3. Бурганов, А.Н. Выставка «Искусство и сновидение». Впечатления художника / А.Н. Бурганов // Сон – семиотическое окно. XXVI-е Випперовские чтения. – М., 1993. – С. 7–11.
4. Ельницкая, Л. М. Сновидения в художественном мире Лермонтова и Блока: миф о демоне / Л. М. Ельницкая // Сон – семиотическое окно. XXVI-е Випперовские чтения. – М., 1993. – С. 107–110.

Е. О. БОЙКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ ДЖОАНН ХАРРИС «ШОКОЛАД»

Роман Джоанн Харрис «Шоколад» представляет собой произведение, в котором через судьбы героев раскрываются темы столкновения старого и нового, освобождения от догматических традиций, умения наслаждаться жизнью. Главная героиня, Вианн Роше, появляется со своей дочерью Анук в Ланскне-су-Танн во время карнавального шествия. Решив обосноваться в этом консервативном французском городке, Вианн открывает кондитерскую «Небесный миндаль», вызывая чувство неприятия у местного кюре Франсиса Рейно, который видит в ней угрозу устоявшемуся порядку. Персонажи романа оживают благодаря искусному использованию автором языковых средств создания их портретов, которые подчеркивают индивидуальность героев и их роль в конфликте.

В художественной литературе авторы раскрывают глубину и многогранность героев с помощью описаний их внешности, личностных качеств, мыслей и чувств, социального статуса и поступков. Рассмотрим роль описаний персонажей в романе «Шоколад» Джоанн Харрис [1].

Описание внешности персонажей в романе выполняет не только изобразительную, но и символическую функцию, подчеркивая их индивидуальность или принадлежность к определенной группе. Харрис использует эпитеты и метафоры, чтобы создать контраст между свободолюбивой Вианн и консервативными жителями Ланскне. Например, ее внешний блик описывается следующим образом: “Long hair tucked into the collar of her orange coat, a long silk scarf fluttering at her throat”. Эпитет “fluttering” создает ощущения движения шарфа, символизируя легкость Вианн, а яркий цвет “orange” контрастирует с “dun-coloured” (тускло-коричневыми) домами городка, подчеркивая ее инородность [2].

В отличие от Вианн, жители городка описываются с использованием эпитетов, подчеркивающих их угрюмость и подавленность. Например, внешность обывателей охарактеризована автором в таком виде: “Faces are lined like last summer’s apples, eyes pushed into wrinkled flesh like marbles into old dough”. Метафора “marbles into old dough” передает физическую и эмоциональную усталость, а эпитет “wrinkled” усиливает ощущение старения и застоя. Этот прием позволяет через внешность раскрыть социальный и психологический портреты персонажей [3].

Харрис использует оксюмороны, подчеркивающие противоречия в характере персонажей. Например, Вианн описывает свои чувства к Ланскне: “This place is a paradox, a bleak kind of richness”. Оксюморон “bleak richness” передает ее смешанные эмоции – ощущение потенциала городка, скрытого под его суровой поверхностью, что подчеркивает ее интуитивное восприятие и роль катализатора перемен [2].

Кюре Франсис Рейно раскрывается через символизм, связанный с его религиозным долгом и внутренними терзаниями. Его восприятие Вианн как “witch” (ведьмы) проявляется в описании различных сладостей в ее кондитерской: “Protected from the sun by the half-blind which shields them, they gleam darkly, like sunken treasure, Aladdin’s cave of sweet clichés”. Сравнение “like sunken treasure” и аллюзия на пещеру Алладина символизируют искушение, которое Рейно видит в кондитерской Вианн, а оксюморон “gleam darkly” отражает его внутренний конфликт между долгом и соблазном. Этот прием подчеркивает его борьбу с собственными желаниями [2].

Жозефина Мускат, чье становление как независимой женщины является важной сюжетной линией, описывается через выражения, отражающие ее внутреннюю борьбу. Ее жесты описаны как “one hand drawn up against her stomach in an odd, protective gesture”. Выражение “protective gesture” символизирует страх и уязвимость, а эпитет “odd” подчеркивает отчужденность от общества. Синестетический образ ее мыслей, который Вианн воспринимает как “smoke, a handful of gleaming trinkets, a bloodied knuckle”, передает хаотичность ее эмоций, усиливая драматизм характера героини.

Что касается социального взаимодействия персонажей, Вианн, как центр притяжения, описывается с использованием аллитерации, создающей ритм и динамику: “She laughs a great deal, and makes many extravagant, comical gestures with her arms”. Повторение звуков [m] и [g] усиливает живость и открытость Вианн, придает ее образу энергичность, что резко контрастирует с “sullenly” (угрюмо) шаркающими ногами жителей. Этот прием создает звуковую текстуру, усиливающую эмоциональное восприятие, делая образ Вианн особенно ярким и запоминающимся [3].

Рейно, напротив, характеризуется через синтаксические конструкции, подчеркивающие его отстраненность. Его внутренний монолог изобилует короткими, отрывистыми предложениями: “I am not kind. I come here for my own relief, not yours”. Эта структура отражает его эмоциональную сдержанность и внутреннюю борьбу. Усиливает образ Франсиса Рейно как человека, отрезанного от общества, и его отношение к житейским хлопотам прихожан: “Their petty concerns, their dissatisfactions, their foolishness, their thousand trivial problems...” В этом предложении используется параллелизм, что создает ритм и усиливает эмоциональное воздействие, а также

анафора в виде повторения местоимения “their”, которое усиливает акцент на том, что все эти негативные качества принадлежат жителям.

Таким образом, Джоанн Харрис в романе «Шоколад» использует разнообразные лексико-стилистические средства для создания глубоких и многогранных образов персонажей. Эти приемы не только оживляют внешний облик героев, но и раскрывают их внутренний мир и социальные взаимодействия, подчеркивая центральный конфликт между свободой и догматизмом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Harris, J. Chocolat / J. Harris. – London : Black Swan, 2000. – 320 р.
2. Гальперин, И. Р. Стилистика. 2-е изд. / И. Р. Гальперин. – М. : Высшая школа, 1981. – 334 с.
3. Lodge, D. The Art of Fiction: Illustrated from Classic and Modern Texts / D. Lodge. – London : Penguin Books, 1992. – 256 р.

[К содержанию](#)

Т. В. ГРИГОРЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Одним из факторов, влияющих на формирование детской языковой картины мира, является литература для детей. Она играет важную роль в развитии воображения, формировании языковых навыков, моральных ценностей и эмоционального интеллекта.

Появление первой детской книжки датируется XVIII веком. В 1744 году Джон Ньюбери выпустил развлекательную книгу под названием «Маленькая хорошенская карманная книжечка». До этого детские произведения существовали в устной форме, детей обучали и развлекали с помощью сказок, песен и стихов. Затем литература для детей приобрела свои черты, стили и жанры.

Авторы, пишущие для детей, должны осознавать, что они создают литературу другого вида, не ту, которая предназначается взрослым. В. Г. Белинский, первый теоретик и критик детской литературы, размышлял о детских авторах так: «Да, много, много нужно условий для образования детского писателя: нужны душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная, ум возвышенный, образованный, взгляд на предметы просветленный, и не только живое

воображение, но и живая, поэтическая фантазия, способная представить все в одушевленных, радужных образах. Разумеется, что любовь к детям, глубокое знание потребностей, особенностей и оттенков детского возраста есть одно из важнейших условий» [1, с. 367]. Конечно, некоторые спорили с данным высказыванием и отрицали специфику детского творчества, но, на наш взгляд, слова Белинского точно характеризуют настоящего детского писателя, который способен воссоздать особенности восприятия мира ребенком.

Авторы детской литературы берут во внимание особенности интеллектуального и эмоционального развития ребенка, поэтому детей-читателей делят на несколько возрастных категорий. Первая группа – это дошкольники, которых в раннем возрасте сложно назвать «читателями», они скорее являются «слушателями», т. к. дети познают азы чтения в разное время. Следовательно, они знакомятся с литературой на слух, осваивают сказки или небольшие рассказы с помощью родителей. Как правило, малыши предпочитают книги-игрушки, которые содержат развлекательные элементы. Далее можно выделить группы младших школьников, школьников средних и старших классов. На разных этапах дети имеют разные предпочтения тем и жанров, поэтому и стоит разграничивать литературу для младших [2].

Говоря об особенностях детской литературы, следует отметить простоту и легкость написанного текста. Для автора важно быть понятым юными любителями книг, поэтому он выстраивает диалог с читателем таким образом, чтобы различия уровней эстетического и этического восприятия были учтены. Также автор стремится придумать такого главного персонажа, с которым ребенок может себя ассоциировать. Сюжеты, в основном, яркие и насыщенные, они полны запоминающихся событий, которые способны вызвать, в первую очередь, эмоции. Благодаря этому детям проще вообразить у себя в голове происходящие действия [3].

Особое место в детской литературе занимает поэзия, которая имеет свои художественные свойства. Стихотворение является одним из простых способов познания окружающего мира. Поэзия – это первый шаг ребенка при овладении родной культурой и родным языком. Текст объединен с культурой и включает в себя сведения о человеческих отношениях, этносе, истории, привычках и традициях народа, в общем, всю информацию о культуре. Поэтому можно сказать, что приобщение к поэзии служит значимым средством пополнения духовного мира человека. Стихи на самые разные темы помогают ребенку освоить новые понятия и узнать о необычных явлениях. Если рассматривать детскую поэзию с коммуникативной точки зрения, то можно представить ее в качестве системы, которая содержит устройство естественного обучения навыкам

коммуникации и предоставляет детям возможность в рамках их субкультуры подготовиться к вступлению в мир взрослых.

Содержание стихотворения неразрывно связано с его формой, звуковой и ритмичной. Форма существенно меняет содержание, появляются другие свойства воздействия на читателя, соответственно, меняется и восприятие. Яркое и оживленное содержание в совокупности с формой, которая легко запоминается, становятся неотъемлемыми факторами воспитания ребенка. Слово, которое имеет музыкально-осмысленный характер, способствует активации мышления, в особенности в стихах для детей дошкольного возраста. Такие стихи влияют на формирование сознания и характера. Для детей постарше содержание стихотворений приобретает уже более глубокий смысл, становится развернутым в плане тематики. Стихи должны легко усваиваться, поэтому содержание не должно быть сложным для восприятия, либо же неясность может возникнуть из-за нечеткой формы. Помимо этого, стихи должны откликаться в душе детей, отражать их мир и побуждать к действию. Поэтому, для поэта важно оставаться ребенком в душе и не потерять ту самую искру и детскую наивность. [4].

По мнению исследователей, самыми важными чертами стихотворения являются музыкальность, образность, действенность, доступный язык и близость к игре. Язык поэзии для детей должен быть простым и доступным, но это не означает, что можно писать о каких-то примитивных вещах. Маленький читатель просто-напросто не заинтересуется таким стихотворением. Нужно лишь использовать такую лексику, которая будет понятна для той или иной возрастной группы. Более того, обязательно соблюдать правила написания, фонетического ударения и употреблять слова в предложении в правильном порядке. Все это нужно для того, чтобы чтение стихотворений стало не только развлечением, но и способствовало усвоению языковых норм. Дети мыслят образами, поэтому он должен сформироваться в голове у ребенка после прочтения стиха. Следует избегать использования абстрактных понятий: чем проще представляется картина, тем легче ребенок будет вливаться в мир поэзии. Затрагивая вопрос об объеме стихотворения, нужно принять во внимание возраст читателя. Для малышей достаточно и четверостишия, ведь они не могут очень долго концентрировать свой интерес на чем-то одном и быстро устают. По этой причине автору нужно уметь в маленьком объеме ясно высказать свою мысль, при этом сделать стихотворение интересным читателю.

Если говорить о содержании стихотворных произведений, то нужно отметить, что здесь важнее всего отвести главную роль ребенку или персонажам с мыслями и действиями, понятными детям. Малышам очень

интересно читать о плутах, нелепых и рассеянных персонажах, потому что ошибки других укрепляют детское «я». Именно поэтому в стихах для детей часто встречаются такие герои. Лучше включить в содержание много приключений, диалогов и не перегружать сюжет описаниями окружающей среды. Еще одним значимым условием при написании стихотворения является воздержание от поучительных мыслей, ведь дети совсем не любят, когда им говорят, что правильно, а что неправильно. Вместо этого поэтическое произведение должно иметь эмоциональный окрас, тогда ребенок сам заинтересуется поэзией и сможет порассуждать на те или иные темы, которые поднял автор. Сопереживая героям, дети могут открыть для себя какие-то новые чувства, которые ранее не проявлялись в их душе.

Основной темой в детской поэзии является внутренний мир ребенка и все с ним связанное. В стихотворениях для детей нет места для душевных переживаний, размышлений о смысле человеческой жизни и других абстрактных явлениях. Важно показать ребенку мир его глазами, тогда детское стихотворение действительно обретет правильный вид.

Детская поэзия не так проста, как кажется. При ее создании важно учесть все критерии, чтобы стихотворение завоевало интерес ребенка и стало одним из способов вовлечения детей в прекрасный мир литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. – Т. 2. – 768 с.
2. Гриценко, З. А. Детская литература. Методика приобщения детей к чтению / З. А. Гриценко. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 193 с.
3. Blog.Selfpub. Детская литература: Жанры / Blog.Selfpub. – URL: https://blog.selfpub.ru/detlit_janry (дата обращения: 09.04.2025).
4. Малишевский, М. О поэзии для детей / М. Малишевский // Детские чтения. – 2020. – № 2. – С. 7–15.

[К содержанию](#)

А. Д. ЗИНОВЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

РОМАН З. ЛЕНЦА «УРОК НЕМЕЦКОГО: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Роман Зигфрида Ленца «Урок немецкого» представляет собой значительное произведение немецкой литературы, раскрывающее сложные морально-нравственные вопросы через призму личной истории главного героя.

Остановимся подробнее на ключевых структурно-содержательных элементах поэтики романа. В. В. Иванов рассматривал поэтику как «науку о строении литературных произведений и системе эстетических средств, в них используемых» [1]. Он выделяет в структуре поэтики: общую (совокупность художественных приемов и средств построения произведения), описательную (описание структуры произведения) и историческую (изучение развития художественных средств произведения в контексте истории). Ключевыми компонентами поэтики, которые лежат в основе создания художественного произведения, выступают сюжет, композиция, символы и система персонажей. Эти элементы формируют структуру и содержание текста, определяя его художественную значимость и особенности восприятия.

Роман «Урок немецкого» рассказывает о подростке Зигги Йепсене, который находится в исправительном учреждении для трудновоспитуемых подростков. Однажды на уроке немецкого языка ему дают задание написать эссе под названием «Радость исполненного долга». В конце урока немецкого он сдает чистый лист. В качестве наказания его запирают в камере, из которой он не может выйти, пока не закончит эссе. Зигги начинает записывать свои воспоминания. В своем эссе он вспоминает время между 1943 и первые послевоенные годы. В то время он жил со своими родителями в деревне на севере земли Шлезвиг-Гольштейн. В 1943 году его отец получил приказ наложить запрет на рисование на художника Макса Людвига Нансена, поскольку изображения не соответствовали нацистскому мировоззрению. Нацисты называют его работы «дегенеративным искусством», то есть искусством, противоречащим нацистскому мировоззрению. Йепсен просит своего сына шпионить за художником, который не соблюдает запрет на рисование. С окончанием войны запрет на рисование Нансена снимается, поскольку нацисты потеряли власть. Но Йепсен одержим уничтожением картин художника. Чтобы защитить картины Нансена от своего отца, Зигги крадет их все больше и больше, в том числе и на выставках. Однажды его поймали за этим занятием и арестовали. Таким образом, в конечном итоге он попадает в центр заключения. В конце романа основной сюжет и повествование встречаются почти через десять лет после войны: Зигги успешно завершил свою работу и был досрочно освобожден из-под стражи за хорошее поведение. Но он ни в коем случае не рад своей вновь обретенной свободе, потому что не знает, куда идти и что он хочет делать со своей жизнью.

Система персонажей в романе «Урок немецкого» огромная. Ключевыми персонажами романа являются Зигги Йепсен, Йенс Оле Йепсен и Макс Людвиг Нансен. Все действия романа разворачиваются вокруг взаимоотношений этих персонажей. Стоит отметить, что имя Зигги это сокращение

от имени, которое совпадает с именем автора – Зигфрид. Хотя история Зигги в романе вымышленная, все же существуют биографические параллели между персонажем романа и писателем Зигфридом Ленцем: детство обоих проходит в нацистской Германии, оба являются сыновьями государственных служащих. Среди второстепенных персонажей большое значение для раскрытия сюжета романа имеют Гудрун Йепсен, мать Зигги, Клаас, брат Зигги, Хильке, сестра Зигги, и жена художника.

«Урок немецкого» состоит из двадцати глав, каждая из которых имеет соответствующее название в зависимости от содержания. Повествование ведется от первого лица. Зигги – человек, через которого читатели узнают о сюжете и развитии романа, он и персонаж, и рассказчик. Главный персонаж представлен в разных возрастах. Он взрослеет на протяжении всего повествования. Это показывает читателям как меняется его мировоззрение в период взросления.

Особо следует отметить хронотоп романа, т.е. его пространственно-временную организацию. В начале романа «Урок немецкого», действие происходит в 1954 году. Зигги находится в исправительном учреждении, где он пишет свое сочинение. Сам же рассказ Зигги возвращает читателя к событиям 1943 года, когда ему было десять лет. Действия романа происходят параллельно в двух временах. В романе присутствуют постоянные ретроспекции, содержание романа постоянно уходит в прошлое. В романе «Урок немецкого» принцип ретроспекции организован последовательно и буквально с первой страницы. Поэтому можно сделать вывод, что композиция романа является усложненной из-за ретроспекций, которые прослеживаются на протяжении всего романа.

В центре романа «Урок немецкого» находится морально-нравственная категория долга, которая становится ключевой темой произведения. Организующим элементом текста романа выступает тема сочинения, предложенная герою. Эссе, которое Зигги пишет, озаглавлено «Радость исполненного долга». Вокруг этой темы разворачивается повествование и глубокое философское рассмотрение заданного понятия. Зигги рассказывает о своем прошлом и рассказывает о своем отце Йепсене, послушном полицейском, который очень серьезно относится к своим приказам. Даже когда война закончилась и нацистов уже давно нет у власти, Йепсен по-прежнему считает своим долгом уничтожать картины Нансена. Поэтому отца Зигги можно назвать человеком долга. Он до последнего выполняет распоряжение преступного режима. Он вроде бы и честный человек, но является одним из тех людей, которые обеспечивали существование этого режима. Все это показано в контексте коллективной вины немцев. Мы видим, как Зигги становится противником своего отца, и в нем возникает желание защитить картины Нансена. У каждого из персонажей «Урока

немецкого» разное представление о долге. В то время как отец Зигги выполняет приказы своего начальства любой ценой, Зигги хочет защитить художника и его картины от Йепсена [2].

Зигги не просто воспроизводит свои воспоминания, а вспоминает с определенной целью – исследовать понятие долга. Эта заранее выбранная цель оказывает существенное влияние на то, как организованы и представлены все ситуации, которые он припоминает. Прежде всего, Зигги структурирует события так, что сама идея долга раскрывается через различные ее интерпретации. Каждая глава либо вводит новый аспект долга, либо углубляет и дополняет уже представленные его формы. В начале романа представлены два различных проявления долга, каждый из которых связан с определенным персонажем: служебный долг полицейского Йепсена и долг творчества художника Нансена. Противопоставление этих двух видов долга становится основой конфликта, который усложняется и углубляется с добавлением долга дружбы, а затем формирует новый долг, возникающий у самого Зигги. С каждым новым поворотом сюжета в тексте вводится новый аспект долга [3]. Таким образом, Зигги постепенно разворачивает это сложное понятие, расширяя содержание категории долга за счет новых контекстов и смысловых уровней. Она не только становится предметом анализа, но и служит структурным принципом организации всего повествования. Благодаря такой композиционной организации текст становится инструментом не только повествования, но и философского осмыслиения ключевой темы произведения.

Итак, роман «Урок немецкого» – это произведение, отличающееся сложной структурой, с использованием ретроспективных элементов и многослойной композиции. Такая структура соответствует задаче автора – показать, как переплетается индивидуальная судьба с коллективной судьбой народа в сложный исторический период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов, В. В. Поэтика / В. В. Иванов // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – URL : <https://feb-web.ru/feb/kle/abc/ke5/ke5-9362.htm> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Lenz, S. Deutschstunde / S. Lenz – URL: <https://www.studysmarter.de/schule/deutsch/epische-texte/deutschstunde/> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Романенко, О. Н. Романы Зигфрида Ленца конца 60-х – 70-х годов : авторефер. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Н. Романенко. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_000089926?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 14.05.2025).

Н. В. КОТЛЯРЕНКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Петровская

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДЕТЕКТИВНОЙ ПЬЕСЫ А. КРИСТИ «МЫШЕЛОВКА»

Пьеса «Мышеловка» (“The Mousetrap”) была написана Агатой Кристи, «королевой детектива», в 1952 году. Она стала одной из самых известных детективных пьес и пользуется неизменным успехом уже более полувека. В данной статье предлагается рассмотреть историю создания, жанровые и композиционные особенности пьесы.

«Мышеловка» началась как радиопьеса под названием «Три слепых мышонка», написанная для радио BBC в 1947 году по просьбе королевы Марии. Радиопостановка была приурочена к 80-летию королевы. Позже Агата Кристи преобразовала пьесу в короткий рассказ, а затем адаптировала в театральную пьесу, которая была впервые поставлена в Лондоне в 1952 году. Название было изменено во избежание путаницы с одноименной пьесой другого автора.

Сюжет пьесы основан на реальной истории, которая произошла в 1945 году, когда дети Дэнис и Дэвид Стивенсоны были убиты в районе Челси, Лондона. Это убийство получило широкую огласку в прессе, и, хотя детали реального преступления отличаются от пьесы, именно оно вдохновило Кристи на создание «Мышеловки». «Мышеловка» представляет собой классический детектив, в котором внимание сосредоточено на расследовании преступления, обычно убийства, и поиске преступника.

Пьеса обладает следующими композиционными особенностями:

1. *Действие пьесы разворачивается в замкнутом пространстве.* Пансионат «Монксуэлл-Мэнор» с его атмосферой изоляции («Снег теперь падает густо, а ветер воет снаружи. Как будто буря пытается отрезать нас от остального мира») становится идеальной сценой для раскрытия преступления [1].

2. *Количество персонажей пьесы ограничено.*

Ограничение числа персонажей до семи создает уникальную динамику взаимодействия между ними. Молли и Джайлс Рэлстон – молодая пара, владеющая пансионатом «Монксуэлл-Мэнор». Молли – добрая и заботливая, но склонная к тревожности, в то время как Джайлс – более сдержаный и практичный. Кристофер Рен – эксцентричный молодой архитектор, который кажется нервным и подозрительным. Миссис Бойл – строгая и властная пожилая женщина, которая постоянно критикует обстановку в пансионате. Майор Меткалф – отставной военный, который кажется добродушным и спокойным.

Мисс Кейсуэлл – молодая, энергичная и прямолинейная женщина, которая кажется немного грубоватой. Мистер Паравичини – загадочный иностранец с необычной манерой поведения. Сержант Троттер – полицейский, который прибывает в пансионат для расследования преступления. Малое количество персонажей способствует тому, что зрители начинают активно участвовать в расследовании, пытаясь вычислить убийцу самостоятельно. Такая композиционная особенность поддерживает постоянный интерес к развитию событий.

3. Использование автором ложных следов и подсказок (Red Herrings).

Агата Кристи виртуозно использует технику ложных улик, направляя внимание зрителей по неверному пути. Характерный пример – поведение миссис Бойл: ее резкие комментарии о пансионате («это место – настоящая ловушка» [1]) искусно создают видимость причастности к преступлению, хотя на деле отражают лишь особенности характера. Такие намеренные «обманки» поддерживают интригу, заставляя публику до последнего момента строить и отвергать версии.

4. Непредсказуемая развязка.

Финал пьесы знаменит своей неожиданностью. Автор мастерски маскирует истинного убийцу, предоставляя зрителям множество возможных подозреваемых. Когда же разгадка наконец раскрывается, она шокирует своей простотой и логичностью одновременно. Этот прием является одним из основополагающих элементов творчества Агаты Кристи, который делает ее произведения особенно запоминающимися. Непредсказуемая развязка не только удивляет зрителей, но и заставляет их переоценивать все увиденное ранее, что добавляет дополнительный слой глубины к пьесе.

5. Психологизм пьесы.

Кристи мастерски раскрывает внутренний мир персонажей через их реакции на кризисную ситуацию. Особенno показателен образ Молли Рэлстон: ее нарастающая паранойя и сомнения даже в собственном муже переданы через нервные диалоги, где за внешним спокойствием скрывается страх. Такая психологическая достоверность персонажей, проявляющаяся в их конфликтах и монологах, позволяет зрителю глубже погрузиться в атмосферу всеобщей подозрительности.

6. Широкий тематический ряд.

Тематическое богатство «Мышеловки» делает ее не просто детективом, но и философским произведением, затрагивающим важные вопросы человеческой жизни. Главные темы пьесы – месть, справедливость, доверие и предательство – проходят красной нитью через весь текст. Например, вопрос справедливости ставится перед зрителями через моральный выбор главного героя: следует ли ему остаться законопослушным гражданином или вершить правосудие от своего имени? Аналогично, тема доверия исследуется через взаимоотношения между героями, которые постепенно

распадаются под давлением обстоятельств. Эти темы придают пьесе универсальное значение, позволяя зрителям находить в ней актуальные для себя проблемы и идеи.

7. Темп и ритм.

Управление темпом и ритмом является ключевым элементом пьесы. Агата Кристи чередует напряженные и спокойные сцены, сохраняя баланс между драматическим накалом и необходимым отдыхом для зрителей. Например, после острых диалогов, связанных с расследованием, следуют более медленные эпизоды, создающие эмоциональную паузу перед новым пиком напряжения. Такая стратегия обеспечивает стабильное развитие сюжета и удерживает интерес зрителей до конца.

К художественным особенностям пьесы следует отнести: психологизм, символику и особую атмосферу повествования. А. Кристи мастерски выписывает характеры персонажей, их мотивации и внутренние конфликты. Название пьесы имеет множество смысловых пластов:

- *Прямая отсылка к детской песенке «Три слепые мышки».* В пьесе неоднократно звучит мотив песенки “Three Blind Mice”, которая становится лейтмотивом происходящих событий. Например, в начале пьесы один из персонажей напевает эту песенку, что сразу создает ощущение тревоги и предзнаменования. “Three blind mice, three blind mice... See how they run, see how they run...” [2]. Этот мотив повторяется на протяжении пьесы, усиливая ощущение надвигающейся угрозы.

- *Метафора ловушки для преступника.* Название пьесы “The Mousetrap” символизирует не только ловушку для преступника, но и ситуацию, в которой оказываются все персонажи. Они заперты в пансионате из-за снежной бури, и каждый из них становится подозреваемым. “We're all like mice in a trap here. No one can leave until this is solved” [1]. Это высказывание Молли Рэлстон подчеркивает, что все они находятся в западне.

- *Символ человеческой уязвимости.* Пьеса подчеркивает, что каждый персонаж уязвим, будь то физически, эмоционально или морально. Например, миссис Бойл, которая кажется сильной и властной, на самом деле оказывается одной из самых уязвимых, когда становится жертвой. “We're all on edge here. No one knows who's next” [1]. Эта цитата показывает, что никто из героев не чувствует себя в безопасности.

Средствами создания гнетущей атмосферы страха и подозрительности становятся:

- *Описание замкнутого пространства.* Пансионат “Monkswell Manor” становится ключевым элементом пьесы. Его замкнутость подчеркивается через описание непогоды за окном, которая отрезает героев от внешнего мира. “The snow keeps falling, the roads are blocked, and no one can get in or out” [1]. Это создает ощущение изоляции и безысходности.

- *Звуковые эффекты (вой ветра, скрип половиц)*. Агата Кристи использует звуковые эффекты, чтобы усилить атмосферу страха и напряжения. Например, вой ветра и скрип половиц создают ощущение, что за каждым углом подстерегает опасность. “*Do you hear that? The wind is howling like it wants to break in. And those creaking floorboards... It's as if the house is alive*” [1]. Такие описания добавляют пьесе готический оттенок.

- *Нарастающее напряжение в диалогах*. Диалоги между персонажами становятся все более напряженными по мере развития сюжета. Подозрения, обвинения и страх разъедают отношения между героями. “*Someone here is lying. Someone here is the murderer. And I won't rest until I find out who it is*” [4]. Данная фраза показывает, как напряжение достигает пика, и герои начинают подозревать друг друга.

В заключение следует отметить, что «Мышеловка» представляет собой эталон классического детектива, в котором А. Кристи искусно сочетает увлекательную интригу с глубоким психологизмом и философской проблематикой. Непрекращающаяся популярность пьесы, сохраняющаяся десятилетиями, подтверждает ее художественную ценность и значимость для мировой драматургии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кристи, А. Мышеловка: пьеса / А. Кристи ; пер. с англ. – Лондон : Samuel French Ltd, 1952. – 78 с.
2. The Agatha Christie Archive. – URL: <https://www.agathachristie.com> (дата обращения: 09.03.2025).
3. Иванова, Е. В. «Мышеловка» Агаты Кристи: жанровые и композиционные особенности / Е. В. Иванова // Вестник театрального искусства. – 2021. – № 3. – С. 45–60.
4. Кристи, А. Три слепых мышонка : радиопьеса / А. Кристи. – BBC, 1947. – URL: <https://www.bbc.co.uk/archive/three-blind-mice> (дата обращения: 09.03.2025).

К содержанию

С. В. КУЛИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столлярчук

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В ПОВЕСТИ К. С. ЛЬЮИСА «ПЛЕМЯННИК ЧАРОДЕЯ»

Художественное пространство определяется как одна из «важнейших характеристик художественного образа, обеспечивающая целостное восприятие художественной действительности и организующая композицию произведения» [1, с. 1174]. Пространство (топос) – это одно из ключевых проявлений реальности, с которым взаимодействует человек.

Ю. М. Лотман, не отрицая теорию хронотопа М. М. Бахтина, связанную с идеей неразрывного проникновения пространства и времени в литературном произведении, склонялся к обособленному их рассмотрению и настаивал на моделирующей функции художественного пространства: «...пространство в тексте есть язык моделирования, с помощью которого могут выражаться любые значения...» [2, с. 443]. «Пространственная организация есть одно из универсальных средств построения любых культурных моделей» [Там же].

Художественное пространство литературного произведения конкретизируется и реализуется с помощью предметов, которые его наполняют. Предметы не только конструируют пространство и задают его границы, но и организуют его структуру. Таким образом, пространство литературного текста приобретает свое семантическое и формальное наполнение через предметы, находящиеся в нем.

Повесть «Племянник Чародея», написанная К. С. Льюисом, относится к жанру фэнтези, поэтому стоит рассмотреть категорию пространства в данном контексте.

Главной характеристикой жанра фэнтези является наличие магии в произведениях. Именно она позволяет не только вновь оказаться в прошлом с помощью воспоминаний, но и дает возможность поменять ход времени либо изменить пространство.

Одной из главных отличительных черт фэнтези является «двоемирие». Практически в каждом произведении данного жанра читатель может наблюдать перемещение героев между параллельными мирами. Чаще всего персонажи перемещаются из реального мира в ирреальный мир, полный волшебства и магии.

Как отмечает О. А. Кострова, «фантастический хронотоп допускает искривление, растяжение и сжатие пространства, ускорение и замедление времени, мгновенные перемещения персонажа в пространстве и времени, исчезновения, появления и мгновенное перемещение иных материальных объектов, а также объекты с невозможными в реальности свойствами» [3, с. 2].

Писатели-фантасты всегда пытаются изменить пространство. Они добавляют фантастические места, нарушая правила пространственных (теле-портация) и временных переходов (путешествия во времени). Т. к. главной чертой фэнтези является «двоемирие», история в повести «Племянник чародея» разворачивается в реальном мире, Лондоне, и волшебном – Нарнии.

Главные герои, Дигори и Полли, впервые сталкиваются с неизвестностью путешествий, когда надевают кольца, созданные Эндрю Кеттерли. Дядя Дигори сам не до конца понимает, как работают кольца, поэтому дети не знают, куда они их приведут. Например, Полли и Дигори попадают в

Лес-между-мирами и переживают странное явление: теряют память и чувство времени и пространства. Этот Лес описан как место, где время почти не течет, и люди, которые попадают туда, забывают о себе и своих целях: *“The strangest thing was that, almost before he had looked about him, Digory had half forgotten how he had come there. At any rate, he was certainly not thinking about Polly, or Uncle Andrew, or even his Mother. He was not in the least frightened, or excited, or curious. If anyone had asked him “Where did you come from?” he would probably have said, “I’ve always been here” ... As he said long afterwards, “It’s not the sort of place where things happen. The trees go on growing, that’s all”* [4].

Еще одним примером перемещения в пространстве является прибытие детей в город Чарн, где они встречают королеву Джадис. Они не знают, что это за мир, и какие опасности могут их ожидать: *“The two children kept on turning round and round to look at the different sides of the courtyard. One reason was that they were afraid of somebody – or something – looking out of those windows at them when their backs were turned ... This place was at least as quiet as the Wood between the Worlds. But it was a different kind of quietness. The silence of the Wood had been rich and warm (you could almost hear the trees growing) and full of life: this was a dead, cold, empty silence. You couldn’t imagine anything growing in it”* [4].

Когда Дигори звонит в колокольчик, пробуждается Белая Колдунья, Джадис. Это нарушает баланс города и приводит к его разрушению. Данное событие показывает, как действия в одном мире могут иметь негативные последствия для других миров и временных линий, ведь уничтожив свой город, Колдунья намеревается попасть в мир обычных людей и захватить его: *“Now, let us be going”*. *“Going where?” asked both the children. “Where?” repeated Jadis in surprise. “To your world, of course” ... “It will soon be worth seeing when I rule it,” answered the Queen”* [4].

Лес-между-мирами является очень важным местом для героев повести. Оказавшись там, дети и Белая Колдунья чувствуют и ведут себя по-разному. Дигори и Полли реагируют на окружающую среду с удивлением и любопытством. Лес кажется им очень добрым и спокойным местом. Здесь они сталкиваются с магическими и неизведанными элементами, что пробуждает в них желание исследовать окружающий мир.

Колдунья Джадис реагирует на Лес-между-мирами совершенно иначе. Она боится и опасается этого места, поскольку лишается части своей магической силы и чувствует себя слабой. Ей кажется, что она может здесь умереть, если не будет осторожна: *“As soon as the Witch saw that she was once more in the wood she turned pale and bent down till her face touched the mane of the horse. You could see she felt deadly sick ... “My doom has come upon me,” said the Witch in a voice of horrible calmness”* [4].

Колдовские чары Белой Колдуныи Джадис в нашем мире не действуют. Но у нее остается нечеловеческая физическая сила: “*In Charn she had been alarming enough: in London, she was terrifying. For one thing, they had not realized till now how very big she was. “Hardly human” was what Digory thought when he looked at her... She was poised in her hand the iron bar that she had torn off the lamp-post, ready to throw it. Somehow no one doubted that she would be a very good shot*” [4].

Нхождение героев в Лесу-между-мирами показывает, как место/пространство способно не только меняться само, но и влиять на внутренние переживания героев. Лес становится активным участником событий, способный раскрывать страхи, желания и надежды.

Ключевым моментом является создание нового волшебного мира Нарнии. Лев Аслан становится центральной фигурой, которая связывает пространство и время. Он создает волшебный мир с помощью своего голоса: “*Aslan threw up his shaggy head, opened his mouth, and uttered a long, single note; not very loud, but full of power*” [4].

Основное различие между нашим миром и миром Нарнии заключается в том, что Нарния является волшебным миром, в то время как реальный мир лишен волшебства. В Нарнии магические объекты, такие как яблоко, дающее бессмертие (“*It is the apple of youth, the apple of life*”) обладают мощными свойствами, которые в нашем мире проявляются гораздо слабее, например, способностью исцелять от болезней: “... *About a week after this it was quite certain that Digory’s Mother was getting better. About a fortnight later she was able to sit out in the garden. And a month later that whole house had become a different place*” [4].

В результате анализа пространственной структуры повести «Племянник Чародея» можно сделать вывод, что писатель использует концепцию «двоемирия» и путешествий между мирами, чтобы показать читателю темы создания и взаимосвязи множества реальностей. К. С. Льюис вводит понятие «промежуточного» места. Это Лес-между-мирами, который служит точкой перехода между различными мирами, что позволяет героям перемещаться между ними и открывать новые реальности.

Автору удалось создать повесть, где каждый мир представляет собой неповторимую реальность со своими собственными законами и уникальными характеристиками. Читая произведения в жанре фэнтези, мы можем наблюдать не только за нелинейностью течения времени, но и за наличием фэнтезийных пространств (толосов). Магия является важной составляющей жанра, т. к. ее наличие необходимо для фэнтезийной реальности и служит для создания оригинальных хронотопов. Стоит отметить, что в художественной литературе пространство (толос) и время (хронос) неотделимы друг от друга. Пространство находится под влиянием времени,

поэтому, когда время подвергается изменениям, пространство подстраивается под него.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гопман, В. Фэнтези / В. Гопман // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : Интелвак, 2003. – С. 1173–1176.
2. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб. : Азбука, 2016. – С. 298–443.
3. Кострова, О. А. Пространственно-временная организация художественного мира в произведениях Дж. К. Роулинг / О. А. Кострова. – URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/II/uch_2009_II_00006.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
4. Lewis, C. S. Chronicles of Narnia “The Magician’s Nephew” / C. S. Lewis. – URL: https://mscerdasenglish.weebly.com/uploads/8/3/7/2/83721436/chronicles_of_narnia_magicians_nephew_by_c.s.lewis.pdf (дата обращения: 28.03.2025).

К содержанию

Е. А. ЛИВАДИНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

РОЛЬ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПТОВ В РАЗВИТИИ СЮЖЕТА РОМАНА Г. Д. РОБЕРТСА «ШАНТАРАМ»

Роман Грегори Дэвида Робертса «Шантарам», будучи художественным произведением, насыщенным событиями и колоритными персонажами, представляет собой глубокое философское размышление о природе человека, судьбе, морали и самопознании. Центральную роль в развитии сюжета и трансформации главного героя играют ключевые философские концепты, такие как карма, любовь и идентичность. Они выступают не только как элементы философского дискурса, но и как инструмент сюжетного и психологического развития.

Понятие «концепт» является одной из ключевых категорий когнитивной лингвистики. Концепт понимается как ментальная единица, структурирующая опыт человека и отражающая его познавательную деятельность. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт представляет собой «свернутую форму знания о мире, своеобразную ячейку памяти, в которой заключены смысловые характеристики объектов и явлений» [1, с. 90]. Таким образом, концепты являются основными элементами мыслительной деятельности человека и определяют его восприятие реальности.

В романе «Шантарам» Грегори Дэвида Робертса концепты играют значимую роль в передаче философских идей и культурных кодов. Автор, по-

гружая читателя в сложный, многослойный мир Бомбея, не только рассказывает историю жизни беглого преступника, но и активно исследует темы искупления, любви, свободы, идентичности и кармы. Через образы, описания и диалоги концепты приобретают конкретное содержание и становятся доступными для когнитивного восприятия читателя.

Концепт кармы занимает важное место в индийской философии, отсылая к идее причинно-следственной связи: каждое действие неизбежно влечет за собой последствия. В романе «Шантарам» карма становится неотъемлемой частью мироощущения персонажей. Один из заключенных в тюрьме говорит Лину: “Your karma brought you here, just like mine. We’re all in this prison for reasons we created ourselves” [2, с. 113]. Это высказывание иллюстрирует моральную нагрузку кармы: личный выбор неизбежно формирует жизненные обстоятельства. По мере развития сюжета Лин постепенно осознает, что благие действия способны трансформировать судьбу. Этот внутренний сдвиг становится основой его духовного роста.

В романе также философски осмысливается концепт «любовь», который проявляется по-разному. Любовь способна как возвышать, так и разрушать. Примером созидающей любви служит дружба Лина с Прабакером: “Love is when you give your heart without looking back. It’s a gift, not a trade” [2, с. 204]. Через эту мысль Робертс показывает, что любовь – это акт безусловной доброты. В то же время отношения Лина с Карлой демонстрируют деструктивный аспект чувства: болезненная зависимость приносит страдания и становится частью «темной кармы». Этот антагонизм подчеркивает амбивалентную природу любви в романе.

Идентичность – один из ключевых философских концептов в романе «Шантарам». Главный герой, беглый преступник, проходит путь к самопознанию через смену имени и образа жизни. Приняв имя «Шантарам», Лин символически отрекается от прошлого: “I created a new me, a new Shantaram” [2, с. 472]. Индийские социальные взаимодействия становятся средствами внутренней трансформации. Лин отходит от мнения, что идентичность формируется только прошлым, и понимает, что большую роль играет настоящее и новые поступки.

Как отмечает И. А. Стернин, эмоции при восприятии художественного текста играют роль моста между рациональным и интуитивным [3, с. 85]. В романе «Шантарам» философские идеи не отделены от сюжета – они воплощаются в поступках и переживаниях персонажей, тем самым вовлекая читателя как на интеллектуальном, так и на эмоциональном уровне. Читатель не просто анализирует карму или любовь, а переживает их вместе с героями, что делает концепты живыми и близкими.

Таким образом, философские концепты в романе «Шантарам» выполняют не только эстетическую и сюжетную функции, но и становятся основой

вой для построения глубинной идеи романа: человек может изменить свою судьбу через осознанные действия, любовь и самопознание. Через эти концепты Робертс приближает западного читателя к восточной философии, демонстрируя ее практическую ценность и эмоциональную силу. Это делает роман не просто приключенческим повествованием, а глубоким философским произведением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : МГУ им. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. Roberts, G. D. Shantaram / G. D. Roberts. – Boston : Little, Brown and Company, 2005. – 994 p.
3. Стернин, И. А. Антология концептов / И. А. Стернин. Волгоград : Парадигма, 2006. – 358 с.

[К содержанию](#)

Ю. А. РЫЖКОВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНАХ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» И «НОЧЬ НЕЖНА»

Фрэнсис Скотт Фицджеральд – один из ключевых представителей «потерянного поколения» в американской литературе XX века. Его произведения отражают кризис американской мечты, разочарование в идеалах и трагедию человеческих отношений. Особое место в его романах занимают женские образы, которые не просто дополняют сюжет, но и становятся символами эпохи, олицетворяя ее противоречия. Ф. С. Фицджеральд создал в своих произведениях глубокие и многогранные женские образы, которые стали также и воплощением ключевых социальных и психологических проблем американского общества 1920–1930-х годов. В романах «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» писатель исследует положение женщины в условиях стремительно меняющихся социальных норм, где традиционные ценности сталкиваются с новыми представлениями о свободе и самореализации.

Ф. С. Фицджеральд изображает женщин сложными, зачастую трагичными фигурами. Они являются жертвами общества, воплощая как романтические идеалы, так и жестокую реальность. В романе «Великий Гэтсби» Дейзи Бьюкенен и Джордан Бейкер представляют два разных типа женщин 1920-х годов. Дейзи – хрупкая, инфантильная, зависимая от мужчин, Джордан – независимая, холодная, олицетворяющая «новую женщину»

эпохи джаза. Дейзи Бьюкенен становится одновременно символом американской мечты и разочарования в ней. В романе «Ночь нежна» Николь Дайвер и Розмэри также противоположны друг другу: Николь – жертва психической болезни и патриархальных отношений, а Розмэри – молодая, наивная актриса, чья судьба оказывается не менее драматичной. Они вынуждены адаптироваться к новым условиям, где деньги и статус становятся главной частью успеха. Автор не просто изображает женщин как пассивные объекты мужского внимания – он наделяет их собственной волей, амбициями и способностью влиять на окружающих, хотя зачастую это влияние оказывается разрушительным.

Дейзи представляет собой классический образ «золотой девушки» – красивой, но внутренне опустошенной представительницы высшего общества. Ее характер раскрывается через отношение к деньгам и любви: *“Her voice is full of money... That was the inexhaustible charm that rose and fell in it, the jingle of it, the cymbals’ song of it...”* [1, с. 128]. Это описание показывает, что даже сами личные качества Дейзи связаны с богатством. Ее трагедия заключается в неспособности сделать осознанный выбор между Гэтсби и Томом. Несмотря на кажущуюся хрупкость, Дейзи жестока в своих поступках. Она позволяет Гэтсби надеяться на их будущее, но в критический момент выбирает безопасность брака с Томом: *“They were careless people, Tom and Daisy – they smashed up things and creatures and then retreated back into their money or their vast carelessness, or whatever it was that kept them together, and let other people clean up the mess they had made...”* [1, с. 191].

Джордан представляет тип независимой, но циничной женщины. Она профессиональная гольфистка, что для 1920-х было нетипично, и открыто говорит о своем пренебрежении к морали: *“I hate careless people. That’s why I like you”* [1, с. 64]. В то время как она громко заявляет о своей неприязни к небрежным людям, ее собственное поведение, включая мошенничество в гольфе и поверхностные отношения, полностью опровергает это заявление. Ф. С. Фицджеральд показывает, что сама Джордан далека от идеалов – она участвует в нечестных играх, лжет и манипулирует. Таким образом, автор показывает, что даже самые «прогрессивные» женщины эпохи остаются заложницами двойных стандартов общества.

Николь Дайвер – это также сложный и психологически глубокий женский образ в творчестве Ф. С. Фицджеральда. Ее история в романе «Ночь нежна» представляет собой драму женщины, сломленной насилием и патриархальным обществом, но постепенно обретающей силу за счет разрушения мужчины, который ее «спас». Ее зависимость от мужа подчеркивается в тексте: *“Nicole was the product of much ingenuity and toil. For her sake trains began their run at Chicago and traversed the round belly of*

the continent to California..." [2, с. 83]. Николь больна. Ее болезнь проявляется в истериках, паранойе и неспособности к нормальным социальным отношениям. Дик Дайвер, ее врач и будущий муж, изначально видит в ней объект для спасения: "*He wanted to be good, he wanted to be kind, he wanted to be brave and wise*" [2, с. 200]. Однако в ходе развития сюжета Николь заметно меняется: "*Nicole was a force ...*" [2, с. 91]. Данный пример подчеркивает изменение ее статуса. Теперь она не объект лечения, а самостоятельный субъект, вырвавшийся из-под контроля мужа.

Розмэри – молодая актриса, чья наивность контрастирует с миром взрослых страстей. Ее восхищение Диком показывает ее романтические иллюзии: "...and indeed Rosemary was already beyond that – she was *In the movies but not at all At them*" [2, с. 47]. Розмэри воспринимает окружающих как актеров в фильме, не задумываясь о последствиях своих действий. В финале она разочаровывается в Дике, понимая, что ее идеализированный образ не соответствует реальности.

Ф. С. Фицджеральд создает в своих романах глубокие и противоречивые женские образы, которые становятся зеркалом «эпохи джаза». Через судьбы Дейзи, Николь, Джордан и Розмэри писатель раскрывает трагический конфликт между личными мечтами и жестокой реальностью.

Главная особенность этих персонажей – их двойственность. Они одновременно и жертвы обстоятельств, и активные участники собственных драм. Дейзи и Николь, несмотря на внешнюю хрупкость, оказываются разрушительницами мужских судеб. Джордан и Розмэри, демонстрируя независимость, все равно становятся заложницами социальных условностей. Ф. С. Фицджеральд показывает, что в мире, где правят деньги и иллюзии, настоящее счастье невозможно. Его героини – яркие символы эпохи, в которой внешний блеск скрывает внутреннюю пустоту, а свобода оказывается лишь новой формой зависимости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fitzgerald, F. S. *The Great Gatsby* / F. S. Fitzgerald. – URL: https://www.wsfcs.k12.nc.us/cms/lib/NC01001395/Centricity/Domain/7935/Gatsby_PDF_FullText.pdf (дата обращения: 22.04.2025).
2. Fitzgerald, F. S. *Tender is the Night* / F. S. Fitzgerald. – URL: <https://gosafir.com/mag/books/tender-is-the-night.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

[К содержанию](#)

А. Е. САШКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Н. ГЕЙМАНА «НИКОГДЕ»

Роман Нила Геймана «Никогде» представляет собой уникальное явление в современной литературе фэнтези, в котором, однако, переплетаются черты различных литературных жанров. Это произведение демонстрирует исключительное мастерство автора в создании многослойного повествования, органично сочетающего элементы городского фэнтези, мистики, социальной фантастики и классического приключенческого романа.

Действие разворачивается в параллельном мире, скрытом под улицами Лондона. Н. Гейман виртуозно использует прием «скрытого мира», органично вплетая фантастические элементы в ткань современного мегаполиса. Подобно классическим произведениям жанра, автор создает альтернативную реальность, существующую бок о бок с нашим миром, но невидимую для большинства людей.

Структура повествования насыщена элементами мистического детектива. Главный герой Ричард Мэйхью оказывается втянут в череду загадочных событий, связанных с пропажей девушки и тайнами подземного Лондона. Детективная интрига строится на элементах расследования, погонях за разгадками и раскрытии тайн, что создает характерную для мистических историй атмосферу. Так, например: *“A door opened in the wall, a little way ahead of them. Someone stepped out and stood swaying for one long terrible moment, and then collapsed to the concrete”* [1]. *“And they walked away together through the hole in the wall, back into the darkness, leaving nothing behind them; not even the doorway”* [1].

Социальная фантастика в романе проявляется через глубокую критику современного общества. Н. Гейман противопоставляет два мира: поверхностный, где люди живут в комфорте, но теряют связь с реальностью, и подземный, где герои вынуждены бороться за выживание, но сохраняют человечность и взаимопомощь.

Уникальность анализируемого романа заключается в синтезе различных жанровых элементов. Н. Гейман создает сложную многоуровневую структуру повествования, где фэнтези-элементы (магия, фантастические существа и параллельный мир) органично переплетаются с реалистичными деталями современного Лондона. При этом социальные проблемы поднимаются через призму фантастического повествования, а приключенческий сюжет держит читателя в постоянном напряжении. Например, Нижний

Лондон описывается так: “*Perhaps it was a tunnel for telephone cables, or for very small trains. Or for ... something else. He realized that he did not know very much about what went on beneath the streets of London. He walked nervously, worried that he'd catch his feet in something, that he'd stumble in the darkness and break his ankle. De Carabas strode on ahead, nonchalantly, apparently not caring whether Richard was with him or not. The crimson flame cast huge shadows on the tunnel walls*” [1].

Важную роль в произведении играет символизм и метафоричность. Подземный Лондон становится метафорой скрытого потенциала человека и символом социальной несправедливости. Тема «двойного дна» пронизывает весь текст, отражая как жанровую многослойность, так и философский подтекст произведения. “*If you're part of London Below,” said Door to Richard, in a conversational voice, as they walked, side by side, into the next hall, “they normally don't even notice you exist unless you stop and talk to them. And even then, they forget you pretty quickly.” “But I saw you,” said Richard. It had been bothering him for a while*” [1].

Роман «Никогде» оказал значительное влияние на развитие городского фэнтези как жанра. Н. Гейман продемонстрировал возможности сочетания фантастических элементов с реалистичным изображением современного города, что впоследствии стало характерной чертой многих произведений данного жанра.

Таким образом, роман «Никогде» представляет собой яркий пример успешного жанрового синтеза, где элементы городского фэнтези, мистики, социальной фантастики и детектива создают уникальное художественное целое. Мастерство Н. Геймана заключается в способности органично соединить различные жанровые компоненты, создав при этом цельное и увлекательное повествование, которое продолжает вдохновлять современных авторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gaiman, N. Neverwhere / N. Gaiman. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/NxPY9ABTvCYaaGX5_a2tJ8NyMzP9J6yHazjqdq43Un4zVFbDTsGDeauaQNnGBpHzCYrvX90CLM18DoU_4Q3R8VHtKhMP2bAsKHjyW2Jq6iX8tO9GpbKr-A/Neverwhere.pdf (дата обращения: 13.04.2025).
2. Бугров, Р. Б. Городское фэнтези как феномен современной литературы / Р. Б. Бугров // Вестник МГУ. Филология. – 2022. – №3. – С. 123–135.

Ю. С. СОХОНЕВИЧ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО ФЭНТЕЗИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Н. ГЕЙМАНА «НИКОГДЕ»

Являясь одним из самых ярких и многогранных жанров литературы, фэнтези дает нам возможность выйти за пределы привычной реальности и погрузиться в миры, где сверхъестественные явления становятся частью повседневности. Этот жанр был изначально основан на желании людей понять неизведанное, придумывая истории и мифы, в которых рассказывается о борьбе добра и зла, поиске смысла жизни и преодолении трудностей.

В процессе естественной эволюции жанра фэнтези в ответ на изменения в обществе и культуре зародился такой жанр, как городское фэнтези. В середине и второй половине XX века, когда города становились все более значимой частью повседневной жизни, литература, как отражение социальных и культурных изменений, стала адаптироваться к этим новым реалиям. Писатели стремились соединить знакомую городскую среду с элементами волшебного и сверхъестественного, переосмысливая привычное пространство и наделяя его новыми смыслами.

Е. А. Сафон определила городское фэнтези как «субжанр фэнтези, ключевыми признаками которого являются: идея двоемирия, позволяющая создавать новый иной сверхъестественный мир, обусловленный множеством фантастических посылок и встраивающийся в привычную городскую реальность; наличие организующего композицию мотива Пути-дороги (герой совершает Квест внутри городского пространства и возвращается обратно, причем чужой мир сверхъестественного оказывается сильнее протагониста и лишь временно сдает свои позиции); присутствие неудовлетворенного жизнью протагониста, стремящегося к недостижимому идеалу; ориентированность на изображение идейно-нравственной проблематики» [1, с. 16].

Идея двоемирия реализуется через переплетение нашей привычной реальности с ее волшебной версией, где линии между двумя мирами стираются. Такой подход позволяет исследовать, как сверхъестественное влияет на привычную жизнь, изменяя героев и их представления о себе. Нил Гейман в романе «Никогде» воплощает эту идею через концепцию двух Лондонов – Верхнего Лондона и Нижнего Лондона. Как объясняет один из персонажей, *‘Young man,’ he said, ‘understand this: there are two Londons. There’s London Above – that’s where you lived – and then there’s London Below – the Underside – inhabited by the people who fell through the cracks in the world. Now you’re one of them. Good night’* [2, с. 101]. Этот момент подчер-

кивает не только существование параллельных миров, но и переход главного героя из привычного пространства в неизвестное, магическое. Нижний Лондон становится одновременно физическим и символическим местом, отражая сложность городской среды, где реальное и сверхъестественное переплетаются, изменяя восприятие мира героем. Ю. Н. Афонина пишет: «именно фэнтези как синтез различных жанровых образований обеспечивает единство “двоемирия”: реального мира писателя и вымышленного мира, страны, где живет он и его герой. В обоих мирах существуют одни и те же нравственные категории, но герои, осуществляя переход из одного мира в другой, обретают собственное «я» в «ином мире», что ярко выражено в судьбах и поступках героев» [3, с. 135]. Благодаря этому подходу персонажи обретают возможность трансформации через взаимодействие двух миров.

Важность этой атмосферы не ограничивается только фоном сюжета. Напряжение и таинственность играют ключевую роль в формировании эмоциональной вовлеченности читателя. Как подчеркивает Т. И. Хоруженко, «В основе городского фэнтези лежит не столько разгадывание загадки, сколько атмосфера тайны, постоянного нарастающего напряжения. Загадка обычно также присутствует в сюжете, но ей отдается далеко не первое место» [4, с. 213]. Таким образом, жанр сосредотачивается на создании пространства, где читатель ощущает себя частью происходящего.

Город в рамках жанра городского фэнтези – это не просто пространство, это полноправный герой, который задает тон повествованию. Одной из уникальных особенностей городского сеттинга является его многослойность. Лондон, изображенный Нилом Гейманом в «Никогде», является примером мноуровневого пространства, где сталкиваются хаос и порядок, реальное и магическое. На первых страницах романа автор описывает первые впечатления главного героя Ричарда о городе: *“When he had first arrived, he had found London huge, odd, fundamentally incomprehensible, with only the Tube map, that elegant multicolored topographical display of underground railway lines and stations, giving it any semblance of order”* [2, с. 17]. В этом описании город воспринимается как пространство, полное загадок, но при этом не лишенное системы и порядка, которую символизирует карта метро. Улицы и здания наполнены историей, тайнами и символизмом, которые могут отражать темы произведения. Городская среда – это нечто живое, где различные пространства выполняют разные роли. Например, заброшенные здания могут стать порталами в магический мир, а темные аллеи и переулки – местами столкновений со злом. Эти элементы обогащают повествование, задавая настроение и усиливая атмосферу происходящего.

В городском фэнтези центральное внимание уделяется протагонисту, чья личность и путь тесно связаны с магическим характером городской

среды. Обычно это герой, которому необходимо найти гармонию между двумя мирами – обыденным и сверхъестественным. Столкновение с магическим миром становится для него поворотным моментом, в процессе которого герой постигает новые грани себя и реальности. Так, в «Никогде» Ричард Мэйхью, попав в мир Нижнего Лондона, испытывает сильное чувство отчужденности и страха перед новой реальностью. Его эмоциональное состояние ярко выражено в фразе: *“I want to go home. Then he mentally underlined the last sentence three times, rewrote it in huge letters in red ink, and circled it before putting a number of exclamation marks next to it in his mental margin”* [2, с. 108]. Это мысленное восклицание отражает его желание вернуться к привычному порядку вещей и одновременно подчеркивает степень его внутреннего кризиса, предшествующего его будущей трансформации как личности.

Таким образом, городское фэнтези демонстрирует, как пересечение магического и повседневного позволяет исследовать новые грани литературы. На первый план выходит идея двоемирия, где герои сталкиваются с вызовами, требующими не только внешнего противостояния, но и внутреннего анализа. Такой подход делает жанр особенно значимым для современной культуры, поскольку он отражает сложность человеческой природы и городского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафон, Е. А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков : дис. ... д-ра фил. наук : 10.01.01 / Сафон Елена Александровна ; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Нац. исслед. Ниж. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского】. – Саранск, 2021. – 437 л.
2. Gaiman, N. Neverwhere: Author's Preferred Text / N. Gaiman. – New York, NY : William Morrow, an imprint of HarperCollinsPublishers, 2015. – 318 p.
3. Афонина, Ю. Н. Двоемирие в повествовательной структуре «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса / Ю. Н. Афонина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 1. – С. 135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoemirie-v-povestvovatelnoy-strukture-hronik-narnii-k-s-lyuisa/> (дата обращения: 21.04.2025).
4. Хоруженко, Т. И. Русское фэнтези на границе с детективом: трансформации жанра / Т. И. Хоруженко // Вестник ННГУ. – 2018. – № 1. – С. 209–215. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-fentezi-na-granitse-s-detektivom-transformatsii-zhanra> (дата обращения: 21.04.2025).

А. И. СТУДЕНЧИК

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель – М. Е. Маслова

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ
АВТОРСКОГО ФАНТАСТИЧЕСКОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ «БАЛЛАДА О ЗМЕЯХ И ПЕВЧИХ
ПТИЦАХ»)**

В данной статье рассматриваются стилистические средства, используемые известным современным американским автором Сьюзен Коллинз для создания уникального авторского фантастического мира в романе «Баллада о змеях и певчих птицах».

Романы Сьюзен Коллинз относятся к постапокалиптической научно-фантастической литературе, которая представляет собой один из популярных поджанров научной фантастики. Научная фантастика – литературный жанр, для которого характерны элементы воображения, научные идеи и предположения о развитии технологий, общества и человеческих возможностей. Этот жанр выходит за рамки современной реальности, исследуя потенциальное будущее, сформированное научными и технологическими достижениями [1]. Постапокалиптическая фантастика фокусируется на изображении мира после масштабных катастроф или социальных потрясений, что позволяет авторам глубже исследовать природу человечества в условиях, когда привычная цивилизация исчезла. Постапокалиптические произведения погружают читателей в реальность, где борьба за выживание сочетается с поиском новых моральных ориентиров, что делает данный поджанр интересным как с художественной, так и с научной точки зрения. Постапокалиптическая научная фантастика предлагает читателям увидеть мир уже после глобальной социальной, техногенной или экологической катастрофы.

Современная научная фантастика, а особенно постапокалиптика является инструментом для анализа экологических, социальных и моральных выборов. Цикл романов Сьюзен Коллинз «Голодные игры», частью которого является «Баллада о змеях и певчих птицах», отличается использованием целого спектра стилистических средств, создающих уникальную атмосферу. Наиболее значимыми для постапокалиптической литературы являются такие стилистические средства как метафоры, символы, ирония – все это отражает универсальные черты поджанра.

На протяжении развития научной фантастики писатели использовали стилистические приемы для создания миров, отражающие человеческие страхи и надежды в различных временных периодах. Улучшая эстетические качества текста, вызывая эмоции, углубляя смысл или устанавливая

ритм, эти приемы помогают авторам более эффективно общаться со своими читателями. Благодаря стратегическому использованию стилистических приемов авторы воздействуют на сознание и чувства читателя, формируя то, как текст интерпретируется и оценивается по достоинству [2]. Сьюзен Коллинз продолжает использовать эти же стилистические приемы, показывая мир после глобального катаклизма, где людям необходимо не только проходить через жестокие игры на выживание, но и оставаться людьми.

Материалом для нашего исследования послужил текст романа «Баллада о змеях и певчих птицах», в котором было выявлено 573 стилистических приема, среди которых доминируют метафоры (23,4 %), символы (17,1 %) и сравнения (14,8 %). На основе материала текста проведен лингвостилистический анализ, выявивший основные приемы и их функциональную значимость, показывая, как стилистика Коллинз способствует критическому осмыслению современных проблем через постапокалиптический роман. Особое внимание уделяется роли метафор, символов, иронии и аллюзий в формировании атмосферы постапокалиптического общества и раскрытии социально-философских тем.

В тексте исследуемого произведения автор использует метафоры для создания запоминающихся образов, а также для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателей. Это делает чтение более увлекательным и побуждает к размышлению. Рассмотрим несколько ярких примеров употребления метафоры:

'Snow lands on top and all that' [3] – это фраза подчеркивает амбициозность Кориолана Сноу и готовность стать «выше всех». Здесь используется игра слов: '*Snow*' (фамилия героя) и '*lands on top*' (снег лежит сверху). '*His rash burned from his sweat*' [3]. Сыпь сравнивают с огнем, подчеркивая мучения и страдания героя. Глагол *burned* создает более яркий, ощутимый образ боли и зуда, делая состояние главного героя почти невыносимым.

Следующим стилистическим средством, к которому прибегает Сьюзен Коллинз в тексте романа, является символ. Автор использует символы чтобы показать развитие персонажей. Змеи – один из наиболее важных символов в романе. Обратимся к примеру из книги. '*Coriolanus reached in slowly, feeling the warmth of the heated air. That's right. Move gently. Don't disrupt them, Dr. Gaul instructed. He scooped his fingers under the edge of a sheet of his proposal and slowly slid it out from under the snakes. They slumped down into a heap but didn't seem to mind much. 'I don't think they even noticed me, ' he said to Clemensia, who looked a little green'*' [3]. В данном эпизоде змеи игнорируют Кориолана, что метафорически указывает на пока что еще внутреннее родство его хладнокровия с хладнокровными рептилиями. Еще одним примером символа в романе является серебряная пурпурница –

реликвия прошлого, которая становится инструментом лицемерия. Передавая ее Люси, Кориолан демонстрирует разрыв между сентиментальностью и прагматизмом. Ирония раскрывает двойственность персонажей. Обратимся к примеру из романа: *'I'm her true love. And I saved her life'* [3] – самоописание Кориолана, который позже планирует убийство Люси, показывает лицемерие с его стороны по отношению к девушке.

Стилистические приемы Коллинз отражают переход от постапокалиптики к внутренним конфликтам героев. Сравним стиль автора со стилем других писателей: Рэй Брэдбери в романе «451 градус по Фаренгейту» уделяет особое внимание разрушению природной и культурной среды, создавая мрачную атмосферу через символы и монологи. Рассмотрим один из ярких примеров: *'We need not to be let alone. We need to be really bothered once in a while. How long is it since you were really bothered? About something important, about something real?'* [3] Данний отрывок демонстрирует, как Брэдбери через простую, но достаточно напряженную риторику показывает внутренние конфликты в обществе. Коллинз же делает упор на минимализм, используя краткие диалоги: *'You're ready? I guess. Just stay alive. You too'* [3], чтобы передать эмоционально выгорание персонажей. Кормак Маккарти в романе «Дорога» использует мрачные пейзажи в качестве фона, на котором развивается сюжет. В произведении Сьюзен Коллинз пейзажи и описание природы становятся символами. Снег – символ превосходства и амбициозности. Змеи – предательство и хладнокровность. Певчие птицы – символ свободы и недоступности для обычных граждан.

Стилистические средства в романе «Баллада о змеях и певчих птицах» становятся основным способом для понимания авторского замысла. Они не только создают особую атмосферу и настроение мира после катастрофы, но и помогают понять современные проблемы, связанные с экологией и научным прогрессом. Анализ романа Сьюзен Коллинз «Баллада о змеях и певчих птицах» показывает, что стилистические средства играют важную роль в создании постапокалиптической атмосферы и раскрывания философских и социальных тем. Метафоры, символы, ирония, сравнения – все это не только усиливает выразительность текста, но и помогает читателю лучше понять внутренний мир, а также мотивы героев книги. Сьюзен Коллинз умело использует язык как инструмент осмысления реального мира, показывая проблемы, такие как моральный выбор, утрата человечности и последствия технического прогресса. Таким образом, стилистические особенности являются одной из основных частей создания авторского мира, делая роман не только художественным, но и актуальным для современной научной фантастики и постапокалиптической литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Science_fiction. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/science-fiction?q=Science+fiction> (дата обращения: 01.04.2025).
2. Роль стилистических приемов в английской литературе / Е. Мередова, Р. Гельдиев; под общ. ред. М. Гурбановой. – Ашхабад: Туркменск. гос. ун-т, 2024. – 136 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-stilisticheskikh-priemov-v-angliyskoy-literature> (дата обращения: 01.04.2025).
3. Collins, S. The Ballad of Songbirds and / S. Collins. – URL: <https://oceanofpdf.com/authors/suzanne-collins/pdf-epub-the-ballad-of-songbirds-and-snakes-the-hunger-games-0-download-68082320023/> (дата обращения: 01.04.2025).

[К содержанию](#)**Н. А. СУХАНИЦКИЙ**

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

**РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРИЕМЫ
ПЕРЕДАЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В. КАМИНЕРА)**

Термин «реалия» представляет собой сложное и многогранное понятие, которое стало объектом изучения в различных научных дисциплинах. В основе понятия лежит латинское слово *realis*, что означает «вещественный» или «действительный». Данное слово изначально обозначало предметы материального мира, тесно связанные с реальными явлениями и объектами. Со временем термин «реалия» стал использоваться в лингвистике, культурологии, переводоведении и других дисциплинах для обозначения уникальных элементов культуры и языка, которые невозможно в полной мере отразить в других языках и культурных системах без утраты их специфического контекста.

С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как слова или словосочетания, обозначающие уникальные объекты материальной или духовной культуры, обладающие ярко выраженным национальным или историческим колоритом, что делает их трудно переводимыми и требует специфических подходов при передаче смысла на другой язык. Ученые подчеркивают, что реалии имеют ценность не только как носители информации, но и как средства сохранения культурного наследия [1].

Реалии являются значимым объектом анализа в области их функционирования в художественном тексте. Они рассматриваются как элементы, которые помогают понять, каким образом культурные феномены адаптируются и трансформируются в условиях межкультурного взаимо-

действия. В инокультурных художественных текстах реалии играют роль маркеров культурной идентичности, которые могут быть переосмыслены или адаптированы для новой аудитории.

Введение реалий в художественный текст – это сложный процесс, требующий тщательного выбора метода перевода и адаптации, чтобы сохранить точность содержания и культурную уникальность. Рассмотрим, какими приемами передачи реалий пользуется В. Каминер, один из самых известных русскоязычных писателей-мигрантов, живущих в настоящее время в Германии. Основные этапы его писательской карьеры таковы: родился в Москве в 1967 году, с 1990 года живет в Берлине. Его первый сборник рассказов *Russendisko* быстро сделал Владимира Каминера одним из самых популярных и востребованных писателей Германии. На сегодняшний день Каминер опубликовал тридцать книг, три из которых он издал и написал в соавторстве.

Материалом нашего исследования послужили сборники рассказов В. Каминера „*Militärmusik*“ и „*Meine russischen Nachbarn*“. Сборник „*Militärmusik*“ представляет собой цикл рассказов, где автор использует автобиографические мотивы для сатирического осмысливания советской действительности, включая аспекты военной культуры. Сборник „*Meine russischen Nachbarn*“ посвящен русскоязычной эмигрантской среде в Германии. В этом сборнике Каминер изображает культурное взаимодействие, адаптацию и особенности восприятия немецкой действительности выходцами из постсоветского пространства. Оба произведения предоставляют богатый материал для анализа реалий, их контекстуального употребления и лингвокультурной функции.

По словам Л. С. Кульпиной «в тексте транскультурного произведения значимую роль играют лингвокультурные пространства «старой» (исковой) и «новой» (новообретенной) родины, здесь возникают национально-исторические образы фикциональной реальности, которые воспринимаются читательской аудиторией как реальные образы определенной страны и культуры» [2].

В ходе анализа сборника „*Militärmusik*“ нами было выявлено 130 реалий. Из них: 110 единиц (около 85 %) относятся к советско-российской культурной традиции; 20 единиц (15 %) представляют смешанный контекст, где заимствованные элементы органично вписываются в российскую культурную систему.

В произведении „*Meine russischen Nachbarn*“ мы выявили 120 реалий. Из них: 72 единицы (60 %) отражают элементы немецкой культурной среды; 36 единиц (30 %) – реалии, относящиеся непосредственно к российской культуре; 12 единиц (10 %) – смешанный культурный контекст, свидетельствующий об интенсивном межкультурном обмене.

Полученные цифры свидетельствуют о поликультурном характере текстов, что соответствует мигрантскому опыту автора и формированию транскультурной идентичности через сознательное сочетание культурных элементов.

Рассмотрим способы введения реалий в тексты. В большинстве случаев В. Каминер использует транскрипцию и транслитерацию для передачи реалий. Этот метод позволяет сохранить фонетическое и графическое сходство оригинального понятия, что особенно важно для передачи культурного колорита и аутентичности текста (*Lenin, Komsomol, Samowar, Schaschlik, Pelmeni, Blini, Matroschka* и т. д.). Введение подавляющего числа реалий посредством транскрипции и транслитерации показывает, что В. Каминер сознательно сохраняет фонетическую и графическую идентичность советско-российских культурных маркеров. Это позволяет не только передать историческую и бытовую специфику, но и обеспечить сохранение оригинального культурного кода в условиях межкультурного диалога.

Следующим по частотности методом введения реалий в текст является калькирование (*Große Oktoberrevolution, Sowjetunion, Pionierlager, Borodino-Brot, Bolshoi-Theater, Befreiung Europas durch die Rote Armee* и т. д.). Сохранение буквальной структуры реалии способствует тому, что читатель видит непосредственное соответствие между смысловым наполнением в исходном языке и его воплощением в языке-реципиенте.

Изредка встречается описательный перевод, предполагающий, что исходная реалия дополняется поясняющими элементами, которые раскрывают ее культурный, исторический и эмоциональный контекст. В условиях межкультурного диалога описательный перевод помогает сформировать полное представление о значимости реалии, делая ее понятной для аудитории, не знакомой с исходной культурой. Нами был выделен следующий случай использования описательного перевода реалии: *Vatnik – ein gepolstertes Jackett, das als ikonisches Symbol der sowjetischen Alltagskleidung und als Visage der nostalgischen Erinnerung an vergangene Zeiten gilt* [3].

Так же редко встречается комбинированный метод введения реалий, который представляет собой синтез нескольких переводческих стратегий. При этом первоначальный лексический элемент сохраняется в неизменном виде, а дополнительное описательное пояснение помогает читателю уловить культурный и идеологический контекст данной реалии. Так, комбинированный метод реализуется, например, на примере реалии *Vatnik*. Здесь термин сохраняется в форме транскрипции, после чего добавляется описательная компонента, раскрывающая его идеологическую и культурную нагрузку: *Vatnik – ein gepolstertes Jackett, das als ikonisches Symbol der sowjetischen Alltagskleidung und als Visage der nostalgischen Erinnerung an vergangene Zeiten gilt*. В произведении *Meine russischen Nachbarn* мы также

наблюдаем пример комбинированного метода на примере реалии *Russky-WG unter einem Dach*. Здесь оригинальный термин, обозначающий типичную для мигрантской среды ситуацию совместного проживания русскоязычных жителей, передается дословно. Одновременно с сохранением терминологической формы, автор добавляет пояснительный компонент („*eine gemeinschaftlich organisierte Wohnsituation, die das Phänomen der räumlichen Zusammenführung russischstämmiger Migranten in Deutschland widerspiegelt*“) [4], что позволяет полноценно передать как формальную, так и содержательную нагрузку исходного выражения. Еще одним примером из текста произведения является реалия *Deutsch-Russisches Slowar*. Здесь сохраняется оригинальное сочетание, указывающее на специфический культурный диалог между двумя языковыми и культурными системами. После этого следует пояснение – „*ein lexikalisches Nachschlagewerk, das als verbindende Brücke zwischen den deutschen und russischen Sprach- und Kulturräumen dient*“ [4]. Такой подход обеспечивает сохранение первоначального лексического кода и одновременно разъясняет значение понятия для читателя. Применение комбинированного метода в переводе реалий произведений В. Каминера позволяет интегрировать преимущества как дословного воспроизведения, так и описательного перевода.

Следует отметить, что В. Каминер практически не прибегает к адаптивному переводу. Автор предпочитает сохранять оригинальную культурно-историческую составляющую реалий посредством транскрипции, описательного перевода и калькирования. Так, реалии, относящиеся к советско-российской системе (например, *Komsomol* или *Pionierlager*), передаются дословно без замены на аналоги, характерные для немецкой культурной традиции – адаптация в данном случае не применяется, что позволяет читателю ощутить подлинный колорит советской эпохи. Аналогичная стратегия прослеживается при передаче реалий этнографического характера, таких как *Samowar* и *Gzhel*, где сохранение исходной терминологии является приоритетным, а попытка адаптации могла бы ослабить историко-культурную нагрузку исходного термина. В тех случаях, когда отсутствует устоявшийся эквивалент в целевом языке, адаптивный перевод мог бы представлять собой замену реалии на понятие, привычное немецкой аудитории. Однако анализ текстов В. Каминера свидетельствует о том, что автор сознательно отказывается от этой методики, стремясь сохранить оригинальность и насыщенность культурного кода.

Таким образом, при переводе реалий в анализируемых произведениях основное внимание уделяется сохранению исходных понятий, что подтверждается минимальным использованием адаптивного перевода. Это решение способствует тому, что культурно-историческая специфика советско-российского пространства остается неизменной, а межкультурная

динамика, характерная для мигрантского опыта автора, передается напрямую через оригинальные языковые единицы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 360 с.
2. Кульпина, Л. Ю. Ономастические реалии в современном транскультурном романе / Л. Ю. Кульпина // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onomasticheskie-realii-v-sovremennom-transkulturnom-romane> (дата обращения: 02.02.2025).
3. Kaminer, W. Meine russischen Nachbarn / W. Kaminer. – München : Goldmann, 2009. – 194 S.
4. Kaminer, W. Militärmusik / W. Kaminer. – München : Goldmann, 2001. – 224 S.

[К содержанию](#)

А. И. СЫЦЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Петровская

ТЕНДЕНЦИИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В РОМАНЕ Л. М. ОЛКОТТ «МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

Сентиментализм (франц. *sentimentalisme*, от *sentiment* – чувство; англ. *sentimentalism*), художественное направление в литературе и искусстве Западной Европы и России середины XVIII – начала XIX вв. Иногда рассматривается в рамках более широкого культурного движения предромантизма.

На протяжении всей эволюции сентиментализма чувствительность остается его основой, но представление о ее задачах меняется. Первоначально чувствительность воспринимается сентименталистами как панацея от социального и нравственного зла, как средство гармонизации человеческих и общественных отношений: «Человечность (*humanity*) в первом и главном значении называется богословами «доброжелательностью к людям» (*good-will towards men*), неверующими – «филантропией» или «любовью к ближнему своему». Иногда переводится как «хорошая натура» (*good-nature*) того, кто, имея благородный характер (*noble character*), не удовлетворяется добрыми поступками, но чувствует страдания других с внутренней болью [1, с. 569].

Характерные черты сентиментализма:

- Культ врожденной нравственной чистоты. Нравственность – высшая добродетель. Она не зависит от образования и сословия.

- Культ чувствительности (способности чувствовать), чувство преобладает над разумом. Психологизм все еще отсутствует, однако намечается переход от прямолинейности классицизма – стремления видеть художественное мировое произведение только в черно-белых тонах.
- Утверждение богатого духовного мира представителей низших сословий. Представители низких сословий могут быть более нравственными, чем дворяне; интерес к простому человеку.
- Культ природы. Особое внимание уделяется природе, которая отображает душевный мир человека [2, с. 830].

Сентиментализм становится ведущим литературным направлением XIX века. В романе «Маленькие женщины» (*Little Women*) Луиза Мэй Олкотт использует сентиментальные мотивы, чтобы раскрыть сложность человеческих чувств и значение семейных ценностей.

Луиза Мэй Олкотт – американская писательница, родившаяся 29 ноября 1832 года. Широкую известность ей принес автобиографический роман «Маленькие женщины» (*Little Women, 1868*), основанный на ее воспоминаниях о детстве и юности, проведенных в кругу старших сестер.

Несмотря на то, что она росла в семье интеллектуалов и была окружена известными мыслителями, из-за финансовых трудностей Луизе с ранних лет пришлось работать учительницей, швеей, гувернанткой, а во время Гражданской войны – медсестрой.

Ее литературная карьера началась с публикации «Басен о цветах» (*Flower Fables, 1849*), а успех пришел после выхода «Маленьких женщин», который стал классикой и получил признание критиков. Позже она написала продолжения: «Хорошие жены» (*Good Wives, 1869*), «Маленькие мужчины» (*Little Men, 1871*) и «Ребята Джо» (*Jo's Boys, 1886*). Луиза никогда не была замужем, посвятив себя творчеству и феминистскому движению. Она продолжала писать до конца жизни и умерла 6 марта 1888 года от инсульта.

Цель данной статьи – исследовать, как именно Л. М. Олкотт использует художественные средства, такие как метафоры, диалоги и образные описания, чтобы передать эмоциональную суть своих персонажей.

Тенденции сентиментализма в «Маленьких женщинах» находят отражение в особом внимании к внутренним переживаниям героев и их взаимоотношениям друг с другом. Сентиментальная литература акцентировала значение чувствительности, сострадания и нравственности.

В творчестве Л. М. Олкотт концепты «чувствительность», «нравственность», «сострадание» приобретают особую окраску, поскольку она пишет о семье, которая живет в условиях послевоенной Америки. Здесь эмоции героев не просто декоративны – они являются ключевым инструментом для преодоления трудностей и построения гармоничной жизни.

Особенно важно отметить, что роман фокусируется на повседневных моментах, которые могут показаться незначительными на первый взгляд, но в совокупности составляют целостную картину семейного быта. Например, описание утреннего чаепития или вечерних чтений становится способом показать, как маленькие радости способны объединить людей даже в самые сложные времена. Такие сцены наполнены теплотой и уютом, что делает их особенно близкими читателю.

Диалоги в «Маленьких женщинах» играют огромную роль в развитии сюжета и характеров героев. Они не только служат источником информации, но и позволяют глубже понять внутренний мир каждого из персонажей. Например, беседы сестер часто затрагивают важные вопросы: от выбора жизненного пути до отношений с окружающими. Эти разговоры позволяют нам следить за тем, как героини растут и меняются, сталкиваясь с различными испытаниями. Особенно примечательно, что диалоги в романе всегда пронизаны духом взаимопонимания и поддержки: *“I don’t see how you can write and act such splendid things, Jo. You’re a regular Shakespeare!” exclaimed Beth, who firmly believed that her sisters were gifted with wonderful genius in all things”* [3]. Даже когда возникают конфликты, они разрешаются с помощью открытого общения и искренности. Это создает ощущение, что семья Марч – это не просто группа людей, связанных кровью, а настоящий коллектив, где каждый может найти поддержку и совет.

Еще один интересный пример – использование природных образов. Например, зима часто ассоциируется с периодами испытаний и трудностей: *“You know the reason Mother proposed not having any presents this Christmas was because it is going to be a hard winter for everyone”* [3], тогда как лето символизирует гармонию и тепло: *“The atmosphere of the whole house being summerlike”* [3]. Такие метафоры помогают читателю лучше понять внутренние переживания героев и следить за их духовным ростом.

Л. М. Олкотт уделяет большое внимание тому, как эмоции влияют на формирование характера человека. Она показывает, что истинная зрелость заключается не в подавлении чувств, а в их правильном управлении. Например, Джо учится контролировать свой горячий темперамент, а Мег преодолевает свои амбиции ради блага семьи. Эти процессы представлены не как жертвы, а как естественные этапы личностного развития.

Более того, автор подчеркивает важность сопереживания и сочувствия к окружающим. Героини романа часто оказываются в ситуациях, где им приходится выбирать между собственным счастьем и благополучием других. Их решения демонстрируют, что истинная добродетель заключается в готовности пожертвовать собой ради высших идеалов.

Несмотря на популярность «Маленьких женщин», некоторые критики упрекали Л. М. Олкотт в излишней сентиментальности. Однако стоит от-

метить, что ее подход к этому стилю был достаточно реалистичным. Она не идеализировала своих героев, а показывала их сильные и слабые стороны. Это делает их более близкими и понятными читателю.

Кроме того, сентиментализм Л. М. Олкотт остается актуальным и сегодня, поскольку он затрагивает вечные темы человеческих отношений и моральных ценностей. Роман учит нас тому, что истинное счастье заключается не в материальных благах, а в гармонии с самим собой и окружающими.

Сентиментализм в «Маленьких женщинах» представляет собой целую философию, которая помогает нам лучше понять человеческие чувства и отношения. Луиза Мэй Олкотт мастерски использует различные художественные средства, чтобы передать глубину переживаний своих героев и показать, как они растут и развиваются в сложных жизненных ситуациях. Ее подход к этому стилю отличается особой чуткостью и реалистичностью, что делает роман одним из самых значимых произведений американской литературы.

Анализ художественных средств, таких как метафоры, диалоги и образные описания, позволяет увидеть, как Л. М. Олкотт создала уникальный мир, где каждая деталь имеет свое значение. Этот мир продолжает вдохновлять читателей разных поколений, напоминая нам о важности семейных ценностей и человеческой доброты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожевников, М. В. «Сентиментализм» – происхождение и эволюция термина / М. В. Кожевников // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск, 2003. – 13-е изд. – 666 с.
2. Тронская, М. Л. Сентиментализм / М. Л. Тронская, Н. Д. Кочеткова // Краткая литературная энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1971. – Т. 6: Присказка – «Советская Россия». – 1040 с.
3. Alcott, L. M. Little Women / L. M. Alcott. – М. : Юпитер-Импакс, 2015. – 336 с.

[К содержанию](#)

Н. Р. ТРИБУНЬКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ОБСТАНОВКИ В РОМАНЕ ДЖОАНН ХАРРИС «ШОКОЛАД»

Роман Джоанн Харрис «Шоколад» рассказывает о Вианн Роше, молодой женщине, которая вместе с дочерью Анук приезжает в маленький французский городок Ланскне-су-Танн во время Великого поста. Вианн от-

крывает кондитерскую «Небесный миндаль», где ее изысканные шоколадные лакомства пробуждают в жителях скрытые желания и чувства, нарушая их строгую, консервативную рутину. Ее свободный дух вступает в конфликт с мировоззрением местного кюре Франсиса Рейно, который видит в ней угрозу традициям и морали городка. Через тонкие психологические портреты, чувственные описания и символ шоколада как метафоры свободы роман исследует темы личной свободы, принятия себя, борьбы с догмами и силы человеческих связей.

В художественной литературе авторы используют описания природы, городской или сельской инфраструктуры, интерьеров не только для создания фона повествования, но и как средство раскрытия психологических, социальных и культурных конфликтов в тексте. В романе Дж. Харрис можно выделить описания природы, улиц городка Ланскне-су-Танн, интерьеров домов жителей города и кондитерской Вианн Роше. Рассмотрим приемы, используемые автором для создания описаний обстановки.

Природа предстает как живая, подвижная сила, контрастирующая с застойной жизнью Ланскне. Олицетворения придают ей антропоморфные черты, усиливая ее роль как предвестника перемен. Описание прибытия Вианн сопровождается образом ветра: “We came on the wind of the carnival. A warm wind for February, laden with the hot greasy scents of frying pancakes and sausages and powdery-sweet waffles”. Прилагательное “warm” создает ощущение тепла, а глагол “laden” акцентирует богатое изобилие запахов, наполняя ветер конкретными сенсорными образами.

Перечисление “pancakes”, “sausages”, “waffles” с эпитетами “hot greasy” и “powdery-sweet” усиливает синестетический эффект, объединяя обоняние и вкус, что вызывает у читателя ассоциации с ярмарочной атмосферой, а также создает ритм, имитирующий движение ветра [2].

Метафоры углубляют образ природы: река Танн описывается как “... fingers its way across the marshy pasture”. Глагол “fingers” придает реке антропоморфный характер, вызывая у читателя ассоциации с тонкостью и внимательностью, словно река осторожно исследует ландшафт, а прилагательное “marshy” подчеркивает мягкость и податливость окружающей природы.

Улицы Ланскне-су-Танн отражают консерватизм и изоляцию общества. Эпитеты формируют их угрюмый образ: “One main street, a double row of dun-coloured half-timbered houses leaning secretively together”. Прилагательное “dun-coloured” несет коннотацию серости, усиливая монотонность, а наречие “secretively” придает домам антропоморфный характер, намекая на скрытность жителей. Выражение “leaning together” создает образ сплоченности, но не гармонии, а заговора, что подчеркивается синтаксической компактностью.

Синестезия добавляет глубину описанию: “Their feet dragged sullenly at the cobbles like the feet of children going to school”. Глагол “dragged” передает физическое усилие, “sullenly” – эмоциональное сопротивление. Синтаксическая параллель между “feet dragged” и “feet of children” имитирует монотонное движение, вызывая у читателя ощущение тяжести, контрастирующее с непринужденной легкостью Вианн, а “cobbles” добавляет тактильную грубость. Эти средства подчеркивают отчужденность городка, усиливая конфликт между индивидуальностью и традициями [3].

Интерьеры домов Ланскне раскрывают внутренний мир обитателей, подчеркивая их одиночество и эмоциональную пустоту. Харрис использует метафоры для создания атмосферы затхлости: “The smell is like daylight trapped for years until it has gone sour and rancid, of mouse-droppings and the ghosts of things unremembered and unmourned”. Выражение “daylight trapped” о запахе в темном замкнутом пространстве ассоциируется с застоем, а “sour” и “rancid” усиливают ощущение порчи.

Символизм также играет немаловажную роль: запахи и предметы становятся отражением внутреннего состояния жителей. Например, описание дома как “forlorn resonance of a house where no-one has laughed for years” усиливает ощущение изоляции, и подчеркивает сопротивление поселения переменам.

Кондитерская Вианн же наоборот символизирует свободу. А синестезия делает ее практически осозаемой: “The smell of chocolate is overwhelming, the rich fleshy scent of it which drags down the throat in an exquisite trail of sweetness”. “Overwhelming” подчеркивает интенсивность, “fleshy” – плотность, “drags” и “trail” – движения, а эпитет “exquisite” – утонченность. Этот образ вызывает желание поддаться соблазну.

Метафоры придают кондитерской особую магию: “Protected from the sun by the half-blind which shields them, they gleam darkly, like sunken treasure, Aladdin’s cave of sweet clichés”. Словосочетание “Sunken treasure” ассоциируется с ценностью, “Aladdin’s cave” – с мифом, оксюморон “gleam darkly” создает контраст, а “sweet clichés” добавляет иронию.

Аллитерация подчеркивает изобилие: “Sweets spill from silver boxes onto marble shelves”. Повтор звука [s] в словах “sweets”, “spill”, “silver”, “shelves” создает плавный, шелестящий ритм, ассоциирующийся с богатством и чувственностью. Этот прием погружает читателя в атмосферу изобилия, усиливая контраст с аскетизмом городка.

Таким образом, Джоанн Харрис в романе «Шоколад» мастерски использует стилистические средства, включая метафоры, эпитеты, аллитерацию и символизм для достижения эффекта синестезии. Ее язык оживляет описание обстановки и превращает ее в активного участника повествования.

ния, усиливая эмоциональное и символическое значение пространства и погружая читателя в мир, где шоколад воплощает свободу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харрис, Дж. Шоколад / Дж. Харрис. – Лондон: Black Swan, 2000. – 320 с.
2. Leech, G., Short M. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G., Leech, M. Short. – 2nd ed. – London : Pearson, 2007. – 424 p.
3. Гальперин, И. Р. Стилистика / И. Р. Гальперин, 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1981. – 334 с.

[К содержанию](#)

А. Н. ЧАБАН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА Д. СЕТТЕРФИЛД НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА» И «ПОКА ТЕЧЕТ РЕКА»

Современная литература все чаще обращается к синтезу жанров, сочетающая традиционные нарративные формы с экспериментальными приемами. В этом контексте творчество британской писательницы Дианы Сеттерфилд представляет особый интерес, поскольку ее произведения демонстрируют как верность классическим традициям, так и стремление к художественному обновлению. Дебютный роман Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» сразу же привлек внимание критиков и читателей благодаря своей структуре, богатой интертекстуальности и мастерскому воссозданию атмосферы готической прозы. Однако спустя четырнадцать лет вышедший роман «Пока течет река» показал значительную эволюцию авторского стиля – от сложной, многослойной игры с литературными условностями к более медитативному, лирическому повествованию, сохраняющему, тем не менее, глубину психологического анализа и интерес к тайнам прошлого.

В романе «Тринадцатая сказка» Д. Сеттерфилд мастерски использует канонические элементы готического романа, наполняя их новым смысловым содержанием. Центральным образом становится мрачный особняк Анджелфилд, который описывается как пространство, где нарушены естественные законы времени и реальности: “*Angelfield was not just a house. It was a labyrinth, a trap, a place where time flowed differently*” [1, с. 84].

Особое значение приобретает мотив двойничества, реализованный через образы сестер-близнецов Эммелины и Аделины: “*They were like two halves of*

one whole, but one was light and the other was darkness” [1, с. 156]. Этот прием не только создает атмосферу тревожной таинственности, но и служит инструментом для исследования природы человеческой идентичности.

Традиционный для готики мотив безумной женщины получает неожиданное развитие в образе Изабеллы Марч. В отличие от архетипа из Джейн Эйр, ее безумие показано как трагическая расплата за нарушение социальных табу: “*Her madness was not rage, but a terrible, silent understanding of what she had lost*” [1, 203].

Повествовательная структура романа строится как сложная система зеркальных отражений. История Виды Винтер преломляется через восприятие Маргарет Ли, которая сама оказывается своеобразным литературным двойником автора: “*Every story is a labyrinth, and I'm leading you by the hand until we reach the center*” [1, с. 62]. Центральной метафорой романа становится сама литературная деятельность Виды Винтер, которая десятилетиями создавала ложные автобиографии: “*The truth is not what happened, but what you make people believe*” [1, с. 117]. Этот тезис ставит под вопрос саму возможность объективного повествования.

Исследование человеческой психики осуществляется через технику ненадежного рассказчика. Читатель постоянно сталкивается с вопросом о достоверности слов Виды Винтер: “*I wasn't looking for facts, but for meaning. And meaning is much harder to pin down*” [1, 178]. Финал романа подчеркивает невозможность окончательного прояснения истины. Даже восстановив основные события, Маргарет осознает ограниченность своего понимания: “*In the end, all stories are incomplete. Even the ones we think we know best*” [1, 406]. Эта мысль отражает ключевую философскую позицию Д. Сеттерфилд о принципиальной незавершенности любого повествования.

В своем третьем романе «Пока течет река» Диана Сеттерфилд существенно переосмысливает свой художественный метод, сохраняя при этом узнаваемые черты стиля. Если «Тринадцатая сказка» представлял собой сложное готическое полотно с элементами литературной игры, то новое произведение демонстрирует переход к более лирическому, но не менее глубокому повествованию, в котором ключевую роль играют фольклорные мотивы и магический реализм.

Один из наиболее заметных сдвигов – ослабление готических элементов в пользу притчевой образности. Река Темза становится не просто местом действия, а самостоятельным мифопоэтическим символом: “*The river was a storyteller too. It had always known how to keep secrets, and when to give them up*” [2, 45].

Этот образ принципиально отличается от мрачного особняка Анджелфилд в «Тринадцатой сказке». Если там пространство было замкнутым и угрожающим, то река в новом романе – это стихия, одновременно дающая

жизнь и уносящая ее: “*People said the river had its own rules. It gave and took away, and no one could predict which it would choose to do*” [2, 112].

В отличие от сложной нарративной конструкции романа «Тринадцатая сказка» с его многослойными воспоминаниями и ненадежными рассказчиками, «Пока течет река» строится как более линейное повествование, хотя и сохраняет элементы загадки. Исчезает игра с литературными условностями, но усиливается внимание к внутреннему миру персонажей: “*She had learned that stories were not just about what happened, but about what people believed had happened*” [2, 189].

Характерно, что если в первом романе истина скрывалась за нагромождением вымыслов, то здесь она оказывается связанной с коллективной памятью и народными преданиями: “*The truth was like the river – sometimes visible, sometimes hidden, but always moving towards the sea*” [2, 267].

Важнейшим новшеством в данном произведении является активное использование фольклорных элементов. История девочки, чудесным образом возвращенной к жизни, перекликается с народными легендами: “*Some said she was a fairy changeling. Others whispered she was a ghost come back to settle a score*” [2, 78]. Это создает особую атмосферу, где реальное и волшебное постоянно перетекают друг в друга: “*In the long winter nights, when the river fog licked at the windows, it was easy to believe that the world contained more mysteries than science could explain*” [2, 143].

Таким образом, роман «Тринадцатая сказка» является классическим вариантом готического романа с наличием таинственной атмосферы и некоторыми мистическими элементами. В романе «Пока течет река» автор, напротив, часто использует сказочный или фантазийный сюжет для поддержания таинственной атмосферы повествования. Трансформация творческой манеры Дианы Сеттерфилд от готического постмодернизма «Тринадцатой сказки» к магическому реализму романа «Пока течет река» представляет собой сложный процесс, обусловленный как внутренними, так и внешними факторами. Этот творческий путь отражает личную эволюцию писательницы от сложных нарративных конструкций к более прозрачному, но не менее глубокому повествованию

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Setterfield, D. *The Thirteenth Tale* / D. Setterfield – London : London Press, 2021. – 544 p.
2. Setterfield, D. *Once upon a river*. / D. Setterfield – London : The Penguin House, 2018. – 352 p.

[К содержанию](#)

К. С. ЧИРИК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

ПОЭТИКА НЕМЕЦКОГО ЭМИГРАНТСКОГО РОМАНА

Понятие «эмигрантский роман» (нем. *Exilliteratur*) появилось относительно недавно. Эмигрантский роман – это литературное произведение, описывающее судьбу людей, оказавшихся в изгнании. В немецкой литературе это явление возникло на основе массовой эмиграции писателей в XX веке вследствие войн и политических преследований.

В данной статье мы рассмотрим поэтику немецкого эмигрантского романа. Изучение понятия «поэтика» началось еще в античности Аристотелем, в настоящее время имеется множество определений данного понятия. Поэтику сравнивают с лингвистикой и определяют ее как теорию словесности или литературы, главная ее задача – «изучение способов построения литературных произведений» [1, с. 22]. Способами построения произведения или же элементами являются: композиция, сюжет, символы и образы. Основную роль в произведении играет «сюжет» или «художественно построенное распределение событий в произведении» [1, с. 181]. В свою очередь события в сюжете развиваются в определенном времени и пространстве, в таком случае мы можем говорить, что сюжет взаимосвязан с композицией. Под композицией понимают «состав и определенное расположение частей, элементов и образов произведения в некоторой значимой временной последовательности» [2, с. 84]. Немаловажную роль в композиции произведения играет точка зрения, т. к. указывает на то, от чьего лица происходит повествование. Часто такие композиционные приемы, как времененная и пространственная организация, рассматривают отдельно, мы же будем отталкиваться от общего названия «хронотоп». Согласно М. М. Бахтину хронотоп «... имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, – причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [3, с. 234–235]. Таким образом, основа хронотопа – сюжетные линии, событийность которыхдвигает время и пространство в произведении. Также важно указать на различные виды хронологии в повествовании. В литературе существует не только линейная хронология, где события произведения идут друг за другом, существует также «ретроспекция» – воспоминания героя, вставки из прошлого, которые прерывают линейную хронологию; «умолчание» – повествование начинается с события, которое полностью раскрывается только в конце произведения; «об-

ратная» хронология – сюжет начинается с финала и «смешанная», которая представлена совокупностью нескольких видов хронологий.

Наряду с сюжетом, композиция также тесно связана с символами и образами. Образ – это «воспроизведение любого явления, предмета, в его целостности» [4, с. 36], который влияет на развитие сюжета в произведении и с помощью которого автор высказывает или же описывает определенные идеи. Если рассматривать символ, то это тоже образ, но «киносказательный». В данном случае мы говорим о словах с переносным значением, которые в произведении используются для передачи авторского намека.

На основании вышесказанного мы можем приступить к описанию поэтики эмигрантского романа. Для эмигрантского романа характерна ориентация на темы изгнания и потерю родины, которые отражаются в сложной структуре повествования романа. Поэтику эмигрантского романа рассматривали многие литературоведы (А. С. Поршнева, А. Б. Теплякова, Ш. И. Гурбанова). Исследователи выделяют ряд характерных черт эмигрантского романа.

Так, важнейшей чертой эмигрантского романа является пространство эмиграции: «пространство, по которому пролегает этот путь, во всех романах цикла выстраивается и оценивается из перспективы героя-эмигранта, в соответствии с ценностными и мировоззренческими ориентирами эмигрантской картины мира» [5]. Путь эмигранта Поршнева делит на зоны, которые взаимосвязаны со временем (прошлое, настоящее, будущее), где темной (центральной) зоне соответствует прошлое, периферийным кольцам – настоящее, окраине – будущее [6]. Данный разрыв между настоящим, прошлым, будущим, а также пространственные зоны отражают опыт эмигранта, его эмоции и пережитые события. Эти зоны четко прослеживаются в эмигрантских романах Э. М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне», «Возлюби ближнего своего» и «Триумфальная арка».

Следующей характерной чертой эмигрантского романа, по мнению А. Б. Тепляковой, является метафоричность символов и образов, которая в эмигрантском романе «помогает найти ответы на главные вопросы и определить, что такое Родина, кто такой эмигрант и какова жизнь человека в чужой стране» [7]. Нередко популярным образом в романе становится образ эмигранта как «человека без прошлого», или, к примеру, в романе А. Зегерс «Транзит» можно увидеть различные образы транзитных виз, кораблей, портов, которые символизируют скитание, временность и неопределенность жизни эмигранта. Также многие символы и образы в эмигрантском романе заимствованы из библии и мифологии.

Третьей немаловажной характерной чертой эмигрантского романа является фрагментарность повествования, которая отражает двойственную жизнь эмигранта, состоящую из настоящего и вечных воспоминаний о

прошлом. Данные фрагменты воспоминаний образуют ретроспективность или же «каналепсисы» эмигрантского романа, целью которых является размышление о личности героя через призму прошлого [8]. Прием ретроспекции используется чуть ли не в каждом эмигрантском романе Э. М. Ремарка.

Принимая к сведению то, что эмигрантские романы писались авторами, побывавших в эмиграции, мы можем говорить о четвертой характерной черте эмигрантского романа – их автобиографизме: «Автобиографический роман занимал особое место в творчестве писателей-эмигрантов. Если не каждым автором был такой роман создан, то по крайней мере в творчестве каждого из них есть произведения с автобиографическим подтекстом» [9]. Важно понимать, что это не рассказ о себе, авторы могли изменять детали, создавать образы, персонажей, которые передавали личный опыт, переживания, связанные с изгнанием, потерей родины и адаптацией к новой культуре. Отсылки к личному опыту можно увидеть в романах Э. М. Ремарка, С. Цвейга, А. Зегерса.

Специфика сюжета представляет собой последнюю характерную черту эмигрантского романа: «Специфика заключается в том, что разворачивается не одна, а несколько параллельных сюжетных линий, которые могут содержать в себе основанный на переходе границы компенсирующий событийный комплекс или быть его лишены» [10]. Следовательно, сюжет эмигрантского романа строится на внешних и внутренних конфликтах, которые отражают борьбу эмигранта с внешними факторами, к примеру, политическое противостояние эмигранта, социальные конфликты, связанные с неприятием в новой культуре или проблемами с интеграцией, а также конфликты с самим собой – это постоянная ностальгия, которая вызывает желание вернуться на родину, воспоминания о близких, детстве и многое другое.

Итак, эмигрантский роман по праву можно считать уникальным жанром немецкой литературы, поэтика которого – это сложное явление, отражающее путь эмигранта особой структурой произведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; Комм. С. Н. Брайтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
2. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : Учебное пособие / А. Б. Есин. – М. : Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа, 2004. – 680 с.
5. Поршнева, А. С. Образ Америки в поздних эмигрантских романах Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2011. – №6. – URL :

<https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ameriki-v-pozdnih-emigrantskih-romanah-e-m-remarka>
(дата обращения: 15.03.2025).

6. Поршнева, А. С. О роли времени в хронотопе немецкого эмигрантского романа / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2017. – № 6 (12). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-vremeni-v-hronotope-nemetskogo-emigrantskogo-romana> (дата доступа: 15.03.2025).

7. Теплякова, А. Б. Метафоризация кризиса личности эмигранта в романе Андрея Макина «Жизнь неизвестного человека» / А. Б. Теплякова // Мировая литература в контексте культуры. – 2022. – № 14 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforizatsiya-krizisa-lichnosti-emigranta-v-romane-andreya-makina-zhizn-neizvestnogo-cheloveka> (дата обращения: 15.03.2025).

8. Теплякова, А. Б. Проблема времени в романах, эмигрировавших писателей-франкофонов (Милан Кундера, Андрей Макин, Амин Маалуф) / А. Б. Теплякова // Мировая литература в контексте культуры. – 2021. – № 12 (18) – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vremeni-v-romanah-emigrirovavshih-pisateley-frankofonov-milan-kundera-andrey-makin-amin-maaluf> (дата обращения: 15.03.2025).

9. Гурбанова, Ш. И. Австрийская эмигрантская литература 1933–1945 годов в контексте истории мировой литературы второй половины XX столетия / Ш. И. Гурбанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 6–2 (84). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/avstriyskaya-emigrantskaya-literatura-1933-1945-godov-v-kontekste-istorii-mirovoy-literatury-vtoroy-poloviny-xx-stoletyiya> (дата обращения: 15.03.2025).

10. Поршнева, А. С. Сюжетология немецкого эмигрантского романа (Э. М. Ремарк, Л. Фейхтвanger, К. Манн / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2014. – № 3 (9). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhetologiya-nemetskogo-emigrantskogo-romana-e-m-remark-l-feyhtvanger-k-mann> (дата обращения: 15.03.2025).

К содержанию

Е. Ю. ШПАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ Т. ПРАТЧЕТТА «ЦВЕТ ВОЛШЕБСТВА»

На современном этапе развития науки интертекстуальность стала неотъемлемым элементом текстов различных функциональных стилей, однако наибольший интерес представляет собой изучение интертекстуальности в произведениях художественной литературы. Понимание большинства современных литературных произведений невозможно без учета интертекстуальных связей, порождающих определенные ассоциации в сознании реципиента. Для этого необходим тщательный анализ интер-

текстуальных включений, который позволит верно интерпретировать имплицитную информацию, передаваемую автором произведения.

Интертекстуальность – термин, открытый для интерпретации, и ученые расходятся во мнениях относительно его определения и сферы применения. В широком смысле интертекстуальность определяется как «текст внутри другого текста». Согласно этой концепции текст воспринимается как любой вид текста, который был упомянут, заимствован или переписан в каком-то другом тексте.

Типологию интертекстуальности предложил Ж. Жаннетт. Согласно его классификации интертекстуальные формы подразделяются на «самостоятельно интертекстуальные, образующие конструкцию «текст в тексте», паратекстуальные, метатекстуальные, гипертекстуальные, архитекстуальные. А собственно интертекстуальные элементы включают в себя цитаты, аллюзии, реминисценции» [1, с. 27].

Аллюзия является разновидностью интертекста. «Большая советская энциклопедия» дает такое определение: «Аллюзия (от лат. *allusio* – шутка, намек), в художественной литературе, ораторской и разговорной речи одна из стилистических фигур: намек на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным» [2, с. 215].

Каждый, кто знаком с романом Т. Пратчетта «Цвет волшебства», замечает, что это произведение включает в себя огромное количество аллюзий к другим произведениям. Например, здесь можно найти отсылки к древним мифам и легендам. Так, вымышленный мир, Диск, в котором происходят события в романе – это плоская земля, расположенная на четырех гигантских слонах, которые в свою очередь стоят на гигантской черепахе А'Тuin [3; 4]. В этом описании прослеживается прямая связь с мифами разных народов мира, в которых утверждалось примерно такое же мироустройство.

Т. Пратчетт часто обращается к произведениям У. Шекспира. В «Цвете волшебства» можно выявить несколько отсылок к произведениям У. Шекспира, которые соответствуют стилю пародирования классической литературы через призму постмодернизма.

Рассмотрим тему судьбы и рока, где можно проследить аллюзию на «Макбета» У. Шекспира.

В романе «Цвет волшебства» судьба играет важную роль, особенно в образе волшебника Ринсвинда (Rincewind), который постоянно пытается избежать неизбежного. Его борьба с предопределенением и хаотичным вмешательством богов Диска перекликается с темой рока в «Макбете» У. Шекспира, где герой оказывается во власти пророчеств ведьм. *“Rincewind had always been aware that Fate was no gentleman, and suspected that it was probably female, given its perverse sense of humor”* [3]. – «Ринсвинд всегда подозревал, что Судьба – не джентльмен, и даже склонялся к мысли,

что она, вероятно, женского пола, учитывая ее извращенное чувство юмора» [4]. В данном эпизоде Т. Пратчетт пародирует шекспировскую концепцию судьбы как силы, которая манипулирует человеком с садистским удовольствием. В «Макбете» ведьмы предсказывают будущее, но их пророчества ведут к трагедии, играя с ожиданиями героя. У Т. Пратчетта Судьба становится комически извращенной сущностью, а гендерный намек (женский пол) усиливает параллель с тремя ведьмами.

Еще одна тема – это хаос и абсурд мира (аллюзия на «Короля Лира»).

Мир Диска с его абсурдной логикой и хаотичными событиями напоминает распадающийся порядок в пьесе «Король Лир», где природные и социальные структуры рушатся под влиянием безумия и глупости. Встреча Ринсвинда и Двацветка (Twoflower) с различными опасностями (например, драконами Вырмберга) отражает шекспировский мотив мира, вышедшего из-под контроля: *“The universe, they said, depended for its operation on the balance of four forces which they identified as charm, persuasion, uncertainty, and bloody-mindedness”* [3]. – «Вселенная, говорили они, зависит в своем функционировании от равновесия четырех сил, которые они определили как обаяние, убеждение, неопределенность и чистое упрямство» [4]. Этот отрывок – сатирическая интерпретация космоса, где традиционные элементы (огонь, вода, воздух, земля) заменены абсурдными понятиями. Эта идея перекликается с произведением «Король Лир», где буря символизирует хаос, а человеческая природа обнажает свою абсурдность. Т. Пратчетт трансформирует шекспировскую трагедию в комедию, но сохраняет идею мира, управляемого иррациональными силами.

Имена и переосмысление характеров (аллюзия на «Гамлета»).

Персонаж Смерть (Death), впервые появляющийся в романе «Цвет волшебства», несет черты шекспировской фигуры – мрачного, но неизбежного наблюдателя человеческой жизни, как призрак отца Гамлета или сама смерть в «Гамлете». Его лаконичное появление и философский тон предвосхищают более развитый образ в поздних книгах. *“I WAS EXPECTING TO MEET THEE IN PSEPHOPOLIS”, said Death”* [3]. – «Я ОЖИДАЛ ВСТРЕТИТЬ ТЕБЯ В ПСЕФПОПОЛИСЕ», – сказал Смерть [4]. Использование заглавных букв и сухой, слегка саркастический тон Смерти напоминают шекспировскую традицию персонификации смерти как неизбежной силы, которая комментирует дела людей (например, в сцене с могильщиками в «Гамлете»). Т. Пратчетт добавляет абсурдный элемент сюжета, делая Смерть скорее раздраженным бюрократом, чем трагическим символом.

Таким образом, Т. Пратчетт переосмысливает шекспировские темы, такие как судьба («Макбет»), хаос и порядок («Король Лир»), образ смерти («Гамлет»), через сатиру и иронию. Чтобы понять эти отсылки, читателю нужно знать оригиналы и жанровые клише, которые он разоблачает. Роман

«Цвет волшебства» – это пример постмодернистской прозы, где каждая ссылка добавляет смысл и глубину общей структуры произведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 284 с.
2. Прохоров, А. М Аллюзия / А. М. Прохоров // Большая советская энциклопедия: в 30т. – М. : Сов. энциклопедия, 1960. Т. 1. – С. 215.
3. Pratchett, T. The Colour of Magic / T. Pratchett. –URL: https://royallib.com/read/Pratchett_Terry/the_colour_of_magic.html#0 (дата обращения: 15.01.2025).
4. Пратчетт, Т. Цвет волшебства / Т. Пратчетт]. – URL: <https://fantasy-worlds.org/lib/id1452> (дата обращения: 20.02.2025).

[К содержанию](#)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. С. АНДРЕЕВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Я. Дмитрачкова

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: ЕДИНЫЕ ЦЕННОСТИ ИНОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ, ИНТЕГРАТИВНЫЕ ЦЕЛИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИВАЮЩЕЙ ПЕДАГОГИКИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Личностно ориентированная педагогика как генеральная стратегия современного образования обуславливает переход от информационно-объяснительной технологии обучения к деятельностно-развивающей, формирующей широкий спектр личностных качеств обучающегося в контексте компетентностной образовательной идеологии. «Смена дидактической и методической стратегической целей обучения иностранному языку в ответ на вызовы современной реальности позволяет обращение к обучению иностранному языку не как к самоцели образовательного процесса вуза, а как к интегративному оптимальному средству развития личности студента, что отвечает современным требованиям к профессиональной подготовке компетентного специалиста» [1, с. 4]. Следовательно, результат консервативного обучения становится средством для обучения в новой эпохе, что и отмечает И. Г. Белякова, говоря, что «обучение иностранным языкам и межкультурной коммуникации является одновременно и стратегической задачей, и средством достижения необходимых умений и навыков» [2, с. 8].

Инновации в области языкового образования связаны, прежде всего, с требованием воспитать билингва, владеющего знаниями не только о своей родной культуре, но и о культуре стран изучаемого языка, человека, обладающего межкультурно-коммуникативной компетентностью, способностью и готовностью к эффективной межкультурной коммуникации на иностранном языке и диалогу культур. Изучение иностранного языка в данном контексте отождествляется с развитием вторичной языковой личности, чья культура общения проявляется не только в содержании, но и в отношении к «другим». Таким образом, целью современного иноязычного образования признается создание условий для развития поликультурной личности, индивидуальности обучающегося,

формирование его способности и готовности к межкультурному общению и диалогу культур.

Образовательная среда (информационно-образующая, творческая, инновационная) рассматривается при этом как практика развития человеческого потенциала (В. И. Слободчиков, В. А. Петровский, Н. Б. Крылова, М. М. Князева), как система условий для достижения конкретного уровня межкультурно-коммуникативной компетенции и личностного развития обучающихся. Коммуникативная компетенция при этом трактуется как совокупность языковой, речевой и социокультурной, предметно-когнитивной и социально-аффективной компетенций [3]. А межкультурная компетенция может рассматриваться как компетенция «особой природы, основанной на знаниях и умениях, способности осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения» [4].

Ведущая роль преподавателя в рамках современного языкового образования сменяется, подчеркнем, субъект-субъектными отношениями, то есть активным взаимодействием педагога с обучающимися. Акцент с деятельности преподавателя переносится на деятельность субъектов образовательного процесса. Соответственно, они приобретают новый статус – обучающиеся. Центральная позиция отводится ученику, в деятельность преподавателя входит управление образовательным процессом, совместная деятельность с обучающимися, обучение самоуправлению и саморегулированию в учебной ситуации. «Основным объемом работ обучающихся признается мышление в коммуникации и мышление в форме решения задач и проблем (с целью изменения субъекта, овладения способами действий, а не изменения предмета, с которым действует субъект – Д. Б. Эльконин)...» [5, с. 12].

Деятельностная направленность современного языкового образования, по Е. И. Пассову, проявляется в: 1) познании, которое нацелено на овладение культуроведческим содержанием; 2) развитии, которое нацелено на овладение психологическим содержанием (способностями, психическими функциями и т. д.); 3) воспитании, которое нацелено на овладение педагогическим содержанием (нравственным, моральным, этическим его аспектами); 4) учении, которое нацелено на овладение социальным содержанием (речевые умения усваиваются как средства общения в социуме) [6].

Для достижения цели методическими принципами выступают когнитивный, коммуникативный, социокультурный, лингвокультурный, концептуальный, личностно ориентированный [7]. А проектирование методических систем рассматривается как способ инновационного

преобразования педагогической действительности. Культура на современном этапе развития общества носит технологичный характер, что связано с анализом методологических основ проектной деятельности и систем мыследеятельности. Проективное образование способствует переходу от обучения к учению, развитию субъектов образовательного процесса через продуктивную деятельность.

Образовательная же среда требует проектирования и творческой реализации развивающих методик и технологий интерактивного и социального характера. Доминантным процессом у обучающихся при этом выступает самостоятельная поисковая активность [7]. Высшей степенью познавательной активности признается творческая познавательная активность, которой предшествует интерпретирующая и воспроизводящая активность.

Другими словами, современное языковое образование ориентировано на осуществление педагогического процесса в условиях инновационной образовательной среды, стимулирующей развитие стратегий самореализации [8], а именно самосовершенствования и творческого потенциала обучающихся. Инновационная образовательная среда – это вся совокупность взаимосвязанных условий, которые обеспечивают образование и формирование личности будущего преподавателя с инновационно-творческим мышлением и которые создают профессиональные компетенции [8]. Т. В. Зобнина справедливо определяет инновационную образовательную среду как целостную организацию процесса психологической подготовки будущих педагогов в единстве всех ее компонентов (целей, содержания, форм, методов, средств). Организация образовательной среды может базироваться на принципах субъектности, активности, моделирования, рефлексивности, актуализации потенциала развития студентов, оптимальности, формирования позитивной «Я»-концепции личности, системности, формирования аксиологической структуры сознания, компенсации, конструктивной роли неудач и других, учитывающих конкретную педагогическую ситуацию.

Заметим при этом, что формирование инновационной образовательной среды должно осуществляться с учетом взаимосвязанного развития всех компонентов образовательной среды: субъектов образовательного процесса, социального компонента и технологического компонента [9].

Независимо от авторских особенностей технологий инновационная образовательная среда имеет единные ценности: 1) центральность человека; 2) коммуникативный характер обучения; 3) деятельность как основное содержание учебного процесса; 4) культура как содержание учебного предмета.

Исходя из этих характеристик, популярность в образовании получило личностно ориентированное, деятельностное, когнитивное, коммуникативное и культурологическое направления.

Таким образом, для достижения интегративных целей языкового образования (обучения, развития, воспитания «человека культуры», обладающего способностью и готовностью к межкультурной коммуникации и профессиональной деятельности в области иноязычного образования) формирование инновационной образовательной среды выступает оптимальными условиями. Речь о личностно ориентированной сущности современной педагогики: парадигме учения и развития субъекта общей культуры – о развивающей педагогике и создании среды «инновационного обучения» – организованной социальной ситуации развития личности в самостоятельной деятельности, совместной и индивидуальной.

Независимо от выбранного подхода к обучению система обучения иностранному языку включает следующие компоненты: цели, задачи, подход, содержание, принципы обучения, метод, средства, процесс, организационные формы обучения.

Еще ранее Е. И. Пассов неоднократно рассматривал методику иноязычного образования как науку интегративного типа, представляющую собой систему всех форм знаний о сфере иноязычного образования, создающую культурную среду, позволяющую управлять процессом духовного развития индивидуальности как субъекта диалога культур [5].

В настоящее время проблема образовательной интеграции является одним из наиболее исследуемых и активно развивающихся направлений в современной педагогической дидактической и методической науках [9]. Интегративный подход представляет собой синтез подходов, выполняющих в процессе формирования иноязычной профессиональной компетентности студентов свою особую роль. К данным подходам относится системный, личностный, деятельностный, коммуникативный, социокультурный [9] и другие.

Основными целями педагогической интеграции являются: 1) повышение учебной и познавательной мотивации обучающихся через учебно-познавательную деятельность, что влечет высокую продуктивность в работе обучающихся; 2) всестороннее развитие личности обучающегося, понимание им взаимосвязей в мире и осознание своего места в окружающем мире; 3) преодоление фрагментарности знаний в условиях предметного обучения; 4) формирование исследовательских навыков и умений обучающихся, помогающих в принятии самостоятельных автономных решений, формировании проблемного и критического мышления; 5) формирование альтернативного (критического) мышления [10].

Интегративные цели языкового образования ставят в центр внимания обучение, воспитание и развитие целостной личности, индивидуальности путем перестройки и преобразования имеющихся образований психики (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.). Учение приходит на смену обучению, побуждая учащегося к самообучению, самовоспитанию и саморазвитию.

Итак, интеграция представляет собой концептуальное или организационное объединение элементов образовательной системы в новое (ранее не существовавшее в заданной взаимосвязи) концептуально-функциональное образование, обладающее своими отличительными признаками и стремящееся к созданию целостности и неделимости. Реализации интегративного подхода, нацеленного на формирование профессиональной компетентности студентов, предшествует выделение компонентов образовательной системы, которые подлежат интегрированию, и определение условий интеграции, а также способов, уровней и глубины интеграции [10]. При этом оптимальной средой для реализации целей интегрированного подхода признается проектная среда, где проекты выступают средством решения образовательных задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сатинова, В.Ф. Теоретические основы формирования инновационной образовательной среды обучения иностранному языку : учеб.-метод. комплекс / В.Ф. Сатинова ; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2016. – 152 с.
2. Белякова, И. Г. Современное языковое образование в высшей школе через призму активизации интегративной функции межкультурной коммуникации / И. Г. Белякова // New World. New Language. New Thinking: материалы II Международной научно-практической конференции, 6 февраля 2019 г. / отв. ред. Л. В. Сафронова. – М. : ДИПАКАДЕМИЯ МИД РФ. – 2019. – С. 7–12.
3. Безукладников, К. Э. Формирование лингводидактических компетенций будущего учителя иностранного языка: концепция и методика : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.02 / Безукладников Константин Эдуардович. – Нижний Новгород, 2009. – 39 с. – 2009.
4. Шмелева, Е. А. Инновационная образовательная среда вуза : пространство развития / Е. А. Шмелева // Научный поиск. – 2012. – Т. 1. – №. 3. – С. 14–17.
5. Пассов, Е. И. Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции / Е. И. Пассов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. – 172 с.
6. Кунанбаева, С. С. Теория и практика современного иноязычного образования / С. С. Кунанбаева. – Алматы, 2010. – 344 с.
7. Комарова, Ю. А. Методология интегративного подхода к процессу обучения иностранным языкам в вузе / Ю. А. Комарова, Н. В. Баграмова // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 4. – С. 115–123.
8. Трофименко, М. П. Проблемы в преподавании иностранного языка в современном вузе / М. П. Трофименко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2016. – Т. 4. – № 6. – С. 62–68.

9. Ваганова, О. И. Роль инновационной образовательной среды в самореализации субъектов образовательного процесса / О. И. Ваганова, М. П. Прохорова, К. А. Максимова // Карельский научный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 11–14.

10. Архипова, И. В., Камилова, М. А. Языковое образование в аспекте педагогической и межпредметной интеграции / И. В. Архипова, М. А. Камилова // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – С. 26–35.

К содержанию

Е. Д. БАГНЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Мартынук

ОСНОВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ КРЕАТИВНОГО ПИСЬМА

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) играет все более важную роль в жизни современного общества. Благодаря проникновению информационно-коммуникационных технологий в жизнь человека, процесс обучения становится более доступным и интерактивным. Одним из перспективных направлений, где применение ИКТ особенно актуально, является развитие навыков креативного письма. Креативное письмо требует оригинальных и необычных идей и их выражения в письменном виде. Информационно-коммуникационные технологии предоставляют обширный выбор средств для активизации творческой деятельности, тем не менее, их использование сопровождается определенными трудностями.

К основным возможностям применения ИКТ относятся:

1. Автоматизация образовательного процесса. Такие цифровые решения, как Google Docs, например, предлагают функционал для автоматизированного контроля правописания, пунктуационного оформления и грамматической корректности, избавляя обучающихся от монотонных задач и предоставляя возможность углубиться в креативную составляющую письменной работы. Подобные платформы с помощью интеграции алгоритмов машинного обучения, способствуют повышению грамотности и эффективности учебного процесса, обеспечивая обратную связь в режиме реального времени и оптимизируя временные затраты на редактирование текстов. В результате, обучающиеся получают возможность уделять больше внимания развитию навыков критического мышления и генерации новых идей.

2. Обеспечение доступа к образовательным материалам. Обучающимся предоставляется возможность использования цифровых библиотек, дискуссионных площадок и образовательных онлайн-платформ, например Coursera, с целью изучения фундаментальных принципов креативного письма. Это открывает перед ними доступ к передовым методикам и мировым стандартам в данной области [1].

3. Формирование навыков подлинно исследовательского характера. Обучающиеся осваивают анализ и синтез информации, приобретают навыки оценки достоверности источников через работу с цифровыми источниками и использование специализированных платформ (Google Scholar,) для систематизации информации.

4. Визуализация идей. Использование мультимедийных средств, включая презентации и инфографику, способствует организации мыслей и обеспечивает наглядное представление концепций, что является существенным аспектом творческого процесса письма. Эти инструменты позволяют автору систематизировать информацию и визуально доносить сложные идеи до аудитории. Применение мультимедийных элементов помогает в создании более структурированного и понятного контента, необходимого для эффективного креативного письма.

Следует подчеркнуть, что ИКТ оказывают положительное влияние на мотивацию и эмоциональное состояние учащихся. Применение цифровых технологий помогает снизить уровень стресса: обучающиеся чувствуют себя увереннее при выполнении заданий, поскольку могут опираться на вспомогательные инструменты. Особую роль играют программы, обеспечивающие обратную связь, – они способствуют развитию у обучающихся уверенности в собственных силах [2, с. 48].

Несмотря на имеющиеся возможности в развитии навыков креативного письма, следует акцентировать внимание и на ограничениях использования ИКТ в данной области:

1. Техническое оснащение играет ключевую роль в возможности применения ИКТ в развитии навыков креативного письма. Для этого требуется должное программное обеспечение, стабильный интернет и доступ к компьютерной технике, что зачастую представляется невозможным во многих учреждениях образования.

2. Образовательный процесс играет ключевую роль в формировании базовых письменных навыков, включая каллиграфию, анализ и создание текстов, однако чрезмерное использование автоматизированных инструментов может привести к их постепенной деградации.

3. Контакт с учителем и живое взаимодействие с ним является важнейшим компонентом в образовании. В режиме онлайн-обучения ощущается не-

хватка прямой связи с преподавателем, что может негативно отразиться на индивидуальном развитии обучающегося и процессе обучения в целом.

4. В ходе обучения обучающимся необходимо креативно подходить ко многим заданиям, тем самым развивая творческий потенциал. Однако, ИКТ подразумевает внедрение в образовательный процесс уже готовых шаблонов, что может негативно сказаться на творческих навыках обучающихся. Вместо того, чтобы находить оригинальные пути к решению задач, обучающимся приходится использовать стандартные формы, продиктованные ИКТ.

5. Этические риски использования ИКТ. Интеграция цифровых технологий в образовательный процесс требует особого внимания к вопросам кибербезопасности и защиты персональных данных обучающихся. Важно предотвратить несанкционированный доступ к информации, соблюдать законы о хранении данных несовершеннолетних и обеспечить прозрачность в отношении того, какие данные собираются, как используются и с кем делятся, чтобы гарантировать уважение прав и конфиденциальности учащихся в цифровой среде.

Перспективы применения ИКТ включают активное развитие персонализированного подхода, основанного на искусственном интеллекте, что позволит учитывать индивидуальные потребности и особенности обучающихся. Разработка и совершенствование интерактивных инструментов, таких как образовательные игры, платформы для совместной работы и инструменты дополненной реальности, откроют новые горизонты в обучении. В будущем интеграция ИКТ с инновационными технологиями, такими как виртуальная реальность, позволит значительно расширить возможности обучения и сделать процесс креативного письма максимально вдохновляющим и результативным.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии предоставляют широкий выбор возможностей для развития навыков креативного письма. Они обеспечивают доступ к разнообразным образовательным ресурсам, способствуют автоматизации проверки текстов и позволяют визуализировать идеи, что делает процесс обучения более интерактивным и увлекательным. Благодаря применению ИКТ повышается мотивация обучающихся и их вовлеченность в процесс обучения, что особенно важно при работе с творческими заданиями. Вместе с тем, для эффективного применения ИКТ требуется сбалансированный подход, сочетающий их преимущества с традиционными методами обучения, такими как ручное письмо и работа с текстами без использования технологий.

Подводя итог, можно сказать, что ИКТ способны стать мощным инструментом в развитии навыков креативного письма, если их использование будет ориентировано на образовательные цели, тщательно продумано

и адаптировано к индивидуальным потребностям обучающихся. Такой подход позволит не только преодолеть ограничения, но и максимально использовать потенциал технологий для достижения образовательных результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Coursera. Degrees, Certificates, & Free Online Courses. – URL: <https://www.coursera.org/specializations/creative-writing> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Манакова, Е. О. Цели и задачи использования ИКТ в образовании / Е. О. Манакова, А. С. Манаков // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 8 (74). – С. 45–52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-zadachi-ispolzovaniya-ikt-v-obrazovanii> (дата обращения: 10.03.2025).
3. Комарова, И. И. Информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании / И. И. Комарова, А. В. Туликов. – М., 2013. – 156 с.
4. Вылегжанина, Е. А. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе / Е. А. Вылегжанина, Н. Н. Мальцева // Актуальные задачи педагогики : материалы VI Международной научной конференции, г. Чита, январь 2015 г. – Чита : Молодой ученый, 2015. – С. 4–6.

К содержанию

А. В. БОЛТРОМЕЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. П. Шкутник

РОЛЬ ВИЗУАЛИЗАЦИИ И МУЛЬТИМЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Основной целью процесса обучения является развитие ключевых компетенций в рамках компетентностного подхода. Для достижения этой цели используются различные методы и технологии, направленные на повышение мотивации учащихся к изучению иностранного языка [1, с. 58].

Метод визуализации основан на принципе наглядности. Современные технические средства значительно расширяют возможности применения наглядности. Технологии мультимедиа позволяют объединять текст, звук, графику, анимацию и видео в единую систему. Это усиливает процесс формирования лексических навыков устной речи за счет использования нескольких каналов восприятия информации и ее яркого представления [2]. Такой подход способствует параллельному развитию навыков чтения, письма, аудирования и говорения.

Применение мультимедиа технологий открывает уникальную возможность визуализировать учебный материал и способствует автоматизации лексических навыков говорения у учащихся.

На сегодняшний день использование видеоматериалов в обучении иностранному языку охватывает все этапы учебного процесса, начиная с начальной школы и заканчивая вузами. Причины такого широкого применения очевидны. Современные педагоги отмечают, что использование видеоматериалов на уроках иностранного языка открывает новые перспективы в преподавании. Технические сложности, характерные для прошлого, такие как необходимость затемнять класс или использовать специальные устройства, практически устранены. Сейчас основная сложность заключается в выборе подходящего видеоматериала. Кроме того, современные технологии позволяют учителям взаимодействовать с учащимися в процессе просмотра видео, приостанавливая запись и комментируя ее в любой момент.

Дж. Хармер выделяет такие преимущества использования видео на занятиях по иностранному языку, как возможность наблюдать язык в естественном использовании, зачастую демонстрируемом носителями языка. Кроме того, это позволяет учащимся знакомиться с культурными аспектами другой страны, способствует повышению их мотивации и интереса к учебному процессу [3].

Применение видеоматериалов в обучении иностранным языкам значительно улучшает качество и эффективность образования [4, с. 30]. Это соответствует современным требованиям к процессу обучения. Видеоматериалы позволяют педагогам интегрировать различные виды речевой деятельности, такие как чтение, письмо, аудирование и говорение, вместо их изолированного изучения, как это практиковалось ранее. Уроки, включающие видеоресурсы, становятся более эмоциональными, яркими и запоминающимися. Благодаря высокой степени наглядности, новый материал усваивается быстрее и интереснее.

Визуальные средства, такие как схемы, таблицы и графические организеры, помогают структурировать знания учащихся, упрощать процесс создания связного текста или анализа информации. Эти инструменты помогают более эффективно освоить и запомнить лексику изучаемого языка.

Графические организеры представляют собой средство визуальной коммуникации, позволяющее организовать информацию на бумаге или экране. Они способствуют лучшему пониманию, усвоению и анализу данных. Их использование на уроках может значительно повысить эффективность изучения материала, особенно лексического, и развитие познавательной компетенции учащихся.

Развитие познавательной компетенции и лексических навыков через графические организеры предполагает:

- 1) освоение различных типов организаторов для систематизации знаний, включая лексические;
- 2) умение структурировать знания;
- 3) использование методов обобщения и систематизации материала, особенно лексического.

В эпоху компьютерных технологий важным становится формирование информационных навыков у учащихся. С обилием информации возникает необходимость в ее структурировании, хранении и анализе. Графические организаторы как раз относятся к средствам визуального мышления [5, с. 108].

Ключевая задача современных педагогов — создание положительной мотивации. Для ее достижения применяются такие методы, как вовлечение учащихся в активные виды деятельности, проектная работа, использование подходов критического мышления, предоставление возможности выбора, внедрение технологий визуального мышления (visual learning) [6, с. 238].

Применение визуального мышления развивает умения структурировать информацию. Современным инструментом подачи данных является инфографика, которая отличается информативностью, наглядностью и компактностью. В условиях информационной перегруженности этот метод особенно актуален. Учитель должен обучать учеников выбирать подходящие формы представления данных, такие как таблицы, схемы, графики или диаграммы.

Следовательно, использование графических организаторов и других визуальных инструментов на уроках иностранного языка целесообразно для эффективного формирования и совершенствования лексических навыков.

К содержанию

Д. Ю. БОРИСЕВИЧ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Целью языкового образования, ориентированного на обучение, воспитание и развитие поликультурной личности обучающегося в рамках межкультурной коммуникации, является формирование межкультурно-коммуникативной компетентности (то есть способности и готовности к межкультурному общению). Неотъемлемой ее частью является овладение обучающимся языковой компетенцией: фонологической, лексической и

грамматической. Когда мы говорим о профессиональных компетенциях, мы имеем в виду «совокупность интегративных личностных качеств (ценностно-смысовых ориентаций, знаний, умений навыков, способностей), отражающихся в опыте деятельности педагога в образовательной среде» [1, с. 34]. Компетентность, в свою очередь, выступает, по сути, «определенной мерой актуализации профессиональной компетенции в процессе ее развития, связанной с самоактуализацией личности в самообразовательной деятельности [2, с. 14].

Лексическая компетентность является одним из ключевых компонентов профессиональной культуры преподавателя, обеспечивая основу для успешного обучения и воспитания. Способность грамотно и точно использовать лексические единицы способствует интеграции языковых и культурных элементов, что особенно важно в обучении английскому языку как средству межкультурного общения.

Лексическая компетентность преподавателя английского языка включает в себя способность глубоко и всесторонне работать с лексическим материалом изучаемого языка. Она позволяет преподавателю точно понимать значение слов, их сочетаемость и культурные особенности, а также адаптировать их использование к различным коммуникативным контекстам. Кроме того, лексическая компетентность способствует формированию знаний о культурных и исторических аспектах языка, включая устойчивые выражения и идиомы, которые отражают специфику англоязычной культуры. Эти навыки позволяют создавать богатую языковую среду, которая способствует обучению студентов на основе аутентичных материалов и способствует формированию межкультурного понимания. При этом социокультурная составляющая речевого поведения обучающегося представляется вопросом о культурной самоидентификации субъектов межкультурного общения, понимания их «индивидуальной культуры», которая состоит, по мнению А.А. Колесникова «не только из взаимодействующих в нем проявлений культур, с которыми он соприкасается, но и из профессионально, социально, гендерно обусловленных культурных особенностей, специфики его возрастной субкультуры, личностных характеристик, обуславливающих его симпатии и антипатии к тем или иным культурным особенностям и пр.» [3, с. 17].

В профессиональной деятельности преподавателя лексическая компетентность обеспечивает интеграцию языкового материала в образовательные цели и помогает развивать навыки общения в реальных коммуникативных ситуациях. Например, способность преподавателя анализировать тексты, содержащие культурно значимую лексику, и проводить ролевые игры, позволяющие студентам применять изучаемый язык в культурных контекстах, способствует эффективному обучению. Также знание

профессиональной и специализированной лексики важно для подготовки обучающихся к взаимодействию в международной среде, включая деловое общение и решение профессиональных задач.

Процесс обучения представляет собой взаимодействие между преподавателем и обучающимся, при котором происходят постоянные изменения в психологических характеристиках обеих сторон. В связи с этим возникает необходимость применения разнообразных методов и подходов для формирования у школьников профессиональной компетенции. Уровень усвоения учащимися лексического материала играет ключевую роль в успехе или неуспехе развития их коммуникативных навыков и умений. В этой связи основная задача преподавателя заключается в подборе таких методик, средств и технологий обучения, которые позволяют наиболее эффективно познакомить школьников с новыми словами и выражениями, а также стимулировать их запоминание и использование. Для выполнения данной задачи преподаватель может использовать как традиционные, так и современные инструменты обучения. Среди последних выделяются задачи, которые активно применяются в качестве дидактических средств с использованием наглядности и семантизации единиц в качестве альтернативы классическому переводу [4].

Согласно Н. Д. Гальской: «Работа над лексическим аспектом иноязычной речи имеет больше общеобразовательное значение. Усваивая иноязычную лексику, учащийся сталкивается с новым способом обозначения понятий, известных ему из прошлого опыта и закрепленных родным языком. Перед ним открываются новые способы членения иностранным языком явлений окружающей действительности, новая языковая картина мира. Ознакомление с новым способом обозначения понятий стимулирует к более всестороннему и глубокому их осмыслинию, в том числе и в ходе явных и неявных сравнений изучаемых лексических единиц с эквивалентными единицами родного языка» [5, с. 136].

Лексическая компетентность является важнейшим элементом дидактической культуры преподавателя английского языка, определяющим качество его профессиональной деятельности. Она не только способствует развитию у обучающихся лексических навыков, но и создает условия для их интеграции в межкультурное общение. Лексическая сторона языка представляет собой ключ к пониманию социокультурных аспектов изучаемого языка, что позволяет обучающимся осваивать его не только как инструмент коммуникации, но и как средство постижения культуры носителей. Лексическая компетенция – это не только инструмент, но и фундамент, на котором строится профессиональная деятельность педагога, направленная на достижение высоких образовательных результатов и создание гармоничной образовательной среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова, Н. Д. Путь в профессию учителя иностранных языков: учебно-методическое пособие / Н. Д. Гальскова, Д. К. Бартош. – М. : МГПУ, 2015. – 168 с.
2. Вендина, О. В. Проектирование содержания учебной дисциплины на компетентностной основе (на примере дисциплины «Иностранный язык» для студентов неязыковых специальностей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Вендина. – Ставрополь, 2011. – 28 с.
3. Колесников, А. А. К вопросу о взаимосвязи цели, содержания и результатов обучения иностранным языкам / А. А. Колесников // Иностранные языки в школе. – 2022. – № 2. – С. 13–21.
4. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам / Е. Н. Соловова. – М., 2002. – 236 с.
5. Гальскова, Н. Д. Основы методики обучения иностранным языкам: учебное пособие / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева, Н. В. Акимова. – М. : КНОРУС, 2017. – 390 с.

[К содержанию](#)

Д. О. ГРИЦУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Мартынюк

ОВЛАДЕНИЕ ИНТОНАЦИОННЫМИ ПАТТЕРНАМИ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ АУТЕНТИЧНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСНИ “MY YOUTH GENERATION” PALAYE ROYALE)

Интонация играет важную роль в передаче смысла высказывания, а также эмоциональной окраски речи говорящего. В английском языке интонационные особенности имеют огромное значение, т. к. могут существенно изменить восприятие сказанного собеседником, порой полностью меняя смысл фразы. Так, неверно подобранная интонация может быть считана как грубость или ирония, в то время как речевая цель говорящего могла быть обратной. Вне разумного интонирования речь может казаться монотонной, невнятной, а передаваемая ее посредством информация – противоречивой. Особенno это касается передачи эмоций и импликаций, в частности, неуверенности, сомнения, удивления или сарказма. Понимание и владение интонационными паттернами, характерными для носителей языка, являются существенными аспектами обучения иностранному языку, позволяющими повысить уровень взаимопонимания в англоязычной среде. Таким образом, изучение интонации в английском языке имеет первостепенное значение для достижения естественного звучания и точного восприятия сказанного.

Нередко студенты, изучающие язык, сталкиваются с трудностями, которые связаны прежде всего с тем, что больший упор в изучении иностранного языка осуществляют на грамматику, лексику и сегментарную фонетику, зачастую упуская из вида интонационную составляющую. Кроме того, многие студенты ограничиваются лишь изучением словарного ударения, но игнорируют значение фразового, в то время как «сдвиг» ударения может менять акцент на определенных словах, что также влияет на понимание иноязычной речи. Отсутствие должного внимания к фонетической системе изучаемого языка может привести к тому, что студенты будут восприниматься как менее уверенные или даже непрофессиональные собеседники. Таким образом, игнорирование фонетических аспектов – не просто ошибка, а серьезная преграда на пути к свободному владению английским языком [1].

Проанализировав необходимость изучения интонации иностранного языка, перейдем непосредственно к средствам обучения, которые будут сопровождать студентов в образовательном процессе. Одним из таких средств, являются аутентичные музыкальные композиции, которые не только позволяют насладиться процессом прослушиванием произведений любимых исполнителей, но и вносят вклад в развитие навыков слушания и говорения. В рамках ознакомления с использованием интонационных паттернов на практике, можно столкнуться как с классическими, принятыми нормой английского языка моделями, так и с отклонениями от правил. Более того, музыка при изучении интонации делает процесс обучения более увлекательным и способствует концентрации внимания студента, мотивирует его на дальнейшее изучение системы языка [2].

В этой статье на примере песни *“My Youth Generation”* канадско-американской рок-группы *Palaye Royale* мы разберем основные интонационные контуры английской речи [3]. В английском языке существует два основных интонационных варианта: нисходящий тон (*The Falling Tone*) – понижение голоса, выражающее смысловую завершенность, категоричность, определенность и восходящий тон (*The Rising Tone*) – повышение голоса, передающее вопросительную интонацию, незаконченность высказывания. Нисходящий тон наиболее типичен для повествовательных предложений: *“/Elephant / in a \tiny \room”*; *“And I \don't /know /how to \be”*; *“I'm /just a 'skinny white \boy /\aching, / just /trying to /sing the \blues”*. При этом следует обратить внимание на сочетание тонов: так *boy* и *blues* выделены нисходящим тоном, в то время как *aching*, в силу того, что высказывание на данном слове не заканчивается, – нисходяще-восходящим. Однако не всегда в повествовательных предложениях будет использоваться нисходящая интонация – в зависимости от контекста и эмоционального состояния собеседника интонационные модели могут варьироваться и не соответствовать общим правилам, так, в строке *“/Puppet dancing on your \bed”* слова *dancing* и *bed* выделяются восходящим

тоном, что нетипично для повествования, однако служит цели передачи эмоций исполнителя. Нисходящая интонация также используется в командах и указаниях, однако под влиянием контекста могут применяться иные интонационные вариации, например, в строке “*“/Let’s /not have \conversations / “/that just /fade a\way”* слово *conversations* отмечено нисходяще-восходящей интонацией в силу незаконченности высказывания.

Что касается восходящей интонации, то наиболее часто ее можно встретить в общих вопросах: “*/Can you \see it?*”. Однако, в следующем вопросе того же типа исполнитель уже использует нисходящую интонацию, намеренно выделяя слово *hear*: “*‘Can you \hear it /too?*”. Тот же интонационный паттерн мы можем наблюдать и в следующей строке: “*Can /someone please \show /me?*”. Причина подобному выбору кинетических тонов заключается в необходимости сохранить ритмичность песни, проанализируем следующий отрывок:

“*Elephant / in a \tiny /room.*
/Can you \see it?
/Can you \hear it /too?”

Первая и вторая интонационные группы первой фразы по количеству слогов практически совпадают со второй и третьей, что позволяет полностью «отзеркалить» интонацию первой фразы, сохраняя ритм, при этом не совсем соблюдая правила постановки ударения в предложении.

Мы также можем наблюдать восходящую интонацию в незавершенных высказываниях, например:

“*‘Here in my \gene/ration, / I /got /something to /say*
That /hot /air /‘inside your /head”.

В данной песне также используются восходяще-нисходящая и нисходяще-восходящая интонация. Данные паттерны избраны для придания энергичности, энтузиазма некой фривольности исполнителя: “*‘Here in my \gene/ration / I /got /nothing to /lose*”, “*I /keep \coming at /you*”, “*‘Coursing through your ^veins*”.

Немаловажную роль в интонировании играет и выбор статического тона – определенного типа шкалы. Анализируемая песня изобилует различными примерами типичных для английской речи шкал. Так, в строке “*And I /don’t /know /how to \be*” используется высокая ровная шкала (*The High Level Head*), «звучящая» нейтрально и сдержанно, чего нельзя сказать о следующем типе – низкой ровной шкале (*The Low Head*), демонстрирующей безэмоциональность, флегматичность: “*I /got /something to /say*”. Понижающуюся скользящую шкалу (*The Sliding Head*) мы можем наблюдать во фразе “*I’m ↑just a ↑skinny ↑white \boy \aching*”, за счет выбора шкалы звучащей выразительно, эмоционально, оживленно. Примером понижающейся скандирующей шкалы (*The Scendent Head*), используемой для

выражения импликаций удивления, раздражения или обнадеживания, является “*Just ↓trying to ↓sing the ^blues*”. Также следует отметить типичность использования вышеупомянутых шкал с двунаправленными кинетическими тонами: восходяще-нисходящим и восходяще-нисходящим.

Следует также отметить наличие в анализируемом музыкальном произведении такой просодический структуры, как эмфатический тон, позволяющий как дополнительно выделять в речи особенно семантически важные единицы, так и значительно изменять посыл высказывания [4, с. 287–289]. Так, дополнительно акцентируются лексемы в следующих предложениях: “*//I //keep \coming at you*”, “*Hot air / in//side your \head*”, “*Just a ↓skinny white ↓boy ↓singing the ^blues*”.

Что касается влияния эмфатического тона на эмоционально-модальную окраску фразы, то вопросительная фраза “*“Can you \hear it \too?”*” при использовании эмфатического тона становится риторической, а случае с повествовательным предложением “*//Let’s no have \conversations / //that just \fade \away*” эмфатический тон усиливает вызов, придавая фразе энергичность и воодушевленность.

Таким образом, анализ песни “*My Youth Generation*” – *Palaye Royale* свидетельствует о том, что использование аутентичных музыкальных произведений в качестве средства формирования и развития фонетических навыков и умений, особенно на ранних этапах изучения языка, позволит не только ознакомить обучающихся с основными просодическими структурами английской речи языка, но и, при условии применения приемов обучения, направленных на имитацию речи исполнителя, позволит овладеть ими, приблизит речь обучающихся к более «натуральному» звучанию, схожему со звучанием носителей, и, в конечном счете, улучшит эффективность коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интонация в английском языке // Medium. – URL: <https://medium.com/онлайн-школа-englishdom/интонация-в-английском-языке-е86a3ce8596> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Флоря, А. Д. Роль песен в изучении английского языка / А. Д. Флоря // Материалы XXV Междунар. конкурса науч.-исслед. и творч. работ учащихся «Старт в науке», Москва, 8–11 апр. 2025 г. / Рос. Академия Естествознания. – М., 2025. – URL: <https://school-science.ru/12/3/48445?ysclid=m90jj42ln699525353> (дата обращения: 08.04.2025).
3. Palaye Royale – My Youth Generation / GENIUS. – URL: <https://genius.com/Palaye-royale-my-youth-generation-lyrics> (дата обращения: 08.04.2025).
4. Карневская, Е. Б. Практическая фонетика английского языка на продвинутом этапе обучения : учеб. пособие / Е. Б. Карневская, Е. А. Мисуно, Л. Д. Раковская. – Минск : Аверсэв, 2003. – 400 с.

А. Т. ДАБЫСОВА

Казань, КФУ

Научный руководитель – О. В. Шемшуренко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ И BLENDED МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Когда речь идет об обучении иностранным языкам, важно понимать, что существует множество разнообразных методов. У каждого учителя есть свой собственный стиль, который он применяет в процессе обучения, используя уникальные приемы. Урок представляет собой сложный набор задач, где как учитель, так и ученик определяют цели и содержание занятий. Самым распространенным методом является традиционный, т. к. его используют повсеместно и независимо от уровня образования. Но не стоит думать, что существует один единственno верный метод обучения.

Традиционный метод обучения – вид обучения, в ходе которого учитель передает знания ученику в подготовленной форме и по определенной структуре. Данный метод предполагает очные занятия, прямое, непосредственное взаимодействие между учителем и учениками. Традиционные методы акцентируют внимание на структурированном обучении, систематической отработке правил и фактов, а также на использовании стандартных учебных материалов. Одними из наиболее часто используемых методов являются: грамматико-переводной метод, аудио-лингвальный и аудио-визуальный методы, коммуникативный методы.

Грамматико-переводной метод. Данный метод подразумевает, что преподаватель, разрабатывая учебную программу и курс, в первую очередь определяет, какие грамматические конструкции необходимо изучить. Затем он подбирает соответствующий текст, выделяет отдельные предложения и проводит упражнения на перевод как с иностранного языка на родной, так и наоборот.

Аудио-лингвальный метод. В основе этого метода лежит убеждение Ч. Фриза и Р. Ладо, согласно которому устная речь является основой обучения. Методика, основанная на данном подходе, акцентирует внимание на подражании беглости речи, интонации и ритму, а также включает многократное повторение освоенного материала.

Аудио-визуальный метод. Этот метод схож с коммуникативным, поскольку его основная цель заключается в обучении устной речи. В процессе обучения весь материал воспринимается на слух, а понимание значений поддерживается зрительной наглядностью. Грамматика и фонетика изучаются в едином контексте.

Коммуникативный метод. Это один из наиболее популярных, считающийся прогрессивным и эффективным подходов. Он нацелен на развитие практических навыков общения в языковой среде, что достигается через имитацию реальных ситуаций. В ходе занятий основное внимание уделяется разговорной речи, в беседах активно участвуют обучающиеся, в то время как преподаватели направляют процесс обучения.

Но у всего есть свои преимущества и недостатки. Традиционные методы обучения зачастую имеют четкую и последовательную структуру, что позволяет обучающимся усваивать материал по шагам. Это помогает создать прочную основу для последующего более сложных тем. Все обязательные темы, как правило, прописаны в учебном плане, выстраивая целую систему обучения. В силу своей популярности, на сегодняшний день существует множество пособий и методических материалов, основанные на том или ином методе, поэтому учитель может выбрать те учебные материалы, которые будут ближе ему. Благодаря личному взаимодействию между учителем и обучающимся материал усваивается в короткие сроки по сравнению с самостоятельным изучением.

К сожалению, из-за четкого объема необходимого материала, традиционное обучение является менее гибким. Фиксированное расписание не всегда подходит всем обучающимся, поэтому отсюда следует, что их работоспособность может быть снижена, что приводит к низкой успеваемости.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ

- Традиционные методы в современном обществе уже неэффективны
- Традиционные методы эффективны

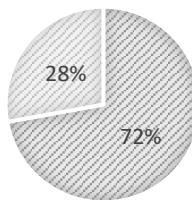

Рисунок 1 – Эффективность традиционных методов

Исходя из данных проведенного опроса среди школьников 8 класса (рисунок 1), большинство уже считает традиционные методы обучения недостаточно эффективными, т. к. у них наблюдается языковой барьер. Полученные в школе грамматические знания и лексику ученики применять в

реальной жизни не могут, что показывает неэффективность использования одних традиционных методов и материалов.

Однако, в современном мире появился относительно новый подход к обучению – *blended learning* или же ‘смешанное обучение’. В основе этого подхода лежит задумка объединить традиционное классовое обучение и электронного обучения с применением дистанционных образовательных технологий. Такой подход требует больше использования инструментов в виде платформ для онлайн встреч, видео-уроков и другие.

Платформы ‘Zoom’ и ‘Яндекс.Телемост’ помогают осуществлять видеоконференции и онлайн встречи, будучи доступными каждому. Данные платформы обеспечивают аудио и видео связь, чат для общения, прикрепление файлов и демонстрацию экрана, что достаточно для качественного изучения материала.

Сайты ‘Wordwall’, ‘Quiziz’, ‘Kahoot!’ предназначены для эффективного изучения новых слов. Изучение происходит в интерактивной форме, что повышает интерес обучающихся и благодаря яркому интерфейсу лучше запоминается. Также есть режим викторины, который подходит для контрольного измерения изученных слов.

Одним из основных преимуществ является возможность индивидуализации обучения. При использовании смешанного формата обучающиеся могут адаптировать свое обучение в соответствии с индивидуальными потребностями, включая темп усвоения материала. Однако для достижения результата важно учитывать и недостатки, такие как минимальное личное взаимодействие между учениками и учителем. Также важно быть дисциплинированным и уметь организовывать свой распорядок дня в соответствии с задачами, что не всегда дается легко.

Рисунок 2 – Эффективность смешанного обучения

Исходя из данных опроса (рисунок 2), ученики считают, что смешанное обучение является достаточно эффективным подходом к обучению иностранным языкам. Однако не все знают, что это такое, что говорит о медленном внедрении технологий и новых методик в образование, из-за чего актуальность материала может быть снижена.

В заключении следует выделить важность соблюдении баланса между традиционными методами и смешанным форматом обучения. Оптимальное смешение методик и цифровых компонентов позволяет учитывать уникальные способности студентов, повышает их вовлеченность. Таким образом, успех обучения английскому языку зависит во многом от грамотного сочетания и интеграции методологических подходов.

[К содержанию](#)

У. Н. ДЕНИСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Мартынюк

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНОЛОГИИ
BYOD (BRING YOUR OWN DEVICE)**

Современный образовательный процесс претерпевает значительные изменения благодаря внедрению новых технологий и методов обучения. Одним из ярких примеров является концепция BYOD (Bring Your Own Device), которая подразумевает использование личных мобильных устройств учащихся в процессе обучения. Этот подход становится особенно актуальным в контексте изучения иностранных языков, где такие задачи, как взаимодействие и доступ к информации, играют ключевую роль. В условиях современного общества знание иностранных языков становится необходимым инструментом межкультурной коммуникации.

В современном обществе наблюдается резкое увеличение интереса к изучению иностранных языков, обуславливаемое изменением профессиональных стандартов. Новые образовательные стандарты требуют от будущих специалистов не только знания языка, но и навыков его применения в различных контекстах [1]. Изучение иностранного языка способствует формированию поликультурной личности, что актуально в условиях межкультурного взаимодействия.

BYOD – это новая образовательная технология, которая включает в себя возможность использования различных средств для интерактивного обучения. Использование обучающимися привычных устройств повышает их мо-

тивацию и вовлеченность, способствует более глубокому усвоению материала и созданию интерактивной образовательной среды. Использование мобильных приложений, таких как Quizlet и Kahoot, помогает активизировать процесс обучения и создает возможности для контроля усвоения материала. Технология позволяет интегрировать мультимедийные ресурсы, что делает образовательный процесс динамичнее и увлекательнее [2].

Среди наиболее эффективных платформ для реализации концепции BYOD выделяются Google Drive, Kahoot и Quizlet. Эти инструменты позволяют учащимся получать доступ к ресурсам в любое время и организовывают коллективную деятельность. Некоторые приложения, такие как GoodNotes, делают возможным ведение заметок на мобильных устройствах, что способствует индивидуализации обучения [3]. Однако присутствуют и ограничения, такие как проблемы с доступом к интернету и безопасности данных. Внедрение технологии BYOD в образовательный процесс предоставляет возможность адаптироваться к современным требованиям и эффективно подготавливать обучающихся к межкультурной коммуникации. Преподаватели должны учитывать как преимущества, так и потенциальные риски, чтобы создать динамичную и эффективную образовательную среду в классе.

Таким образом, реализация технологии BYOD в обучении иностранным языкам может значительно повысить качество образовательного процесса, однако требует внимательного подхода к выбору цифровых инструментов и обеспечению квалифицированной поддержки для учителей и студентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костюченко, М. В. Деловая документация и ее роль в формировании профессиональной иноязычной компетенции / М. В. Костюченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 1. – С. 15–17.
2. Гринько, Е. Н. Использование технологии BYOD в обучении иностранному языку студентов вуза / Е. Н. Гринько // Вопросы педагогики. – 2020. – № 3 (2). – С. 57–63.
3. Курило, М. В. Влияние технологии Bring Your Own Device (BYOD) на учебный процесс / М. В. Курило, Н. Н. Круглякова // Молодежь и наука: проблемы современной филологии и методики преподавания филологических дисциплин // УлГПУ им. И. Н. Ульянова. – Ульяновск, 2019. – С. 317–323.

[К содержанию](#)

М. В. ЕВДОКИМОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Мартынюк

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЕ ФИЛЬМЫ КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КЛЮЧЕВЫЕ КРИТЕРИИ ВЫБОРА

В двадцать первый век – век технологий, информации и безграничного общения – владение иностранным языком, в частности, английским, является необходимостью, так именно оно обеспечивает коммуникацию в бытовой, академической и деловой среде в ситуации межкультурного полилога [1]. Потому генеральной целью языкового образования на сегодняшний день является формирование коммуникативной компетенции в единстве ее субкомпетенций: лингвистической, социолингвистической, социальной, социокультурной, дискурсивной, стратегическая. В свою очередь, формирование коммуникативной компетенции подразумевает развитие поликультурной личности и ее качеств, таких, как коммуникативность, толерантность, креативность, эмоциогенность, адаптивность, объективность и професионализм. В рамках системного подхода для достижения заявленных целей особенно важно тщательно подходить к определению каждого компонента системы обучения, и в частности, средств обучения. Среди последних, особое внимание следует уделить аутентичным мультипликационным фильмам.

Мультипликационные фильмы в качестве средства обучения иностранному языку имеют ряд преимуществ. Во-первых, они воздействуют одновременно на несколько видов памяти: зрительную, слуховую, эмоциональную, что содействует хорошему запоминанию информации. Кроме того, при просмотре развиваются навыки слухового восприятия иностранного языка [2]. Мультипликационные фильмы также способствуют концентрации внимания, что облегчает запоминание актуальных лексических и грамматических конструкций, ознакомление с культурными ценностями народа изучаемого языка, освоение невербальных средств коммуникации. При этом, в силу многообразия, мультипликационные фильмы позволяют подобрать материал для обучающихся любой возрастной категории и уровня владения иностранным языком [3]. При этом, однако, необходимо тщательно отбирать учебный материал. В качестве основных, применимых к любым средствам обучения иностранному языку, критерии выделим актуальность, аутентичность, наглядность, вариативность, содержание и доступность обучающих материалов, их мотивационно-познавательную и коммуникативную ценность [4]. Что же

касается видеоматериалов, добавим также следующие критерии: естественная скорость речи, четкость звука, длительность и тематика, соответствующая возрасту обучающихся и их уровню владения языком, информативная насыщенность и новизна.

Для отбора конкретных примеров необходимых фильмов определим также уровни владения английским языком, в которых мы заинтересованы: A1-A2 *Beginner – Pre-Intermediate* ‘Уровень выживания – Предпороговый уровень’, B1-B2 *Intermediate – Upper-Intermediate* ‘Пороговый уровень – Пороговый продвинутый уровень’. Что же касается возрастных категорий, рассмотрим следующие: обучающиеся младших классов (от 7 до 11 лет), обучающиеся средних классов (от 11 до 14 лет), обучающиеся старших классов (от 15 до 17 лет) и взрослые обучающиеся (18 лет и более).

Для обучающихся младших классов, владеющими английским языком на уровнях A1–A2, подойдет мультипликационный сериал *Ben and Holly's Little Kingdom* ‘Маленькое королевство Бена и Холли’, затрагивающие темы, представляющие интерес для зрителя младшего возраста (приключения сказочных существ в магическом мире). Мультсериал произведен в Великобритании, что дает возможность ознакомиться с аутентичным произношением британского варианта английского языка, лексические и грамматические конструкции, используемые персонажами доступны для обучающихся предпорогового уровня. Помимо этого, серии в среднем делятся около десяти минут, что позволяет обучающимся не терять концентрацию внимания. Для обучающихся младших классов, владеющих языком на уровнях B1–B2, английского языка, может быть предложен мультипликационный сериал *DuckTales* ‘Утиные истории’, подходящей по тематике (отношения в семье, верность, дружба и преодоление трудностей на фоне приключений и путешествий), лексическому и грамматическому составу. Актуальным для данной категории представляется и мультипликационный фильм *Kung Fu Panda* ‘Кунг-фу Панда’, помимо разнообразия лексических конструкций и насыщенностью игрой слов, характеризующийся яркостью визуальной составляющей и несущий особенно важный для указанной возрастной категории посыл – вера в себя при преодолении страхов и сомнений.

Для обучающихся средних классов с уровнем владения языком A1–A2, выделим мультипликационный сериал *SpongeBob SquarePants* ‘Губка Боб Квадратные Штаны’, ценный разнообразием лексического и грамматического материала, необходимого в процессе повседневной коммуникации. Другим достоинством мультсериала является его юмористичность, т. к. для понимания шутливых диалогов обучающимся необходимо учиться учитывать как многозначность лексических единиц, так и контекст речевой ситуации. Для учащихся средних классов, которые владеют английским языком на

уровнях B1–B2, подойдет мультипликационный фильм *How to train your dragon* ‘Как приручить дракона’, отличающийся разнообразием речевых и грамматических конструкций, используемых в повседневном общении, а также наличием лексики «высокого слога». Кроме того, анимационный фильм имеет подходящую для указанной возрастной категории тематику – разрешение межличностных конфликтов, борьба с собственными страхами и неуверенностью в себе, ценность дружбы. Еще одним подходящим для данной категории мультипликационным фильмом является *Inside out* ‘Головоломка’, насыщенный лексикой на актуальные темы: семья, взросление и принятие перемен, осознание себя как личности, своих чувств и эмоций. Лексическая составляющая, при этом, может как принадлежать к сфере повседневной коммуникации, так и содержать специфические, околонаучные термины.

Для учащихся старших классов, которые владеют языком на уровне A1–A2, подойдет мультипликационный фильм *Monsters University* ‘Университет монстров’, содержащий в целом несложные лексические и грамматические конструкции, характерные для повседневной речи. Тематика мультфильма (поступление в университет, обучение в университете, межличностные отношения в рамках обучения), при этом, особенно важна для данной категории. Уровни владения языком B1–B2, в свою очередь, позволяют использовать в процессе обучения анимационный фильм *Ratatouille* ‘Рататуй’, затрагивающий важные для старшеклассников темы: стремление к мечте, преодоление препятствий. Главное достоинство данного фильма – четкость дикции персонажей, что облегчает восприятие диалогов, в которых использованы. Для данной категории актуален также популярный мультипликационный сериал *Arcane* ‘Аркейн’. Его особенность заключается в том, что различные персонажи обладают различным социальным статусом, что отражается и в их речи, следовательно, обучающиеся имеют возможность ознакомиться с большим разнообразием речевых стилей.

Взрослым, владеющим английским языком на уровнях A1–A2, может быть предложен мультипликационный фильм *The Incredibles* ‘Суперсемейка’ – достаточно простой для восприятия и понимания, при этом, однако, поднимающий вопросы важности семейных ценностей, «отцов и детей», применения собственных талантов во благо общества. Для взрослых, которые владеют языками на уровнях B1–B2, подойдет мультипликационный фильм *Shrek* ‘Шрек’, совмещающий анимационный формат, рассчитанный на детей, со «взрослым», «многослойным» юмором, а также тематикой, которая будет интересна взрослым (анализ собственных достижений и целей, поиск романтического партнера, создание семьи). Фильм, при этом, особенно насыщен лексическими и грамматическими конструкциями, характерными для повседневной речи. Среди сериалов, подходящих для данной категории,

стоит внимания *The Simpsons* ‘Симпсоны’, за счет разнообразия персонажей различного происхождения богатый сленгом, различными диалектными особенностями. Помимо вариативности речи, сериал отличается и разнообразием тем, анализируемых и порой высмеиваемых проблем современного общества, что позволяет подобрать эпизод практически к любому занятию.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что мультипликационные фильмы представляют собой крайне полезное дидактическое средство, при должном применении охватывающее все аспекты обучения иностранному языку, а в силу разнообразия – подходящее обучающимся различных возрастных категорий и уровней владения английским языком.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спиряева, С. В. Роль и место глобального английского в современном мире / С. В. Спиряева // Вестник Московской Международной академии. – 2015. – №2. – С. 97–99.
2. Некрылова, Н. Н. Мультфильмы в обучении иностранному языку дошкольников / Н. Н. Некрылова // URL: <https://rgph.vsu.ru/ru/science/reports/11/nekrylova.pdf> (дата обращения: 13.04.2025).
3. Бегунова, Я. А. Преимущества использования видеоматериалов при формировании коммуникативной компетенции у студентов факультета иностранных языков / Я. А. Бегунова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – Том 2. – С. 131–134.
4. Корсакова, Е. В. Критерии отбора и принципы организации учебного материала при обучении взрослых иностранному языку с целью формирования иноязычной информационной компетенции / Корсакова Е. В // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2014. – № 2. – С. 137–145.

К содержанию

Я. М. ЕРМОЛЕНКО

Москва, Российский институт театрального искусства – ГИТИС
Научный руководитель – Е. В. Шахматова

СЦЕНИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Современный театр предлагает уникальные возможности для изучения зарубежной литературы, позволяя не просто визуализировать литературное произведение, а формировать пространство для размышлений. Театр превращает текст в живое действие, эмоционально насыщенное и наглядно понятное зрителю, объясняя культурные различия, адаптируя философские идеи, жанровые и стилистические особенности через режиссерскую интерпретацию. Сценическое переосмысление текста, рассмотренное как средство обучения зарубежной литературе, является

хорошим инструментом для понимания изучаемого материала. Позволяет через визуализацию и адаптацию произведения детальнее ознакомиться с текстом, автором, темой, проследить актуальность и связь со временем.

Театр – это многокомпонентная дидактическая система, задействующая мультисенсорные каналы (визуализация, аудиальное воплощение, кинестетический компонент). Согласно исследованию 2011 года Трейси Токухама-Эспиноза в нейропедагогике, усвоение материала результативнее при полимодальной подаче, нежели при традиционном прочтении литературы [1]. Например, сценическая визуализация помогает активировать образное мышление, что позволяет быстро запоминать персонажей и сюжет, аудиальная составляющая способствует лучшему пониманию стилистики и подтекстов через интонации, а невербальные смыслы и описательные фрагменты текста показаны мизансценами, жестикуляцией и действенным контактом актеров (кинестетический компонент). Аффективное вовлечение как эмоциональный опыт ускоряет запоминание, режиссерские интерпретации литературных произведений развивают критическое, творческое и аналитическое мышление, а междисциплинарный подход театра, соединяя разные гуманитарные дисциплины, увеличивает кругозор.

Произведения зарубежной литературы на постдраматической сцене включает в себя режиссерскую интерпретацию смысловой составляющей текста через переосмысление как формы, так и эстетических, этических и философских взглядов автора, жанра или направления. Таким образом, зрителю предлагается проследить различия межкультурного взаимодействия, сравнить оригинальный и адаптированный для сцены текст, найти причинно-следственные связи этих отличий. Театральные постановки демонстрируют, как театр, режиссер и публика понимают и относятся к произведениям зарубежной литературы, адаптируя их к локальной среде. Зачастую культурные различия и разница менталитетов выступают преградой в понимании произведений зарубежной литературы, например таких, как немецкий фатализм, а визуальное воплощение в театре способствует сокращению дистанции понимания между зрителем-читателем и автором оригинального текста.

Театр, помимо обычной иллюстрации к произведению, является пространством для диалога, где слово преодолевает границы языка. Театр – это межкультурный мост. Просмотр спектакля на языке произведения, по которому он поставлен, помимо демонстрации культурно-исторических реалий, позволяет узнавать ключевые лексические единицы через повторяющиеся жесты, улавливание эмоциональных паттернов и, как следствие, понимание смыслов через семиотику сценического пространства.

Зарубежные тексты часто содержат неочевидные отсылки и аллюзии, которые при переводе могут быть упущены, но на театральной сцене – никогда, если они важны: демонстрация социальных норм и маркеров социального статуса через костюмы и быт (сразу видно в каком звании персонаж, какого его материальное положение), телесные практики как передача исторического этикета (поклоны, рукопожатия, куртуазные жесты и т. д.).

Процесс обучения может быть трансформирован из традиционного пассивного чтения в активный мультисенсорный опыт, создавая пространство для межкультурного диалога и расширения понимания произведений зарубежной литературы. Модель обучения может быть разной, но эффективнее всего – трехуровневая система работы с материалом:

1. Досценическая аналитика (выявление основных смысловых и сюжетных узлов, тем).
2. Сравнительный анализ текста произведения со спектаклем, режиссерской интерпретацией, увиденным и услышанным.
3. Рефлексивное осмысление культурных фильтров адаптации.

Современный театр служит мощным средством обучения зарубежной литературе через мультисенсорное восприятие и режиссерскую интерпретацию, поиск новых смыслов и подтекстов. Театр открывает принципиально новые возможности для глубокого освоения зарубежной литературы. Через синтез визуальных, аудиальных и кинестетических средств выразительности текст произведения превращается в многоуровневое и многомерное сценическое действие, которое позволяет преодолеть ограничения языка и уменьшить культурную дистанцию. Театральная интерпретация выполняет двойную функцию: с одной стороны, она визуализирует сложные философские концепции и исторические реалии, делая их доступными для иноязычного зрителя, с другой – предлагает свежий, зачастую провокационный взгляд на классическое произведение, стимулируя критическое мышление.

Сценическое искусство дополняет традиционные методы обучения зарубежной литературе и создает иную среду для постижения литературного наследия, более эмоциональную, насыщенную и полифоническую. Театр преодолевает лингвистическую границу, ведь даже без перевода произведения, на языке оригинала, на сцене визуально и интуитивно будет все понятно. В театре смыслы литературных творений обретают объемную перспективу через взаимодействие текста, актерской игры и режиссерского замысла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tokuhama-Espinosa, T. N. Using Mind, Brain, and Education to Dispel Neuromyths and Improve Education / T. N. Tokuhama-Espinosa // The Science in the Art of Teaching:

Conference Abstract: 2nd International Conference on Educational Neuroscience. – URL: https://www.frontiersin.org/10.3389/conf.fnhum.2017.222.00001/event_abstract (дата обращения: 03.04.2025).

[**К содержанию**](#)

Д. А. ИГНАТЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. П. Шкутник

**ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ УЧЕБНОЙ ДИСКУССИИ**

Современный процесс обучения предполагает значительное расширение форм учебной деятельности. На сегодняшний день одним из самых успешных приемов образовательной деятельности, стимулирующих развитие мышление и инициативность обучающихся, а также важнейшей формой работы преподавателя в развитии общения является учебная дискуссия. Она способствует активной мыслительной деятельности, позволяет включить обучающихся в работу на занятии, искусственно поместив их в разнообразные жизненные ситуации, мотивирующие учащихся к выражению своей точки зрения, своего видения обсуждаемой темы, побуждая их говорить и общаться между собой на иностранном языке.

Умение вести дискуссию и отстаивать собственную точку зрения, слушать и слышать оппонента и четко излагать свою мысль являются важными умениями, необходимыми для формирования социокультурной и коммуникативной компетенции [1].

Чтобы вызвать у учащихся желание высказывать свою точку зрения, преподаватель должен тщательно подбирать для дискуссии из тем в учебнике те, что могут быть наиболее интересны обучающимся и смогут заставить их общаться.

Познавательная активность учащегося выражается в стремлении учиться, преодолевая трудности на пути приобретения знаний, в приложении максимума собственных волевых усилий и энергии в умственной работе [2, с. 95].

Дискуссия как метод активного обучения базируется на организационной коммуникации обучающихся в ходе работы над решением учебных или профессиональных задач [3]. Дискуссионные приемы раскроют интеллектуальный и творческий потенциал учащихся [4, с. 298–299].

Дискутируя на определенную тематику, ученики вводят в свой словарный запас новый определенный лексический багаж, часть из которого с большей вероятностью запомнится, чем при том же повторении. Новый

лексический материал должен вводиться аккуратно и быть лаконично встроен в микротексты и ситуации. Важную роль при организации дискуссии играет формирование мотивации речевой деятельности обучающихся. Приоритет в этой технологии находится у коммуникативных упражнений, которые должны быть снабжены корректно сформулированным заданием [5, с. 58].

В дискуссии выделяют следующие основные фазы: ориентировка, оценка и завершающая фаза. Этим фазам соответствуют следующие шаги:

- 1) определение цели и темы дискуссии;
- 2) сбор информации по обсуждаемой проблеме – сбор альтернативных вариантов решения проблемы;
- 3) упорядочение, обоснование и совместная оценка полученной в ходе обсуждения информации;
- 4) подведение итогов дискуссии: сопоставление целей дискуссии с полученными результатами (завершающая фаза, фаза собственно решения проблемы) [6, с. 98].

В процессе обсуждения определенного вопроса участники дискуссии могут прийти к общему соглашению, совместному решению проблем. Дискуссию принято считать эффективной технологией группового взаимодействия.

Во время дискуссии учителю следует курировать ход обсуждения, тщательно продумывать, на что нужно обратить внимание. Стоит отметить основные закономерности:

1. Всестороннее рассмотрение проблемы при столкновении различных позиций участников группы.
2. Установление групповой нормы, за счет формирования общего вывода участников, одобренного всей группой.

Существует ряд правил, которые необходимо соблюдать для успешного проведения дискуссии:

1. Учитель должен быть эрудирован во многих сферах, готов к активной мозговой деятельности.
2. Учителю следует грамотно формулировать вопросы дискуссии, они должны быть интересными, актуальными.
3. Необходимо учитывать новые научно-технические открытия, проблемы современности.
4. Речь учителя. Она должна быть грамотной, эмоциональной, информационно-полезной.
5. Проблема обсуждения должна соответствовать возрасту учащихся, опираться на уже имеющиеся знания участников [7].

Приемы введения в дискуссию:

- рассмотрение проблемной ситуации;

- инсценировка проблемных вопросов;
- показ видеосюжета;
- разыгрывание проблемной ситуации;
- обсуждение противоречий по данной теме;
- свободный выбор участниками одной из предложенных точек зрения и дальнейшего решения проблемы [8].

Для наибольшей активности участников дискуссии следует включать такие приемы, как: поощрение и подбадривание участников, заострение противоположных точек зрения. Помощь учащимся в формулировке своих мыслей благоприятно сказывается на развитии сотрудничества между учителем и учащимися.

При оценке эффективности проведенной дискуссии выделяют следующие критерии:

- культурный уровень дискуссии;
- умение учащихся, используя верно подобранные аргументы, правильно излагать свое и чужое мнение;
- умение учащихся формулировать гипотезы, пользоваться приемами доказательства и опровержения;
- умение учащихся изменить свою точку зрения и встать на точку зрения другого;
- получение в ходе дискуссии новых знаний.

Под дискуссией, являющейся одним из видов межличностного общения, следует понимать ведущую деятельность современного образовательного процесса, главная задача которой будет состоять в побуждении учащихся задуматься над самой проблемой спора. Это заставит учащихся пересмотреть свои убеждения и представления, научит правильно приводить аргументы и отстаивать собственную точку зрения, даст понять то, что каждый из них имеет свой собственный взгляд на поднятую проблему, является индивидуальным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ешимбетова, З. Б. Современные технологии обучения иностранныму языку [Электронный ресурс] // Internet <http://articlekz.com/article/19662.html>.2015. – Дата доступа: 18.04.2025.
2. Подласый, И. П. Педагогика: Новый курс: Учеб. Для студ. высш. учеб. заведений: В 2 кн. /И. П. Подласый. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2003.– 527 с.
3. Дерябина, Н. П. Дискуссия как метод обучения, способствующий развитию критического мышления, сознательности и ответственности [Электронный ресурс] // Internet <http://fb.ru/article/4355/diskussiya-kak-metod-sposob-stvuyuschiy-razvitiyu-kriticheskogo-myishleniya->. – Дата доступа: 18.04.2025.
4. Крившенко, Л. П. [и др.] Педагогика [Текст]: учеб./; под ред. Л. П. Крившенко. – М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008. – 309 с.

5. Миролюбов, А. А. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. Ч. 1 / А. А. Миролюбов. – Обнинск : Титул, 2010. – 213 с.
6. Ковальчук, М. А. Дискуссия как средство обучения иноязычному общению / М. А. Ковальчук. – М. : Выssh. шк., 2008. – 144 с.
7. Жукова, А. С. Дискуссия как метод активного обучения / А. С. Жукова. – Старый Оскол: Наука и образование, 2016. – URL: <https://clck.ru/qDuVY>. – Дата доступа: 18.04.2025.
8. Арустянин, Д. В. Использование интерактивных методов обучения в учебном процессе / Д. В. Арустянин, Е. А. Дроздова. – Москва: Евразийский союз ученых, 2018. – № 7. – С. 5–12.

К содержанию

А. В. КАРПОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Я. Дмитрачкова

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В последние годы все большее внимание уделяется поиску современных методик и моделей преподавания иностранных языков в общеобразовательных учреждениях, а также их эффективному применению для повышения качества языковой подготовки – формирования коммуникативной компетенции у обучающихся. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что педагогический процесс часто по-прежнему ориентирован на трансляцию готового знания без учета индивидуальных когнитивных особенностей и возможностей личностного развития учащихся.

Тем не менее, в соответствии с Учебной программой по учебному предмету «Иностранный язык» генеральная цель обучения: формирование учащихся как субъектов межкультурной коммуникации – осуществляется посредством овладения ими иноязычной коммуникативной компетенцией и развития у них качеств поликультурной личности, востребованных современным информационным обществом в условиях глобализации [1]. Коммуникативная компетенция определяется при этом как способность и готовность осуществлять речевую деятельность средствами изучаемого языка, реализуя коммуникативное поведение на основе фонологических, лексико-грамматических, социолингвистических, предметных и страноведческих знаний, навыков, умений и опыта межкультурного/межличностного общения. Важным аспектом данной компетенции

является интеграция различных форм знаний, что позволяет эффективно решать задачи общения в разнообразных ситуациях.

В этом коммуникативном контексте использование пословиц и поговорок в качестве предмета изучения представляет собой продуктивный способ активизации личностно-деятельностного компонента содержания обучения старшеклассников и его, соответственно, развивающего потенциала. Эти фольклорные элементы обогащают учебно-воспитательный процесс, придавая ему ценностно-смысловую направленность, что особенно важно на III ступени общего среднего образования, где мотивация обучающихся обусловливается степенью удовлетворения их потребностей, в частности, в личностной и национальной самоидентификации на фоне «других» мироощущений и картин мира.

Пословицы и поговорки – это лаконичные выразительные фразы, созданные «народом» и/или заимствованные из различных литературных источников, которые в сжатой форме передают мудрые мысли и жизненные устои той или иной нации. Эти выражения, как правило, состоят из двух частей, которые рифмуются друг с другом и обладают как прямым, так и переносным значением, что делает их носителями моральных уроков и духовно-нравственных установок, обладающих выраженными ценностно-смысловыми коннотациями специфического национально-культурного характера, осмысление которых обусловливает расширение сознания и практическое самоопределение старшеклассников.

При этом пословицы и поговорки являются целесообразным средством совершенствования и контроля всего комплекса субкомпетенций: учебно-познавательной, компенсаторной, социокультурной, языковой и речевой (от фонологических, лексических и грамматических знаний и навыков до умений говорения, письма, чтения и аудирования), способствуя развитию коммуникативной компетентности обучающихся в целом.

В качестве средства развития языковой компетентности обучающихся на III ступени общего среднего образования эти малые фольклорные формы могут использоваться уже с первых уроков. Под языковой компетенцией мы понимаем способность и готовность обучающегося осмысленно и эффективно использовать язык во всех его формах. Она охватывает не только знание правил грамматики и орфографии, но и умение выбирать правильные слова, соответствовать контексту и использовать язык для достижения различных целей общения. Это своего рода ключ к восприятию и созданию смыслов, который позволяет старшекласснику вступать в диалог с окружающим миром и выражать свои мысли, чувства и желания.

В рамках нашего дипломного исследования «Пословицы и поговорки как средство развития языковой компетентности обучающихся на уроках английского языка (III ступень общего среднего образования)» мы провели

анализ учебно-методического комплекса (УМК) «Английский язык / Англійская мова. 9 класс» (Лапицкая Л. М. и др., Минск: Вышэйшая школа, 2018) и выяснили, что использование пословиц и поговорок как учебного материала крайне ограничено. Учебник включает 9 разделов, в каждом из которых содержится по 9–11 уроков. Но только три раздела – *UNIT 2 Interpersonal Relationships, UNIT 5 Weather, UNIT 7 Leisure Time* – содержат задания, использующие пословицы и поговорки: всего пять заданий на весь учебник. Это означает, что задания с фольклорными элементами составляют менее 1 % от общего количества упражнений (540). Соответственно, мы разработали комплекс дидактических материалов на основе фольклорных элементов и апробировали его в 9 классе средней школы №8 г. Кобринта. Задания для формирования фонологической компетенции базировались, например, на таких пословицах и поговорках, как:

- *Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy, and wise.*
- *Knowledge is power.*
- *Actions speak louder than words.*
- *The early bird catches the worm.*
- *Practice makes perfect.*

Обучающимся предлагались «фонетическая и речевая зарядки» и следующие задания: имитировать/изменить/корректировать/объяснить элементы интонации и их функции в общении (мелодику, ритм, темп, тембр речи, логическое ударение), подготовить и провести фонетическую зарядку для формирования ритмико-интонационных и слухо-произносительных (восприятие, воспроизведение, тренировку отдельных звуков) навыков, разрезать пословицу на части и собрать ее как пазл; объяснить смысл пословицы в контексте темы урока; определить, какая из предложенных пословиц не отражает тему обсуждения; сопоставить пословицу с картинкой; создать иллюстрацию, отражающую значение пословицы и др.

В плане формирования лексической компетенции задания были направлены на расширение словарного запаса и развитие навыков применения лексических единиц в контексте:

- *Time spent with friends is well spent* (выбрать ключевые слова и составить с ними предложения).
- *Good memories create lasting happiness* (сопоставить слова из пословицы с их антонимами).
- *Laughter is the best medicine* (составить список синонимов к ключевым словам).
- *Winning isn't everything; it's the only thing* (написать эссе, раскрывая идею пословицы).
- *All work and no play makes Jack a dull boy* (объяснить значение и смысл пословицы, обсудить ситуацию ее применения).

Задания по формированию грамматической компетенции основывались на интеграции фольклорного материала в изучение грамматических структур и категорий:

- *The moments we ... together ... our treasures* (вставить глаголы *enjoy, become* в *Present Perfect*).
- *A friend is ... who understands your past* (заполнить пропущенные относительные местоимения).
- *Actions speak louder than words* (объяснить использование различных грамматических категорий/структур).
- *The place where you feel most at home is often the best refuge* (составить рассказ, используя пословицу).
- *The road to success is dotted with many tempting parking spaces* (проанализировать грамматические категории/конструкции и их функции).

Методический эксперимент показал, что широкая функциональность пословиц и поговорок позволяет преподавателю решать разнообразные задачи на начальном этапе введения в тему занятия, в основной части урока, где они могут служить средством ознакомления с новыми лексическими единицами и грамматическими структурами, их тренировки и/или применения в различных речевых ситуациях. Это автоматизирует и активизирует языковые единицы, что, в свою очередь, совершенствует ритмико-интонационные и слухо-произносительные навыки. Пословицы и поговорки могут использоваться на предтекстовом, текстовом и послетекстовом этапах всех видов речевой деятельности. В заключительной части занятия пословицы могут служить средством подведения итогов или оценивания деятельности обучающихся, что подчеркивает их многофункциональность. Обучающиеся учатся не просто запоминать слова, но и использовать их в контексте, что значительно повышает уровень их владения языком. Такой подход также развивает эмоциональную выразительность речи, делая общение более живым и насыщенным.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что методически грамотное использование пословиц и поговорок на старшем этапе обучения иностранному языку обусловливает реализацию обучающих, развивающих, воспитательных целей в процессе развития языковой компетентности обучающихся, способствует более полному пониманию культурных контекстов, в которых функционируют соизучаемые языки, расширяя горизонты сознания старшеклассников до «поликультурного» и обуславливая процессы их национальной и личностной идентификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Учебная программа по учебному предмету «Иностранный язык» (английский, немецкий, французский, испанский, китайский) для 9 класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским

языком обучения и воспитания (базовый и повышенный уровни). – URL: https://adu.by/2023/08/in_yaz/up-in-yaz-9-rus (дата обращения: 06.04.2025).

К содержанию

К. А. КАФТАНЮК

Казань, КФУ

Научный руководитель – А. Э. Рахимова

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТФЕЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ МОТИВАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Подобно паспорту, фиксирующему гражданство, языковая компетенция подтверждается сертификатами и оценками, объединяемыми в языковой портфель. Его структура – языковой паспорт, биография и досье – обеспечивает систематизацию достижений, рефлексию прогресса и персонализацию обучения. Зарубежные и российские методисты подчеркивают важную роль языкового портфеля в развитии учебной автономии, критического мышления и межкультурной коммуникации. В ходе проведенного исследования был выявлен мотивационный потенциал языкового портфеля для внедрения в образовательные практики.

Концепция языкового портфеля возникла в Европе в 1990-х как ответ на ограниченность традиционных методов оценки. Европейский языковой портфель (ELP), созданный в рамках CEFR (Общеевропейские компетенции владения языком), стал основой для национальных аналогов в Японии, США, Германии и других странах. Его цель – поддержка автономии учащихся, плориалингвизма и межкультурной коммуникации.

В настоящее время языковой портфель используется в школах и вузах для отслеживания прогресса, развития саморефлексии и мотивации. Он помогает преподавателям адаптировать программы под потребности учащихся. Также внедряется в корпоративную сферу для оценки языковых компетенций сотрудников [1].

Языковой портфель является инновационным инструментом фиксации достижений и ресурсом для повышения эффективности изучения иностранных языков.

Языковой портфель определяется как систематизированная коллекция материалов, отражающих учебные достижения и опыт учащегося в изучении иностранного языка. Согласно Э. Г. Азимову и А. Н. Щукину, это инструмент самооценки, включающий задания, проекты и письменные работы, которые демонстрируют развитие коммуникативной компетенции. Ключевые признаки языкового портфеля – накопление документов и рефлексия прогресса, что позволяет обучающимся анализировать динамику

освоения языка и использовать материалы для дальнейшего образования или карьеры [2].

Следует отметить, что языковой портфель обладает определенной структурой:

1. Языковой паспорт – фиксирует уровень владения языком, сертификаты и квалификации.
2. Языковая биография – помогает ставить цели, фиксировать темы, эмоции и достижения в процессе обучения.
3. Досье – содержит аутентичные работы (эссе, проекты), подтверждающие языковые навыки.

Российские методисты выделяют следующие функции языкового портфеля:

- всесторонность – объединяет формальные и неформальные методы оценки;
- систематизация – требует четкого планирования и отбора материалов;
- информативность – обеспечивает прозрачность данных для учителя и ученика;
- подлинность – исключает плагиат, отражая реальные достижения;
- индивидуальный подход – учитывает личные интересы и уровень обучающегося [3].

Потенциал языкового портфеля не вызывает сомнения:

1. Посредническая роль – укрепление взаимодействия между учеником и учителем.
2. Расширение языкового охвата – включение новых языков и культурных контекстов.
3. Междисциплинарность – интеграция языкового портфеля в различные предметные области.

Несмотря на потенциал, внедрение языкового портфеля сталкивается с трудностями: недостаток времени у педагогов, сложность структурирования материалов. Однако его роль в повышении мотивации и прозрачности обучения сохраняет актуальность в условиях глобализации.

Языковой портфель выступает ключевым инструментом в формировании мотивации учащихся, обеспечивая осознанность и рефлексию учебного процесса. Его структура, основанная на принципах автономии и самооценки, способствует развитию внутренней мотивации, препятствуя снижению интереса к изучению языка. Теоретические исследования зарубежных методистов подчеркивают, что языковой портфель стимулирует личностный рост через фиксацию достижений и постановку индивидуальных целей, что трансформирует обучение в целенаправленную деятельность [1].

Преимущества языкового портфеля включают:

1. Саморегуляцию – учащиеся анализируют прогресс, выявляя сильные и слабые стороны.

2. Развитие критического мышления – рефлексия материалов портфеля формирует навыки анализа и планирования [4].

3. Индивидуализацию – адаптация содержания под интересы и потребности ученика повышает вовлеченность.

Недостатки связаны с субъективностью самооценки, сложностью интеграции языкового портфеля в образовательные стандарты и технологическими ограничениями (например, переход от бумажных носителей к цифровым форматам).

Исследования российских методистов подтверждают, что языковой портфель способствует формированию межкультурной компетенции и учебной автономии, создавая основу для непрерывного образования в течение всей жизни. Однако его эффективность зависит от корректной методологической базы и готовности педагогов к внедрению инновационных подходов.

Можно выделить следующие рекомендации: начинать формирование языкового портфеля следует с первых этапов изучения языка, используя цифровые или бумажные носители для систематизации материалов. Включение учебных заданий, конспектов уроков (лексика, грамматика, примеры предложений) и результатов тестов обеспечивает целостность данных, упрощая подготовку к экзаменам. Регулярное обновление портфеля новыми материалами, включая внешние ресурсы, поддерживает актуальность информации и отражает динамику языкового прогресса.

Языковой портфель подтверждает свою эффективность как инструмент мотивации и систематизации в изучении иностранных языков. Анализ его применения в школах выявил ключевые преимущества: фиксация прогресса, постановка индивидуальных целей и развитие автономии учащихся. Структура языкового портфеля, включающая паспорт, биографию и досье, обеспечивает рефлексию достижений, а интеграция принципов самооценки и персонализации усиливает вовлеченность в учебный процесс.

Исследование доказывает, что языковой портфель способствует не только академическим успехам, но и формированию межкультурной компетенции. Несмотря на вызовы, связанные с адаптацией к цифровой среде и субъективностью оценки, технология сохраняет потенциал для трансформации образовательных практик. В перспективе языковой портфель может стать основой для гибридных форм обучения, объединяющих традиционные и инновационные подходы, что усилит его роль в условиях глобализации.

1. The European Language Portfolio: the story so far (1991–2011). – URL: <https://www.coe.int/en/web/portfolio/the-european-language-portfolio-the-story-so-far-1991-2011-executive-summary> (дата обращения: 25.02.2025).
2. Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин, – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
3. Бабина, Е. И. Языковой портфолио как инструмент оценивания и развития учащегося / Е. И. Бабина. – М. : Педагогическое общество России, 2007. – 358 с.
4. Ivanova, N. Language Portfolio as an Instrument for Student Development / N. Ivanova. – 3-е изд. – Красноярск, 2003. – 140 р.

[**К содержанию**](#)

М. К. КАФТАНЮК

Казань, КФУ

Научный руководитель – А. Э. Рахимова

**СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКИ
НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Метод проектов в обучении иностранным языкам подразумевает, что учащиеся работают над заданиями, разработанными учителем, с целью создания нового продукта. Этот подход способствует самостоятельному обучению, развитию коммуникативных навыков и ответственности за результаты. Проектная методика основана на цикличности образовательного процесса, где каждый цикл представляет собой этап, направленный на овладение иностранным языком. Внедрение метода проектов в школьную практику позволяет учащимся продемонстрировать свои способности, использовать исследовательский опыт и двигаться к более высоким уровням образования. Основные характеристики проектов в языковом образовании включают использование языка в реальных ситуациях, самостоятельную работу и визуальное представление результатов.

Подчеркивая важность проектного метода в формировании навыка исследовательской работы, современные методисты выделяют несколько характеристик проектной деятельности, таких как использование языка в аутентичных условиях общения и выбор интересных тем для учеников.

Общая дидактическая типология проекта включает:

1. Главные методы деятельности: исследовательская, творческая, ролевая.
2. Области технического содержания: единичные и междисциплинарные проекты.
3. Виды координации: прямая и скрытая.
4. Характер взаимодействия: внутришкольный и региональный.
5. Количество участников: индивидуалы, пары, группы.
6. Длительность проекта: от уроков до нескольких месяцев или лет.

На практике чаще всего используются смешанные типы проектов, каждый из которых имеет свои особенности и этапы. В зависимости от конечного результата можно выделить следующие виды проектов в изучении иностранного языка: конструктивно-практические (например, дневник наблюдений); ролевые (воспроизведение фрагментов уроков); информационные и исследовательские проекты; сценарные проекты; творческие работы (литературные переводы); издательские проекты; материалы для стендов.

Метод проектов предполагает активное применение знаний языка для выполнения конкретных задач. Например, учитель может предложить создать презентацию о путешествии в страну изучаемого языка. Учащиеся должны исследовать информацию о культуре, достопримечательностях и кухне, обработать ее и представить в виде конечного продукта.

При работе над проектом важно учитывать, что темы могут касаться как страны изучаемого языка, так и страны проживания. Это позволяет учащимся не только углубить знания языка, но и связать их с личным опытом и культурой. Таким образом, проектная методика становится эффективным инструментом в обучении иностранному языку, способствуя развитию ключевых навыков и углублению знаний.

Учащиеся будут сравнивать события и явления в разных странах, извлекая факты из различных источников. Задания должны соответствовать языковому уровню каждого ученика и быть интересными для поддержания их активности. Метод проектов помогает перейти от получения знаний к их осознанному усвоению, что способствует заинтересованности в изучении языка и культур.

Проектная работа включает несколько этапов:

1. Подготовка: определение интересных тем и обсуждение идей.
2. Организация: разделение на группы с учетом задач для каждого.
3. Выполнение: поиск информации и выбор формата проекта.
4. Презентация: демонстрация результатов одноклассникам для развития навыков презентации.
5. Итоги: обсуждение результатов и ошибок для улучшения.

Темы проектов могут быть разнообразными, например, «Путеводитель по стране изучаемого языка» или «Школа 21 века». Важно, чтобы учащиеся воспринимали изучение иностранного языка как увлекательный процесс. Метод проектов требует подготовки и включает исследовательские задачи, практическую значимость результатов и активное участие учащихся. Выбор тем должен учитывать их значимость для учеников, что позволяет применять метод практически к любой теме учебной программы.

Главное – формулировка задач, над которыми будут трудиться ученики.

Таким образом, метод проектов является комплексным методом, способствующим индивидуализации процесса обучения и позволяющим учащимся проявлять самостоятельность на всех этапах проектной деятельности. Важно отметить, что для продуктивного применения данного метода важную роль играет грамотная работа преподавателя, организующего проект.

К содержанию

А. С. КАЧАНОВСКАЯ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Захарова

**АУТЕНТИЧНЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ НА УРОКАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КРИТЕРИИ ОТБОРА РЕСУРСОВ**

В современном мире владение иностранным языком является неотъемлемой частью профессиональной и личной самореализации. Одним из ключевых аспектов языкового обучения является развитие коммуникативной компетенции – способности эффективно взаимодействовать в устной и письменной форме. Одним из эффективных инструментов формирования данной компетенции является использование аутентичных видеоматериалов, которые позволяют обучающимся погружаться в естественную языковую среду.

Л. А. Петровская определяет коммуникативную компетенцию как «способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми» [1, с. 106]. В ее состав включают некоторую совокупность коммуникативных знаний и умений, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса.

Ю. Н. Емельянов в свою очередь понимает коммуникативную компетенцию как «способность к коммуникации; как способность человека взаимодействовать вербально, невербально или молча; как интегративную способность целесообразно взаимодействовать с другими на своем уровне обученности, воспитанности, развития, на основе гуманистических личностных качеств (общительности, искренности, такта, эмпатии, рефлексии и т. п.) и с учетом коммуникативных возможностей собеседника» [2, с. 16].

Использование аутентичных видеоматериалов на уроках английского языка способствует не только совершенствованию навыков восприятия речи, но и развитию межкультурной компетенции. Видеоконтент, созданный носителями языка, помогает учащимся освоить реалии жизни в англоязыч-

ных странах, ознакомиться с различными акцентами и стилями общения, а также повысить мотивацию к изучению языка.

Однако эффективность применения видеоматериалов зависит от правильного выбора контента. Таким образом, для использования на уроках английского языка аутентичные видеоматериалы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Подходить под возраст и речевой опыт обучающихся.
2. Иметь четкую структуру.
3. Содержать не более 3–5 % незнакомых слов.
3. Содержать определенную проблему, которая представляется для обучающихся особый интерес.
4. Не превышать 5 минут звучания.
5. Содержать активный и пассивный запас лексики, соответствующей изучаемым темам.

В настоящее время существует множество различных видеоматериалов, которые можно применять на уроках английского языка. Это могут быть художественные фильмы, мультфильмы, видео на YouTube, новости, интервью, шоу, реклама, короткие видео (shorties) и т. д. Однако следует отметить, что данный источник информации будет особенно интересен обучающимся старшего звена, т.к. именно они обладают достаточным уровнем подготовки для восприятия аутентичного, неадаптированного видеоматериала.

Среди фильмов, которые могут представлять интерес для старшеклассников можно использовать следующие:

1. *The Devil Wears Prada* (2006) – мир моды, выбор профессии.
2. *Legally Blonde* (2001) – учеба, образование.
3. *Eat Pray Love* (2010) – туризм.
4. *Midnight in Paris* (2011) – культурный досуг.
5. *Mean Girls* (2004) – молодежь и общество.
6. *Interstellar* (2014) – наука и техника.

Существует несколько каналов на YouTube, которые также можно использовать:

1. Crash Course – искусство, экология, наука, климат, образование.
2. TED-ed – искусство, наука, образование, СМИ, молодежь и общество, экология.
3. Great Art Explained – искусство.
4. Vox – искусство, молодежь и общество, мир моды.
5. Edutopia – образование.
6. BBC News – СМИ, наука и техника, искусство.

Это только малая часть аутентичных ресурсов на английском языке, которые можно предложить для использования на уроках в старших классах.

сах. Важно тщательно подходить к выбору материалов, ориентируясь на их актуальность, языковую сложность и соответствие учебным целям. Видеоматериалы, такие как фильмы, интервью, шоу, могут значительно усилить мотивацию обучающихся, делая процесс обучения более интересным и эффективным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петровская, Л. А. Компетентность в общении / Л. А. Петровская. – М. : Изд-во МГУ, 2009. – 216 с.
2. Емельянов, Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности: дис.докт.псих.наук / Ю. Н. Емельянов. – СПб.: СПб.ун-т, 1992. – 403 с.

[К содержанию](#)

А. В. КОСТЮЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Мартынюк

ПРИЛОЖЕНИЕ “ТИК ТОК” КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Современный мир характеризуется значительной степенью развития цифровой коммуникации, в частности, посредством социальных сетей и мобильных приложений, позволяющих их использовать. Одним из таких приложений, ставших неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, является “TikTok” [1].

Главная идея приложения “TikTok” заключается в создании и просмотре коротких видео, которые могут длиться до трех минут. Однако, эта платформа может использоваться не только в развлекательных целях, но и являться инструментом обучения иностранному языку. Благодаря коротким видео, яркому оформлению, интерактивному формату и алгоритмам, «подстраивающим» работу сервиса под запросы, интересы конкретного пользователя, приложение может стать отличным помощником в изучении английского языка. Но, чтобы “TikTok” рекомендовал действительно полезный и образовательный контент, важно правильно настроить вышеупомянутый алгоритм. Для того, чтобы лента рекомендаций содержала больше роликов на английском языке, в первую очередь необходимо отмечать как понравившиеся (ставить «лайк») и добавлять в закладки любые ролики, созданные преподавателями – носителями языка, направленные на анализ применения в

речи грамматических конструкций, лексических единиц, связанных с изучаемыми темами, изучение особенностей произношения. Также важно осуществлять «подпиську» на аккаунты «языковой» направленности. Указанные действия ведут к тому, что алгоритм «запоминает» предпочтения пользователя и в дальнейшем предлагает ему больше роликов интересующей его тематики. Еще одной стратегией является использование поиска по ключевым запросам: словам и хэштегам, связанным с контентом, направленным на изучение иностранного языка, в частности, для английского языка таковыми являются: *#learnenglish, #englishgrammar, #pronunciation, #englishwords*. Также следует учитывать, что приложение учитывает время просмотра и вовлеченность: чем большее время пользователь уделяет просмотру видеороликов на определенную тематику, чем больше комментариев к ним оставляет, тем вероятнее, что подобный контент чаще будет появляться в рекомендациях [2].

Что же касается возможностей применения ресурсов приложения на практике, то нельзя не отметить их потенциал в организации внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся. Так, обучающимся могут быть предложены задания, направленные на самостоятельное изучение лексических и грамматических конструкций и дальнейшее их применение при выполнении лексических и речевых упражнений, задания, связанные с развитием навыков и умений понимания иноязычной речи на слух, коммуникацией с носителями языка посредством комментариев. Немалой ценностью обладают и видеоролики, созданные носителями различных вариантов английского языка, т.к. являются аутентичным материалом при применении техники “shadowing” («повторяй за мной»), а также демонстрации различий фонетических систем этих вариантов [3].

Основное же преимущество платформы заключается в создании естественной языковой среды и развитии методических приемов за счет регулярного обновления информации. Работа с вышеперечисленными типами заданий позволяет создавать необходимую атмосферу погружения в языковой контекст, не только слушая речь носителей, но и вступая с ними в диалоги. Например, использовать функцию «дует», которая позволит оформить ответ в формате видео. Такой формат уже будет носить более творческий характер и позволит выявить уровень коммуникативной компетенции учащегося. Также данный формат позволит улучшить навыки владения иностранным языком не только в процессе слухового восприятия, но и благодаря яркой визуализации. Некоторые языковые аккаунты делают акцент на юмористическом аспекте, что также облегчит процесс усвоения нового материала [3].

В “TikTok” могут быть представлены не только образовательные ролики, но и практически любой контент на изучаемом языке. Видео, выкладываемые носителями языка, наполнены разговорными оборотами и

полезными выражениями могут быть использованы преподавателями в качестве дополнительного материала для аудиторной работы. Так, ценность представляют видеоролики, направленные на ознакомление аудитории с современными сленговыми выражениями, официальные аккаунты различных знаменитостей, ученых, преподавателей – носителей английского языка, короткие нарезки из фильмов/сериалов в оригинале, которые можно использовать для «разминки», отмечая в них «слово дня» [4].

Таким образом, платформа “TikTok” является не только развлекательной площадкой, но и полезным ресурсом для изучения английского или любого другого иностранного языка. Благодаря разнообразным возможностям, платформа позволяет продуктивно использовать ее в процессе обучения не только студентам, но и преподавателям для организации образовательного процесса, творческой учебной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. TikTok statistics that you need to know in 2021. – URL: <https://www.oberlo.com/blog/tiktok-statistics> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Горобцов, Е. В. Короткие видео на платформе “TikTok” как средство формирования социокультурных навыков у обучающихся английскому языку / Е. В. Горобцов, Р. Д. Лопатин, П. Дж. Митчелл // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26. № 194. – С. 29–34.
3. Столяренко Л. Д. Педагогика в вопросах и ответах : учеб. пособие / Л. Д. Столяренко. – М. : Проспект, 2016. – 160 с.
4. Житкова, Е. В. TikTok как средство обучения иностранному языку / Е. В. Житкова, А. Ю. Ким // Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 10–12 ноября 2020 г. / Томск. политех. ун-т ; ред. Ю.В. Кобенко. – Томск : Изд-во Томск. политех. ун-та, 2020. – С. 47–51.

[К содержанию](#)

А. В. КРИВЕЦ

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы
Научный руководитель – А. Д. Дудько

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЛАТФОРМЫ WORDWALL В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Владение иностранными языками в современном мире является важным инструментом коммуникации и профессиональной реализации личности. Эффективное обучение иностранным языкам теперь подразумевает не только базовое изучение самого языка, но и применение инновационных

методов и инструментов, способствующих более активному вовлечению учащихся в учебный процесс. Одним из таких инструментов является платформа Wordwall, которая предлагает широкий спектр возможностей для изучения и преподавания иностранных языков.

Для того чтобы повысить интерес учащихся к изучению иностранного языка, педагогам необходимо применять современные образовательные и информационно-коммуникационные технологии [1, с. 63]. Информатизация образования создает новые возможности, которые способствуют повышению качества обучения, оптимизации образовательного процесса, а также формированию у учащихся необходимых компетенций.

Информационные технологии дают больше возможностей для самостоятельной и дистанционной работы, а также применения визуализации, необходимой для более эффективного запоминания и развития навыков устной и письменной речи [2, с. 13]. Wordwall представляет собой онлайн-платформу, которая позволяет создавать различные интерактивные учебные материалы, такие как тесты, упражнения, викторины, игры. Разнообразие материалов и типов заданий платформы делают ее эффективным средством получения необходимых образовательных компетенций как для детей, так и для взрослых.

Образовательная платформа Wordwall имеет широкий дидактический потенциал, представляя собой эффективный инструмент для создания интерактивных учебных материалов. Подчеркивая достоинства платформы, А. Кананыхина отметила, что при выполнении заданий с помощью ресурсов Wordwall учащиеся занимаются в индивидуальной или групповой форме; платформа Wordwall позволяет работать в режиме оффлайн и в режиме онлайн; разнообразие инструментария данной платформы позволяет преподавателю организовать и провести оригинальные занятия в дистанционном формате [3]. Задания, созданные с помощью образовательного ресурса Wordwall, можно адаптировать под различные учебные темы и уровни сложности, а также использовать их как для работы на занятиях, так и для самостоятельной домашней работы, что позволяет преподавателю отслеживать результаты каждого учащегося.

Оценить дидактический потенциал образовательного ресурса Wordwall возможно и в рамках дисциплин высших учебных заведений. Так, при изучении темы “Theatre”, в курсе дисциплины практики устной и письменной речи, Wordwall предоставляет возможность для создания интерактивных заданий для эффективной отработки темы с обучающимися. Например, с помощью задания «Сопоставление» студенты могут соединять театральные термины (такие как “*stage manager*” или “*understudy*” с их определениями, что помогает более успешно усвоить базовую лексику. Для закрепления активной лексики и грамматики может также использоваться

задание «Заполни пропуски» с предложениями по теме: “*There were ... of admiration after ... performance*”. Такие задания, как «Викторина» и «Верно / неверно» могут быть использованы преподавателем для проверки понимания прочитанных студентами текстов в контексте изучаемой темы. Для развития навыков устной речи отлично подойдет игра «Колесо фортуны» с многообразными темами для обсуждения, которая стимулирует учащихся к спонтанному диалогу и помогает преодолеть языковой барьер.

Рассматривая другие преимущества данной платформы, стоит отметить функцию трансформирования заданий в различные форматы, что позволяет значительно экономить время при подготовке учебных занятий, а также возможность превращения данных материалов в общедоступные для других пользователей платформы. Все это расширяет возможности использования ресурса Wordwall и позволяет педагогам активно вовлекать учащихся в обучение, делая его более интересным, динамичным, эффективным и адаптированным к индивидуальным особенностям и потребностям каждого.

Выбирая наиболее подходящие типы заданий, а также комбинируя их с другими методами обучения, важно учитывать и ограничения образовательной платформы Wordwall. Препятствием для полноценной работы может стать ограниченность бесплатной версии, однако образовательный ресурс Wordwall имеет достаточно большой функционал, предоставляемый пользователям бесплатной версии. Кроме того, как и для работы со многими другими электронными ресурсами, требуется стабильное интернет-соединение, что также может стать проблемой для некоторых пользователей. Эффективность ресурса Wordwall во многом зависит от тщательного планирования и адаптации заданий преподавателем под определенные учебные цели, а недостаточная проработка заданий может привести к поверхностному усвоению материала обучающимися.

Таким образом, дидактический потенциал образовательной платформы Wordwall обусловлен разнообразием видов и типов учебных материалов, простотой и доступностью использования, возможностью совместной работы и обратной связи. Использование ресурса Wordwall в преподавании иностранных языков и внедрение его применения в образовательный процесс способствуют формированию у обучающихся необходимых компетенций для успешного изучения и усвоения иностранных языков в современном обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогалевич, И. М. Мастер-класс «Сервисы Web 2.0 как педагогические ресурсы» : использование информационных технологий на уроках английского языка / И. М. Рогалевич // Народная асвета. – 2019. – №1. – С. 63–65.

2. Попова, А. В. Информационные технологии в контексте полимодального обучения иностранным языкам / А. В. Попова // Иностранные языки в школе. – 2024. – № 7. – С. 12–18.

3. Кананыхина, А. О. Дидактические возможности платформы Wordwall в преподавании иностранного языка студентам вуза / А. О. Кананыхина. – URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2023-03/didakticheskie-vozmozhnosti-platformy-wordwall-v-prepodavanii-inostrannogo-yazyka-studentam-vuza.pdf> (дата обращения: 06.04.2025).

[**К содержанию**](#)

Т. А. КУКЕТА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. М. Галуц

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ**

В современном мире владение иностранными языками является важным элементом профессионального и личностного развития человека. Школа, как основной и самый продолжительный этап образования, играет значительную роль в формировании иноязычной компетенции учащихся. Однако традиционные методы обучения не всегда обеспечивают достаточную мотивацию учащихся и эффективность обучения. В связи с этим актуальным становится применение творческого подхода, который в педагогике он рассматривается как система методов и средств, обеспечивающая нестандартное осмысление учебного материала, развитие творческого потенциала учащихся и интеграцию обучения с реальными жизненными ситуациями. По мнению Панфиловой, творческий подход к обучению не только расширяет возможности усвоения знаний, но и способствует взаимному обогащению культур, стимулируя речемыслительную и познавательную активность учащихся [6, с. 4].

Одним из главных преимуществ творческого подхода является его способность повышать мотивацию учащихся. Учителя, применяющие креативные методы, отмечают, что вовлечение учеников в активную деятельность через нестандартные задания и моделирование жизненных ситуаций способствует более глубокому освоению материала. Кроме того, творческие приемы обучения формируют позитивное отношение к образовательному процессу и снижают уровень стресса, что улучшает концентрацию и уверенность в собственных силах.

Методы реализации творческого подхода включают игровые технологии, проектную деятельность, интерактивные формы обучения, а также работу с аутентичными текстами и мультимедийными материалами.

Дидактические игры, ролевые модели и квесты помогают учащимся воспринимать знания в естественной, непринужденной форме, способствуя их практическому применению. Проектная работа стимулирует самостоятельное мышление, поиск информации и творческий подход к решению задач. Интерактивные цифровые платформы и мультимедийные ресурсы интегрируют учебный материал в реальную жизнь, делая процесс обучения более динамичным.

Следует отметить, что применение творческого подхода в процессе обучения иностранным языкам предполагает достижения следующих целей:

- развитие устойчивого интереса к изучению иностранного языка;
- повышение мотивации и активизации учебно-познавательной деятельности учащихся;
- создание условий для продуктивного взаимодействия между учениками и учителем;
- снижение уровня языкового барьера при использовании иностранного языка.

Выбор способов и форм реализации творческого подхода зависит от возрастных особенностей учащихся. В начальной школе эффективными будут, прежде всего, игровые методики: ролевые игры, инсценировки, настольные игры, а также использование песен, стихов, анимационных видеоматериалов. Учащиеся средней ступени могут участвовать в проектной деятельности, например, в создании видеороликов, постеров, блогов. Старшие школьники способны участвовать в обсуждениях и дебатах, подготовке театральных постановок, поэтических вечеров на иностранном языке. Кроме этого, им можно предлагать анализ литературных произведений, творческое письмо, исследовательские работы.

Творческие методы, приемы и формы обучения можно и следует использовать как для формирования грамматических и лексических навыков, так и развития рецептивных и продуктивных речевых умений. Приведем несколько примеров.

Одним из эффективных методов изучения грамматики является импровизированный театр, где учащиеся составляют диалоги, используя определенные грамматические структуры. Например, при изучении условных предложений они могут разыгрывать сценки, создавая ситуации типа: „Wenn ich einen magischen Schlüssel hätte, würde ich die Tür zu einer anderen Dimension öffnen!“ (Если бы у меня был волшебный ключ, я открыл бы дверь в другое измерение!) Таким образом, учащиеся осваивают сложные конструкции в естественной речевой среде.

Еще одним эффективным методом является подготовка и проведение монологических выступлений, где учащиеся создают короткие рассказы, используя недавно изученную лексику и грамматические структуры. Это

помогает совершенствовать произношение, интонацию, развивает способность связно и логично выражать мысли.

При обучении аудированию можно использовать метод «активного слушателя»: учащиеся слушают аудиоматериалы и пересказывают услышанное, стараясь выразить ключевые идеи своими словами. Это способствует развитию умений восприятия иностранной речи на слух, структурирования и интерпретации полученной информации.

Использование нестандартных методов и форм позволяет сделать обучение более личностно ориентированным, учитывая интересы и предпочтения учащихся. Например, написание рассказов, создание диалогов, ролевые игры и драматизация помогают применять язык в реальных ситуациях, формируя уверенность в собственных способностях. Творческий подход способствует не только повышению уровня владения языком, но и развитию важных когнитивных навыков, таких как критическое мышление, способность к решению проблем и адаптивность, что делает процесс обучения более живым и осмысленным.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем еще раз, что творческий подход в обучении иностранным языкам значительно повышает эффективность образовательного процесса, делает обучение иностранным языкам более интересным, динамичным и продуктивным. Применение творческих заданий в процессе обучения иностранным языкам играет важную роль в формировании коммуникативной и межкультурной компетенций учащихся, способствует повышению их мотивации, активизации познавательной активности, развитию творческого мышления, самоорганизации и более глубокому освоению материала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панфилова, М. А. Цели и задачи обучения немецкому языку / М. А. Панфилова // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. – № 6 А. – С. 734–740.

[К содержанию](#)

И. А. ЛЕВЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Мартынюк

АУТЕНТИЧНЫЕ ТЕКСТЫ ЖАНРА «КОМИКС» В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Изучение иностранного языка неотделимо от знакомства с культурой его носителей, поскольку язык является ее частью. В условиях активного

взаимодействия культур на международном уровне обучение языку требует не только освоения фонетической, грамматической и лексической систем языка, но и развития социокультурной компетенции, необходимой для эффективного межкультурного общения. Владение языком предполагает способность понимать культурный контекст его использования, что делает формирование социокультурной компетенции одной из ключевых целей образовательного процесса. Одним из эффективных инструментов для этого являются аутентичные креолизованные тексты, в частности комиксы, сочетающие вербальные и невербальные элементы.

Социокультурная компетенция, как отмечает Е. И. Пассов, является частью коммуникативной компетенции и обеспечивает способность к реальному общению в аутентичных ситуациях [1, с. 45]. Он подчеркивает, что изучение языка должно быть ориентировано на практику, включая понимание культурных норм и традиций носителей языка. Е.Е. Анисимова дополняет это определение, выделяя интегративный характер социокультурной компетенции, которая включает знание культурных реалий и умение интерпретировать их в соответствии с ожиданиями носителей [2, с. 12]. В. В. Сафонова акцентирует необходимость интеграции социокультурного контекста в обучение, считая, что язык формирует «вторичную языковую личность» – способность обучающихся адаптироваться к чужой культуре через язык [3, с. 25]. Данная компетенция включает лингвострановедческие знания (традиции, обычаи, нормы поведения изучаемого языка), социолингвистические навыки (адаптация речи к социальным ситуациям), социокультурные навыки (интерпретация культурных особенностей и преодоление стереотипов), а также ценностные ориентации (уважение к иной культуре и готовность к диалогу) [3, с. 26].

Комиксы, как тип креолизованных текстов, представляют ценный ресурс для развития этих компонентов. Многие исследователи подчеркивают уместность креолизованных текстов в обучении языку за счет их способности передавать культурную информацию. Так, Е. Е. Анисимова заявляет об усилении восприятия культурной информации, содержащейся в креолизованных текстах, за счет взаимодействия вербальных и визуальных элементов [2, с. 18]. Е. И. Пассов утверждает, что визуально-вербальная природа комиксов повышает мотивацию обучающихся, делая процесс обучения увлекательным и доступным – яркие иллюстрации и сюжеты побуждают обучающихся, стимулируя интерес и активность на уроке [1, с. 50].

Комиксы возникли в англоязычных странах в конце XIX века как газетные стрипы – короткие иллюстрированные истории, публикуемые в прессе. Их развитие до графических романов отражает ценности, такие как индивидуализм и справедливость. Например, в комиксах о супергеро-

ях, таких как Бэтмен, встречаются выражения вроде “*I'll fight for justice*” ‘Я буду бороться за справедливость’, подчеркивающие идеалы американской нации.

Педагогический потенциал комиксов многогранен. Во-первых, они знакомят обучающихся с живым языком в культурном контексте. Е. И. Пассов приводит пример диалогов, таких как “*How about a cup of tea?*” ‘Как насчет чашки чая?’, характерных для комиксов о британской повседневности, например, историй о жизни в Лондоне [1, с. 52]. В. В. Сафонова дополняет, что фразы вроде “*Would you like a biscuit with your tea?*” ‘Не хотите ли печенье к чаю?’ знакомят с традицией чаепития, помогая обучающимся освоить связанные с ней языковые единицы и почувствовать себя частью культуры [3, с. 30].

Во-вторых, визуальные элементы облегчают понимание. Например, в комиксе о Дне независимости фраза “*Let's celebrate freedom!*” ‘Давай праздновать свободу!’ сопровождается изображением фейерверков, что, по словам Е. Е. Анисимовой, усиливает ассоциативное запоминание слова *freedom* ‘свобода’ [2, с. 15]. В. В. Сафонова отмечает, что фраза “*Let's carve the pumpkin for Halloween!*” ‘Давай вырежем тыкву на Хэллоуин!’ из комикса о празднике связывает язык с традицией, погружая обучающихся в культуру [3, с. 28].

В-третьих, комиксы побуждают обучающихся благодаря своей наглядности и увлекательности, что делает их понятными и привлекательными для обучающихся. Сафонова подчеркивает, что такие материалы, как комиксы о Хэллоуине с фразой “*Trick or treat!*” ‘Сладость или гадость!’, помогают воспринимать язык как часть живой традиции, развивая социокультурные навыки обучающихся [3, с. 32].

Рассмотрим применение комиксов в целях развития социокультурной компетенции на практике. В качестве задания обучающимся может быть предложено разыграть сценку с фразой, используемой в комиксе.

Работа с комиксами строится в три этапа, каждый из которых развивает определенные аспекты социокультурной компетенции. На предтекстовом этапе обучающиеся активируют фоновые знания, отвечая на вопросы, например: “*What is Halloween?*” ‘Что такое Хэллоуин?’ или “*What do people do on Thanksgiving?*” ‘Что делают люди на День благодарения?’. Это формирует лингвострановедческие знания, погружая школьников в культурный контекст. Использование в качестве опор избранных иллюстраций из комикса также может стимулировать интерес обучающихся к учебным материалам и самому процессу обучения.

На текстовом этапе обучающиеся анализируют содержание комикса, уделяя внимание языковым и культурным элементам. Например, в комиксе о Дне благодарения фраза “*Pass me the turkey, please!*” ‘Передай ин-

дейку, пожалуйста!‘ изучается в контексте семейного ужина. Школьники выделяют вежливую форму (*please*), а также обсуждают значение индейки как символа праздника, что развивает социолингвистические навыки. Аналогично, в комиксе о Хэллоуине фраза “*Trick or treat!*” ‘Сладость или гадость!‘ анализируется с точки зрения ее культурной функции, что усиливает ассоциативное восприятие [2, с. 18]. Учитель может предложить найти синонимы или перефразировать фразу, например: “*Give me candy or I’ll play a trick!*” ‘Дай конфету, или я подшучу!‘, что направлено на развитие языковой гибкости.

На послетекстовом этапе обучающиеся применяют усвоенные знания в коммуникативных заданиях. Например, после изучения комикса о Дне благодарения школьникам может быть предложено построить диалог “*I’m thankful for my family*” ‘Я благодарен за свою семью‘ или “*What are you thankful for?*” ‘За что ты благодарен?‘, что формирует такие ценностные ориентации, как уважение к семейным традициям. В случае Хэллоуина заданием может стать сценка “*What’s your costume?*” ‘Какой у тебя костюм?‘ – “*I’m a ghost!*” ‘Я призрак!‘, в рамках участия в которой обучающиеся развиваются социокультурные навыки через моделирование реальных ситуаций. Такие задания усиливают коммуникативный эффект, позволяя школьникам «проживать» язык [1, с. 52]. Эти этапы комплексно развиваются социокультурную компетенцию, интегрируя язык и культуру [3, с. 30].

Таким образом, комиксы как креолизованные тексты способствуют развитию как подлинно языковых, так и социокультурных навыков обучающихся. Они делают обучение английскому языку увлекательным и эффективным, помогая понимать культуру носителей языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иностранному языку / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.
2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
3. Сафонова, В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам / В. В. Сафонова. – М. : Высшая школа, 1991. – 150 с.

[К содержанию](#)

А. Р. МАНАСТЫРНАЯ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. В. Онищук

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОРОТКОМЕТРАЖНОГО ФИЛЬМА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Коммуникативная компетенция относится к числу базисных категорий современной теории и практики преподавания иностранного языка, и ее формирование имеет особую актуальность и значимость в обучении иноязычному общению. Овладеть коммуникативной компетенцией на иностранном языке, не находясь в стране изучаемого языка, – задача весьма сложная. Поэтому важной задачей учителя является создание реальных и воображаемых ситуаций общения на уроке иностранного языка с помощью различных педагогических техник. Этой цели могут служить короткометражные фильмы.

Короткометражными фильмами принято считать нарративные фильмы длительностью от 10 до 20 минут. К ним относятся документальные, мультипликационные и художественные фильмы нередко экспериментального характера. Короткометражный фильм благодаря своей краткости позволяет его автору, режиссеру проявить особые художественные возможности. Сжатость времени повествования влияет на структуру фильма, для которой характерны небольшой состав действующих лиц и простота событий, внезапное начало и конец, фрагментальное изображение периода времени повествования. Действие фильма затрагивает чаще всего только один какой-нибудь аспект, оно происходит быстро, четко и максимально наполнено содержанием. В отличие от полнометражного фильма здесь часто совпадают концовка фильма и кульминация. Привлекательность темы, загадочный характер заголовка фильма, особое значение символов и метафор в совокупности должны особым образом привлекать внимание зрителя. Таким образом, применение короткометражных фильмов на уроках иностранного языка предоставляет возможность работы с самостоятельным, замкнутым в самом себе коммуникативным средством.

Работа с полнометражными фильмами на уроке иностранного языка требует в большинстве случаев значительного сокращения содержания. Потенциал короткометражных фильмов заключается в обратном, а именно в возможности расширения и дополнения увиденного. Внезапная, часто открытая концовка короткометражного фильма побуждает к дополнению. Неожиданная концовка или поворот событий в конце придают произошедшему новое значение. Такую концовку нельзя предвосхитить, что ведет к тому, что она не просто воспринимается зрителем, а осмысливается.

Многоплановость короткометражного фильма раскрывается реципиенту часто при втором или последующих просмотрах. Невозможность полностью расшифровать его при первом просмотре является основным свойством короткометражного фильма. Благодаря небольшой продолжительности его можно просмотреть на уроке несколько раз, пока не станет возможным распознать и истолковать сложные символы и метафоры.

Задания, которые непосредственно касаются содержания, расширяют языковую компетенцию: обучаемые осознанно употребляют новую лексику и расширяют свой словарный запас, особенно в описательном плане, характеризуя людей, их взаимоотношения, различные ситуации.

Наряду с содержательными вопросами на первый план может выступать эстетический аспект фильма. В этом контексте обсуждаются музыка фильма, перспектива камеры, язык картин. Подобные упражнения развивают критическое отношение к такому коммуникативному средству как фильм.

Фильм можно рассматривать со страноведческой точки зрения: Как ведут себя действующие лица? Что является типично немецким? Что было бы у нас иначе?

В фильмах, где характер действующих лиц не очевиден, обучающимся могут быть предложены задания чисто на наблюдение: сначала лишь описать то, что они увидели, на втором этапе высказать свою интерпретацию такого поведения, а на третьем – высказать свое отношение к произошедшему.

Целесообразно разделить все упражнения на 3 группы: упражнения перед просмотром, во время и после.

1. Упражнения, предлагаемые перед просмотром, служат для того, чтобы научить обучающихся строить гипотезы и сочинять истории. Наиболее распространенными заданиями являются составление ассоциаций к ключевым словам или понятиям фильма, которые при надобности должны быть объяснены, работа с минидиалогами, цитатами или отдельными кадрами из фильма, составление диалога / озвучивание отрывка фильма, показанного без звука, или высказывание предположений о происходящем лишь на основе звукового тона без картинок. Эти задания позволяют познакомиться с действующими лицами и самой историей.

2. Упражнения, предлагаемые для выполнения во время просмотра, не должны отвлекать от самого фильма. При возможности они должны быть распределены между учащимися или группами. Так, напр., каждая группа получает задание сконцентрировать особое внимание на определенном действующем лице, чтобы после просмотра подробно описать его, или начало фильма показать одной половине обучающихся, а конец другой половине, в итоге они должны будут услышать начало или соответственно

конец друг от друга. Подобного рода задания развивают нарративную и дескриптивную компетенцию обучающихся.

3. Заданий, которые могут быть предложены после просмотра фильма, великое множество. Вот некоторые варианты:

- продолжить историю или придумать другой конец;
- если фильм имеет однозначную повествовательную перспективу, напр., рассказ ведется от имени ребенка, то может быть предложено рассказать о произошедшем от имени, напр., родителей или учителя;
- расставить события в правильном порядке;
- дополнить предложения или текст;
- озвучить сцену из фильма или проиграть ее с текстом;
- различного рода грамматические и лексические упражнения;
- в качестве письменного задания может быть предложено составить биографию одного из действующих лиц, на более продвинутой ступени обучения написать отзыв-критику на фильм.

Итак, можно выделить следующие достоинства короткометражных фильмов:

- их краткость позволяет их показывать полностью, повторяя необходимое число раз;
- отсутствие необходимости подготовки к просмотру фильма (не требуется предыстория или углубление в какие-либо исторические факты);
- они побуждают к продуктивному восприятию;
- их многозначность вызывает желание посмотреть их еще раз;
- короткометражные фильмы применимы на любой ступени обучения иностранному языку;
- большое разнообразие упражнений для работы над ними.

К содержанию

И. С. СЕЛЕЗНЕВ

Брест, БрГУ имени А. С.Пушкина
Научный руководитель – В. А. Захарова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ)

Технология искусственного интеллекта возникла в середине двадцатого века, когда ученые впервые задумались о возможности создания машин,

способных думать и решать задачи подобно человеку. Официально термин «искусственный интеллект» предложили в 1956 году на конференции в Дартмутском колледже, в ходе которой исследователи поставили перед собой цель изучить, как машины могут имитировать человеческие когнитивные способности. Это событие принято считать отправной точкой в развитии искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – это направление науки, которое занимается разработкой компьютерных систем, способных выполнять задачи,ственные человеческому интеллекту [1]. Голосовые помощники, умные рекомендации в интернете, автономные автомобили и даже медицинская диагностика – искусственный интеллект проникает во все сферы нашей жизни. Не осталась в стороне и сфера образования. В современной школе искусственный интеллект становится все более популярным инструментом, который может значительно улучшить качество обучения. В частности, использование его на уроках английского языка у старшеклассников для формирования лексических и грамматических навыков, которые являются основой коммуникации, представляет собой перспективное направление, требующее детального изучения. Рассмотрим несколько платформ, которые подойдут для достижения этой цели.

Quizlet – это онлайн-платформа для обучения, в основе которой лежит система немецкого ученого Себастьяна Лейтнера, возникшая еще в 70-е гг. XX века. Она основана на принципе интервальных повторений, который помогает лучше усваивать материал. Карточки сортируются по группам в зависимости от того, насколько хорошо вы запомнили информацию. Карточки из первой группы повторяются чаще, а из последующих – реже, что позволяет сосредоточиться на сложных для запоминания элементах. Quizlet выводит традиционный инструмент на новый уровень за счет интерактивности упражнений, игр и возможности отслеживать прогресс.

У Quizlet есть несколько режимов. Один из них – флешкарты. Вы можете создавать наборы карточек для увеличения словарного запаса учащихся, изучения грамматических правил и фраз.

Другой инструмент Quizlet – режим заучивания. Он включает различные типы упражнений, такие как множественный выбор, правда или ложь и вопросы. Он адаптируется к темпу обучения учащихся и фокусируется на областях, требующих улучшения.

И последний режим – режим тестирования предлагает учащимся разнообразные упражнения, но не адаптируется к их учебным потребностям.

Copilot – это инструмент искусственного интеллекта, запущенный в 2023 году. Copilot может выполнять широкий спектр задач, таких как ответы на вопросы, создание контента и изображений. Этот инструмент также можно использовать учителю для подготовки к урокам английского языка.

Платформа объясняет сложные понятия или темы простым языком, создает упражнения и тесты для закрепления новых слов и грамматических правил, помогает найти дополнительные материалы или источники и разрабатывает к ним задания. Copilot генерирует тексты для чтения и создает упражнения для проверки понимания прочитанного. Платформу можно использовать для составления упражнений к видео или аудиотексту.

Twee – еще одна инновационная онлайн-платформа, специально разработанная для преподавателей английского языка. Она использует искусственный интеллект для создания учебных материалов. Платформа представляет собой шесть разделов, с помощью которых можно генерировать разнообразные упражнения:

1. **Reading** (чтение) – генерация текста по заданной теме, создание открытых вопросов, тестов с четырьмя вариантами ответов, задания True/False, подбор заголовков к тексту и создание диалогов на основе текста.

2. **Vocabulary** (словарный запас) – заполнение пропусков в предложениях, соотнесение слов с их определениями, генерация предложений с лексикой по теме, составление списков слов и создание коммуникативных ситуаций.

3. **Writing** (письмо) – подбор тем для эссе, разработка подтем, использование цитат известных людей, связанных с выбранной темой.

4. **Speaking** (устная речь) – создание диалогов на любую тему, написание вопросов для обсуждения, поиск интересных фактов, составление аргументов «за» и «против» по теме, подбор цитат знаменитостей.

5. **Grammar** (грамматика) – упражнения с заполнением пропусков, составление предложений, раскрытие скобок, соединение частей предложений.

6. **Listening** (аудирование) – создание скриптов к видеороликам из YouTube, составление списка вопросов к видео, выбор верного краткого содержания видеоролика из предложенных вариантов.

Каждый раздел позволяет учителю выбрать тему, необходимую лексику и уровень сложности задания (A1–C2), что делает процесс подготовки быстрым и эффективным.

Teacher Bot – это продвинутый инструмент на базе искусственного интеллекта, который может помочь учителям в различных аспектах преподавания. Он генерирует разнообразные раздаточные материалы для учебного процесса:

1. Тесты и викторины: заполнение пропусков (например, упражнений на грамматику или лексику), вопросы с множественным выбором, True/False утверждения.

2. Рабочие листы: практические упражнения по конкретным темам.

3. Материалы для обсуждений: вопросы для дискуссий или дебатов.

4. Диалоги и сценарии.

5. Грамматические таблицы и схемы: визуализация правил грамматики.
6. Задания на творческое письмо: темы для эссе; вопросы, помогающие развивать навыки письма.

StoryWizard – это инновационный инструмент, который использует искусственный интеллект для создания интерактивных историй на английском языке. За считанные секунды платформа создает историю с красочными картинками, которая адаптирована к интересам и уровню владения языком учащихся, что помогает сделать процесс обучения более персонализированным и мотивирующим, развить творческие способности, улучшить понимание грамматики и расширить словарный запас. Все что нужно сделать – это придумать сюжет истории, выбрать главных героев и картинки. Понимание прочитанного можно проверить с помощью интерактивных заданий, которые можно разработать с помощью искусственного интеллекта (правда или ложь, заполни пропуски, соедини слово с определением, поставь предложения в правильном порядке, создай альтернативную концовку). *StoryWizard* прослеживает правильность выполнения заданий и дает рекомендации по исправлению ошибок.

По утверждению Марка МакКриндла, австралийского социолога и демографа, известного своими исследованиями поколений, современные старшеклассники относятся к поколениям Z и Альфа. Представители этих поколений любознательны, охотно впитывают новые знания, быстро и легко усваивают информацию, открыты современным технологиям, виртуальной коммуникации и сотрудничеству [3]. Таким детям требуются особые программы и методы обучения. Поэтому использование искусственного интеллекта на уроках в школе это не только модный тренд, но и необходимость, позволяющая преподавателю и ученикам более эффективно добиваться поставленных целей. Искусственный интеллект позволяет персонализировать обучение, адаптируя материалы и задания под индивидуальные потребности каждого ученика. Это особенно важно в условиях, когда классы становятся все более разнородными, и учителям необходимо учитывать разные уровни подготовки и интересы обучающихся. Искусственный интеллект помогает создавать интерактивные и увлекательные учебные материалы, которые стимулируют интерес к учебе и повышают мотивацию обучающихся. Кроме того, искусственный интеллект способствует развитию навыков критического мышления и самостоятельного обучения. Учащиеся могут получать мгновенную обратную связь по сделанным заданиям, что позволяет им быстрее исправлять ошибки и совершенствовать свои знания, что незамедлительно отражается на их результатах.

1. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг. – 4-е. – Хобокен : Пирсон, 2021. – 704 с.
2. Искусственный интеллект – что это такое: определение, как работает ИИ, что относится к искусственному интеллекту СберТех – URL: <https://platformv.sbertech.ru/blog/iskusstvennyj-intellekt-chto-eto-takoe-opredelenie-kak-rabotaet-ii-chto-otnositya-k-iskusstvennomu-intellektu-> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Как учить детей поколения Y и Z? – URL: <http://teacherclub.ru/kak-uchit-detej-pokolenij-y-i-z.html> (дата обращения: 26.02.2025).
4. Loor, M. Integration of Artificial Intelligence in English Teaching / M. Loor, D. Solorzano, A. Moreira. – URL: <https://biblioteca.ciencialatina.org/wp-content/uploads/2024/04/Integration-of-Artificial-Intelligence-in-English-Teaching.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

К содержанию

Ю. А. СЛАВЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Ю. А. Тищенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОЛЕВОЙ ИГРЫ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УМЕНИЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

На сегодняшний день ролевую игру можно считать одним из наиболее распространенных методов обучения иностранному языку. Под ролевой игрой понимают взаимодействие учеников в определенной приближенной к реальности ситуации общения, где условия и средства общения устанавливаются заранее. Основное отличие ролевой игры от других видов игр – это ее социальная направленность. В процессе игры обучающиеся не только практикуют коммуникативные навыки, но также развиваются социальные связи, каждый участник ощущает себя частью общей работы, логическое мышление, общение в группах, коллективах по разным направлениям, что позитивно сказывается на способности коммуницировать вне ролевых ситуациях общения.

Структура ролевой игры может быть представлена следующим образом: социальные роли, принятые участниками ролевой игры, их интересы и взгляды будут отражаться в процессе коммуникации; игровые действия, выступающие средством реализации социальных ролей; употребление предметов в формате игра, условное; реальные отношения между участниками игры; сюжетная линия, в условия которой помещены участники игры [2, с. 63].

Ролевая игра как метод обучения имеет свои отличительные характеристики, а именно:

1) отличительное восприятие реальности (участники игры находятся одновременно в реальном мире и мире фантазий, что повышает интерес к самому процессу благодаря игровому элементу метода);

2) индивидуальная активность участников игры (у каждого есть возможность проявить свои личностные качества не только в игровой ситуации, но и в ситуации межличностного общения);

3) социально значимая деятельность (независимо от настроения или особенностей характера, участник вовлечен в игровой процесс, т. к. сама структура игры исключает пассивность);

4) особенности процесса усвоения знаний (теоретический и практический материал преподносится в легкой и естественной форме, исключая давление при заучивании больших объемов информации) [2, с. 64].

А. Мэлей называет следующие положительные моменты использования ролевых игр на уроках английского языка. Во-первых, с помощью ролевых игр на занятиях можно получить разнообразный опыт. Спектр функций и структур, а также области словарного запаса, которые можно изучить с помощью ролевых игр значительно превосходят другие виды деятельности в паре или в группе, такие как беседы, гуманистические упражнения. Кроме того, ролевая игра ставит учеников в условия, требующие использования и развития фатических форм языка, которые играют важную роль в налаживании социальных отношений, но часто упускаются в учебных программах. Также ролевые игры предоставляют ученикам возможность подготовиться к выполнению конкретных ролей в профессиональной или международной среде. Данный метод позволяет моделировать реальные ситуации, что способствует не только запоминанию стандартных фраз, но и развитию навыков взаимодействия в различных коммуникативных контекстах. Наконец, ролевая игра как метод обучения дает возможность ученикам, особенно застенчивым, «скрыть» свою личность под «маской», что облегчает участие в диалоге. Это помогает более закрытым участникам игры активно вовлекаться в процесс обучения, т. к. их личные качества и опыт перестают быть основой взаимодействия.

Как отмечают исследователи, эмоциональная составляющая ролевой игры заключается в создании атмосферы увлекательного и творческого обучения, а удовольствие, полученное в процессе выполнения заданий, повышает мотивацию и вовлеченность. Ролевая игра является частью комплекса коммуникативных техник, которые способствуют развитию беглости речи, стимулируют взаимодействие между участниками и повышают общую мотивацию. Преподаватели, успешно применяющие данный метод, способны адаптировать его под широкий спектр образовательных потребностей [3, с. 97].

Н. Д. Гальскова выделяет 3 шага при организации ролевой игры: подготовительный этап; этап проведения игры, этап контроля игры.

При подготовке предусматриваются следующие факторы: выбор темы и формулирование проблемы; отбор и повторение необходимых языковых средств; уточнение параметров ситуации: время, место, количество участников, степень официальности; статусно-ролевые характеристики партнеров; личностные характеристики персонажей; речевые намерения: запрос информации, выражение согласия/несогласия, аргументация собственного мнения и т. д.; подготовка атрибутов игры: наглядные пособия, карточки (со списком формул или вопросов, фрагменты фильмов, образцы писем зарубежных школьников и т. д.); уточнение цели игры и планируемого результата. Целью данного этапа является повторение тематической лексики и речевых оборотов.

На этапе проведения игры учитель может выступать в роли наблюдателя, контролируя пошагово игровой процесс. Учитель может также быть активным участником, но при этом не навязывать личную точку зрения. Более логично для учителя сыграть незначительную роль в игре. В случае пассивного участия, от учителя ожидается лишь малозаметная коррекция ошибок.

Этап контроля игры может быть проведен в конце ролевой игры, а также на следующих уроках, это зависит от уровня сложности игры. На этом этапе все принимают участие в обсуждении удачных или неудавшихся моментах, также моментов, вызвавших трудности [1, с. 221].

Применение ролевой игры в обучении диалогической речи имеет свои положительные и отрицательные аспекты. Положительное влияние обусловлено высокой мотивацией учащихся, вызванной игровой природой деятельности; повышенным эмоциональным фоном урока, способствующим лучшему усвоению материала; практической направленностью, позволяющей имитировать реальные ситуации и формировать навыки применения знаний; эффективным закреплением материала посредством рефлексивного анализа игрового опыта.

Отрицательные стороны связаны с высокой трудоемкостью со стороны преподавателя, требующей значительных временных затрат; значительной когнитивной нагрузкой на преподавателя, обусловленной необходимостью непрерывного принятия решений и адаптации к непредсказуемым ситуациям [4, с. 56].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2006. – 336 с.
2. Конышева, А. В. Английский язык. Современные методы обучения / А. В. Конышева. – Минск : ТетраСистемс, 2007. – 352 с.

3. Maley, A. Role play / A. Maley. – Hong Kong : Oxford University Press, 1987. – 181 p.
4. Ливингстоун, К. Ролевые игры в обучении иностранным языкам = Livingstone C. Role Play in Language Learning / Предисл. и приложение Н. И. Гез. – М.: Высш. шк., 1988. – 127 с.

[К содержанию](#)

А. Ю. ТИШИНА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Захарова

**ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
ВЗРОСЛЫХ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

Игровые технологии в обучении английскому языку для взрослых становятся важным инструментом, способствующим эффективному усвоению материала. В условиях современного мира, где знание английского языка является важным аспектом профессионального и личностного роста, использование игровых методов помогает создать комфортную атмосферу для обучения.

Игровая деятельность зародилась в глубокой древности. Еще в Древней Греции практиковали воспитание с применением элементов соревнования, когда дети состязались в различных видах спорта, музыке, словесных дебатах для воспитания самопознания. Философы и педагогические теоретики, такие как Ф. Шиллер и Ян Амос Коменский, подчеркивали значимость игры в образовательном процессе. Шиллер рассматривал игру как способ самовыражения и развития личности, а Коменский предлагал использовать игры в образовательных учреждениях.

Однако впервые термин «технология» появился в педагогике в 1940–1950-х годах. В этот период педагоги начали осознавать значимость игровых технологий как средства обучения. Но даже сейчас существуют определенные расхождения во мнениях о том, что именно представляют из себя игровые технологии и какие компоненты входят в это понятие. В данной работе будет мы берем за основу трактовку М. А. Бесовой: «Игровые технологии – это обширная группа методов организации педагогического процесса в форме различных педагогических игр» [1, с. 172].

Для взрослых, изучающих английский язык, игры помогают преодолевать барьеры, связанные со страхом перед ошибками и критическим восприятием своих знаний и умений. Игровая среда позволяет обучающимся свободно практиковать язык, развивать уверенность в своих знаниях и укреплять мотивацию.

В качестве примера в данной статье будет рассмотрено практическое применение игровых технологий при обучении взрослых английскому языку по грамматике и лексике на основе учебного пособия “*English File 4th edition*”. Этот учебник предназначен для уровня Pre-Intermediate, что как раз и соответствует выбранной целевой аудитории.

Для анализа и разработки игровых упражнений был выбран первый раздел данного пособия, который содержит в себе следующие лексико-грамматические темы: «Внешность человека» и «Порядок слов в вопросах».

Для успешного усвоения материала учебный процесс следует разделить на три этапа:

- ознакомление с новым материалом (введение и объяснение новой лексики; знакомство с грамматическим правилом);
- тренировка и употребление лексических единиц; тренировка материала на различных упражнениях;
- употребление лексических единиц; употребление правила (выход в речь).

Этап 1. Ознакомление с новым материалом

На этом этапе обучающиеся знакомятся с новыми словами и грамматическими структурами. Например, для выбранного раздела, можно использовать лексическую игру “*Word and Gesture*” (преподаватель произносит новое слово и показывает жест, который иллюстрирует его значение. Для грамматики подойдет упражнение «*Составь вопрос*» (для начала преподаватель демонстрирует виды вопросов, а потом обучающиеся из предложенных на карточках или на доске слов собирают предложения).

Этап 2. Тренировка лексических единиц и грамматических конструкций

Для применения новой лексики можно предложить упражнение “*Odd One Out*” (группа делится на две команды, преподаватель пишет три варианта написания для каждого из новых слов, но только одно слово должно быть написано правильно. Все по очереди выходят к доске и выбирают правильный вариант. Для грамматики может подойти упражнение “*What are you like?*” (данное упражнение основывается на отработке специального вопроса использования лексических единиц по теме «*Описание внешности и характера*». Обучающиеся передают друг другу мяч или любой другой предмет со словами: – *What are you like? – I am cheerful and kind...*) [2].

Этап 3. Самостоятельное употребление лексических единиц и грамматических структур

По лексике подойдет упражнение “*Ten Questions*” (загадывается один человек из группы, остальные должны его угадать, задавая вопросы о его внешности: “*Is this person tall?*”, “*Are their eyes green?*”). Данное задание

подходит и для отработки грамматики, т. к. основано на отработке построения вопроса.

Таким образом, активное использование игровых технологий в обучении взрослых английскому языку приводит к более глубокому и качественному усвоению материала, а также создает положительный опыт обучения, что всегда актуально в условиях современного образовательного процесса. Внедряя игровые технологии на разных этапах урока (ознакомление, тренировка, закрепление), преподаватели могут значительно улучшить усвоение лексики и грамматики, а также развить навыки говорения, чтения, аудирования и письма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бесова, М. А. Познавательные игры от А до Я / М. А. Бесова. – Ярославль : Академия развития, 2014. – 172 с.
2. Tasha, Education Writer. 28 must have vocabulary games for every teacher's back pocket / Tasha. – URL: <https://edchatwithtasha.medium.com/26-must-have-vocabulary-games-for-every-teachers-back-pocket-37e7b8cde5be> (дата обращения: 26.03.2025).

К содержанию

Д. И. ТОМСОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

АУТЕНТИЧНЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА

Английский язык, как и любой живой язык, постоянно развивается, и сленг является его неотъемлемой частью. Сленг – это неформальный словарь или фразеология, используемая определенной группой людей. Его понимание является ключевым для полноценной коммуникации, особенно в неформальной обстановке. Однако традиционные методы обучения, такие как учебники и грамматические упражнения, часто не уделяют достаточного внимания сленгу, что создает пробел в языковой компетенции изучающих.

В последние годы аутентичные видеоматериалы, такие как фильмы, сериалы, YouTube-видео и подкасты, становятся все более популярным инструментом для изучения иностранных языков. Они предлагают уникальную возможность погрузиться в реальную языковую среду и познакомиться с живым, неформальным языком, включая сленг.

Рассмотрим некоторые преимущества использования таких материалов.

1. Аутентичные видеоматериалы предоставляют сленговые выражения в естественном контексте, позволяя учащимся понять их значение и уместность использования. В отличие от словарных определений, контекст помогает увидеть, как сленг функционирует в реальной коммуникации, в каких ситуациях он уместен и какие эмоции выражает.

2. Видеоматериалы позволяют наблюдать за невербальными аспектами коммуникации, такими как мимика, жесты и интонации, которые часто сопровождают использование сленга. Это помогает учащимся более точно интерпретировать смысл и намерения говорящего.

3. Сленг тесно связан с культурой и субкультурой его носителей. Аутентичные видеоматериалы позволяют познакомиться с культурными особенностями, ценностями и образом жизни англоязычного общества, что способствует более глубокому пониманию языка.

4. Использование интересных и актуальных видеоматериалов повышает мотивацию учащихся к изучению языка. Просмотр любимого сериала или YouTube-канала в оригинале может стать не только полезным, но и приятным времяпрепровождением.

5. Аутентичные видеоматериалы способствуют развитию навыков понимания речи на слух, особенно в условиях быстрого темпа речи и неформального стиля общения.

6. В настоящее время существует огромное количество бесплатных аутентичных видеоматериалов в интернете, что делает их доступными для всех изучающих английский язык.

Выбор типа видеоматериалов зависит от уровня владения языком, интересов и целей учащихся. Вот несколько примеров:

- Фильмы и сериалы: Классический выбор, предлагающий широкий спектр жанров и стилей. Важно выбирать материалы, соответствующие уровню владения языком и содержащие достаточное количество сленга.

- YouTube-видео: Разнообразный контент, создаваемый носителями языка. Можно найти видео на любую тему, от видеоблогов и обзоров до обучающих каналов и развлекательных шоу.

- Подкасты: Аудио-формат, который можно слушать в любое время и в любом месте. Подкасты отлично подходят для развития навыков аудирования и знакомства с различными акцентами и стилями речи.

- Новости и документальные фильмы: Предлагают более формальный, но при этом аутентичный язык. Могут содержать сленговые выражения, используемые в репортажах или интервью с людьми из разных слоев общества.

- Музыкальные клипы: Помогают запоминать сленговые выражения и фразы благодаря их повторяемости и музыкальному сопровождению.

Ниже приведены примеры заданий с использованием аутентичных видеоматериалов, которые можно использовать в образовательном процессе.

- «Найди сленг»: Учащимся предлагается просмотреть видеоматериал и выписать все сленговые выражения, которые они услышали. Затем они должны объяснить значение каждого выражения и привести примеры его использования.

- «Переводчик сленга»: Учащимся предлагается перевести фрагмент текста, содержащего сленговые выражения, на более формальный язык.

- «Сленговый диалог»: Учащимся предлагается составить диалог, в котором используются несколько сленговых выражений, изученных на уроке.

- «Сленговый обзор»: Учащимся предлагается написать отзыв о фильме, сериале или YouTube-видео, используя сленговые выражения.

- «Ролевая игра»: Учащимся предлагается разыграть сценку из фильма или сериала, используя сленговые выражения.

Несмотря на многочисленные преимущества, использование аутентичных видеоматериалов для изучения сленга имеет и некоторые ограничения:

1. Аутентичные видеоматериалы могут быть слишком сложными для начинающих учащихся.

2. Сленг может сильно отличаться в разных регионах и диалектах, что может создавать путаницу для учащихся.

3. Сленг быстро устаревает, поэтому необходимо использовать актуальные материалы.

4. Некоторые аутентичные видеоматериалы могут содержать ненормативную лексику и контент, который может быть неприемлем для некоторых учащихся [1, с. 212].

Таким образом, аутентичные видеоматериалы являются ценным инструментом для изучения английского сленга. Они позволяют учащимся погрузиться в реальную языковую среду, познакомиться с культурными особенностями англоязычного общества и развить навыки понимания речи на слух. Однако необходимо тщательно выбирать материалы и использовать их в сочетании с другими методами обучения, чтобы обеспечить эффективное и всестороннее изучение языка. Интеграция аутентичных видеоматериалов в учебный процесс позволяет подготовить учащихся к успешной коммуникации в реальном мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриднева, Н. А. Использование аутентичных материалов в обучении иностранному языку на уровне А1 / Н. А. Гриднева // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6. – № 4. – С. 210–214.

В. А. ХАЙБУЛИНА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Я. Дмитрачкова

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ**

В контексте цифровизации образования особенно важной видится задача формирования глобальной идентичности личности – осознанного восприятия себя в различных социальных и культурных контекстах, таких как профессия, национальность или гражданская принадлежность. Она определяется через жизненный опыт и ориентируется на ценности, связанные с превращением современного молодого человека в человека медийного, когда интернет как инструмент социализации влияет на внутренние установки, мотивацию и моральную систему, ориентированную на индивидуальный выбор и комфорт.

В процессе саморазвития личность может подняться на новый уровень, выстраивая более сложную и глубокую внутреннюю структуру ценностей благодаря способности объединять различные культурные и социальные тенденции в единую систему. Для этого и необходимы межкультурная коммуникация, диалог, иноязычное образование в целом, которое поможет развить и укрепить метакультурное сознание обучающегося. Через родной и изучаемый языки и формируется поликультурная личность, проявляясь в осознанном самоопределении в рамках разных культур. Одним из ключевых направлений воспитания поколения «Z» становится при этом развитие сетевого взаимодействия и культуры общения в цифровой среде. Так, сочетание языкового образования, лингвокультурной направленности и цифровизации образовательного процесса позволяет создать образовательную среду для комплексного развития старших школьников, формируя их базовые компетенции, готовность к самореализации и успешной интеграции в современный многонациональный мир.

Важно, чтобы метакультура (концепция, описывающая творческое развитие личности через сознательное преодоление культурных границ и рефлексивное усилие по созданию и сохранению собственной идентичности), являясь основой для личного самоконструирования, обуславливало развитие критического мышления, креативности, кооперации и коммуникации, что определяет способность и готовность школьника применять результаты обучения в соответствующем контексте (ожидаемый результат образовательного процесса и инструмент его оценки).

Компетенции (коммуникативная, в составе которой речевая, языковая, учебно-познавательная, социокультурная, компенсаторная субкомпетенции, как минимум) рассматриваются как интегральные характеристики, отражающие содержание поставленных учебной программой задач, поскольку они определяют стандарты и требования к владению иностранным языком, что дает возможность оценить уровень достижения намеченных целей. Причем именно лексическая компетенция выступает в качестве базового компонента, обеспечивающего формирование и реализацию всех остальных компетенций, необходимых для эффективного владения иностранным языком: «это понятие объединяет две важные составляющие коммуникации: грамотность и эффективность общения с учетом культурного контекста» [1, с. 61].

Понятие лексической компетенции представляет собой сложное образование, состоящее из мотивационного, когнитивного, деятельностно-практического и рефлексивного компонентов. К ее элементам относят фразеологизмы, сентенциозные формулы, идиомы, устойчивые выражения и отдельные слова, обусловливающие «способность и готовность обучающегося на основе приобретенных лексических знаний и сформированных лексических навыков (рецептивных и продуктивных) с учетом опыта осуществления соответствующей когнитивной деятельности, используя эффективные способы ее выполнения, понимать и употреблять лексические единицы адекватно цели и ситуации коммуникативного высказывания» [2, с. 168–169].

В рамках такого подхода компонентами лексической компетенции являются 1) лексические знания; 2) лексические навыки и опыт их применения; 3) опыт когнитивной деятельности; и 4) способы осуществления когнитивной деятельности. Формирование лексической компетенции достигается с помощью специальной стратегии: от получения знаний о лексике и формирования первичных умений к развитию вторичных речевых умений через формирование навыка употребления лексики. Другими словами, процесс овладения лексикой можно разделить на стадии ознакомления, тренировки/автоматизации и, наконец, применения/активизации в ситуациях общения. Такая организация процесса обучения активизирует все механизмы познания: восприятие для понимания, воспроизведение для глубокого усвоения и творческое применение знаний.

Причем успех в формировании лексической компетенции напрямую зависит от долговременной и оперативной памяти и обусловливается регулярным повторением лексического материала. Эффективному усвоению новых лексических единиц способствуют следующие приемы: использование смысловых текстов для изучения лексики, разнообразная речевая практика как фактор запоминания, развитие словесно-логической памяти для осмысления

изучаемого материала, применение целенаправленных приемов ассоциативной и иерархической организации лексического материала в памяти, а также активизация мотивационных факторов [3, с. 10–11].

Одним из эффективных средств активизации образовательной деятельности являются, как известно, интерактивные платформы *Kahoot* и *Quizizz*, позволяющие организовать тестирование и контроль усвоенного лексического материала в игровой форме. Их использование целесообразно при проведении тематических викторин, что способствует более прочному запоминанию слов и повышению вовлеченности обучающихся в образовательный процесс.

Сервис *Quizlet* предоставляет возможность создавать персонализированные наборы флэш-карт с визуальным сопровождением, определениями и примерами употребления слов. Данный инструмент способствует развитию ассоциативных связей и долговременному усвоению лексических единиц.

Для систематизации изучаемой лексики и визуального отображения смысловых связей между словами целесообразно использовать интеллект-карты, создаваемые посредством сервиса *MindMeister*, что позволяет представлять информацию в графическом формате, облегчает запоминание и усвоение лексических единиц.

Создаваемые с использованием сервисов *Canva*, *Prezi*, *Google Slides* интерактивные презентации позволяют структурировать новый лексический материал и обеспечивать его наглядное представление, включать учащихся в процесс создания собственных презентаций по тематическим блокам.

Организация самостоятельной и контрольной работ может быть реализована с помощью таких цифровых инструментов, как *Google Forms*, *Google Classroom*, *Edmodo*. Эти платформы обеспечивают возможность создания тестовых заданий, мониторинга прогресса учащихся и организации обратной связи, что способствует индивидуализации образовательного процесса и повышению его эффективности в целом.

Совместная работа над лексическим материалом может быть организована посредством инструментов *Padlet*, *Jamboard*, *Google Docs* для коллективного создания, обсуждения и редактирования текстов, ведения интерактивных словарей и проектной деятельности.

Эффективным способом активизации образовательного процесса является управление временем выполнения заданий с помощью инструмента *Online Stopwatch*. Ограничение времени на выполнение упражнений способствует концентрации внимания учащихся и развитию навыков быстрого извлечения и использования лексической информации.

Дополнительную мотивацию учащихся и вовлечение в обсуждение темы можно обеспечить с помощью инструмента *Mentimeter*, который позво-

ляет организовать интерактивные опросы и голосования. Это способствует активному взаимодействию и обмену мнениями в учебной среде.

Важным компонентом формирования лексической компетенции является работа с аутентичными текстами. В этом контексте рекомендуется использовать материалы образовательных платформ *BBC Learning English*, *The Guardian*, *The New York Times*, *Medium*. Дополнительно можно применять ресурсы *Project Gutenberg*, *Google Books*, *CommonLit*, которые представляют широкий доступ к литературным произведениям и учебным текстам на английском языке. Для развития критического мышления и углубленного анализа текстов полезно применять инструмент *Hypothesis*, который предоставляет возможность аннотирования и комментирования статей и книг. Это способствует развитию аналитических способностей и глубинному пониманию содержания текстов на английском языке.

Для развития письменной речи учащихся целесообразно применять инструменты *Hemingway Editor*, *Grammarly*, *Write & Improve by Cambridge*, позволяющие анализировать и редактировать тексты, устранивать грамматические и стилистические ошибки. Использование данных сервисов способствует совершенствованию навыков письменной речи и формированию академического письма.

Аудирование и восприятие лексического материала на слух можно организовать посредством образовательных видеоресурсов. *YouTube*-каналы (например, *TED-Ed*, *Tech Insider*, *Verge Science*) содержат аутентичные материалы на английском языке и позволяют учащимся знакомиться с новой лексикой в контексте реальных ситуаций.

Одним из методов закрепления изученной лексики является ведение личных блогов, что может быть реализовано с помощью платформ *WordPress*, *Blogger*. Публикация собственных текстов на английском языке способствует развитию навыков письменной речи, расширению активного словарного запаса, совершенствованию навыков самовыражения и опыта самореализации в цифровой среде.

Таким образом интеграция электронных технологий в образовательный процесс позволяет создать благоприятные условия для формирования иноязычной лексической компетенции обучающихся.

Использование современных онлайн-инструментов – это способ повышения мотивации у старших школьников, актуализации и активизации личностной ценностно-смысловой направленности образовательного процесса и способ создания интерактивной межкультурной и межличностной образовательной среды, в которой обучающиеся могут эффективно осваивать и применять лексические единицы в различных видах речевой деятельности с целью личностной и национальной самоидентификации, прежде всего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фокина, С. П. Лексическая компетенция как ключевой фактор эффективной профессиональной коммуникации на иностранном языке / С. П. Фокина // Наукосфера. – 2023. – № 11–1. – С. 60–63.
2. Трофименко, С. А. Структура и содержание лексической компетенции / С. А. Трофименко // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : Материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 21–22 марта 2019 года / Редколлегия: Е.А. Пригодич [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 165–173.
3. Аликина, О. В. Обучение лексике французского языка как второго иностранного в процессе обучения чтению (8–9 классы): автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. В. Аликина. – М., 2009. – 27 с.

[К содержанию](#)

Е. С. ЧИЖИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. В. Нестерчук

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ
НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ
АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ**

Современное общество ждет от школы мыслящих, инициативных, творческих личностей с широким кругозором и в этом плане большое место отводится учебному предмету «Иностранный язык». Сегодня овладение иностранным языком как средством общения становится мощным стимулом развития общества, которое немыслимо без широких международных контактов, а английский язык все более приобретает статус международного. Вот почему обучение иностранному языку и овладение им являются неотъемлемой частью образовательного процесса при условии его реального использования. Большинство детей легко и почти незаметно решают сложные задачи овладения родным языком, но овладение же английским языком представляет значительную проблему, которая в дальнейшем приводит к утрате познавательного интереса к учению.

Проблема формирования и развития познавательного интереса – одна из важнейших задач современной школы. Как известно, стойкий познавательный интерес формируется при сочетании эмоционального и рационального в обучении. Еще К. Д. Ушинский подчеркивал, как важно серьезное занятие сделать для детей занимательным. С этой целью учителя насыщают свою деятельность приемами, пробуждающими непосредственный интерес учащегося, используя различный занимательный и познавательный

тельный материал: сюжетно-ролевые игры, мини-викторины, кроссворды, занимательные ситуации и т. д.

Исследуя данную проблему, А. К. Маркова выделяет несколько уровней познавательного интереса:

1) *отсутствие интереса* – это уровень, когда интерес почти не обнаруживается, за исключением реакции на яркий и занимательный материал, безразличное или отрицательное отношение к решению любых учебных задач;

2) *реакция на новизну* – данный уровень характеризуется положительной реакцией только на новый материал, касающийся конкретных фактов, кратковременной и неустойчивой активностью обучаемых;

3) *любопытство*, для которого характерна положительная реакция на новый теоретический материал, частые вопросы, учащиеся активно участвуют в выполнении заданий, но интерес к ним кратковременный;

4) *сituативный учебный интерес* проявляется к способу выполнения учебного задания, участию в его решении;

5) *устойчивый познавательный интерес* – это проявление интереса к общему способу выполнения целой системы заданий в пределах изучаемого материала;

6) *общественный познавательный интерес*, который характеризуется постоянным проявлением интереса и творческого отношения к общему способу выполнения заданий, стремлением получить дополнительные требования [1, с. 36].

Можно в чем-то не согласиться с данным автором, который отмечает, что второй, третий и четвертый уровни познавательного интереса характерны для младших школьников, а пятый уровень определяется в подростковом возрасте, когда познавательный интерес становится осознанным, начинает определяться самим содержанием знаний и приобретать избирательность. Это связано с тем, что современная периодизация школьного возраста должна быть пересмотрена и, например, характеристику учащихся 6-го класса можно рассматривать с позиций третьего, четвертого и пятого уровней познавательного интереса. Отсюда следует, что если создавать условия для формирования познавательного интереса и целенаправленно и регулярно его развивать, то это будет способствовать достижению более высокого уровня познавательного интереса, и, следовательно, качественному росту результатов обучения.

Проблема мотивирования обучающихся к иностранному языку разрабатывалась в исследованиях С. Т. Григоряна, И. А. Зимней, Ф. М. Рабиновича, Г. В. Роговой, Н. А. Салановича, Т. Е. Сахаровой. Однако, в основном, они концентрировались на разработке различных технологий активизации познавательного интереса к иностранному языку. Поиски расширения мотивационной базы, т. е. обращение к новым источ-

никам мотивации привели к использованию потенциала национально-регионального материала в современных учебных планах. Данный компонент активизирует духовно-культурную самоидентификацию личности и осознание связи со своей национально-культурной группой, что, в свою очередь, делает персонально значимым содержание обучения, значительно повышает мотивационно-ценностное отношение к нему.

Современные учебники по английскому языку, конечно, ориентированы на национальный компонент содержания обучения, но, исходя из многообразия регионального материала, учителю самостоятельно приходится использовать региональный материал для развития познавательного интереса, ходя и очевидно, что он приближает иноязычную коммуникацию к личному опыту учащихся, позволяет им оперировать в учебной беседе теми фактами и сведениями, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, в условиях бытия в родной для них культуре. С полным правом можно утверждать, что использование краеведческого материала отвечает принципам культурологического подхода в обучении иностранному языку. Знакомясь с иноязычной культурой, учащиеся сравнивают ее с родной культурой. А. А. Миролюбов указывает, что «при работе над социокультурным компонентом следует привлекать для сравнения элементы родной культуры, ибо только в этом случае обучаемый осознает не только особенности восприятия мира индивидуумами, говорящими на изучаемом языке, но и специфику такого восприятия родным народом» [2, с. 12].

Введение регионального компонента на разных этапах и при изучении страноведческой и культуроведческой тематики в соответствии с учебным планом выполняет следующие дидактические функции:

- развивает кругозор обучающихся;
- является средством нравственного и патриотического воспитания;
- развивает исследовательские навыки и умения;
- является средством поддержания мотивации учения;
- создает содержательную основу обучения иностранному языку;
- способствует формированию социокультурной и межкультурной компетенции учащихся.

Здесь следует обратить внимание на возрастную и интеллектуальную доступность изучаемого материала. Для школьного этапа это – эмоционально-познавательный уровень усвоения краеведческой информации на уроках иностранного языка (памятные места родного города и окрестностей, жизнь и творчество писателей, поэтов, художников, музыкантов региона и т. д.).

Практика использования регионального материала показывает, что уровень мотивации к изучению иностранного языка повышается при условии применения интерактивных форм и методов организации языковой де-

ятельности учащихся, а введение регионального материала в содержание иноязычной деятельности становится средством воспитания любви к родному краю и активного освоения культуры своего региона. В этой связи особую роль приобретает использование аудиовизуальных средств обучения, которые значительно расширяют возможности представления регионального материала и повышают его привлекательность для учащихся. С их помощью возможно использование на уроках иностранного языка широкого спектра материалов, а именно:

- 1) видеоматериалы о родном крае, достопримечательностях, известных личностях, народных промыслах, исторических событиях;
- 2) аудиозаписи интервью с местными жителями, народных песен, сказок, легенд, стихов региональных поэтов;
- 3) презентации, содержащие фотографии, графики, карты, иллюстрирующие различные аспекты жизни региона;
- 4) интерактивные карты и виртуальные экскурсии, позволяющие учащимся «посетить» интересные места региона, не выходя из класса.

Таким образом, использование регионального материала с помощью аудиовизуальных средств обучения позволяет представить информацию в более доступной и запоминающейся форме, повышает интерес к изучению региона и формируют чувство гордости за свою малую родину, активно вовлекает учащихся в процесс обучения, стимулируют их познавательную активность и исследовательские навыки, способствуя формированию социокультурной и межкультурной компетенции учащихся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркова, А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте / А. К. Маркова. – М. : Просвещение, 1990. – 96 с.
2. Миролюбов, А. А. Культурологическая направленность в обучении иностранным языкам / А. А. Миролюбов // Иностранные языки в школе. – 2001. – №5. – С. 11–15.

[К содержанию](#)